
ВОПРОСЫ ВЫПУСК 1(77), 2022

ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

Журнал «Вопросы политологии» включен
в Перечень рецензируемых научных изданий
ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ
по политическим наукам, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата
наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в Перечень научных изданий
рекомендованных ВАК Республики Узбекистан
для публикации основных научных результатов диссертаций
по политическим и философским наукам

МОСКВА, 2022

ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

ISSN 2225–8922

Председатель Редакционного Совета – ПЛАТОНОВ В.М.,
к.ю.н., заведующий кафедрой политического анализа и управления РУДН,
Председатель Московской городской Думы (1994–2014 гг.)

Редакционный Совет

АВАЗОВ Камиль Халиевич	д.ф. (PhD) по полит. наукам, Региональный центр переподготовки и повышения квалификации работников народного образования Сурхандаринской области (Узбекистан, г. Ташкент)
АСТВАЦАТУРОВА Майя Арташеговна	д.п.н., профессор, Пятигорский государственный университет (Россия, г. Пятигорск)
БЛОХИН Владимир Владимирович	д.п.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
БОЖАНОВ Владимир Александрович	д.и.н., профессор, Белорусский Национальный технический университет (Белоруссия, г. Минск)
ВАНКОВСКА Биляна	профессор политологии и международных отношений факультета философии Университета Святых Кирилла и Мефодия (Македония, г. Скопье)
ВЕДРИН Оливье	профессор, ректор «Континентального университета в Киеве» (Франция, г. Париж)
ВЕЛИКАЯ Наталья Михайловна	д.п.н., профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН, РГГУ (Россия, г. Москва)
ГОНЧАРОВ Пётр Константинович	д.с.н., профессор, Российский университет транспорта (МИИТ) (Россия, г. Москва)
ГРАЧЁВ Михаил Николаевич	д.п.н., профессор, РГГУ (Россия, г. Москва)
ЭМБЭРЭЛ К.	доктор (PhD), Институт международных отношений АН Монголии (Монголия, г. Улан-Батор)
ДОНАЙ Лукаш	д.п.н., профессор, Университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша, г. Познань)
ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич	д.п.н., профессор, Дипломатическая академия МИД РФ (Россия, г. Москва)
КАРАДЖЕ Татьяна Васильевна	д.ф.н., профессор, МПГУ (Россия, г. Москва)
КАССАЕ НЫГУСИЕ В. МИКАЭЛЬ	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
КОВАЛЕНКО Валерий Иванович	д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
КРИВОКАПИЧ Борис	д.ю.н., Унион–Никола Тесла университет (Сербия, г. Белград)
МЕДВЕДЕВ Николай Павлович	д.п.н., профессор, главный редактор журнала (Россия, г. Москва)
МИХАЙЛОВ Вячеслав Александрович	д.и.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
НАЗАРОВА Елена Александровна	д.с.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия, г. Москва)
НАЗАРОВ Александр Данилович	д.и.н., профессор, МАИ (Россия, г. Москва)
НАСИМОВА Гульнара Орленбаевна	д.п.н., профессор, Казахский Национальный университет им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)
НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич	д.п.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ОРЛОВ Игорь Борисович	д.и.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ПАХРУТДИНОВ Шукритдин Ильясович	д.п.н., профессор, Институт переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов системы народного образования имени А. Авлони (Узбекистан, г. Ташкент)
ПЛЯЙС Яков Андреевич	д.и.н., д.п.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ (Россия, г. Москва)
ПРЯХИН Владимир Федорович	д.п.н., профессор, РГГУ (Россия, г. Москва)
ПУСЬКО Виталий Станиславович	д.ф.н., профессор, ВА РВСН им. Петра Великого (Россия, г. Москва)
РУБАН Лариса Семёновна	д.с.н., профессор, отдел исследования проблем международного сотрудничества Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (Россия, г. Москва)
СЛИЗОВСКИЙ Дмитрий Егорович	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
СЫЗДЫКОВА Жибек Сапарбековна	д.и.н., профессор, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
ХОПЕРСКАЯ Лариса Львовна	д.п.н., профессор, Киргизско-Российский славянский университет (Киргизия, г. Бишкек)
ШАРКОВ Феликс Изосимович	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
ЯН ФУЛИНЬ	проректор Хэйлунцзянского института иностранных языков (КНР, г. Харбин)

Редакционная коллегия

Главный редактор – МЕДВЕДЕВ Н.П., д.п.н., профессор

Абрамова О.Д. (д.п.н.)
Кетцян Г.В. (к.п.н. – зам. гл. редактора)

Насимова Г.О. (д.п.н.)

Шкурина С.С. (к.п.н. – ответ. редактор)

**ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН
В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК РФ**

УЧРЕЖДЕН
ООО «Издательство
«Наука сегодня»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны
культурного наследия

Per. № ПИ № ФС77–46176
от 12 августа 2011 г.
Журнал издается ежемесячно

Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс
научного цитирования)

Включен в каталог
Ulrich's Periodicals Directory

Пятилетний импакт-фактор: 1,489.

Адрес редакции:
115598, г. Москва, ул. Загорьевская,
д. 10, корп. 4, цокольный этаж,
помещение I, комната 7-1, офис 4
Тел.: (910) 463-53-42

Интернет-ресурс:
www.voprospolitolog.ru
E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Мнение авторов может
не совпадать с мнением редакции.
При перепечатке ссылка
на журнал обязательна.

Научные статьи, публикуемые
в журнале подлежат обязательному
рецензированию.

Ответственный редактор
Шкурина С.С.

Перевод
Чернышова Е.В.

Компьютерная верстка
Анциферова А.С.

Подписано в печать 27.01.2022
Формат 60×84/8. Объем 24,3.
Печать офсетная.
Тираж – 1000 экз.
(1-й завод – 500 экз.)
Заказ № 000.

Отпечатано в типографии
ООО «Белый ветер»
115054, г. Москва, ул. Шипок, 28
Тел.: (495) 651-84-56

ISSN 2225-8922 (print)

12 выпусков в год и

4 выпуска в год переводной (англ.) версии

Языки: русский, английский

<http://voprosplitolog>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Включен в каталог периодических изданий Ульрих

(Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>)

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ

Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70035

Цели и тематика

Журнал ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2016 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая регионалистика и этнополитика», «Политическая культура и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: <http://voprosplitolog.ru>

Электронный адрес: voprosplitolog@yandex.ru

ISSN 2225-8922 (print)

12 issues a year plus

4 issues a year of the translated (eng.) version

Languages: Russian and English

<http://voprosplitolog>

Included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Included in the Ulrich's Periodicals Directory

Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka

Subscription index of the journal in the Rospechat Agency catalogue is: 70035

Objectives and themes

Academic journal “Political Science Issues” is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the “Publishing House “Science Today”. Translated (eng.) version of the journal is published since 2016. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: “History and philosophy of politics,” “Political institutions, processes and technologies,” “Political regionalism and ethno-politics,” “Political culture and ideologies,” “Political problems of international relations and globalization.”

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the *COPE (Committee on Publication Ethics)* document. <http://publicationethics.org>.

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: <http://voprosplitolog.ru>

E-mail address: voprosplitolog@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

- Йозеф Храбина.** The Problem of Stability and Durability of Multipolar Structures/Проблема устойчивости и надежности многополярных структур.....10
- Добромыслов А.С.** Демографические исследования в рамках политической науки.....17

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

- Чемшист А.А., Стаценко О.С., Чемшист Д.А.** О цивилизационной гордости великороссов.....22

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- Чимирис Е.С.** Использование методики анализа фреймов для изучения доверия: опыт построения исследовательской модели..... 32
- Федотова В.А.** Идентичность как детерминанта доверия к власти и политической активности на примере российской молодежи.....47

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

- Зимин В.А.** Мигранты на российском рынке труда56
- Малахов А.А.** Борьба с бедностью как этическая проблема и политическая стратегия..... 65
- Внук В.К.** Сравнительный анализ предвыборных программ парламентских политических партий на выборах в Государственную Думу ФС РФ VIII созыва 73
- Золотарев Н.А., Попов С.И., Гришин В.О.** Миграционные процессы как глобальное социально-политическое явление.....84

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ

- Гончарова И.В.** Устойчивое развитие государства и социальные технологии..... 92
- Чижевский Я.А.** К вопросу о внедрении модели ценностно-ориентированного здравоохранения в России.....111

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

- Михайленко А.Н., Храмова А.В.** Потенциал развития Евразийского экономического союза.....124
- Сурма И.В.** Североатлантический альянс и угрозы цифровому суверенитету России.....135
- Титов В.Б., Макаров А.В.** Комплексные подходы России к формированию образовательного пространства в геополитическом измерении.....148

Тушков А.А., Алехина А.П. Этико-философские учения как паттерн формирования культурной идентичности Китая	157
Бобров А.К. Циклы российско-американских отношений в постбиполярный период (1991-2021 гг.).....	164
Шангараев Р.Н. Перспективы российско-турецких отношений в контексте строительства канала «Стамбул» и напряженности в Черноморском регионе.....	181
Вафин А.М. Идеология государственного служения в Японии.....	188
Васецова Е.С., Фатхуллина Д.В. «Мягкая сила» во внешней политике Объединенных Арабских Эмиратов	196
Кичаев П.А., Малик Е.Н. Политическая система Афганистана в новой архитектуре международных отношений	201
Осташова Я.В. Инструменты мягкой силы высшего образования России в контексте сотрудничества с Казахстаном	212
Телегин Д.С. Теоретические основы политики Соединенных Штатов Америки по сдерживанию Китайской Народной Республики в Индо-Тихоокеанском регионе	218
Бозоян Т.Р. Особенности политики АСЕАН в вопросе трудовой миграции	223
Аржанов И.А. Международно-правовой статус Арктики как элемент регионального геополитического соперничества.....	230
Власенко К.А. Сравнительный анализ санкционных политик ЕС и США	237
Гао Дай. Вейбо как инструмент общественного надзора в Китае.....	244
Финкельзон С.С. Реакция израильских харедим на борьбу с пандемией COVID-19 в стране.....	250
У Яньбинь. Основа геополитической концепции «Индо-Тихоокеанского региона»	267
Санжиева А.Д. Агентство цифровизации Японии как актор цифровой трансформации государства.....	273
Басов О.Н. Инструменты внутриэлитной борьбы за политическую власть и влияние с участием некоммерческих организаций (на примере современных США).....	280
Хазели Реза. Международная трудовая миграция и трансферты мигрантов	294
Баракат Кайс Абдулла Махмуд, Сеифи Мустафа Салеем Мустафа, Абахра Мушир Ибрагим Хасан. Палестино-израильский конфликт в контексте внешней политики России.....	301

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

Тарасочкина Д.Д., Степанькова Д.С., Зряева Е.С. Дискурс-анализ в исследовании СМИ на примере прессы в странах Северо-Восточной Азии.....	307

<i>Баранова Ю.В., Леонова А.А., Фам Тхи Минь Хуен.</i> Проблемы международно-правового регулирования предотвращения загрязнения морской среды в Северной Пацифике	314
<i>Кражан А.С.</i> Актуальность введения антикоррупционного комплаенс-контроля в российский бизнес.....	321
<i>Дубинин А.А.</i> Терроризм в Сахельском регионе: опыт Франции и новые вызовы	327
НАШИ АВТОРЫ	336
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ	345
РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ	347

CONTENTS

HISTORY AND THEORY OF POLITICS

- Jozef Hrabina.* The Problem of Stability
and Durability of Multipolar Structures..... 10
- Dobromyslov A.S.* Demographic Studies in Political Science..... 21

POLITICAL HISTORY OF RUSSIA

- Chemshit A.A., Statsenko O.S., Chemshit D.A.* About
the Civilizational Pride
of the Great Russians 31

POLITICAL SOCIOLOGY

- Chimiris E.S.* Frame Analysis Techniques to Study Trust:
a Research Model Building Experience..... 45
- Fedotova V.A.* Identity as a Determinant of Trust in Power
and Political Activity on the Example of the Russian Youth..... 55

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

- Zimin V.A.* Migrants in the Russian Labor Market..... 64
- Malakhov A.A.* The Fight Against Poverty
as an Ethical Problem and a Political Strategy 72
- Vnuk V.K.* Comparative Analysis of the Election Programs
of Parliamentary Political Parties in the Elections
to the State Parliament of the Federal Assembly of the VIII Convocation..... 83
- Zolotarev N.A., Popov S.I., Grishin V.O.* Migration Processes
as a Global Social and Political Phenomenon..... 91

PUBLIC ADMINISTRATION AND SECTORAL POLICIES

- Goncharova I.V.* Sustainable Development
of the State and Social Technologies 110
- Chizhevskiy Y.A.* The Implementation
of Value-Based Healthcare Model in Russia..... 123

THEORY AND HISTORY

OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

- Mikhaylenko A.N., Khramova A.V.* Development Potential
of the Eurasian Economic Union 134
- Surma I.V.* The North Atlantic Alliance

and Threats to Russia's Digital Sovereignty	146
Titov V.B., Makarov A.V. Comprehensive Approaches of Russia to the Formation of Educational Space in the Geopolitical Dimension.....	156
Tushkov A.A., Alekhina A.P. Ethical and Philosophical Teachings as a Pattern of Formation China's Cultural Identity.....	163
Bobrov A.K. Cycles of the US-Russia Relations in the Post-Bipolar Period (1991-2021).....	179
Shangaraev R.N. Russian-Turkish Relations Prospects in Context of Istanbul Canal Construction and Black Sea Tensions.....	187
Vafin A.M. The Ideology of Public Service in Japan.....	195
Vasetsova E.S., Fatkhullina D.V. The Role of “Soft Power” in UAE Foreign Policy.....	200
Kichaev P.A., Malik E.N. Afghanistan's Political System in the New Architecture of International Relations	211
Ostashova Ya.V. Soft Power Instruments of Higher Education in Russia in the Context of Cooperation with Kazakhstan	216
Telegin D.S. Theoretical Framework for Policy of the United States of America in the Indo-Pacific Region.....	222
Bozoyan T.R. Features of ASEAN Policy on Labor Migration.....	228
Arzhanov I.A. The International Legal Status of the Arctic as an Element of Regional Geopolitical Rivalry.....	236
Vlasenko K.A. Comparative Analysis of EU and US Sanctions Policies.....	243
Gao Dai. Weibo as a Tool of Public Supervision	249
Finkelzon S.S. Israeli Haredim Response to the Covid-19 Pandemic in the Country.....	265
Wu Yanbin. The Basis of the Geopolitical Concept «Indo-Pacific».....	272
Sanzhieva A.D. The Digital Agency of Japan as an Actor of the Digital Transformation of the State	279
Basov O.N. Instruments of Elite Struggle for Political Power and Influence with the Participation of Non-Governmental Organizations (in Case of the Modern United States).....	293
Hazeli Reza. International Labor Migration and Transfers of Migrants	299
Barakat Qais Abdullah Mahmoud, Seifi Mustafa Saleem Mustafa, Abahra Mushir Ibrahim Hassan. The Israeli-Palestinian Conflict in the Context of Modern Russian Foreign Policy.....	306
STUDENT SCIENCE	
Tarasochkina D.D., Zryaeva E.S., Stepankova D.S. Discourse Analysis in Media Research on the Example of the Press in Northeast Asia.....	313
Baranova Y.V., Leonova A.A., Pham Thi Minh Huen. Problems of International Legal Regulation of Prevention of Marine Pollution in the North Pacific.....	320

<i>Krazhan A.S.</i> The Urgency of the Introduction of Anti-Corruption Compliance Control in Russian Business.....	326
<i>Dubin A.A.</i> Terrorism in the Sahel Region: French Experience and New Challenges	335
OUR AUTHORS.....	341
DEMANDS FOR MANUSCRIPTS	345
EDITORIAL BOARD	347

DOI 10.35775/PSI.2022.77.1.001

УДК 32.327

ЙОЗЕФ ХРАБИНА

кандидат политических наук,

МГИМО МИД РФ, Россия, г. Москва

ORCID: 0000-0003-4335-2172

ПРОБЛЕМА УСТОЙЧИВОСТИ И НАДЕЖНОСТИ МНОГОПОЛЯРНЫХ СТРУКТУР

В статье рассматривается взаимосвязь между стабильностью и долговечностью многополярных структур. Современные ученые стремятся понять особенности многополярных структур, которые известны своей нестабильностью, но относительно продолжительным сроком существования. С учетом сказанного в статье обосновывается долговечность периода европейского доминирования в системе международных отношений. Как показано в статье, потенциально формирующаяся многополярная структура может быть прочной, но, вероятно, нестабильной с взаимной балансирующей общей переменной, поддерживающей эти силы в действии, в то время как множество действующих лиц создает больше возможностей для балансирования потенциального гегемона, что может продлить срок существования такой структуры.

Ключевые слова: многополярность, долговечность, стабильность, война.

JOZEF HRABINA

PhD candidate, Moscow State Institute
of International Relations, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-4335-2172

THE PROBLEM OF STABILITY AND DURABILITY OF MULTIPOLAR STRUCTURES

The article deals with the unclarity between stability and durability of multipolar structures. Whereas the contemporary scholars aims to understanding the features of multipolar structures that are known for their unstable nature, but rather durable lifespan. With that said, the article makes case for durability of the period of European dominance in the system of international relations. As depicted in the article, the potentially forming multipolar structure will be durable,

but likely unstable with mutual balancing common variable keeping these forces at play, whereas multiple actors offer more options to balance potential hegemon, which can prolong the structural lifespan.

Key words: *multipolarity, durability, stability, war.*

Introduction: The Concepts of Durability and Stability. When assessing the properties of the power configurations in the international system, one stumbles upon the vast bodies of literature dedicated to stability. One's capability to comprehend the durability of the environment the actors operate within, then policymakers can deal with the strategic planning more efficiently. However, durability as a structural property is vastly under-researched, even though quite important. At the same time, durability is often replaced by stability. Even though stability directly influences the structure's durability, both concepts are often misplaced. The interest in the multipolar structure characteristics increased with growing odds for the formation of dispersed power distribution. Hence, we ask how durability differs from stability and whether the multipolar structures are durable rather than stable.

To the problem of the misleading concepts, refer both Hans Morgenthau and Barry Posen [7; 9]. Definition of the concepts arouse a simple question: war as a significant source of instability can also be waged to preserve the existing order and maintain stability. Furthermore, the durability of distribution of power amongst a particular group of actors does not necessarily mean stability in the system. A clear example of such an issue comes to mind observing the hundred years of conflict between France and Britain. Although the distribution of power endured throughout the period, the relations system was anything but stable. One should also mention the mid-nineteenth century Crimean War that broke out in order to prevent Russia from gaining more relative power and potentially becoming superior (1). Thus the war and subsequent instability broke out to preserve the status quo. Therefore, the distribution of power can endure as the multipolar structures demonstrated throughout the five hundred years of European domination, but stability is not always granted. However, durability can turn into instability as many scholars correctly assume. From hegemonic stability theorists such as Robert Gilpin, or William Wohlforth throughout the preventive war theorists and power transition theorists such as A.F.K. Organski and Jacek Kugler, claims that instability in the distribution of power can result in whole systemic instability – war. Jack Levy, too, assumes the absence of the great power war in the system equals stability [3; 14; 8; 11; 13]. At the same time, Kenneth Waltz defines stability as the persistence of the key structural features of the system [12]. Therefore, redistribution of power and war and subsequent crises can be attributed as instabilities and hence fall under the category of stability. Moreover, we analyse the stability as both conflict proneness of the structural configuration and via the

likelihood of changes to the status quo, which would eventually lead to crises and other forms of instability.

On the other hand, multipolar structures appear as durable. The durability of the multipolar structure is caused by the constant balancing of the prominent actors who fear of power preponderance of others because the hegemony might put their survival under question in the anarchic system with no central authority. Therefore, we argue that the emerging multipolar structure with the U.S., China and Russia will likely endure longer than the previous unipolar moment of the United States. In a few decades, we might even encounter the emergence of a Global Concert similar to the European one as India and Brazil can potentially become great powers.

Furthermore, we take a closer look at the durability of the multipolar structures as gathered data allows us to track the possibility of structural change over one hundred and thirty-two years [2]. As noted in a vast body of research, the structural change resulting from major instabilities served as the central idea for many pieces that resulted in the popularisation of the term – *Thucydides trap*. We, however, found out that none of the major instabilities served as a foundation of structural changes and multipolarity was maintained in three out of four cases. Multipolarity, therefore, is highly durable as states are obsessed with maintaining the status quo. The only changes to the structure are changes in major actors, but not the configuration itself. Furthermore, the gathered data allows us to answer the question of how do the instabilities and strategies of great powers influence the durability of the multipolar system and why are the multipolar configuration persistent in their nature.

The durability of multipolar structures. States go to extensive lengths to prolong the duration of the structure. Even at the cost of major instabilities of World War magnitude. Why do states care so deeply about the status quo? As many realists note, multipolarity is inherently unstable due to various interests and aspirations [11; 12]. At the same time, we observed that longevity of multipolar configurations that causes a similar phenomenon that makes it unstable.

Therefore, three significant dynamics favour multipolar durability a.) uncertainty that stems from international anarchy, i.e. the more actors reinforce, the more significant fear of the intentions of one's peers. For instance, the mid-nineteenth century Crimean War illustrates a variety of balancing options when it comes to preventing the growth of competitors. If most states feel threatened by potential growth of certain actors, they might form a balancing coalition and even hard balance it.

This is also demonstrated in the foundation of the Triple Entente W.W. I. that links to b.) alliances and survival; multipolarity offers the ability to manoeuvre between the different poles as demonstrated in cases of buck-passing that encompass structural calculation about increasing one's relative rank, or saving the position, while other states bleed each other white. Thanks to this feature, states

with relatively low power can play a much higher role in multipolar structures than they would in bi or unipolar structures. Also, Stephen's Walt *balance of threats* theory plays a crucial role in understanding the alliance formation within the multipolar structures. For instance, the alliance of the Soviet Union with Nazi Germany on the eve of World War II bought the Soviets extra time to prepare for war with the Nazis.

Such an alliance would not be possible if the system were bipolar, as these two would focus on containing each other. c.) cost-benefit logic behind the dispersion of power amongst three and more actors, simply multipolarity offers benefit for more actors and thereby more actors are satisfied with the current status quo. On the contrary, once the group of actors aim to revise the status quo, it will likely change the structure, as the case of World War II points out. Moreover, structural cost-benefit calculation explains why states favour maintaining the multipolar configurations over the shifts in the status quo. Responses to structural dynamics in the case studies were constantly revolving around the balance of power politics.

Durability is also demonstrated in graph nr. 1. Multipolar configuration endured for the most part of European dominance in the system of international relations despite the obvious instability of the period. All cases starting with the

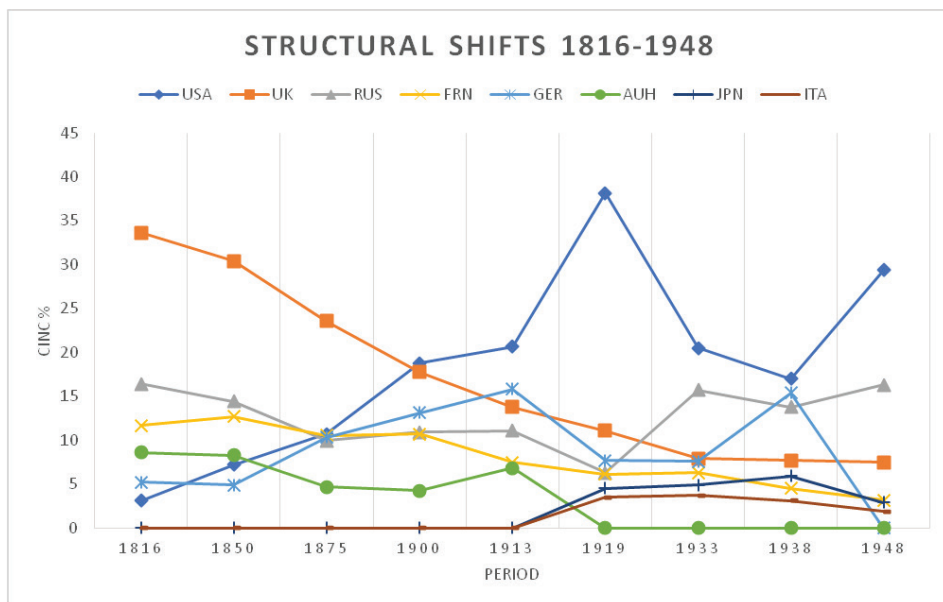

Figure 1. Shifts in Status Quo 1800-1945, Source: Correlates of War Project

Napoleonic Wars demonstrated the aims of states to maintain the multipolarity that endured until the end of WW II. Interestingly, as the graphs show, the British Empire and France were in a downward trend for most of the nineteenth century, which is considered to be a century of British prevalence. However, it is necessary to understand that graph shows a share of national material capabilities that do not exclude the internal growth of actors with their relative decline.

These notions bring us to the question of how the structural shifts and instabilities interrelate? Strategies such as predation pursued by revisionist states aim to challenge the status quo. As Levy and Thompson found out, revisionist states wait for their window of opportunity to openly challenge the established powers [5]. At the same time, revisionist states mostly pursue predatory strategies when they a.) create domestic conditions for growth and b.) structural events such as the decline of their competitors. Established powers, on the contrary, pursue hard-balancing strategies or expansionist courses in order to prevent their decline that can result in significant instabilities [6]. If we analyse the instabilities caused by the balancing of revisionist states, we find out that Napoleonic Wars, World War I, and World War II meet the abovementioned conditions. Therefore, competitive state behaviour often results in instabilities, which are likely to occur to prevent the redistribution of power.

Having that said, all analysed instabilities except World War II resulted in prolonging multipolar structure, as evident from figure 1. At the same time, shifts in tiers of prominent actors occurred relatively often. States are likely to aspire for a better position in the structure as it increases their independence and chances to survive in the anarchic international system. On the contrary, other states will go to extensive lengths to prevent their competitors from increasing their rank, especially when they feel threatened. Therefore, we saw the British balancing of potential Russian growth in the Crimean War or German competition with Great Britain that resulted in World War I.

Interestingly, neither Britain nor Germany remained top tier power after World War II. What points out that preventive war, or war waged to revise the distribution of power, is exaggerated from the point of actually shifting the structure of the international system. If we are to describe major structural dynamics over the observed period, we watched the growth of the USA as a world superpower at the expense of Britain and France, while the Soviet Union grew at the expense of Germany and Austro-Hungary. However, there was no major war initiated by the two world superpowers. At the same time, their growth and thereby the end of multipolarity was determined mainly by other factors such as internal growth, a decline of other powers and correct strategies employed (2).

Once the state has a large population, resources, and territories or has the geopolitical advantage as Britain had over centuries, the skilful leadership and support for technological advances are the last essences for the state to become a great power. Resource-rich lands, industrialisation, and environment supporting

technological advances such as establishing universities or brain drain through immigration are keys to ascending trends in the structure, as cases of the United States, the Soviet Union points out. British success, too, was built on rapid industrialisation and economic surpluses that their colonies generated.

On the contrary, throughout history, unfavourable geopolitics sentenced many states for struggles, as demonstrated in the case of Russia. Reading pieces of Gumilyov, or Danilevsky, the concept of geopolitical insecurity sheds new light on the vast territories claimed by Russian state entities throughout history [4; 1]. Struggling to fight steppe nations and Mongols from the East, Muslim expansion from the South, and German Knights Orders, Poles and Lithuanians from the West was Russia forced to maintain large armies at the expense of domestic welfare. Industrialisation also seemed like an expensive venture, while vast territories caused troubles to hardly industrialising countries in the 19th century, reflecting logistic issues in Crimean War and devastating defeat over technologically advanced Western Powers.

Nevertheless, many authors label Russia as a phoenix because of its ability to reform itself from ashes and return to the great power politics as strong as before [10]. Thanks to the observed period of structural instabilities, we can explain this phenomenon in which Russia often played a key role. The rebirth ability of Russia is caused by mismanagement of its vast resources through history and hardship to perform necessary reforms. However, every time the capable leadership took over the country, she grew significantly. Russia encountered similar issues after the Napoleonic Wars, prior to the October Revolution and at the verge of the Soviet Union collapse. Nevertheless, the populous state with rich resources and highly developed intellectual tradition still owns all properties to participate in the great power competition. Therefore, the structural shifts are not the only result of external competition but the mixture of domestic successes projected into smart strategies as evident from historical cases of Napoleonic France, Germany in the late nineteenth and early twentieth century and both the United States and the Soviet Union in the twentieth century.

Conclusion. Structural durability and instabilities are seemingly intertwined phenomena and getting much attention as such. Multipolar structures appear to be quite durable as the previous durability lasted approximately three to four hundred years (3). It is commonly known that states care deeply about the status quo hence maintaining the structural durability or preventing the shifts in the balance of power. Strategic formulation of preventing structural shifts is hard-balancing that occurs mostly when the revisionist state or group of states pursue predatory strategies. At the same time, the vast body of research demonstrates that predation is mostly the result of domestic perceptions and needs reflected in foreign strategies. States, however, prevented the structure from changing throughout the whole period of European dominance and the real redistribution of power occurred only in the first half of the twentieth century. In contrast, the distribution of

power did not shift favourably to the primary initiators of the World Wars but in favour of powers that lied at the periphery of the system. Therefore, the structural shifts are not the only result of external competition but the mixture of domestic successes projected into smart strategies as evident from historical cases of Napoleonic France, Germany in the late nineteenth and early twentieth century and both United States and the Soviet Union in the twentieth century.

NOTES:

(1) As the case studies of the conflict reveal, British aim was to contain Russia internationally and prevent her to conduct domestic reforms.

(2) Containment and deterrence.

(3) Varying from the author.

REFERENCES:

1. *Danilevsky N.Ya.* Russia and Europe. A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Roman. M., 1895.

2. Data sets. Correlates of War. 2020, January 6. Retrieved October 25, 2021 // <https://correlatesofwar.org/data-sets/>.

3. *Gilpin R.* War and change in world politics. Cambridge University Press, 2012.

4. *Gumilev L.N.* Ot Rusi do Rossi. Iris Press. 2017.

5. *Levy J.S. & Thompson W.R.* Causes of war. Wiley-Blackwell. 2011.

6. *Macdonald M., Paul K.* Parent Joseph. Twilight of the Titans: Great Power Decline and retrenchment. Cornell University Press, 2021.

7. *Morgenthau H.J.* Politics among Nations. New York, 1948.

8. *Organski A.F.K. & Kugler J.* The war ledger. Univ. of Chicago Press, 1991.

9. *Posen B.R.* Emerging Multipolarity: Why Should We Care? *Current History*. 2009. № 108 (721) // <http://www.jstor.org/stable/45318866>.

10. *Trenin D.* Should we fear Russia? Retrieved September 30, 2020 // <https://www.amazon.com/Should-Fear-Russia-Global-Futures/dp/1509510915>.

11. *Waltz K.N.* The Emerging Structure of International Politics // *International Security*. 1993. № 18 (2) // <https://doi.org/10.2307/2539097>.

12. *Waltz K.N.* Theory of international politics. Waveland Press, 2010.

13. "What Do Great Powers Balance Against and When?" In T.V. Paul, James Wirtz, and Michel Fortmann, eds., *Balance of Power Revisited: Theory and Practice in the 21st Century*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2004.

14. *Wohlforth W.C.* The Stability of a Unipolar World. *International Security*. 1999. № 24 (1) // <http://www.jstor.org/stable/2539346>.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

В статье рассмотрены основные направления междисциплинарных исследований на стыке политологии и демографии. Выделены вопросы, связанные с высокой рождаемостью и преобладанием молодежи в населении. Также рассмотрены вопросы низкой смертности и политические последствия старения. Кроме того, выделены проблемы миграции, включая проблему беженцев. В конце рассмотрены экологические аспекты демографических изменений и их влияние на возникновение конфликтов.

Ключевые слова: политическая демография, молодежный бугор, глобальное старение, миграция.

Демография исследует динамику таких характеристик населения, как рождаемость, смертность и миграция. Изменения в населении могут оказать большое влияние на внутреннюю политику и международные отношения. Однако до последнего времени междисциплинарным политико-демографическим исследованиям практически не уделялось внимания.

Демографические исследования позволяют значительно расширить наше понимание политических процессов и причины конфликтов. Изменение численности и территориального распределения населения, гендерный дисбаланс, международная миграция: все эти характеристики могут зависеть от политических решений. Неудачная демографическая политика может привести дестабилизации государства.

Майрон Вайнер указывает, что эта область исследований занимается политическими последствиями демографических изменений, особенно их влиянием на требования, предъявляемые к правительствам, на распределение политической власти внутри государств и на распределение власти между государствами. Он отмечает, что при изучении политической демографии недостаточно знать данные численности населения, но необходимо также учитывать отношение общества и государства к вопросам народонаселения [9].

Можно выделить несколько направлений политико-демографических исследований. Первое направление связано с высокой рождаемостью, ро-

стом доли молодежи и возможными протестами. Второе связано со смертностью и последствиями роста продолжительности жизни. Третье направление исследует эффекты внутренней и международной миграции, включая потоки беженцев. Последнее направление связано с экологическими рисками демографического роста.

Демографические изменения, связанные с высокой рождаемостью, могут стать триггерами политических изменений. Ученые отмечают, что феномен Арабской весны напрямую связан с демографией [2]. Большое количество активных молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет, получившие образование и требующие работы и перспектив в будущем, становятся важной политической силой. Это явление получило название «молодежный бугор». Этой силе удалось внести серьезные геополитические изменения в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Стоит отметить, что волнения происходят не в наиболее бедных регионах, а там, где экономика развивается относительно стабильно. Высокий уровень неравенства, безработицы и высокая доля молодежи среди населения порождают риски нестабильности, однако возникающая нестабильность может привести и к демократическим изменениям.

В развивающихся странах молодежный бугор может быть превращен в экономический дивиденд, когда непропорционально большой процент населения одновременно вступает в ряды рабочей силы, что снижает общий коэффициент зависимости и увеличивает возможность экономического роста. В то же время, если эта большая группа населения не имеет работы или занята неполную рабочую неделю, возрастает вероятность гражданской войны, поскольку разочарованная молодежь оспаривает установленные права стареющих рабочих слоев – явление, которое мы наблюдали во время Арабской весны и роста как демократических, так и радикальных исламских восстаний.

Кроме того, большое значение приобретает уровень урбанизации. Если сейчас примерно половина мирового населения живет в городах, то к 2050 г доля городского населения достигнет 2/3. В то же время происходит угрожающе быстрый рост молодого работоспособного населения в развивающихся странах. Большое количество молодых людей стало причиной политической нестабильности, способной привести к насилию и войнам. По выражению А.Г. Вишневого, мир переживает геодемографический дисбаланс в связи с демографическим взрывом в развивающихся странах, причем этот дисбаланс будет только усугубляться [1]. В XXI веке этот дисбаланс будет расти за счет наименее развитых стран.

В большинстве стран Африки к югу от Сахары и в наименее развитых странах Азии рождаемость превышает пять детей на женщину. Задержка демографического перехода рождаемости на несколько лет может привести к значительному приросту населения в этих странах. Другими словами, в населении так много молодых людей, достаточно взрослых для семьи, что

население будет увеличиваться даже при снижении суммарного коэффициента рождаемости. При невозможности решить демографические проблемы собственными силами, решение придется искать международному сообществу.

Другим полюсом политико-демографических исследований является изучение динамики смертности. Продолжительность жизни во всем мире растет. Этот рост создает перекосы в относительных размерах возрастных когорт. В большинстве развитых и в ряде развивающихся стран на первый план выходит проблема старения. Число пожилых людей начинает превышать число молодежи, что значительно усиливает нагрузку на экономику и влияет на политические решения, в том числе решения, связанные с международными вопросами.

Некоторые исследователи рассматривают влияние населения на военную силу государства [10]. В условиях сокращения рабочей силы и увеличения пенсионной нагрузки, военные бюджеты будут закономерно сокращаться, главным образом, в странах-членах НАТО. Возникает концепция «гериатрического мира», при которой государства с преобладанием пожилого населения будут устраниваться от участия в международных конфликтах, что может привести к сокращению войн [7].

Что касается вопросов миграции, в политическую плоскость входят такие вопросы, как миграционная политика, вопросы гражданства и рост этнического национализма. Популярность национализма в Европе и во многих других странах может быть вызвана как экономическими проблемами и увеличением безработицы, так и новой миграцией, вызванной демографическими волнами после 1990-х годов. Например, увеличение числа терактов в европейских странах связывают с недостаточно жесткой миграционной политикой Евросоюза. Многие исламисты, являясь гражданами стран Запада, вступили в террористические организации на Ближнем Востоке, и появляется большой риск их возвращения и организации атак в Европе.

Из-за различий в уровне рождаемости часто мигранты могут со временем замещать коренное население, организовывать свои политические партии и бороться за власть. При наличии религиозных различий могут возникать этноконфессиональные конфликты [8].

Также ученые исследуют влияние беженцев на конфликты [5]. Если беженцы переезжают в страну, где они поддерживают родственные отношения с большими группами принимающего населения, возникает риск переноса конфликта на новое место. Кроме того, гуманитарная помощь в местах с ограниченным надзором может быть перенаправлена в пользу конфликтующих сторон и, следовательно, усилить конфликт.

В рамках геополитических исследований все большую актуальность приобретает и экологическая проблематика. Затрагиваются следующие темы: дефицит питьевой воды, опустынивание, стихийные бедствия и дру-

гие формы изменения климата. Они могут влиять на демографические характеристики населения или усиливать факторы, приводящие к миграции. Отчасти это может быть связано с переселением сельского населения в города, вызванным развитием технологий в сельском хозяйстве и, в целом, трендом на урбанизацию. Однако этот поток может быть усилен в связи с изменением климата.

Краткосрочные экологические катастрофы вызывают временные миграции, а затем и возможные беспорядки, что было показано на примере Индии. В рамках исследования были учтены политические противоречия между индийскими штатами и центральным правительством [4].

В одном из исследований рассмотрена взаимосвязь между количеством осадков и ростом внутренних конфликтов. Используя рост населения в качестве контрольной переменной, был доказан рост вероятности социальных беспорядков вследствие засухи [6].

На региональном уровне стоит отметить проблему доступа к водным ресурсам в Средней Азии. Демографический бум в таких странах, как Узбекистан, усиливает потребность в источниках воды для орошения полей, однако большая часть водохранилищ находится на территории Таджикистана и Киргизии. В связи с этим некоторые исследователи говорят о возможных рисках военных конфликтов [3].

Таким образом, политико-демографические исследования включают в себя довольно широкий круг тем. Использование междисциплинарного подхода с учетом демографических показателей позволяет значительно расширить возможности политической науки по изучению рисков дестабилизации государства, а также анализу внутренних и внешних конфликтов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Вишневецкий А.Г. Нерешенные вопросы теории демографической революции // Население и экономика. 2017. № 1.
2. Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ // Историческая психология и социология истории. 2011. Т. 4. № 2.
3. Юсупова Д., Пеньковцев Р.В. Водный конфликт в Центральной Азии // Общество, государство, личность: молодежное предпринимательство в поведенческой экономике в условиях цифровизации. 2021.
4. Bhavnani R.R., Lacina B. The effects of weather-induced migration on sons of the soil riots in India // World Politics. 2015. Т. 67. № 4.
5. Choi S.W., Salehyan I. No good deed goes unpunished: refugees, humanitarian aid, and terrorism // Conflict Management and Peace Science. 2013. Т. 30. № 1.
6. Hendrix C.S., Salehyan I. Climate change, rainfall, and social conflict in Africa // Journal of peace research. 2012. Т. 49. № 1.

7. Jackson R., Howe N. The Graying of the Great Powers-Demography and Geopolitics in the 21st Century // European Papers on the New Welfare. 2009.

8. Toft M.D., Philpott D., Shah T.S. God's century: Resurgent religion and global politics. WW Norton & Company, 2011.

9. Weiner M., Revelle R. Political demography: An inquiry into the political consequences of population change. Johns Hopkins Press, 1971.

10. Yoshihara S., Sylva D.A. (ed.). Population decline and the remaking of great power politics // Potomac Books, Inc., 2012.

A.S. DOBROMYSLOW

PHD student

*of the Faculty of political sciences,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

DEMOGRAPHIC STUDIES IN POLITICAL SCIENCE

The article reviews the main directions of interdisciplinary research of political demography. There are highlighted the problems of high fertility and predominance of youth in the population. The issues of low mortality and the political consequences of ageing are also considered. In addition, the problems of migration and refugees are included. Finally, there are discussed the environmental aspects of demographic change and their impact on emerging conflicts.

Key words: *political demography, youth bulge, global ageing, migration.*

DOI 10.35775/PSI.2022.77.1.003

УДК 930.1.«19»

А.А. ЧЕМШИТ

*доктор политических наук, профессор,
профессор кафедры политологии и международных
отношений Севастопольского государственного
университета, Россия, г. Севастополь*

О.С. СТАЦЕНКО

*кандидат политических наук, доцент,
заведующая кафедрой теории и истории государства и
права Севастопольского государственного университета,
Россия, г. Севастополь*

Д.А. ЧЕМШИТ

*кандидат политических наук, доцент
кафедры теории и истории государства и права
Севастопольского государственного университета,
Россия, г. Севастополь*

О ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ГОРДОСТИ ВЕЛИКОРОССОВ

Отталкиваясь от известной статьи В.И. Ленина «О национальной гордости великороссов» и дневниковых записей Ф.М. Достоевского о мессианской роли русского народа актуализируется проблема цивилизационной гордости великороссов. Подчеркивается, что в современных геополитических условиях консолидированным Западом сделана ставка на сдерживание развития России, борьбу против Русского мира. Отмечается, что единственной альтернативой для России остается упрочнение своего суверенитета, апология традиционных ценностей и национального достоинства. Формулируется идея о воплощении в России особой Великорусской цивилизации. Пассионарной частью ее являются «великороссы» – понятийный аналог «советского народа» времен СССР. Это понятие вводится для обозначения титульной гражданско-политической нации современной России. Цивилизационная гордость великороссов – величие государства и социальная справедливость.

Ключевые слова: *Великая Россия, цивилизационная гордость, великороссы, национальная идея, социал-консерватизм, политический курс, экономическая миссия.*

В начале первой империалистической войны вождь великорусского революционного пролетариата В.И. Ульянов-Ленин, выступил с резонансной

статьей «О национальной гордости великороссов». В этой статье была изложена принципиальная позиция русского большевизма по национальному вопросу. В последнем содержались такие сущностные моменты как отношение к Отечеству, государственной власти, национальным чувствам, экономическому развитию России.

Весь пафос статьи, ее содержание и стиль изложения пронизаны классовым подходом и антагонистическим духом. Ленин не отрицает наличие чувства национальной гордости у революционеров, любви к родному языку и родине как таковой [3. С. 107]. Но он ни единым словом ни обмолвился о великой русской культуре и литературе, о таких выдающихся великорусских писателях как А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой. Не вспоминает Ленин и о героической русской истории, великой славе русского оружия, победе над Наполеоном, в частности, или о беспримерном воинском мужестве в первую оборону Севастополя. Соответственно В.И. Ленин косвенно игнорирует великих полководцев А.В. Суворова и М.И. Кутузова, флотоводцев Ф.Ф. Ушакова и П.С. Нахимова.

Ленин проявляет индифферентность к выдающимся достижениям Петра Великого, его неповторимому творению – Санкт-Петербургу. Ленина мало заботит экономическое процветание России в предвоенный период. Экономическое развитие его интересует лишь в контексте революционного созревания пролетариата, готовности последнего к ниспровержению существующего государственного порядка.

Разжигание классовой вражды, подготовка к насильственному перевороту есть основной посыл ленинской статьи. Призрак гражданской войны обозначен здесь ясно и недвусмысленно. Национальная гордость великороссов по Ленину сводится к классовому предпочтению, разрыву страны великороссов на «правильных» и «неправильных». «Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс» [3. С. 107-108].

Провокация гражданской войны не единственный выпад против интересов государства российского присутствует в ленинской статье. В ней имеет место быть и факт национального предательства – пожелание поражения своему правительству во всякой войне [3. С. 109]. Ленин игнорирует то обстоятельство, на которое обратил внимание в свое время Ф.М. Достоевский: «...неравенство людей в буржуазном обществе неустранимо как ни старайся, единственное лекарство – война. Это лекарство – паллиативное, временное, но отрадное для народа. Война поднимает дух народа и сознание собственного достоинства. Война равняет всех во время боя и мирит господина и раба в самом высшем проявлении человеческого достоинства в жертве жизнью за общее дело, за веру, за отечество. Во время войны наступает полное равенство героизма. Пролитая кровь – важная вещь» [1. С. 146]. В итоге пожелание поражению царизму означает желание поражения всему великорусскому народу.

В лице Ф.М. Достоевского мы обнаруживаем совершенно иной взгляд на национальную гордость, иное представление о великорусскости, иную философию русского мира с выходом на понимание этого мира, как особой исторической цивилизации. Достоевский не делит Россию на своих и чужих, как это делает Ленин. Он верит и верует в целостную единую и неделимую Россию, в ее высокое мессианское предназначение, в то, что «великая наша Россия скажет всему миру свое новое слово, которое будет сказано во благо и воистину в соединение всего человечества новым, братским, всемирным союзом, начало которого лежит в гении и духе народа русского» [2. С. 230].

Особенность русского народа в его всемирности. Достоевский солидаризируется с мыслью Пушкина, что «лишь одному только русскому духу дана всемирность, дано назначение в будущем постигать и объединять все многообразие национальностей и снять все противоречия их» [2. С. 235].

Россия исторически предрасположена к покровительству над другими народностями. «Она направительница их и даже может быть предводительница, но не владычица; мать их, а не госпожа. Если даже, и государыня их, когда-нибудь, то лишь по собственному их провозглашению, с сохранением всего того, чем сами они определили бы независимость и личность свою» [2. С. 210]. Данная политика вытекает из сути бытия русского народа, высшего проявления его духовности – готовности к жертвенности во имя высшей правды и общего блага.

Обращение к ленинской статье и дневникам Ф.М. Достоевского в контексте национальной гордости русского народа избрано в качестве методологического основания рассмотрения весьма актуальной и значимой общественно-политической проблемы. По нашему мнению, уже давно возникла и созрела проблема достоинства России как страны и народа в ней проживающего. Суть проблемы в том, что страна, а значит и генофонд, начиная с времен горбачевской «перестройки» и ельцинских «реформ», подвергается системному унижению не только США и их союзниками, и сателлитами, но и лимитрофными «карликовыми» образованиями, типа Латвии, Литвы, Эстонии.

Перечень унижительных по отношению к России претензий, обвинений, нападок, оскорблений и действий, изощренных провокаций настолько массивен, что очевиден даже для малоосведомленной публики. Достаточно лишь нескольких примеров – персональное оскорбление в адрес В.В. Путина Байденом, «дело Скрипалей», «отравление Навального», нелепые обвинения Чехии в совершении диверсии, превращения русских в людей второго сорта в Прибалтике и т.п. Оголтелая русофобия стала едва ли не главным средством сохранения украинского политического режима. Обвинения в аннексии и оккупации, проведение политики сдерживания России, ее развития стали нормой международной политики.

Таким образом вопрос о национальной гордости русского народа в наше время является актуальным не в меньшей степени, чем во времена Достоевского и Ленина. Этот вопрос представляется непреходящим, никогда не теряющим злободневности. Его никогда не перестанут обсуждать и анализировать. Единственное, что требует определенной коррекции в этом дискурсе, это обновление терминологии. Думается словосочетание «национальная гордость» сегодня корректнее было бы заменить на «цивилизационную гордость». Для нас также представляется целесообразным возвращение в научно-теоретический оборот понятий «Великороссия» и «великоросс», как аналогов понятий «Российская Федерация» и «россиянин».

Очевидно, что высказанное предложение требует разъяснения и обоснования, как мы понимаем их содержательное значение. Понятие «россиянин», вошедшее в политический лексикон в 90-е годы прошлого века есть продукт либеральной трансформации постсоветского общества. В этническом плане оно принижает русскую нацию и не придает веса тем, кто русским не является (татарам, башкирам, чеченцам, якутам и др.). В гражданском, политическом же отношении это понятие не раскрывает всего объема внутреннего содержания наций, идентифицирующих себя с «русским миром». Другое дело, термин «великоросс».

Вопрос, кто такие есть «великороссы», решается очень просто. Слово «великоросс» производно от понятия «Великая Россия». Великороссы есть представители Великой России, вне зависимости от национально-этнического происхождения. Т.о. великороссом можно назвать не только русского, но и украинца, и белоруса, и татарина, и грузина, и башкира и любого представителя какой бы ни было национальности, признающего Россию своим отечеством, являющегося гражданином России, испытывающего чувство гордости за свое родство с Россией и считающего ее великой страной и великим государством. В ряду великороссов нам видится не только Петр Первый, но и Екатерина Вторая, не только Суворов и Кутузов, но и Барклай де Толли наравне с Багратионом. Наиболее выдающимся великороссом мы считаем Иосифа Виссарионовича Сталина, называвшего себя русским грузинского происхождения. Понятие «великоросс» снимает в себе классовые противоречия, деление на революционеров и контрреволюционеров. В соответствии с этим, великороссами являются Врангель, Деникин, Колчак в той же мере, как и Дзержинский, Молотов, Киров. Что же касается русских генералов Краснова и Власова, то назвать их великороссами нельзя, т.к. они есть предатели русского мира и русской идеи.

Великороссом является индивид, личность, человек как выдающийся, так и простой «смертный», но непременно патриот своего Отечества. Великороссы образуют титульную государствообразующую политическую нацию страны, которая по определению должна иметь название «Великая Россия» или «Великороссия». Обновленное наименование страны имеет

простое обоснование. Россия в своем историческом, военном, культурном, геополитическом и прочих отношениях имеет право не меньше, чем Британия называться Великой.

Современные геополитические процессы наводят на мысль о целесообразности толковать «национальную» гордость великороссов, как «цивилизационную» гордость. Россия – не просто государство великороссов, Россия есть особая цивилизация, огромная часть планетарного пространства, именуемого русским миром. Цивилизационную самостоятельность русского мира обосновывали еще славянофилы. М. Погодин, в частности, обозначил отрицание Россией европоцентризма, высказал идею цивилизационной противоположности Запада и Востока, предсказал неизбежность борьбы России с враждебной Европой [4; 5. С. 21-22]. Как самостоятельную и могущественную политическую единицу, способную сплотить вокруг себя другие православные народы, рассматривал Россию другой наш соотечественник Ф. Тютчев [6. С. 381-382].

Распад Советского Союза едва не привел к угасанию русского мира и гибели великорусской цивилизации. Россия вступила в XXI век экономически ослабленной, политически униженной, духовно опустошенной. Неоправданные надежды М.С. Горбачева на «новое мышление», «общечеловеческие ценности», «свободный мир», «равноправное сотрудничество» были развеяны самой жизнью еще до того, как их окончательно уничтожила теоретическая критика. В XXI веке явно обнаружилось не единство, а разобщенность цивилизации, не взаимовыгодное партнерство, а недобросовестная конкуренция, не взаимопонимание, а взаимное недоверие, не бескорыстная помощь, а приоритет национальных интересов.

Попытка России встроиться в систему общественных связей на равноправной основе не состоялась. Запад не принял Россию в свое сообщество на началах уважения и партнерства. Стало понятно, что Россия нужна Западу «демократизированной» по западному образцу, т.е. ослабленной, имеющей плохую репутацию, виноватой в самом своем существовании. От России консолидированный Запад жаждет покаяния, разоружения, сдачи суверенитета и раздачи природных ресурсов.

Должны ли великороссы смириться с тем вызовом, который предъявлен «русскому миру»? Думается, ответ очевиден: «Никогда!». В этой связи напрашивается следующая идея.

Общеизвестны такие ресурсы национально государственного могущества, как обширность территории, многочисленность населения, природные богатства, экономическая развитость, финансовая устойчивость, научный потенциал, военная мощь и др. Данная совокупность материальных ресурсов может оказаться сопоставимой с таким единственным ресурсом, как национальное общественное сознание, гордость и достоинство народа. Нельзя быть великой страной, супердержавой без национальной гордости, без духовного подъема народа, без патриотически настроенной элиты.

Чувству цивилизационных гордости надлежит произрастать из исторической памяти народа, образовавшего цивилизацию. Историческая память исключительно сложный феномен. Она хранит в себе не только реальные события и факты, имевшие место в действительности, но и содержит духовно-ценностное отношение к ним, окрашенное либо возвышенным, либо уничижительным, чувством. Историческая память народа всегда мифологизирована. Народ воспроизводит исторические события не только, какими они были на самом деле, но и такими, какими хотелось, чтобы они были. Мифологизация истории в определенных пределах не угрожает истине, главное, чтобы она не превращалась в фальсификацию и мистификацию. Другими словами, определенное приукрашивание реальности не вредит истории, если сама суть действительности не претерпела искажения и не пострадал конечный результат. Как говорится, если из истории убрать всю неправду, то это не значит, что в ней останется одна правда. В таком случае в ней не останется ничего...

История любой цивилизации мифологизирована. Мифологией насыщена история античной Греции и Рима, Средневековой Англии и Франции, Старого и Нового света, и т.д. и т.п. Не факт, что афоризмы, приписываемые Цезарю, принадлежат именно ему, но остается фактом, что Цезарь – реальный персонаж Древнего Рима, его выдающийся полководец и государственный деятель. Легенды и мифы античного мира не отменяют той истины, что Древняя Греция подарила человечеству философию, а Древний Рим – право. Не суть важно, существовал ли в действительности В. Шекспир, гораздо важнее то, что вышедшие под его именем выдающиеся произведения, навсегда вошли в сокровищницу английской и мировой литературы. Не имеет решающего значения, каким образом были сооружены пирамиды, существеннее то, что их родиной является Египет и что египтяне закономерно считают свою цивилизацию одной из прародительниц человечества.

Великорусская история также не лишена мифологичности, но последняя, в особенности Советская, не есть фальсификация, напротив, она есть невероятная правда [7. С. 43-66]. Цивилизации с реально богатой историей имеют право на определенную мифологизацию по праву победителей. Некоторые элементы украшений не отменяют реальности разгрома тевтонских рыцарей, победы в Куликовской и Полтавской битвах, Бородинского сражения, суворовских походов, обороны Севастополя и Сталинграда, взятия Берлина.

Историческая память великороссов не сводится только к славе русского оружия. Она содержит в себе и такие феноменальные достижения как «экономическое чудо» 30-х годов в СССР и «чудо» стремительного восстановления страны из пепла в послевоенный период. Великороссия предъявила миру лучшие образцы классических творений в области литературы (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой,

М.А. Шолохов), музыки и искусства (П.И. Чайковский, М.П. Мусоргский, М.И. Глинка, И.К. Айвазовский, Д.Д. Шостакович, С.В. Рахманинов), науки (Д.И. Менделеев, И.В. Курчатов, С.П. Королев, А.Д. Сахаров). Первым человеком, совершившим космический полет, был советский гражданин Ю.А. Гагарин. Советское образование, в первую очередь фундаментальная и гуманитарная подготовка, было едва ли не лучшим в мире. Советская страна была самой читающей страной планеты. В настоящее время образование, по крайней мере, высшее скроено по западноразвитым лекалам. Польза от этого сомнительна, а вред очевиден. Великоорусская цивилизация нуждается в национально-отечественном образовании, вырастающем из собственных цивилизационных корней. Советский спорт, в частности, хоккей, фигурное катание, художественная гимнастика, шахматы, продолжительное время занимал лидирующее положение в мире.

СССР – первое в мире социальное государство. Его нельзя назвать правовым, поскольку идеология в системе политических координат была выше права. Но социальная справедливость, в той мере в какой она в принципе возможна, в Советском Союзе была воплощена в жизнь. Национальный вопрос в советской стране был в числе приоритетных. Власть как зеницу ока оберегала баланс межнациональных отношений и пресекала нарушение межнационального равновесия последовательно и методично.

В советский период понятие «великоросс» исчезает из политического лексикона, этническое превосходство в новой системе государства становится неуместным, в оборот входит понятие «советский народ». В рамках новообразованной цивилизации под названием «советский народ», становой хребет, которого являет собой русская нация, возвращает себе «великорусскость», оставляя место, право и возможность дозаполнить объем этого понятия братскими этносами, населяющими СССР.

Прекращение существования Советского Союза и советского народа не означает упразднение Великой России и великорусской цивилизации, Возрождение России как государства и россиян как носителей политической нации состоялось. В будущем – возрождение Великой России (великорусской цивилизации) и великороссов как носителей политической культуры этой цивилизации.

Наше видение Великороссии, состоит в следующем. Великоорусской цивилизации чужды агрессия и захватнические намерения. Великооруссам без надобности чужие территории, чуждая им культура, обычаи, законы, иное вероисповедание. Но Великороссия не вправе отказываться от восстановления нарушенной исторической справедливости по отношению к соотечественникам, оказавшимся вне своей Родины. О возвращении силой оружия территорий, которые цивилизационно находятся вне «русского мира» не может быть и речи. Но Великороссия обязана стоять на страже своего цивилизационного достоинства. Для этого у нее имеются два способа. основ-

ной – это репатриация соотечественников из всех постсоветских республик. Второй путь – это возвращение тех исторических российских территорий, население которых путем референдума заявит о своем желании вернуться на Родину. Классическим примером такого процесса может быть «русская весна» 2014 г.

Великороссии надо быть готовой к различного рода попыткам Запада воспрепятствовать возрождению ее цивилизации. Россию в обязательном порядке обвинят в агрессии, невзирая на характер и способы собирания ею своих традиционных земель. Примером тому является Крым.

Обвинения России в аннексии Крыма и Севастополя, осуществляется с двух несостоятельных позиций: законченного кретинизма и безнравственного цинизма. Первая позиция в своей основе имеет историческое невежество и геополитическую амнезию. В расчет не принимаются такие простые аргументы, как-то, что Крым в свое время стал российским по праву победителя и в течение 200 лет оставался неотъемлемой, органической частью Империи и Союза. Незначительный время пребывания в составе УССР с политической точки зрения было чисто формальным и не меняло, по сути, российской территориальной «прописки». Возврат Крыма и Севастополя в родную гавань есть устранение политического недоразумения 1991 г. обусловлено русским космополитическим либерализмом и украинской националистической плутократией.

Еще более выигрышной для России является вторая, моральная составляющая вопроса. Для русского национального самосознания исключение великого русского города – Севастополя из «русского мира», более того, включения его в чужеродное пространство есть совершенно неприемлемая вещь. Навсегда отказаться от Севастополя означало бы отречение от героической славы, памяти предков, предательство и бесчестие.

Россия ни перед кем не несет ответственности за возврат Крыма и Севастополя.

В этом акте воссоединения моральная победа идет впереди геополитического успеха, несмотря на всю важность последнего. Цивилизационная гордость – это не благие мечтания, но принцип, одна из фундаментальных опор существования цивилизации. Без цивилизационной гордости нельзя сохранить саму цивилизацию. Утрата этого высокого чувства означает превращение народа в население. Советский Союз прекратил свое существование, не в последнюю очередь из-за идеологического и морального разложения, а значит, утраты гордости за свою страну и свою цивилизацию. Никто не оказал сопротивления противозаконному роспуску СССР, его население безропотно капитулировало перед невидимым противником, не понимая последствий этой капитуляции, без предчувствия моральной и духовной катастрофы случившегося.

Без возрождения чувства цивилизационной гордости великороссов не будет ни Великой России, ни Русского мира, ни самих великороссов.

Великороссам чужды утопические планы реанимации СССР. Страны Прибалтики, Закавказья, Центральной Азии естественным образом вольются в иные, чужие нам цивилизации. Великороссам потребуется некоторое время для преодоления чувства обиды и сожаления из-за понесенных территориальных потерь. Великорусская цивилизация не навязывает своих ценностей остальному миру, в отличие от Запада, который может существовать, только претендуя на мировую гегемонию.

Всплеск цивилизационной гордости нельзя обусловить одним только возрожденным «сыновьим» инстинктом или наличием реального образа врага. Чувство цивилизационной гордости лучше всего прививается распознаванием глубинного народного идеала, того, что запечатлено в душе Русского мира и к чему стремятся великороссы. Речь идет о двух важнейших ценностях, впервые слитых воедино в советскую эпоху. Эти ценности, просты, и понятны: величие государства и социальная справедливость (социал-консерватизм).

Отсюда вытекает необходимость корректировки политического курса и экономической линии современного российского государства. Политический курс нуждается в существенном сдвиге вправо (начиная с реальной борьбы с коррупцией и завершая конституционным закреплением социал-консерватизма в качестве доминирующей идеологии), а экономическая линия требует радикального полевения (от преодоления существующего порога бедности, принятия закона о налоге на богатство до формирования среднего класса согласно мировому стандарту) [7. С. 43-66].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя 1876 год // Собр. соч. в 15-ти томах. СПб.: «Наука», 1994. Т. 13.
2. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя 1877 год // Собр. соч. в 15-ти томах. СПб.: «Наука», 1995. Т. 14.
3. *Ленин В.И.* О национальной гордости великороссов // Полн. собр. соч. М.: Госполитиздат, 1973. Т. 26.
4. *Погодин М.П.* Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны 1853-1856. М.: Тип. В.М. Фриш, 1874.
5. *Рясенцев К.В.* Политический консерватизм М.П. Погодина (1800-1875): Автореф. на соиск. уч. степени канд. полит. наук: спец. 23.00.01 «Тория политики, история и методология политической науки. М., 2007.
6. *Тютчев Ф.* Россия и Германия // Полн. собр. соч. в стихах и прозе. М.: Вече, 2000.
7. *Чемшит А.А.* Советская история: путь к современности // Вызов времени и ответы России: 1917-2017: коллективная монография / под ред. проф. И.И. Кального. М.: ИНФРА-М, 2019.

A.A. CHEMSHIT
*Doctor of Political Science, Professor,
Professor of the Department of «Political Science and
International Relations», Sevastopol State University,
Sevastopol, Russia*

O.S. STATSENKO
*Candidate of Political Sciences, Docent,
Sevastopol State University, Law institute,
Head of Faculty “Theory and History of State
and Law”, Sevastopol, Russia*

D.A. CHEMSHIT
*Candidate of Political Sciences,
Docent of Faculty “Theory and History of State and Law”,
Law institute, Sevastopol State University,
Sevastopol, Russia*

ABOUT THE CIVILIZATIONAL PRIDE OF THE GREAT RUSSIANS

Starting from the famous article by V.I. Lenin “On the national Pride of the Great Russians” and the diary entries of F.M. Dostoevsky about the messianic role of the Russian people, the problem of the civilizational pride of the Great Russians is actualized.

It is emphasized that in modern geopolitical conditions, the consolidated West has placed a bet on restraining the development of Russia, the fight against the Russian world. It is noted that the only alternative for Russia remains the consolidation of its sovereignty, the apology of traditional values and national dignity.

The idea of the embodiment of a special Great Russian civilization in Russia is formulated. The passionate part of it is the “Great Russians” – the conceptual analogue of the “Soviet people” of the USSR times.

This concept is introduced to designate the titular civil-political nation of modern Russia. The civilizational pride of the Great Russians is the greatness of the state and social justice.

Key words: *Great Russia, civilizational pride, Great Russians, national idea, social conservatism, political course, economic mission.*

кандидат политических наук, руководитель
Центра социально-политических исследований
Института развития интеграционных процессов
Всероссийской академии внешней торговли Министерства
экономического развития РФ; доцент Департамента политоло-
гии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финан-
сового университета при Правительстве РФ, Россия, г. Москва
SPIN-код автора 3094-5947

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДИКИ АНАЛИЗА ФРЕЙМОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДОВЕРИЯ: ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ МОДЕЛИ¹

В статье рассматриваются перспективы использования методов анализа дискурса, в частности фрейм-анализ, для исследования проблем доверия в обществе. Проблема изучения доверия приобретает все большую актуальность в связи с увеличением внутривнутриполитической и внешнеполитической нестабильности в мире и в отдельных странах. В связи с текущими глобальными вызовами (пандемия коронавируса, санкционная политика, торговые и миграционные «войны» и т.п.), правительства многих стран вынуждены принимать непопулярные решения, которые поэтапно подрывают доверие граждан к институтам власти. Не менее важным является и формирование доверия элит среднего уровня к высшему руководству стран, поскольку от того, насколько слаженно будет работать государственный аппарат будет зависеть управляемость и эффективность всей политической системы. В предложенной статье была сделана попытка сформировать теоретическую рамку для исследования доверия между государством и обществом, а также внутри политических элит.

Традиционные методы исследования доверия, такие как социологические опросы, имеют ряд ограничений. В частности, опросы хорошо фиксируют текущий уровень доверия, однако им сложнее предсказать снижение или увеличение уровня доверия в зависимости от наступления тех или иных социально-политических и экономических условий.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект 21-011-31678 «Разработка индекса доверия к власти граждан и элит современной России».

В связи с этим автор статьи предлагает вариант использования методологической рамки фрейм-анализа для анализа доверия. Под фреймами мы понимаем интеллектуальные структуры, которые описывают типичные социальные ситуации. Будучи однажды выученными в результате социальной адаптации, фреймы определяют поведение людей в типичных ситуациях. В связи с этим знание о типичных фреймах позволит с определенной долей вероятности предсказать поведения в типичных ситуациях. В связи с этим в статье предлагается алгоритм поиска, систематизации и анализа таких типичных ситуаций применительно к проблеме доверия. Результатом данного теоретического исследования становится операциональная модель анализа доверия на материале текстов, представленных в СМИ, социальных сетях или глубинных интервью.

Ключевые слова: *фрейм, доверие, государство, дискурс-анализ, политическая теория, элиты, общество.*

Введение. Доверие – один из наиболее сложных феноменов общественно-политической жизни, сложно поддающийся измерению. Подавляющее число исследований доверия общества к власти и государству строится на базе социологических опросов [11; 8]. ВЦИОМ на своем сайте в регулярном режиме публикует данные об уровне доверия к различным государственным институтам России и отдельным политикам. Раз за разом исследования показывают высокий уровень доверия к президенту России, при более низком доверии к остальным политическим институтам [7]. Однако согласно последнему опросу Левада-центра (2020 г.), посвященному исследованию институционального доверия в России, 66% населения доверяют армии, тогда как Президенту – только 58% [6].

На уровне сравнительных межстрановых исследований отмечают снижение доверия к основным институтам власти и общества. Согласно последним данным Барометра доверия Эдельмана, бизнес остается единственным институтом, к которому еще сохраняется доверие в обществах [16]. Примечательно, что виноват в этом тренде не только коронавирус, западные исследователи отмечают поэтапно снижение уровня доверия в странах Европы и США [17. Р. 78]. При этом высокий уровень доверия, как было показано в ряде исследований, открывает для общества большие перспективы для глобального развития экономики и институциональной среды [10].

Основная проблема социологических опросов применительно к изучению доверия состоит в том, что они фиксируют существующий уровень доверия, даже регулярные опросы по одним и тем же параметрам с трудом могут предсказать рост или падение этого показателя в ближайшем будущем. С другой стороны, простой вопрос – «Доверяете ли вы X?» не дает нам представления о поведении респондента. Ведь он вполне может ответить,

что доверяет власти, но его повседневные практики взаимодействия с органами государственной власти будут говорить об обратном. Поэтому прямой вопрос о доверии или недоверии имеет ограниченный функционал для прогнозирования роста или падения доверия, а в перспективе и легитимности власти. В связи с данными ограничениями возрастает роль так называемых неопросных методов [1], когда уровень доверия фиксируется по иным показателям.

Задача данной статьи – показать, как мы можем исследовать доверие, не задавая вопросов напрямую, по косвенным признакам. А также, каким образом мы можем фиксировать поведение, демонстрирующее доверие или недоверие. С учетом достаточно болезненного опыта взаимодействия с государственными институтами в 90-е гг. XX века в России сложилась система «умолчания» о реальных социальных практиках. Поэтому для данного проекта нам важно выработать инструментарий, который поможет снизить погрешности при сборе и анализе данных. В связи с этим предлагается применить метод анализа фреймов для изучения доверия, а конкретно доверия населения к власти.

Концепт «доверие» в социальных науках. Для нормального функционирования и поступательного развития общества необходим определенный уровень рациональной кооперации. Даже в рамках криминального мира необходим определенный уровень доверия, что же говорить об обычных обществах. По всей вероятности, как доказывает Д. Гамбетта, концепция общества «войны всех против всех» не вполне адекватна [15]. Если бы такая модель стала реальностью, она бы сделала жизнь общества невозможной, все силы и время уходили бы на борьбу за выживание и устрашение с целью гарантировать хотя бы минимальные сделки. Ни о каком развитии в таком случае речи идти не может. Именно поэтому крайне важно поддерживать определенный уровень доверия в обществе, как на уровне индивидов, так и между обществом и государством.

Однако без определенной доли борьбы невозможна конкуренция, а значит и развитие. Поэтому задача общественных институтов – установить разумный баланс между доверием и конкуренцией. Причем та же схема будет релевантной и для отношений общество – государство. Источником разумной конкуренции в этой конфигурации отношений будут выступать оппозиционные партии, общественные движения, которые ставят перед государством вызовы и провоцируют на развитие и поступательные изменения. При этом важно не пропустить тот момент, когда масштабы конкуренции вырастут настолько, что под угрозой окажется легитимность государства. Для того, чтобы иметь возможность предсказывать такие кризисные ситуации, полезно иметь инструмент для «измерения» уровня доверия в обществе по отношению к государству.

Отчасти с этой задачей могут справиться опросы общественного мнения. Чаще всего население спрашивают напрямую – «Доверяете ли вы госу-

дарству/правительству/президенту и т.п.». Одно из «слабых» мест данного подхода состоит в том, что не всегда граждане способны вербализировать факты доверия/недоверия к власти, не все свое поведение они будут идентифицировать в терминах доверия. К примеру, индивид вполне может доверять Президенту, потому что тот – харизматичный лидер, но при этом уклоняться от уплаты налогов. До какой степени в рамках данного кейса мы можем говорить о доверии к государственным институтам?

Обратимся к определению, которое дает Д. Гамбетта термину *дове-ри* – это некий уровень субъективной вероятности, с которой один субъект определяет, что другой субъект или группа будут совершать определенные действия, потому что он до этого видел это действие (или независимо от способности видеть его) и в контексте того, как это действие повлияет на его собственную деятельность [15]. Доверять человеку или институту означает верить, что, когда представится случай, он поведет себя положительно для нас, не нанесет нам ущерб. Доверие в рамках данной парадигмы имеет несколько особенностей:

1. Состояние доверия – это не крайние точки слепого доверия или слепого недоверия. Это всегда шкала, по которой субъект принятия решения передвигается в каждой конкретной ситуации, выбирая степень, с которой он готов доверять.

2. Доверие связано с неуверенностью и незнанием о действиях других субъектов. Поэтому в решении доверять есть доля прогноза, основанного на ограниченном предыдущем опыте и знаниях о поведении контрсубъекта в прошлом. Однако даже эти ограниченные знания не могут застраховать от ошибки.

В рамках данной концепции мы не рассматриваем ситуации, когда доверие не оказывает влияние на принятие решений. Таким образом, чтобы выявить факты доверия, нам необходимо фиксировать:

А. Поведение субъекта в ситуации доверия/недоверия.

В. Картину мира субъекта в отношении ситуации доверия.

В связи с этим в рамках данной методологии мы предлагаем дополнить знания об интенции доверять или не доверять, которую мы получаем из опросов общественного мнения, или из анализа текстов, знаниями о типичном поведении и оценке этого поведения на уровне генерализированных общественных представлений о «правильном» и «неправильном».

Незнание или неуверенность в поведении других – центральное понятие в рамках концепции доверия. Связано оно с нашими ограниченными возможностями получить полную информацию о других, об их реальных мотивах. Иными словами, доверие – ненадежный тест нашего незнания. Здесь важно сделать оговорку – о доверии как части ситуации принятия решения мы можем говорить только если у субъекта есть возможность *выхода* из ситуации, есть свобода выбора – доверять или не доверять. Если такой

альтернативы у субъекта нет, то не существует и ситуации доверия (иными словами, в рамках тоталитарной политической системы мы не можем анализировать доверие). Субъект загнан в жесткую систему принятия решений и у него нет выбора – как поступить. И наоборот, чем больше у нас вариантов выхода из той или иной ситуации, тем более значимым становится доверие.

На последний тезис стоит особо обратить внимание, когда речь идет о доверии общества к государству. Ведь данная пара субъектов изначально неравнозначна – у государства есть аппарат принуждения, который позволяет ему в любой момент времени (при наличии достаточных ресурсов) превратить ситуацию доверия в безальтернативную ситуацию для общества. Не так много случаев в отношениях общество – государство, когда у общества реально есть выбор – доверять или не доверять государству открыто и безнаказанно. В этой связи мы предполагаем, что подавляющее большинство ситуаций недоверия общества государству будет носить неконвенциональный характер – частичный или полный отказ от кооперации.

Государственный аппарат принуждения вполне может заместить недостаток доверия, когда необходима кооперация между обществом и государством. Однако акты принуждения не работают на усиление доверия, скорее постепенно его подрывают. При этом важно понимать, что при полном отсутствии доверия никакая кооперация невозможна, даже с применением аппарата принуждения. Также невозможна кооперация при одностороннем доверии и при слепом доверии, основанном на специфических ценностных конструкциях.

Д. Гамбетта особо отмечает, что даже легитимное применение насилия не становится полным эквивалентом доверия. Общество, которое основано только на насилии, менее эффективно, чем-то, где в дополнение к аппарату принуждения задействовано доверие. При этом доверие более дешевый способ организации кооперации, чем *контракт* или *обещания*. В случае контракта оказывается задействована третья сторона, что повышает транзакционные издержки. В случае же обычного обещания есть риск потерять доверия при его невыполнении. Порог доверия снижается при накоплении опыта обманов и нарушения условий сделок и обещаний, или контракта. В связи с этим мы можем говорить о доверии, как о ресурсе, который можно накопить или растерять [10].

В высоко фрагментированном обществе, где слабо развито генерализированное доверие и плохо работают институты, мы будем встречать группы лиц, которые доверяют только внутри своей группы, в результате установления длительных отношений специального свойства (они могут быть основаны на родстве, этническом или религиозном принципе). Такого рода фрагментированное доверие, например, формируется в мафиозных структурах [4], мультикультурном обществе [18].

В ситуации доверия к государству нас в основном интересует уровень генерализованного доверия. Формирование групп людей с особыми отношениями, как было описано выше – это признак снижения генерализованного доверия, признак ослабления государственных институтов. В ситуации вступления в кооперацию на базе доверия есть два аспекта, о которых мы уже говорили выше – конкретные действия субъекта и его отношений к ситуации.

А. Конкретные действия субъекта в рамках ситуации. Субъект принимает решение о вступлении в кооперацию на основе сигнала или по необходимости. Если кооперация оканчивается удачно, уровень доверия повышается и это дает стимул для кооперации в дальнейшем. В описании этого механизма мы частично опираемся на положение из «теории игр» (1).

В. Отношение субъекта к ситуации, а также к другому субъекту кооперации, его персональные предпочтения и ценности могут служить, с точки зрения Гамбетты и приверженцев теории рационального выбора, только дополнительными стимулами для действий. В рамках этой теории персональные предпочтения и ценности не могут быть полноценным основанием для сотрудничества в сложных обществах не только потому, что их невозможно создать волевым действием (желанием), но и в силу их фрагментированности. Тем не менее, их также важно учитывать при построении модели.

«Здоровая» ситуация доверия в обществе – это выполнение обязательств и невысокие транзакционные издержки. Доверие основывается на отсутствии негативного опыта. При этом глубоко укоренившееся недоверие в следствие очень сложно переломить в сторону доверия даже посредством позитивного опыта кооперации. Недоверие имеет способность самозаполняться и формировать под себя реальность. При этом позитивное воздействие может оказать только третья сторона, скажем в ситуации контракта.

Фрейм как метод исследования социальных процессов. Категория фрейма используется в разных теоретических и прикладных дисциплинах, но все исследователи так или иначе сходятся во мнении, что фрейм – это структура в сознании, которая помогает нам воспринимать действительность и лучше ориентироваться в окружающем мире, в особенности, когда дело касается отношений в обществе.

И. Гофман выделяет *первичные фреймы*, которые, по его мнению, бывают двух видов: природные и социальные [5]. Природные фреймы определяют события как ненаправленные, бесцельные, неуправляемые. Социальные фреймы, наоборот, воспринимаются как события, где участвует воля, целеполагание и разум. В данном исследовании мы будем рассматривать в первую очередь *социальные фреймы*.

Фрейм понимают, как систему концептов, которые взаимосвязаны таким образом, что для понимания одного из них нужно осознавать систему в целом. Продолжая эти рассуждения, отметим, что вокруг каждого крупно-

го теоретического концепта (абстрактного концепта), с которым мы не можем непосредственно взаимодействовать в физическом мире, формируется сеть фреймов. Каждый фрейм – это потенциально возможная, типичная ситуация, связанная с данным концептом. Проживая некую ситуацию, которую мы категоризируем в рамках определенного концепта, мы можем с большей или меньшей вероятностью сказать – да, сейчас мы проживаем ситуацию Х. Таким образом, фрейм отображается посредством языка, текста, но он не равен тексту как таковому. Это структура, которая в каком-то плане больше, чем текст. Пример из нашего случая – представим, что мы наблюдаем ситуацию протестного митинга с лозунгами определенного содержания. Мы с той или иной степенью уверенности можем сказать, что это ситуация недоверия к власти. Но и здесь все не так просто, ведь протестный митинг может быть провокацией в рамках срежиссированной политической акции в поддержку власти и т.п. Тогда задача классификации усложняется.

Также важно принимать во внимание и общественную значимость фрейма – он описывает то, что для общества является характерным и типичным. Эмпирическая семантика фрейма заключается в том, что в нем посредством языка отражен реальный опыт. Таким образом слово – это категория опыта в семиотике фрейма. Согласно теории М. Мински, фрейм – это структура информации, которая передает некую стереотипную (повторяющуюся, привычную, установленную) ситуацию [9]. Согласно же Т. Ван Дейку, фрейм – это концептуальная схема организации нашего знания. В первую очередь это касается институциональных основ организации общества – особенностей функционирования формальных и неформальных институтов [2. С. 18]. Т. Ван Дейк пишет, что когнитивная теория прагматики с помощью фреймов должна дать объяснение нашей способности совершать и понимать речевые акты. Для каждой типичной ситуации существует своя последовательность речевых актов. Выявление этой последовательности – также важная аналитическая задача.

Фрейм также можно сравнить со «сценарием», поскольку он описывает последовательность действий. Тем самым помогает до определенной степени прогнозировать будущее развитие событий. К примеру, если мы видим, что на улицах собралась полиция и протестующие, то с некой долей вероятности, протестующих будут разгонять силовыми методами. Таким образом, знание фреймов позволяет нам 1) правильно, в соответствии с ситуацией, организовывать свое поведение; 2) позволяют интерпретировать поведение других людей и до какой-то степени его прогнозировать.

Фреймы используются не только в ситуациях повседневности. На уровне институтов мы также имеем отдельную иерархию фреймовых структур, которые достаточно жестко определяют правила поведения. Исследователи фреймов считают, что наше социальное знание в целом организовано в виде разного рода когнитивных структур. Фреймы воспринимаются нами через

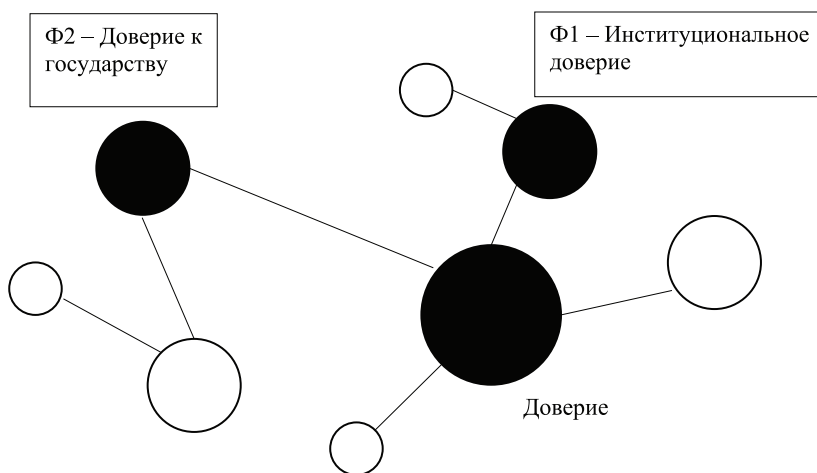

Рисунок 1. Структура фрейма

обучение и опыт социального взаимодействия. Будучи однажды усвоенными, они уже формируют наши социальные ожидания от той или иной ситуации.

Отдельное стоит упомянуть о структуре самого фрейма и системе их организации. М. Мински считает, что фрейм имеет иерархическую структуру – это многоуровневая сеть с узлами и связями (см. Рисунок 1).

На рисунке 1 мы представили схематическую структуру фрейма. Черные круги – это абстрактные понятия, которые содержат типичную информацию о том «как должно быть» (мы также можем их именовать макрофреймами). Как мы видим в ситуации с концептом «доверие», оно может распадаться еще на несколько типов доверия, каждый из которых также является абстрактным концептом. Белые круги – это информация о типичных реальных ситуациях, которые можно классифицировать в терминах абстрактных категорий.

При столкновении с реальностью модель фрейма каждый раз проходит проверку на релевантность. Если в определенный момент времени количество отклонений от идеальной модели абстрактного концепта накопится критическое число, в макрофрейм будут внесены изменения. Как мы увидели в разделе о доверии, именно так и происходит увеличение или снижение порога доверия – макрофрейм адаптируется в зависимости от того, какие конкретные ситуации преобладают, насколько опыт доверять/ не доверять оправдывает себя на практике и приводит к желаемым результатам.

Последний пункт, который важен для нас при разработке модели исследования, так как фреймы носят коллективный характер. Если у общества су-

существует единая система трактовок и сценариев поведения в определенных ситуациях, вполне можно говорить о том, что в нем существует определенного рода консенсус. Очевидно, что при всей сложности отношений в отдельно взятом обществе, невозможно создать раз и навсегда установленную систему фреймов. Хотя подобного рода попытки и предпринимались, скажем, в тоталитарных обществах. На любую ситуацию оказывает влияние такое большое количество внешних мало предсказуемых факторов, что ни одна общественная система не сможет установить жесткую структуру фреймов «на все случаи жизни». Умозрительно созданные институты в любом случае будут проходить проверку на прочность реальностью. И здесь на помощь приходит способность фреймов адаптироваться к изменениям ситуации, о которой мы писали выше.

В отношении коллективного характера фреймов важно учитывать, что скорее всего в реальности мы будем иметь дело с неким набором типичных фреймов относительно абстрактного концепта. Эти фреймы будут в разной степени генерализированы, могут существовать и особые закрытые группы с собственными фреймами в отношении абстрактных категорий. Задача данного исследования в том числе выявить такие группы.

Исследовательский дизайн – Как мы можем изучить доверие посредством анализа фреймов. Если мы хотим применить метод анализа фреймов к изучению конкретного случая доверия, а именно доверия населения к власти, нам необходимо выявить набор типических ситуаций доверия/недоверия населения к власти. В силу того, что фреймы в том числе выражаются посредством естественного языка, то есть эти стереотипные ситуации могут как-то описываться людьми. Люди могут реагировать на эти ситуации посредством дискурса: жаловаться, возмущаться, информировать и т.п. исследователи же вполне могут использовать в качестве источника корпус текстов с описанием таких ситуаций. В связи с этим нам нужно не просто понять, что означать фрейм ситуации «доверие к власти» на уровне теории, а выявить конкретные примеры доверия или недоверия к власти на практике.

Мы также говорим не только о ситуациях **доверия** к власти, но и ситуациях **недоверия**. Отсутствие некоего феномена как нельзя лучше указывает нам на его характеристики и особенности отношения к системе. Более того, ситуации недоверия запускают в обществе опасные механизмы социальной нестабильности, которые впоследствии могут привести к развитию «революционной ситуации».

С точки зрения концепции Ч. Тилли, который в свою очередь опирается на понимание революционной ситуации Л. Троцким, это ситуация многовластия или формирования нескольких параллельных политических систем. Наиболее частая причина развития такой ситуации – «фрагментация существующей политической системы на два или более блока, каждый

из которых осуществляет контроль над той или иной частью государства» [12. С. 267]. Выявление фактов недоверия к власти на ранних этапах, когда протест еще только назревает, находится в латентной форме или скрыт за иными привычными практиками, позволяет предсказать развитие тенденций социальной нестабильности.

Таким образом, мы получаем два фрейма верхнего уровня: «доверие к власти» и «недоверие к власти». Далее каждая из этих макрокатегорий распадается на более конкретные ситуации проявления доверия и недоверия к власти. Маркером также могут служить типичные речевые акты, которые осуществляются в ситуациях доверия или недоверия власти. Для сбора информации удачным решением может стать формирование карточек описания ситуаций, их категоризация, и подсчет частотности упоминания тех или иных ситуаций. При этом мы учитываем, что фрейм описывает два типа структур – внешняя структура ситуации и внутренняя структура говорящего (иными словами, его отношение).

При входе в ситуацию каждый ее участник определяет для себя:

- специфический тип ситуации;
- фрейм контекста данной конкретной ситуации;
- отношения между участниками ситуации, их позиции, функции;
- конвенциональные установки внутри ситуации (правила).

Внутренняя структура фрейма дает нам представление о:

- знаниях и мнениях;
- потребностях и желаниях;
- отношении к ситуации и установках;
- чувствах и эмоциях.

В текущем проекте в качестве основного источника информации берутся тексты из социальных сетей. В связи с этим важно учитывать прагматику и интенцию текстов, которые создают и публикуют в социальных сетях. Через интенцию текста мы можем сделать допущение о внутренней структуре фрейма:

- информирование;
- призыв к действию;
- жалоба;
- возмущение;
- привлечение внимания

Деконструкция внутренней установки индивида по отношению к ситуации позволит нам идентифицировать его ценностную структуру – насколько правильным, оправданным для него выглядит та или иная ситуация.

Этап 1. – Сбор массива описаний типичных ситуаций взаимодействия с властью, которые могут быть описаны в социальных сетях.

Типичные ситуации взаимодействия с властью:

1. Сам факт взаимодействия с властью. Индивид может в целом избегать вступать во взаимоотношения с властью, находится в «серой зоне».

2. Общение с органами власти как напрямую, так и через цифровые платформы.

3. Призывы к протестным действиям.

4. Поведение при голосовании.

5. Готовность платить налоги.

6. Ситуации взаимодействия с силовыми органами.

Стоит уточнить, что в рамках данной концепции мы понимаем власть в вебериянской концепции [3], как систему государственного аппарата, а не власть в понимании М. Фуко, как распределенную сущность.

Таким образом мы начертили общую схему типичных ситуаций. Далее в реальности мы находим большое количество вариаций в интерпретации этих ситуаций. Но по закону фреймов, все эти вариации так или иначе будут укладываться в набор типичных. Задача исследования – выявить реальную типологию этих ситуаций.

Этап 2. – Описание фреймов и сбор базы данных по структуре – на каждый пример фрейма заполняется карточка (Таблица 2).

Мы описали типичную ситуацию на примере уплаты налогов ИП. Очевидно, что в данной ситуации содержится очень много переменных. И если бы мы описывали ситуацию уплаты налогов, скажем, в Древней Руси, то значения переменных были бы совсем другими. Важно, что структура ситуации осталась бы прежней. Аналогично ситуация будет сильно отличаться от страны к стране, так как существуют национальные устоявшиеся особенности функционирования системы сбора налогов.

Основная ошибка при анализе социальных отношений – считать, что если институциональный фрейм прописан, то все им пользуются одинаково. Это далеко не так. Поэтому сбор эмпирических данных по конкретным ситуациям доверия/недоверия к власти приблизит нас к более точному пониманию стратегий поведения населения в отношении власти и следовательно – доверия.

За каждой типичной ситуацией, типичным социальным контекстом закреплена набор фреймов, которые задают множество позиций, функций, свойств и отношений. Фрейм выступает в качестве базовой аналитической конструкции, которая помогает систематизировать и производить анализ социальных процессов, отраженных в тексте.

Этап 3. – Обработка и анализ полученных массивов данных. На данном этапе исследования целесообразно проанализировать полученный массив данных о конкретных ситуациях доверия/недоверия к власти и выявить закономерности. Будучи описанная, каждая такая модель может пройти сравнение с идеальным фреймом, который существует у государства в отношении того, как общество должно ему доверять. После осуществления такого рода анализа следующим этапом будет выработка индекса доверия, который может дополнительно включать ряд переменных, собранных из других источников.

Таблица 1

Первичная типология ситуаций доверия/недоверия общества к государству

Вступает во взаимодействие с властью		Избегает взаимодействия с властью
Позитивное взаимодействие	Негативное взаимодействие	Решение аналогичных вопросов посредством альтернативных институтов
1. Голосование на выборах	1. Голосование	
2. Митинг в поддержку	2. Митинг против	
3. Удачный опыт обращения к государству с проблемой (с последующим ее решением)	3. Неудачный опыт обращения к государству с проблемой	
4. Успешное взаимодействие с силовыми органами	4. Неуспешное взаимодействие с силовыми органами	

Таблица 2

Структура для описания фрейма

Тип ситуации	Институциональная/Публичная/Личная
Фрейм	Уплата налогов
Структура фрейма	Роли: налогоплательщик ИП и Налоговый орган Свойства: Налогоплательщик платит налог, налоговый орган удерживает налог. Отношения: если налоги не будут уплачены, последуют санкции. Позиции: налогоплательщик в подчиненной позиции, он зависим от решения налогового органа.
Правила поведения	Налогоплательщик должен вовремя уплатить налог заранее установленным способом
Последовательность действий	ИП подает налоговую отчетность, ему начисляют сумму налога, и он должен ее выплатить в пользу налогового органа не позднее определенного числа.

Выводы. Доверие – один из сложных и комплексных объектов для изучения, и в основном его анализируют на материалах социологических опросов. Но при этом часто в поле внимания исследователей не попадают конкретные практики доверия/недоверия. Такой пробел в научных знаниях становится особенно критичным, когда мы имеем дело с латентными фак-

тами недовольства на фоне достаточно высоких официальных рейтингов высших органов власти.

Модель, разработанная в данной статье, призвана заполнить указанный пробел и дать возможность исследовать конкретные практики взаимодействия общества и государства. Методика анализа фреймов позволила нам сформулировать операциональную модель для исследования доверия. Мы выявили типичные ситуации, когда так или иначе может проявляться взаимодействие граждан и государства. В рамках этих ситуаций определили возможные наборы фреймов оценки ситуаций и поведения в них. Следующим этапом станет апробация данной модели на массиве собранных данных. В случае, если модель окажется дееспособной для решения указанных исследовательских задач, может рассматриваться этап обучения машинного интеллекта для поиска и систематизации данных на ее основе.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Дилемма Аксельрода. 1. Обе стороны не могут избежать конфронтации – у них есть только выбор между кооперацией и конкуренцией; 2. Обе стороны знают, что заключены в этой ситуации на неопределенный срок, пока не примут решения; 3. У обеих сторон малый выбор приоритетов. Опыты в рамках теории игр показывают, что даже в ситуации, когда вовлеченные стороны не могут предварительно взять на себя обязательства, не могут отследить поведение другой стороны перед взаимодействием, и не имеют представления о возможности доверять друг другу – кооперация будет осуществлена. Причиной станет «сингал» или мотив, основанный на рациональном просчете выгод и потерь от действия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Белоконев С.Ю., Левина Е.В. Теоретико-методологические аспекты изучения электорального потенциала публичных политиков и их позиционирование в социальных медиа // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11. № 2. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-47-55.

2. Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ., М.: БГК имени И.А. Бодуэна де Куртунэ, 2000.

3. Вебер М. Власть и политика. М.: РИПОЛ, 2017.

4. Волков В.В. Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2005.

5. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М., 2003.

6. Гудков Л. Доверие институтам / Пресс-выпуск Левада-центра. 2020 // <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/>.

7. Курюкин А.Н. Политическое доверие в России и США: опыт сравнительного анализа // Власть. 2018. № 26 (8) // <https://doi.org/10.31171/vlast.v26i8.6055>.

8. Латов Ю.В. Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) // Полис. Политические исследования. 2021. № 5 // <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.11>.

9. Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979.

10. Сергеев В.М. Доверие и пространственное взаимодействие социальных сетей / В.М. Сергеев, А.С. Кузьмин, В.Д. Нечаев, Е.С. Алексеенкова // Полис. Политические исследования. 2017. № 2.

11. Терин Д.Ф. Политическое доверие, удовлетворенность и представления о причинах бедности: роль нормативных аспектов институтов в производстве доверия // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. DOI 10.17976/jpps/2020.03.10.

12. Тилли Ч. От мобилизации к революции. М.: Изд. Дом ВШЭ, 2019.

13. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.

14. Axelrod R. The evolution of cooperation. New York: Basic Books, 1984.

15. Gambetta D. Can We Trust Trust? Trust: Making and Breaking Cooperative Relations. Department of Sociology, University of Oxford, 2000.

16. Edelman Trust Barometer. 2021 // <https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2021-03/2021%20Edelman%20Trust%20Barometer.pdf>.

17. Hosking G. The Decline of Trust in Government // Trust in Contemporary Society. Brill, 2019.

18. Whitt S. Institutions and Ethnic Trust: Evidence from Bosnia // Europe-Asia Studies 62. 2010. No. 2.

E.S. CHIMIRIS

*PhD in political sciences, Head of the
Center for Social and Political Studies, Institute for
Integration Development Research Russian Foreign Trade
Academy Ministry of Economic Development of the Russian Federation;
associate professor of the Financial University under the Government
of the Russian Federation, Moscow, Russia*

FRAME ANALYSIS TECHNIQUES TO STUDY TRUST: A RESEARCH MODEL BUILDING EXPERIENCE

The article discusses the prospects for the use of discourse analysis method, in particular frame analysis, to study the problems of trust. The problem of studying trust is becoming increasingly important in connection with the increase of domestic and foreign political instability in the world as a whole and in separate countries. In connection with the weaving global challenges (the coronavirus pandemic, sanctions policy, trade and migration “wars”, etc.), the governments

of many countries are forced to make unpopular decisions that gradually undermine the confidence of citizens in the power institutes. No less important is the formation of the trust of the middle-level elites in the top leadership of the countries, since the controllability and efficiency of the entire political system will depend on how smoothly the state apparatus will work. In the proposed article, an attempt was made to form a theoretical framework for the study of trust between the state and society, as well as within political elites.

Traditional methods of research on trust, such as opinion polls, have several limitations. Polls record the current level of trust well, but it is more difficult for them to predict a decrease or increase in the level of trust, depending on the onset of certain socio-political and economic conditions. In this regard, the author of the article proposes a variant of using the frame-analysis methodological framework for trust analysis. By frames we mean intellectual structures that describe typical social situations. Once learned through social adaptation, frames determine how people behave in typical situations. In this regard, knowledge about typical frames will make it possible, with a certain degree of probability, to predict behavior in widespread situations. In this regard, the article proposes an algorithm for searching, organizing, and analyzing such typical situations in relation to the problem of trust. The result of this theoretical study is an operational model for analyzing trust based on texts presented in the media, social networks, or in-depth interviews.

Key words: *frame, trust, state, discourse-analysis, political theory, society.*

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ДОВЕРИЯ К ВЛАСТИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ¹

В представленном исследовании был изучен феномен доверия к власти и готовности к политическому поведению в аспекте этнической идентичности у российской молодежи. В эмпирической части работы был проведен опрос представителей молодого поколения россиян, проживающих в разных регионах Российской Федерации, в возрасте от 18 до 34 лет. В качестве методического инструментария использованы следующие методики: шкала политического доверия, шкала «готовности участвовать в политической активности», методика Дж. Финни, измеряющая выраженность этнической идентичности. В результате было установлено, что политическая активность и доверие к власти у молодых респондентов находятся на достаточно низком уровне. Этническая самоидентификация современной молодежи является мало выраженной. Результаты регрессионного анализа продемонстрировали, что этническая идентичность оказывает влияние на общий уровень доверия к власти, при этом не влияет на готовность к политической активности.

Ключевые слова: доверие к власти, политическое доверие, готовность к политическому поведению, политический цинизм, этническая идентичность, российская молодежь.

Введение. Проблема этнического самоопределения, этнической идентичности чрезвычайно важна для представителей молодого возраста. Результатом самоопределения человека в этнокультурном пространстве является формирование его этнической идентичности. Вопрос доверия к власти в молодежной среде также продолжает оставаться одной из наиболее актуальных. Это связано как с особой ролью молодежи в социальной структу-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 21-011-32249 «Политическое доверие и готовность к политическому поведению у молодежи: роль ценностей и идентичности».

ре общества, так и с социокультурными изменениями, которые происходят в молодежной среде.

Термины «политическое доверие» и «политический цинизм» чаще используется при описании отношения к людям, которые занимаются политической деятельностью, чем к политическим институтам [2]. Политический цинизм является противоположностью политического доверия. В современной науке эта идея получила широкое распространение [6; 9]. Практики определяют политический цинизм, как эмоционально нагруженный феномен, в основе которого лежит гнев и презрение к политической системе [18].

В науке выделяется три группы факторов, которые оказывают влияние на уровень политического цинизма. Первая группа факторов включает психологические особенности человека [9]. Чем меньше человек верит в искренность и доброту окружающих, тем более негативно его отношение к политикам. Политический цинизм может предсказывать уровень правого авторитаризма и ориентации на социальное доминирование [3; 4; 16; 19]. Вторая группа факторов включает сообщения, которые транслируются в средствах массовой коммуникации. В частности, исследователи проводят различие между стратегически и проблемно ориентированными политическими сообщениями. Третья группа факторов включает оценку общего состояния социума и его отношения к конкретным политическим деятелям.

В последние годы уделяется особое внимание факторам, которые оказывают влияние на различные формы политического поведения. Психологические исследования, посвященные политической активности, можно разделить на две основные группы. В одних исследованиях изучаются факторы, оказывающие влияние на политическое голосование. Данные факторы включают в себя пол, возраст, образование, доход, социальное доверие, индивидуальная политическая самоэффективность [7]. В других исследованиях рассматриваются факторы, которые оказывают влияние на участие в массовой протестной активности. Речь идет про такие психологические особенности, как коллективная политическая эффективность, групповые эмоции и групповая идентификация [6; 17; 20].

Цель представленного исследования заключается в изучении феномена политического доверия и готовности к политическому поведению, и выявлении влияния этнической идентичности на данные политические конструкты у российской молодежи. Новизна представленного исследования заключается в том, что впервые в российской науке изучен феномен доверия к власти и политической активности в аспекте этнической идентичности у российской молодежи.

Методика. В эмпирическом исследовании были использованы следующие методики:

1. Методика Дж. Финни, измеряющая выраженность этнической идентичности [10; 11]. Опросник содержит 12 утверждений. Средний балл

по всем вопросам является общим показателем выраженности этнической идентичности. Показатели субшкал вычисляются посредством нахождения среднего арифметического от полученной суммы баллов: по шкале выраженности когнитивного компонента этнической идентичности и по шкале выраженности аффективного компонента этнической идентичности.

2. Шкала политического доверия [2]. Она включает в себя шесть политических институтов: армию, судебную систему, политические партии, правительство, парламент и президента. Респонденту необходимо отметить, насколько они доверяют каждому институту по 5-балльной шкале: от 1 – «совсем не доверяю» до 5 – «полностью доверяю».

3. Шкала «готовности участвовать в политической активности» [9; 18; 19]. Респондентам необходимо отметить, насколько они готовы участвовать в формах политической активности по 5-балльной шкале: от 1 – «совсем не готов» до 5 – «полностью готов». Данная методика была сформулирована нидерландскими исследователями [9; 18; 19]. Первый ее вариант включает восемь утверждений, которые описывают политиков вообще, вне связи с каким-либо периодом политической жизни (например, с предвыборной кампанией). Все утверждения отражают негативную оценку политиков; они касаются того, что политики действуют в собственных интересах и лгут людям. Ранее методика была адаптирована для российской выборки. Таким образом, оценка эффективности политического поведения будет измеряться с помощью опросника, который включает в себя шесть форм политических действий: голосование на выборах; подписание коллективных обращений, писем или петиций; личное обращение к региональному политику (письмо, выступление в СМИ, личная встреча); личное обращение к президенту (письмо, выступление в СМИ); участие в работе политических партий; участие в уличных акциях (демонстрациях, пикетах, маршах, митингах).

Респонденты. В исследовании была проведена диагностика молодого поколения россиян, проживающих в разных регионах Российской Федерации, в возрасте от 18 до 34 лет. В выборку вошли 142 мужчины и 149 женщин (n=291) из разных городов РФ: Перми, Екатеринбурга, Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода и сельской местности – городов и поселков Пермского края и Московской области.

Результаты исследования. На первом этапе исследования были проанализированы политическое доверие и готовность политического поведению у современной российской молодежи (см.: Табл. 1).

Осознание этнической принадлежности строится на основе различных характеристик. В качестве отличающих данный этнос от других, могут выступать такие параметры, как ценности, нормы, язык, религия, историческая память, национальный характер, народное профессиональное искусство и т.д. В ходе нашего исследования было установлено, что этническая самоидентификация современной молодежи находится на достаточно низ-

Политическое доверие, готовность к политическому поведению и этническая идентичность у молодежи

Шкалы	Min	Max	M	SD
Этническая идентичность	1,00	3,50	2,22	0,66
Готовность к политическому поведению (Альфа кронбаха – 0,836)	1,00	5,00	2,90	0,99
Голосование на выборах	1,00	5,00	3,8	1,37
Подписание коллективных обращений	1,00	5,00	3,65	1,33
Личное обращение к политику	1,00	5,00	2,66	1,33
Личное обращение к президенту	1,00	5,00	2,33	1,34
Участие в работе политических партий	1,00	5,00	2,33	1,28
Участие в уличных акциях	1,00	5,00	2,61	1,37
Уровень доверия к власти (Альфа кронбаха – 0,877)	1,00	4,20	2,06	0,83
Доверие к армии	1,00	5,00	2,21	1,16
Доверие к судебной системе	1,00	5,00	2,38	1,04
Доверие к политической системе	1,00	4,00	1,93	0,90
Доверие к правительству	1,00	4,00	1,93	0,95
Доверие к президенту	1,00	4,00	1,84	1,02

ком уровне. Представители российской молодежи не испытывают гордость за свою этническую группу, не чувствуют принадлежность к ней, и не стремятся поддерживать традиции своей этнической группы.

У молодых респондентов наблюдается достаточно низкий уровень доверия к власти. При этом, самый низкий уровень доверия к правительству и президенту, а высокий к судебной власти. Готовность к политическому поведению можно оценить выше среднего уровня. Представители российской молодежи готовы к подписанию коллективных обращений однако в меньшей степени склонны участвовать в работе политических партий, и лично обращаться к президенту. Как было отмечено в более ранних исследованиях, политический цинизм связан с оценкой экономического состояния общества и обеспокоенностью граждан уровнем преступности. Кроме того, он связан с оценкой намерений и действий конкретных политиков, а также с исходом голосования на политических выборах. В целом негативное отношение к политикам может стать результатом негативной оценки состояния общества или негативного отношения к конкретным политическим деятелям [9]. Кроме того, политический цинизм связан с более низкой политической эффективностью. Чем циничнее люди относятся к политикам, тем

Таблица 2

**Взаимосвязь между доверием к власти, готовностью
к политическому поведению и этнической идентичностью:
результаты корреляционного анализа**

Шкалы	Общий уровень доверия к власти	Готовность к политическому поведению
Этническая идентичность	0,374**	0,079

Таблица 3

**Влияние этнической идентичности на готовность
к политическому поведению и доверие к власти:
результаты регрессионного анализа**

Зависимые переменные	Независимые переменные	
	Общий уровень доверия к власти	Готовность к политическому поведению
Этническая идентичность	0,298	0,053
R2	0,140	0,006
F	14,312***	0,547

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$

меньше они верят в то, что «обычные» граждане могут повлиять на исход политических выборов [13; 14; 15; 21] или процессы, которые происходят в стране в целом [8; 9; 10]. Благодаря связи с политической эффективностью политический цинизм уменьшает готовность людей участвовать в разных формах политической активности. У представителей российской молодежи можно отметить большую склонность к социальному цинизму, чем к политическому доверию.

На следующем этапе исследования была выявлена взаимосвязь между доверием к власти, готовностью к политическому поведению и этнической идентичностью (см.: Табл. 2).

Установлено, что общий уровень доверия к власти связан с этнической идентичностью, другими словами, положительная этническая самоидентификация приводит в росту уровня общего доверия к власти, а именно доверия к армии, судебной системе, правительству, политической системе и президенту. Недостаточная этническая самоидентификация, напротив, снижает уровень доверия к власти.

На последнем этапе реализации исследования был проведен регрессионный анализ с целью установить влияние этнической идентичности на готовность к политическому поведению и уровень доверия к власти (см.: Табл. 3).

Таким образом, этническая идентичность оказывает влияние на общий уровень доверия к власти, тем не менее не влияет на готовность к политическому поведению. Российская молодежь с высоким уровнем этнической идентичности, проявляющейся в том, что респонденты чувствуют гордость за свою этническую группу, соблюдают традиции, ощущают привязанность к ней, в свою очередь, склонны испытывать доверие к власти (к армии, правительству, политической системе, правительству и президенту).

Выводы. Как было нами сказано ранее, проблема доверия к власти продолжает оставаться одной из наиболее актуальных и востребованных. Учеными неоднократно было обнаружено снижение общественного доверия к правительству и большинству политических учреждений в современных развитых странах. Потеря гражданами доверия к власти коснулась и России. Низкий уровень доверия может в итоге привести к опасным и деструктивным конфликтам. Особый интерес к проблеме доверия к власти у молодежи связан с социокультурными изменениями, которые происходят в молодежной среде. Этническая идентичность является динамичным образованием и может подвергаться трансформации. Молодежь – наиболее активная, мобильная и динамичная социальная группа, в то же время является наиболее уязвимой перед теми или иными тенденциями социальной жизни.

В ходе реализации исследования было установлено, что у молодых респондентов достаточно низкий уровень доверия к власти, при этом самый низкий уровень доверия к правительству и президенту, а наиболее высокий к судебной системе. Готовность к политическому поведению можно оценить выше среднего уровня, что свидетельствует о том, что представители российской молодежи готовы к подписанию коллективных обращений однако в меньшей степени склонны участвовать в работе политических партий, и лично обращаться к президенту. Таким образом, отмечено, что у представителей российской молодежи наблюдается склонность к социальному цинизму, нежели к политическому доверию. Также в ходе исследования было установлено, что этническая принадлежность современной молодежи находится на достаточно низком уровне. Представители российской молодежи не испытывают гордость за свою этническую группу, не чувствуют принадлежность к ней, и не стремятся поддерживать традиции своей этнической группы. Результаты регрессионного анализа продемонстрировали, что этническая идентичность оказывает влияние на общий уровень доверия к власти. Представители российской молодежи с высоким уровнем этнической идентичности в свою очередь испытывают доверие к власти.

Таким образом, в ходе исследования была определена этническая идентичность современной российской молодежи, установлен уровень поли-

тического доверия к армии, судебной системе, правительству, президенту, и определена готовность к политическим действиям (голосование на выборах; подписание коллективных обращений, писем или петиций; личное обращение к региональному политику; личное обращение к президенту; участие в работе политических партий; участие в уличных акциях). На завершающем этапе было проанализировано влияние этнической идентичности на формирование политического доверия и готовность к политическому поведению у современной российской молодежи. Результаты данного исследования могут послужить основой для разработки рекомендаций в области формирования политического доверия у российской молодежи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Асташова Ю.В.* Маркетинг: Теория поколений в маркетинге // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и Менеджмент». 2014. № 8.
2. *Гулевич О.А., Сариева И.Р.* Социальные верования, политическое доверие и готовность к политическому поведению: сравнение России и Украины // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 2. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110205>.
3. *Altemeyer B.* Enemies of freedom: Understanding right-wing authoritarianism. Mississauga: Jossey-Bass, 1988.
4. *Altemeyer B.* The authoritarian specter. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.
5. *Becker J.C., Tausch N.* A dynamic model of engagement in normative and non-normative collective action: Psychological antecedents, consequences, and barriers // European Review of Social Psychology. 2015. № 26. DOI: 10.1080/104632 83.2015.1094265.
6. *Dekker H., Meijerink F.* Political cynicism: Conceptualization, operationalization, and explanation. Politics // Culture and Society. 2012. Vol. 3.
7. *Harder J., Krosnick J.A.* Why Do People Vote? A Psychological Analysis of the Causes of Voter Turnout // Journal of Social Issues. 2008. № 64. DOI: 10.1111/j.1540-4560.2008.00576.x.
8. *Heiss R., Matthes J.* Mobilizing for some. The effects of politicians' participatory Facebook posts on young people's political efficacy // Journal of Media Psychology. 2016. Vol. 28.
9. *Pattyn S., Van Hiel A., Dhont K., Onraet E.* Stripping the political cynic: A psychological exploration of the concept of political cynicism // European Journal of Personality. 2012. Vol. 26.
10. *Phinney J.* The Multigroup Ethnic Identity Measure: A new scale for use with diverse groups // Journal of Adolescent Research. 1992. Vol. 7.
11. *Phinney J., Ong A.* Conceptualization and Measurement of Ethnic Identity: Current Status and Future Directions // Journal of Counseling Psychology. 2007. Vol. 54.

12. *Pinkleton B.E., Austin E.W.* Exploring relationships among media use frequency, perceived media importance, and media satisfaction in political disaffection and efficacy // *Mass Communication and Society*. 2002. Vol. 5.
13. *Pinkleton B.E., Austin E.W.* Individual motivations, perceived media importance, and political disaffection // *Political Communication*. 2001. Vol. 18.
14. *Pinkleton B.E., Austin E.W.* Media perceptions and public affairs apathy in the politically inexperienced // *Mass Communication and Society*. 2004. Vol. 7.
15. *Pinkleton B.E., Um N.-H., Austin E.W.* An exploration of the effects of negative political advertising on political decision making // *Journal of Advertising*. 2002. Vol. 31.
16. *Sidanius J., Pratto F.* Handbook of theories of social psychology / ed. P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins. Thousand Oaks, CA: Sage, 2012. Vol. 2.
17. *Thomas E.F., Mavor K.I., McGarty C.* Social identities facilitate and encapsulate action-relevant constructs: A test of the social identity model of collective action // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2011. № 15. DOI: 10.1177/1368430211413619.
18. *Van Assche J., Dhont K., Van Hiel A., Roets A.* Ethnic diversity and support for populist parties. The “right” road through political cynicism and lack of trust // *Social Psychology*. 2018. Vol. 49.
19. *Van Assche J., Van Hiel A., Dhont K., Roets A.* Broadening the individual differences lens on party support and voting behavior: Cynicism and prejudice as relevant attitudes referring to modern-day political alignments // *European Journal of Social Psychology*. 2019. Vol. 49.
20. *Van Zomeren M., Leach C.W., Spears R.* Protesters as “passionate economists”: A dynamic dual pathway model of approach coping with collective disadvantage // *Personality and Social Psychology Review*. 2012. № 16. DOI: 10.1177/108886831143083532.
21. *Yamamoto M., Kushin M.J., Dalisay F.* Social media and political disengagement among young adults: A moderated mediation model of cynicism, efficacy, and social media use on apathy // *Mass Communication and Society*. 2017. Vol. 20.

V.A. FEDOTOVA
Master of Psychology Senior Lecturer,
Department of Management, National Research University
Higher School of Economics, Perm, Russia

IDENTITY AS A DETERMINANT OF TRUST IN POWER AND POLITICAL ACTIVITY ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN YOUTH¹

In the presented study, the phenomenon of trust in power and readiness for political behavior in the aspect of ethnic identity among Russian youth was studied. In the empirical part of the work, a survey was conducted among representatives of the young generation of Russians living in different regions of the Russian Federation, aged 18 to 34 years. The following methods were used as methodological tools: the scale of political trust, the scale of "willingness to participate in political activity", the method of J. Finney, which measures the severity of ethnic identity. As a result, it was found that the political activity and trust in the authorities among young respondents are at a rather low level. Ethnic self-identification of today's youth is little expressed. The results of the regression analysis showed that ethnic identity has an impact on the general level of trust in power, while not affecting the readiness for political activity.

Key words: *trust in the authorities, political trust, readiness for political behavior, political cynicism, ethnic identity, Russian youth.*

¹ The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project 21-011-32249 "Political trust and readiness for political behavior among young people: the role of values and identity".

DOI 10.35775/PSI.2022.77.1.006

УДК 314.74

В.А. ЗИМИН

доктор политических наук,
профессор кафедры государственного
и муниципального управления Самарского
национального исследовательского университета
им. академика С.П. Королева,
Россия, г. Самара

МИГРАНТЫ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА

В статье рассматривается миграция иностранцев на российском рынке труда с использованием нового российского законодательства. Целью статьи является изучение проблемы международной миграции на российском рынке труда. Для достижения данной цели решались такие задачи, как определение актуальности использования труда мигрантов, изучение особенностей международной миграции рабочей силы и ее причин, анализ распределения по федеральным округам РФ на 2022 год квоты на выдачу иностранным гражданам, пребывающим в Российской Федерации на основании визы, разрешение на работу, проведение социального опроса среди жителей Самарской области по одному вопросу (548 чел.; октябрь 2021 г.) и анализ полученных результатов. Методами работы явился теоретический обзор литературы, исследование, количественный и качественный анализ данных. По результатам проведенного опроса большинство жителей Самарской области уверены в том, что никакие трудовые мигранты не нужны России. В заключении автор делает вывод о том, что развитие специальных режимов трудоустройства иностранных работников еще не завершено и следует ожидать новые специальные механизмы трудоустройства иностранных граждан. Так, например, требует своего решения вопрос о сезонной иммиграции (как правило, сезонные работники востребованы в таких сферах, как сельское хозяйство и туризм).

Ключевые слова: Российская Федерация, рынок труда, трудовая миграция, квоты, законы.

Сейчас общественные отношения характеризуются значительным усложнением и сопровождаются активным использованием политики для решения возникающих проблем [5. С. 23].

Одним из важных факторов экономической и социально-политической жизни стало использование труда мигрантов. Особую актуальность иссле-

дуремый вопрос приобретает по той причине, что в системе международных экономических отношений миграции рабочей силы между континентами, государствами, регионами принадлежит достаточно заметная и всевозрастающая роль. Ее разнонаправленные потоки формируют международный и региональные рынки труда.

Для Российской Федерации проблемы международной миграции рабочей силы актуальны, поскольку помимо переселенческой миграции присутствует и трудовая миграция, когда и российские граждане уезжают в целях поиска работы на американский континент, в страны Западной Европы. Одновременно с этим целый ряд регионов Российской Федерации, такие как Дальний Восток, Москва и Московская область, стали центрами притяжения трудящихся мигрантов из дальнего и ближнего зарубежья, и для некоторых трудящихся Российская Федерация представляет собой транзитный пункт по пути следования в страны Запада.

В настоящее время глобализационные процессы, так или иначе, охватили все сферы общественной жизни и создают глобальную по своему масштабу систему взаимозависимости стран и народов мира [3. С. 38-62].

В результате процессов глобализации происходит формирование нового международного разделения труда, в котором мигранты играют важную роль, заполняя целые экономические ниши и отрасли национальной экономики принимающих стран [4. С. 261-264].

Международная миграция рабочей силы представляет собой перемещение населения через государственные границы с целью вступления в трудовые отношения с работодателями в другой стране. Масштабы трудовой миграции непрерывно возрастают, и в данный процесс вовлечены практически все страны мира. Международная трудовая миграция приобретает все большие масштабы и становится характерным явлением социально-экономической жизни современного мира. Массовость миграции означает не только несоответствие между странами в экономическом развитии и ростом численности населения, но и отражает внутренние противоречия общества, которые усугубляются кризисными ситуациями [7. С. 34-37].

Внешняя миграция оказывает значительное влияние на численность населения и его состав, а, соответственно, и на экономическую и политическую ситуацию в стране. Международная трудовая миграция изначально появляется как стихийное явление, но со временем государство охватывает ее своим регулированием.

Международная миграция трудовых ресурсов вызвана как экономическими, так и неэкономическими причинами.

К неэкономическим причинам можно отнести: политические, экологические, национальные, семейные, религиозные, расовые и др. Основной экономической причиной является различие в уровне развития отдельных стран. Трудовые ресурсы имеют тенденцию к перемещению из стран с низ-

ким уровнем жизни в страны с более высоким уровнем, в надежде на более высокую оплату труда [2. С. 184-189].

Другой экономической причиной миграции является наличие безработицы на национальном рынке труда, так как рост безработицы внутри страны вынуждает людей отправляться на поиски работы за пределы национальных границ.

Зарубежную деятельность транснациональных корпораций можно также отнести к экономическим причинам, так как существование транснациональных корпораций подразумевает перемещение работников к рабочим местам, расположенным за границей в зарубежных филиалах транснациональных корпораций. Большую часть миграционных потоков составляют рабочие, меньшую – служащие [8. С. 46-51].

На современный рынок труда России миграция как социально-экономическое явление оказывает большее воздействие, нежели демографический фактор – рождаемость. Причем если рождаемость влияет только на количество трудовых ресурсов, то миграция – как на их количество, так и на качество.

Положительный миграционный прирост свидетельствует о достаточно высокой привлекательности региона в пределах России. Объяснением этого факта служит развитие ресурсных отраслей экономики, прежде всего нефтедобывающей промышленности.

Известно, что миграция оказывает влияние на рынок труда. Анализируя рынок труда в стране, можно сделать выводы о том, что ситуация противоречивая.

С одной стороны, мигранты не нужны, поскольку они рушат российский рынок труда. С другой стороны, мигранты нужны.

Здесь важно ответить на следующие вопросы:

- какие мигранты нужны?
- как они должны попадать на российский рынок труда?

Для ответа на данные вопросы и решения соответствующих проблем необходимыми являются:

- реорганизация профессионального образования и российского рынка труда;
- целевой набор в странах выезда.

Минтруд России разработал, а Правительство РФ утвердило алгоритм действий по привлечению в экономику Российской Федерации иностранных граждан, данный алгоритм распространяет свое действие на период действия ограничительных мер на въезд в нашу страну для иностранных граждан [12].

Данный алгоритм предполагает возможность для работодателя размещать в информационно-аналитической системе Общероссийская база вакансий «Работа в России» (<https://www.trudvsem.ru/auth/login/manager>) потребность и заявки на привлечение иностранных работников.

Рассмотрение и согласование размещенных на портале заявок работодателей осуществляет Межведомственная комиссия по вопросам привлечения и использования иностранных работников.

Кроме того, Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации распределяет между регионами квоты на выдачу иностранцам приглашений на въезд в Россию и разрешение на работу. Вот так выглядит распределение по федеральным округам РФ на 2022 год квоты на выдачу иностранным гражданам, пребывающим в Российской Федерации на основании визы, разрешение на работу [10]:

Количество разрешений, шт.:

Центральный федеральный округ – 17 352

Северо-Западный федеральный округ – 28 944

Южный федеральный округ – 352

Северо-Кавказский федеральный округ – 15

Приволжский федеральный округ – 5 248

Уральский федеральный округ – 4 063

Сибирский федеральный округ – 6 829

Дальневосточный федеральный округ – 32 587

Резерв квоты по Российской Федерации – 28 617

Речь идет об иностранцах, прибывающих в страну в визовом порядке. Для ряда регионов квоты увеличены. Также важно, что для работы в сельском хозяйстве расширены возможности по привлечению иностранных работников [13].

Также изменению подверглись квоты на выдачу иностранным гражданам, прибывающим в Российскую Федерацию на основании визы, разрешений на работу по профессионально-квалификационным группам и квоты на выдачу иностранным гражданам, прибывающим в Российскую Федерацию на основании визы, приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности. Например, для Московской области из 3 776 квот на 2022 год необходимо:

155 – руководителей учреждений, организаций и предприятий, и их структурных подразделений (служб);

179 – работников сферы индивидуальных услуг и защиты граждан и собственности;

159 – рабочих, занятых на горных, горно-капитальных и на строительном-монтажных и ремонтно-строительных работах;

328 – операторов, аппаратчиков, машинистов и слесарей-сборщиков стационарного оборудования [10].

Величину доли принимаемых на работу иностранцев (квоту) устанавливает Правительство РФ, руководствуясь при этом общегосударственными интересами. Вводится такая доля может для определенных отраслей, регионов, профессий (специальностей, квалификаций), стран, из которых

в Россию прибывают иностранцы. Величина квоты имеет значение для иностранцев, имеющих визу.

Требования по квотам на иностранных работников устанавливаются ежегодно. Для 2021 года в них в сравнении с 2020 годом было много новшеств – введены отсутствовавшие ранее ограничения для отраслей, связанных с лесоводством, лесозаготовками, обработкой древесины, торговлей древесиной и пиломатериалами, а также для деятельности по управлению недвижимостью и обслуживанию зданий и территорий. Снижена численность иностранцев для деятельности по сухопутным пассажирским перевозкам и по грузоперевозкам автотранспортом. Иные требования – 2020 для 2021 года были сохранены без изменений. Соответствие новым требованиям в отношении численности работников – иностранцев становится обязательным для работодателей с первого дня 2021 года. Несоблюдение этих требований чревато большим штрафом или приостановлением деятельности.

До 2020 года Российскую Федерацию ежегодно посещало 15-16 млн иностранных граждан, из которых 5-6 млн прибывали в страну с целью трудоустройства. Одновременно на территории страны находилось в течение года в среднем 10-12 млн иностранных граждан, из которых 3-4 млн человек прибывали на временные заработки.

Пандемия коронавируса внесла коррективы в миграционные процессы не только в России, но и других государствах. Закрытие границ, прекращение транспортного сообщения между странами, введение карантинных мероприятий привело к тому, что люди, оказавшиеся в этот момент за границей, не смогли вернуться на родину. В данной ситуации в зоне риска также оказались и временные работники.

По данным Государственной информационной системы миграционного учета, на территорию Российской Федерации в 2020 году прибыло 5,8 млн иностранных граждан, что ниже показателя за аналогичный период прошлого года на 70%. Более 75% всех въехавших в Российскую Федерацию иностранных граждан прибыли в I квартале. Покинули территорию России в 2020 году 5,7 млн иностранных граждан (-68%).

По состоянию на 11 января 2021 года на территории Российской Федерации находилось 5,7 млн иностранных граждан. По сравнению с началом года численность находящихся иностранцев в России уменьшилась почти на 46%.

В 2020 году иностранным гражданам оформлено 138,3 тыс. приглашений на въезд в Российскую Федерацию (-72,7%). Количество оформленных иностранным гражданам виз уменьшилось на 35,5% и составило в отчетном периоде 224,7 тыс. За 2020 год зафиксировано 9,8 млн фактов постановки иностранных граждан на миграционный учет (-49,8%) [9].

В 2021 году иностранные граждане получили почти два миллиона патентов на работу, а в 2020 году их количество составляло только 970 тысяч [1].

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, необходимы ли современной России, в том числе Самарской области, трудовые мигранты? (в %)

Варианты ответов	2021 год
Да, но необходимы лишь те мигранты, которые намерены оставаться в России навсегда	11,9
Да, но необходимы лишь те мигранты, которые приезжают на заработки, но затем возвращаются	17,9
Да, необходимы и те, и другие трудовые мигранты	10,4
Нет, никакие трудовые мигранты не нужны России	41,1
Затрудняюсь ответить	18,7

Мы провели соцопрос среди жителей Самарской области по одному вопросу (548 чел.; октябрь 2021 г.) с вариантами ответов и получили такие данные (см. табл. 1):

Данные соцопросов в разных субъектах Российской Федерации будут разные в зависимости от самих мигрантов, их труда, поведения, преступности и т.д. Трудовое право играет важную роль в регулировании трудовых отношений работников с организациями, учреждениями, хозяйствами независимо от форм собственности и хозяйствования. В трудовом правоотношении его содержание составляют конкретные права и обязанности. Их приобретают субъекты (стороны) с момента возникновения этого правоотношения. Правом одной стороны (работника) соответствуют конкретные обязанности другой (администрации) и наоборот [11. С. 286, 288]. Многие иностранцы въезжают в Российскую Федерацию временно и в порядке, не требующем получения визы, в том числе для работы по трудовому или гражданско-правовому договору без получения разрешительных документов в соответствии с международными договорами РФ. Чтобы обеспечить за такими лицами надлежащий контроль был принят Закон от 1 июля 2021 г. № 274-ФЗ. Он ввел новые обязанности иностранных работников с 29 декабря 2021 года. Данный закон внес изменения в два федеральных закона: «О трудовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (от 25.07.2002 № 115-ФЗ) и «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» (от 25.07.1998 № 128-ФЗ). Согласно ему иностранным трудовым мигрантам необходимо с 29 декабря 2021 года проходить больше обязательных процедур для работы в Российской Федерации. Для трудовых мигрантов надо проходить:

- медицинское освидетельствование – для подтверждения отсутствия опасных инфекций (включая ВИЧ) и наркомании;

- дактилоскопию (снятие отпечатков пальцев) и фоторегистрацию (плюс последующая биометрическая идентификация).

Эти процедуры проводятся организациями, которые находятся в ведении или тесном контакте с МВД России. В подтверждение прохождения они выдают специальный документ. Срок прохождения данных процедур – 30 календарных дней с момента въезда иностранцев в Россию.

Также установлен порядок проведения государственного контроля (надзора) за соблюдением обязательных требований при проведении экзамена по русскому языку как иностранному, истории России, основам законодательства Российской Федерации, и выдаче иностранным гражданам соответствующего сертификата [14]. Здесь необходимо обратить внимание на качество учебной литературы и преподавание русского языка. Надо создавать положительный образ России через: сведения языка, истории, культуры, образа жизни и традиций страны. К сожалению, еще встречается достаточно много некачественных учебных материалов для изучения иностранцами русского языка и истории России.

Патенты на работу в России в 2021 году выдавались на срок от одного до двенадцати месяцев, а гражданам Республики Таджикистан – на срок до трех лет. Патент можно неоднократно продлевать.

На территорию Российской Федерации могут без визы въезжать граждане государств, полный список которых дан в Письме МИД России от 27 апреля 2021 года № 19261/кд «О режиме въезда иностранных граждан в Российскую Федерацию». Туда попадает большинство стран СНГ и ЕАЭС, а также другие государства. С 29 декабря 2021 года работающим в России трудовым мигрантам начали выдавать карты с биометрическим чипом. Он имеет форму карты размером 8,5 см на 5,3 см, на лицевой стороне – фотография, Ф.И.О., дата рождения, гражданство, серия и номер удостоверяющего личность документа, профессия и ИНН.

Таким образом, в России на федеральном уровне принимаются решения о квотах (количестве специалистов из других стран). В нормативных документах указываются регионы, куда, кто и сколько специалистов направляются. Не вызывает сомнения важность и необходимость данных решений.

Однако развитие специальных режимов трудоустройства иностранных работников еще не завершено и следует ожидать новые специальные механизмы трудоустройства иностранных граждан. Так, например, требует своего решения вопрос о сезонной иммиграции (как правило, сезонные работники востребованы в таких сферах, как сельское хозяйство и туризм).

Современная политическая система Российской Федерации успешно выполняет функцию целеполагания, определяя общезначимые цели развития общества и пути мобилизации огромных ресурсов (в том числе и трудовых) для их достижения [6. С. 101-102].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. В 2021 году выдано в два раза больше патентов, чем в 2020 // <http://www.molbulak.ru>.

2. Гродская Г.Н., Деревяшкина М.Ю. Принятие управленческих решений в сфере трудовой миграции (на примере Самарской области) // Принятие управленческих решений в сфере трудовой миграции (на примере Самарской области): сборник научных трудов. Уфа: Вестник науки, 2020.

3. Горда О.С., Глобина В.И. Межстрановая миграция населения: роль, факторы и последствия // Экономика и бизнес: теория и практика. 2016. № 3.

4. Зайцева А.Э. Международная миграция рабочей силы: понятия, причины, анализ, проблемы // Актуальные вопросы науки и хозяйства: новые вызовы и решения: сборник научных работ. Тюмень, 2016.

5. Зимин В.А., Морозова Г.А. Политическая модернизация в Российской Федерации, ее особенности // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6. № 6-1 (28).

6. Зимин В.А. Политическая система в Российской Федерации: состояние, проблемы и перспективы развития: монография. Самара: Научно-технический центр, 2018.

7. Кирова А.А., Спиридонова М.А. Конституционные и экономические основы миграции (на примере Самарской области) // Вестник молодых ученых Самарского государственного экономического университета. 2020. № 2.

8. Кононец А.Н. Зависимость объемов и направления трудовой миграции от сароса на рынке труда // Политика, экономика и право в социальной системе общества: новые вызовы и перспективы: сборник научных работ. М., 2016.

9. Миграционная ситуация в Российской Федерации за 2020 год // <https://www.e-cis.info>.

10. О распределении по субъектам Российской Федерации утвержденных Правительством Российской Федерации на 2022 год квот на выдачу иностранным гражданам, прибывающим в Российскую Федерацию на основании визы, разрешений на работу и приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности: Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 17.12.2021 № 893н // СПС «КонсультантПлюс».

11. Попов А.А., Комаров В.В., Зимин В.А. Правовое обеспечение экономики: учебное пособие / под редакцией профессора В.А. Зимина. Самара: Издательство «Ас Гард», 2008.

12. Распоряжение Правительства РФ от 16.03.2020 г. № 635-р (ред. от 14.04.2023) // «О временном ограничении въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства и временном приостановлении оформления и выдачи виз и приглашений» // СПС «КонсультантПлюс».

13. Ряд регионов может в этом году пригласить больше иностранных работников // Официальный сайт Российского союза предпринимателей молочной отрасли // <http://www.dairyunion.ru/ryad-regionov-mozhet-v-etom-godu-priglasit-bolshe-inostrannyh-fabotnikov>.

14. Федеральный закон от 01.07.2021 г. № 274-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и Федеральный закон «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

V.A. ZIMIN

*Doctor of Political Sciences,
Professor of the Department of State
and Municipal Administration
Samara University, Samara, Russia*

MIGRANTS IN THE RUSSIAN LABOR MARKET

The article deals with the migration of foreigners in the Russian labor market using the new Russian legislation. The purpose of the article is to study the problem of international migration in the Russian labor market. To achieve this goal, such tasks were solved as determining the relevance of using the labor of migrants, studying the features of international labor migration and its causes, analyzing the distribution of quotas for issuing visas for foreign citizens staying in the Russian Federation on the basis of a visa in 2022, work, conducting a social survey among residents of the Samara region on one issue (548 people; October 2021) and analyzing the results. The methods of work were a theoretical review of the literature, research, quantitative and qualitative data analysis. According to the results of the survey, the majority of residents of the Samara region are sure that Russia does not need any labor migrants. In conclusion, the author concludes that the development of special regimes for the employment of foreign workers has not yet been completed and new special mechanisms for the employment of foreign citizens should be expected. For example, the issue of seasonal immigration needs to be resolved (as a rule, seasonal workers are in demand in such areas as agriculture and tourism).

Key words: *Russian Federation, labor market, labor migration, quotas, laws.*

DOI 10.35775/PSI.2022.77.1.007

УДК 321.01, 177.1, 174.4

А.А. МАЛАХОВ

кандидат политических наук,
начальник юридического отдела Федерального
исследовательского центра картофеля имени А.Г. Лорха,
Россия, г. Москва

БОРЬБА С БЕДНОСТЬЮ КАК ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ

Анализируется бедность как экономический, социальный и морально-этический феномен. Показано, что помощь бедным, защита нуждающихся в современном мире являются важными обязанностями государства. Подчеркнуто, что ответственность государства за то, чтобы граждане имели выбор и выход из бедности и крайней нужды, в настоящее время воспринимается как социальная норма. Единое для многих стран понимание политики борьбы с бедностью как ценностной конструкции есть результат общей для большинства стран мира политической и интеллектуальной истории, общих культурных истоков. Акцентируется внимание на том, что ввиду существования в разных странах разных подходов к самому определению бедности, подходы к осуществлению этой политики также различны.

Ключевые слова: бедность, государственная политика, естественное состояние, общественный договор, политическое состояние, критерии бедности, социальная защита, демократия.

Введение. В настоящее время – в 2020-2021 годах, во время пандемии новой коронавирусной инфекции Ковид-19, проблема бедности населения России снова вышла на первый план политической повестки дня [4]. К проблеме бедности обращался в своих речах Президент РФ; она стала предметом обсуждения в публичной сфере и научном дискурсе. Так, Президент РФ говорил: «Мы хорошо понимаем, что наряду с реальными достижениями (экономики РФ – А.М.) есть и значительное число нерешенных задач. Проблем, которые чувствительны для людей. Это прежде всего *бедность, низкие доходы многих семей* (курсив мой – А.М.), невысокое качество первичного звена здравоохранения, изношенность школьных зданий». Во время другой встречи он отмечал: «У нас у всех много общих вызовов, общих задач. Нужно до минимума свести *уровень бедности в стране, вытациить из нее*

значительное число людей (курсив мой – А.М). Нужно улучшить условия жизни, развития, обучения, да и просто питания детей в семьях с низкими доходами» [5]. Актуальность нашей работы определяется ростом политической значимости проблемы бедности для российского внутривнутриполитического дискурса. Целью настоящей статьи является выявление теоретических политологических аспектов проблемы бедности.

Бедность как объект внимания государства в контексте теории общественного договора. Работа Джона Локка, содержащая описание первоначального, дополитического состояния человека является наилучшим анализом как самого дополитического состояния, так и декларацией того, что есть его противоположность – политическое состояние, одним из параметров которого сегодня принято считать социальную защищенность человека, обеспечиваемая государством, защищенность, в том числе, от крайней бедности и нужды. Два трактата Дж. Локка, помимо иных содержащихся в них идей, представляют собой раннее оформление взгляда научного сообщества и государства на то, что социум должен регулироваться такими законами, которые устанавливаются государством для обеспечения общественного блага. В XXI веке ограниченному кругу уже может казаться, что для Дж. Локка «естественное» (дopolитическое состояние), которое Дж. Локк представляет в своем «Втором трактате о правлении», является гипотезой или теорией [2]. Однако должно помнить и понимать, что в эпоху Дж. Локка голод и болезни, сопровождавшие бедность, были главным социальным бедствием и основной причиной смертности для всех без исключения возрастных категорий.

Именно в силу этих объективных причин, бедность, оказавшись в фокусе внимания общества и государства после буржуазных революций, открывших эпоху политического представительства широких слоев населения, оставалась в нем несколько сот лет. Закономерно, с этой точки зрения, что одним из наиболее важных событий в реальной политике, после которого в общественный договор между населением и государством был внесен пункт, связанный с необходимостью для государства обеспечить минимальную социальную защиту для граждан были общественные дебаты о так называемом Новом Законе о бедных, продолжавшиеся в Англии в конце восемнадцатого – начале девятнадцатого века, которые окончились принятием Закона 1934 года. Его инновационность заключалась в централизации заботы о бедных и переносе ответственности за призрение с коммуны на государство. Общественная дискуссия позволила британскому обществу осознать коллективное бытие в его единстве, а коллективную ответственность – как его неотъемлемую составляющую. Таким образом, с принятием Закона о бедных, был открыт новый социальный мир, о существовании которого никто и не подозревал: мир социальных норм, управляющих сложными общественными отношениями [3. С. 480].

Отсутствие бедности и внимание общества к бедности, ее причинам и социальным последствиям, является такого рода социальной нормой. Ответственность государства за то, чтобы организовать в той или иной форме помощь людям в том, чтобы граждане имели выбор и выход из бедности и крайней нужды, также в настоящее время воспринимается как социальная норма. Более того, тенденции гуманизации общественных отношений привели к тому, что крайняя бедность обществ Центральной и Восточной Африки воспринимается просвещенным международным сообществом как сфера ответственности всего человечества, однако особенно той его части, которая пребывает в состоянии благополучия и защищенности от крайней нужды, болезней, голода и войны (которая также может и порождать, и порождаться бедностью).

Согласно нормам международной политики, «цели искоренения нищеты в мире <...> являются для человечества этическим, социальным, политическим и экономическим императивом. С этой целью на национальном уровне, действуя в сотрудничестве со всеми представителями гражданского общества и в контексте многопланового и комплексного подхода, мы (государства – подписанты Копенгагенской декларации о социальном развитии – А.М.): а) в первоочередном порядке разработаем <...> или укрепим национальную политику и стратегии, направленные на существенное сокращение всеобщих масштабов нищеты в кратчайшие сроки, уменьшение неравенства и искоренение абсолютной нищеты в заданные сроки, которые будут определены каждой страной в своем национальном контексте» [1].

Борьба с бедностью постепенно становилась и в настоящее время является одной из неотъемлемых функций и направлений деятельности социального государства. Почти в каждой стране мира с середины XX века существует направление налогово-бюджетной политики, суть которого сводится к перераспределению доходов между молодым, работающим и выплачивающим налоги населением и когортой бедных, больных, пожилых или нетрудоспособных граждан. Посредством этого направления политики государство и его социальные партнеры снижают уровень социального напряжения между индивидами по поводу неравенства, стремясь обеспечить социальную и политическую стабильность общества как форме коллективного бытия. Многие исследователи отмечают: «С момента достижения обществом индустриального уровня развития социальная функция государства получает свое наиболее полное выражение. Тем самым любое государство (а не только правовое) на индустриальной стадии развития общества становится социальным, т.е. оно вынуждено целенаправленно обеспечивать определенный уровень достойной жизни своим гражданам. Этот процесс происходит в любом государстве (независимо от политического режима)» [7. С. 32].

В этом отношении, идея континуума развития, артикулированная в теориях эпохи Просвещения, была воплощена в политическую практи-

ку через постепенное создание социальных институтов. Различные нации и культуры выстраивали институты социальной защиты личности. Исходя из совершенно различных представлений о роли и значимости личности в общественных отношениях, в конечном итоге, все общества и государства признали право личности на защиту от стихии «дополитического состояния», в котором им бы грозила бедность или болезни, а также обязанность государства по обеспечению хотя бы минимальной защиты. Это одно из наиболее существенных наследий совместного прошлого развития, пройденного современными государствами. Отчасти эта общность дизайна и его понимания в теории есть результат общей политической и интеллектуальной истории, общих культурных истоков (набора уже неоспоримых предположений эпохи торжества рационализма). Соответственно, идея политического общества для всех наций представляет собой идею организованного государством справедливого сотрудничества между свободными и равными людьми и гражданами [11].

В определенном смысле, в наших рассуждениях мы пришли к одной из версий социологического функционализма. Институциональная конфигурация общества и государства, организованных вокруг центральных ценностей, с этой точки зрения, уже не является утопической конструкцией. Она является областью реальности и обсуждается политологами с применением категориального и методологического аппарата политической науки как имеющая историю и траекторию, проблемы и перспективы развития реально существующий социально-политический феномен [9; 8].

Политика борьбы с бедностью. Как мы отмечали, в мире существует единое понимание политики борьбы с бедностью как ценностной конструкции. Но поскольку в разных странах существуют разные подходы к самому определению бедности, не может быть и единого подхода к осуществлению этой политики. Причем даже если подходы к определению бедности были бы согласованы на уровне международного договора, подписанного всеми странами, бедность оставалась бы сложно детерминированным, многогранным и трудно поддающимся количественной оценке феноменом. При этом именно количественные, поддающиеся исчислению, характеристики носителя бедности должны быть теми критериями, в соответствии с которыми человек должен рассматриваться государством как объект его особого внимания и заботы, причем преодоление бедности в должно указывать на эффективность соответствующей политики.

Каковы основные подходы, применяемые при измерении уровня бедности? Для измерения бедности в странах Африки, Юго-Восточной Азии и Латинской Америки применяется показатель ежедневного подушевого дохода. При этом, если исходить из нормы 1,25 долларов в день (показатель уровня бедности, предложенный Всемирным банком), то, согласно этому критерию, в настоящее время во всем мире насчитывается около 1300 мил-

лионов бедных. При норме ежедневного дохода 2 доллара в день, условная «черта бедности» отделяет более чем 2,5 миллиарда людей (то есть треть жителей планеты) от тех, чьи доходы выше условной черты бедности.

В некоторых странах при определении бедности применяются «бюджетные стандарты» – оценка стоимости минимальной потребительской корзины. Так, в США порог бедности определен на уровне стоимости минимальной продовольственной корзины. В странах – членах Европейского Союза критерием бедности является доход ниже 60% от среднего (медианного) дохода. В России до 2021 года система расчетов количества бедных основывалась на прожиточном минимуме – абсолютной черте бедности. Однако в 2021 году Правительство решило перейти на новый критерий расчета – 44,2% от медианы среднедушевого дохода. В соответствии с новым критерием, количество бедных уменьшилось. Однако сами данные 2021 года перестали быть сопоставимы с данными за предыдущие годы [6].

В социологической парадигме количество бедных и критерии бедности также могут быть оценены с применением различного социологического инструментария. Так, довольно интересным измерителем являются социологические опросы и тесты, которые позволяют установить, считают ли себя люди бедными. Благодаря консенсусному методу, в ходе социологического опроса можно установить, что люди считают важным, с точки зрения благосостояния и качество жизни: каков, с точки зрения граждан, минимальный набор доступных товаров и услуг, который позволяет им не считать себя бедными. Так, согласно опросу, проведенному фондом Джозефа Раунтри, четверть населения Великобритании пребывает в состоянии бедности.

Определение черты, порога или критерия бедности позволяет государствам выявить те целевые когорты, которые должны стать получателями субсидий, льгот и услуг, адресно нацеленных на помощь бедным или борьбу с бедностью. Иными словами, согласно простой логике, люди должны получать пособия и услуги для бедных, если они бедны, и не быть их получателями, если они не бедны. Однако на практике с этим возникает масса проблем, в частности:

- доходы получателей пособий динамично изменяются, а процесс отслеживания соответствующей динамике крайне сложен;
- ограничение когорты получателей пособий «порогом бедности» не устраняет несправедливость и неравенство, а обостряет их на определенном государством пороге: потому что тот, чьи доходы чуть ниже, получая пособия, оказывается в результате более обеспеченным, чьи доходы чуть выше уровня бедности;
- услуги и льготы обычно не достигают многих людей, для которых они предназначены;
- этот процесс сложен с административной точки зрения, приводит к бюрократизации и требует больших затрат.

Поскольку проверка дохода – крайне сложный и неэффективный метод определения тех, кто нуждается в социальной помощи, в некоторых странах (в том числе, в России), используют «косвенные» методы проверки уровня нуждаемости, основанные на анализе доходов и расходов домохозяйств. Так, индикаторы, которые с наибольшей вероятностью связаны с низким доходом и бедностью, включают количество детей, иждивенцев, безработных и пенсионеров в семье. Этот подход и более дешев в осуществлении, и более надежен, однако, в конечном итоге, он выгоднее государству, нежели гражданам: благодаря этому подходу из числа получателей пособий легче исключить людей и домохозяйства, которые не смогли доказать степень своей нуждаемости, в тоже время, усложняет поиск тех, кто действительно беден, но не обратился за льготой. Иными словами, этот подход не позволяет говорить ни о гуманизме, ни об адресной помощи нуждающимся, характеризуя таким образом политику государства. Кроме того, возникают возможности для злоупотреблений и коррупции.

Политика борьбы с бедностью. Борьба с бедностью может быть нацелена как на помощь самим нуждающимся людям, так и включать комплекс экономических и политических мер по предотвращению бедности как системного явления.

Помощь бедным может включать следующие меры социальной поддержки:

- Адресная помощь, которая осуществляется посредством какой-либо формы выборочного обеспечения: бесплатные обеды для детей из многодетных семей, бесплатное питание с столовых для бедных, медицинское обслуживание для людей, не имеющих полиса медицинского страхования и др.

- Защита в обстоятельствах, связанных с бедностью. Именно этот механизм реализуется в большинстве современных социальных государств: людям помогают не тогда, когда они бедны, а в обстоятельствах, при наступлении которых при отсутствии надежной социальной защиты они были бы бедны: болезнь, старость, инвалидность, безработица, одиночество, сиротство и так далее. Этот подход более эффективен, чем сосредоточение внимания непосредственно на оказании помощи бедным, однако и он позволяет решить только часть проблем.

- Комплекс мер, не нацеленных напрямую на сокращение бедности, но позволяющих уменьшить ее или смягчить ее последствия: медицинская помощь инвалидам, защита прав женщин и детей.

- Стратегическое вмешательство в социально-экономическое развитие: образование, воспитание детей или инвестирование в инфраструктуру и экономику.

Вместе с тем, бедность слишком сложна и связана со слишком многими факторами и проблемами, чтобы считать, что такого рода меры даже в их совокупности, могут привести к победе над бедностью. Любая хорошо про-

думанная стратегия решения многомерного набора проблем, связанных с бедностью, зависит от восприятия на политическом уровне проблемы бедности как проблемы морально-этической. В определенном смысле, необходимо достижение такого уровня понимания, при котором стратегия сокращения бедности будет пониматься как необходимо сочетающаяся в себе вопросы экономического и человеческого развития с вопросами управления. Наиболее эффективными ответами на бедность могут быть:

- *экономическое развитие* и рост экономики, потому что это улучшает условия жизни многих людей одновременно;
- *социальная защита*, потому что она защищает граждан в ситуациях, в которых люди подвержены риску стать бедными;
- *расширение политических прав и возможностей* граждан, поскольку в демократическом обществе граждане могут влиять на те решения органов власти, которые повлияют на те жизненные обстоятельства, в которых они пребывают. В этом отношении, демократизация политической системы России будет иметь решающее значение для положения бедных.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Копенгагенская декларация о социальном развитии. Принята Всемирной встречей на высшем уровне в интересах социального развития. Копенгаген, 6-12 марта 1995 года // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/copdecl.shtml.
2. *Локк Дж.* Два трактата о правлении / пер. с англ. Е.С. Лагутина и Ю.В. Семенова; Фонд либеральных программ «Свободный мир». Москва; Челябинск: Социум, 2014.
3. *Поланьи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / перевод с англ. СПб.: Алетейя, 2002.
4. Путин рассказал о нерешенных проблемах России. Прежде всего, это бедность, низкие доходы многих семей // Официальный сайт ТАСС // <https://tass.ru/ekonomika/11936345>.
5. Путин заявил, что уровень бедности в России нужно свести до минимума // Официальный сайт ТАСС // <https://tass.ru/obschestvo/12505515>.
6. РБК // <https://www.rbc.ru/economics/03/12/2021/61aa34739a7947e24f034e11>.
7. *Родионова О.В.* Проблемы развития теории и практики современного социального государства // Исследование российской государственности. 2015. Том ХСVIII. № 1.
8. *Bulmer M. and Rees A.M. (eds.).* Citizenship Today: The Contemporary Relevance of T.H. Marshall. London: UCL Press, 1996.
9. *Gouldner A.W.* The Coming Crisis of Western Sociology. New York: Basic Books, 1970.

10. Helliwell C. and Hindess B. «Culture», «society» and the figure of man // History of the Human Sciences, 1990. № 12 (4).

11. Rawls J. Justice as fairness: political not metaphysical // Philosophy and Public Affairs. 1985. № 14 (3).

A.A. MALAKHOV

*Federal State Budgetary Scientific
Institution "Federal Potato Research Center
named after A.G. Lorch", Moscow, Russia*

THE FIGHT AGAINST POVERTY AS AN ETHICAL PROBLEM AND A POLITICAL STRATEGY

Poverty is analyzed as an economic, social, moral and ethical phenomenon. It is shown that helping the poor and protecting those in need in the modern world are important responsibilities of the state. It is emphasized that the responsibility of the state to ensure that citizens have a choice and a way out of poverty and extreme need is currently perceived as a social norm. The common understanding of anti-poverty policy as a value construct for many countries is the result of a common political and intellectual history and common cultural origins for most countries of the world. Attention is focused on the fact that due to the existence of different approaches to the definition of poverty in different countries, approaches to the implementation of this policy are also different.

Key words: *poverty, state policy, natural state, social contract, political condition, poverty criteria, social protection, democracy.*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕДВЫБОРНЫХ ПРОГРАММ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НА ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ ФС РФ VIII СОЗЫВА

В статье осуществлен сравнительный анализ программ российских политических партий, преодолевших 5%-й барьер в ходе выборов в Государственную думу Федерального Собрания Российской Федерации VIII созыва («Единая Россия», КПРФ, «Справедливая Россия», ЛДПР, «Новые люди») по следующим критериям: меры в области государственного управления и совершенствования политической системы, экономическая политика, социальная политика, нормотворчество, международные отношения; осуществлена классификация указанных партий по идеологическому признаку: политические партии консервативного спектра («Единая Россия»), коммунистического и социал-демократического (КПРФ и «Справедливая Россия»), популистского (ЛДПР) и либерального («Новые люди»); сделан вывод о том, что политические партии, набравшие большинство голосов, в своих избирательных программах сделали упор на социальных вопросах (осуществление социальных программ, повышение уровня минимального размера оплаты труда и прожиточного минимума, корректировка или полная отмена пенсионной реформы, налоговая реформа, принятие отдельных нормативно-правовых актов).

Ключевые слова: *политическая система, парламентские выборы, предвыборная программа, политические партии, Государственная Дума, контент-анализ.*

Политические партии являются одним из ключевых элементов политической системы, обеспечивающим связь между гражданским обществом и государством [5. С. 5]. Согласно абзацу 4 статьи 36 Федерального закона «О политических партиях», при выдвижении кандидатов в депутаты политическая партия обязана опубликовать свою предвыборную программу.

В контексте состоявшихся выборов в Государственную Думу VIII созыва представляется важным и актуальным объективное и беспристрастное изучение предвыборных программ, ведущих российских политических партий, преодолевших 5% барьер и представленных в нижней палате российского парламента.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью улучшения избирательной системы России, базирующегося на научных разработках. Кроме того, актуальность исследования обусловлена относительной немногочисленностью отечественных научных работ, посвященных такому политическому документу, как предвыборная программа партии.

Целью настоящей статьи является классификация по идеологическому признаку политических партий, преодолевших 5%-й барьер в ходе выборов в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации VIII созыва: Всероссийской политической партии «Единая Россия», Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ), Социалистической политической партии «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» («Справедливая Россия»), Либерально-демократической Партии России (ЛДПР), Политической партии «Новые люди». Данная выборка обусловлена тем, что получение не менее 5% голосов избирателей на выборах в Государственную Думу является условием допуска списка кандидатов, выдвинутых политической партией, к распределению мандатов по федеральному избирательному округу, что обеспечивает ей возможность сформировать отдельную фракцию. Политические партии, имеющие отдельные фракции в Государственной Думе, определяют характер существующей в стране партийной системы [4. С. 19-22].

Задачами исследования является осуществление сравнительного анализа предвыборных программ партий «Единая Россия», КПРФ, Справедливая Россия, ЛДПР, «Новые люди» в следующих областях:

- а) государственное управление и совершенствование политической системы;
- б) экономическая политика;
- в) социальная политика;
- г) нормотворчество;
- д) международная политика.

Современная политическая система России насчитывает всего три десятилетия. Вследствие этого относительно непродолжительного периода она до сих пор находится в поиске наиболее приемлемой для российской избирательной системы электоральной формулы [1. С. 203]. При этом необходимо отметить, что обнародование политическими партиями своих предвыборных программ играет в избирательном процессе немаловажную роль.

Предвыборную программу можно охарактеризовать как развернутый документ, определяющий политический курс, цели и задачи кандидата, пар-

тии, избирательного блока, а также методы реализации целей и решения задач [7. С. 11]. Таким образом, предвыборная программа декларирует задачи партии в контексте предстоящих выборов с целью максимального привлечения избирателей. С помощью предвыборной программы потенциальный избиратель может судить, как политическая партия относится к вопросам в области внутренней и внешней политики, экономики, социальной сферы и так далее. Политическая партия сможет завоевать электоральное признание и поддержку только в том случае, если она убедит избирателей, что знает их настроения и запросы, обеспокоена теми же проблемами и имеет конкретную и реальную программу действий по улучшению жизни граждан [8. С. 108].

Необходимо учитывать то обстоятельство, что предвыборная программа решает прежде всего пропагандистскую задачу, вследствие чего программы партий обычно охватывают все сферы жизни общества. Очевидно, что наибольшие шансы будут иметь те партии, которые смогут не только мобилизовать собственный электорат, но и привлечь на свою сторону электорат иных политических сил. Также предвыборные программы являются одним из значимых источников информации, дающим возможность осуществления общественного мониторинга деятельности политических партий как одной из форм общественного контроля [3. С. 9-14].

I. Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» называется «За благополучие и достойную жизнь людей. За сильную и успешную Россию» и состоит из двух разделов: «Благополучие людей» и «Сильная Россия». В раздел «Благополучие людей» вошли блоки «Хорошая работа – достаток в доме», «Крепкая семья», «Здоровье человека», «Забота о каждом нуждающемся», «Современное образование и передовая наука», «Удобная и комфортная жизнь», «Экология для жизни», «Государство для человека». В раздел «Сильная Россия» вошли блоки «Экономика развития», «Развитие села», «Развитие регионов и транспортной инфраструктуры страны», «Культура, история, традиции», «Гражданская солидарность и молодежная политика», «Внешняя и оборонная политика».

В области государственного управления и совершенствования политической системы «Единая Россия» предлагает: повысить роль местного самоуправления; ввести практику участия сельских поселений в принятии планов развития своих территорий; развивать систему общественного контроля за деятельностью органов местного самоуправления [9].

В области экономической политики программа «Единой России» в качестве приоритетов содержит следующие положения: усиление конкурентных позиций российской промышленности; поддержка выполнения плана мероприятий по развитию водородной энергетики; обеспечение устойчивого повышения доли низкоуглеродной энергетики; введение моратория на плановые проверки субъектов малого бизнеса в 2022 году; стимулирование

производства экологически чистой продукции и переход на современные экологичные способы ведения сельского хозяйства; обеспечение поддержки малого и среднего предпринимательства в сельском хозяйстве; реализация программы поддержки индивидуального жилищного строительства в сельской местности; обеспечение интеграции Северного морского пути в международную логистическую сеть и круглогодичную навигацию по Северному морскому пути [9].

В области социальной политики программа «Единой России» предлагает следующие меры: поэтапно увеличить долю фиксированной части заработной платы медицинских и педагогических работников; принять программу содействия молодежной занятости; обеспечить гарантированный контроль за соблюдением прав работников предпенсионного возраста; расширить сферу применения материнского капитала; ввести систему поддержки участия детей в спортивных или культурных соревнованиях; создать систему содействия занятости подростков; разработать программу адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; совершенствовать систему обязательного медицинского страхования; усилить контроль со стороны государственных органов за управляющими компаниями; обеспечить защиту и восстановление прав обманутых дольщиков; упростить предоставление земельных участков для индивидуального жилищного строительства [9].

В области нормотворчества «Единая Россия» выступает за: установление МРОТ не ниже прожиточного минимума трудоспособного населения; принятие новой редакции Закона «О занятости»; принятие изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации; закрепление статуса многодетной семьи на законодательном уровне [9].

В области внешней политики программа «Единой России» делает акцент на: развитие интеграционных структур, основанные на равноправии и открытые к взаимодействию с окружающим миром (ЕАЭС, СНГ, ШОС, БРИКС, ОДКБ); активное участие в реформе ВТО [9].

Предвыборная программа Коммунистической партии Российской Федерации на выборах в Государственную Думу называется «Десять шагов к власти народа». В рамках реформирования политической системы программа КПРФ включает в себя следующие положения: создание Правительства народного доверия в союзе со всеми левопатриотическими силами; изменение Конституции; создание механизма отзыва депутатов, нарушающих предвыборные обещания; введение выборности судей, членов Совета Федерации и глав местного самоуправления; изменение избирательной системы, отмена электронного и трехдневного голосования [12].

В экономической сфере программа КПРФ предлагает осуществление следующих мероприятий: проведение политики импортозамещения; удвоение инвестиций в развитие производств на основе новейших технологий;

остановку оттока капитала из России; введение запрета регистрации российских юридических лиц в иностранных юрисдикциях; ограничение участия иностранного капитала в российских акционерных обществах; национализацию предприятий оптовой торговли; сокращение доли иностранных розничных торговых сетей; поэтапную ликвидацию НДС; восстановление государственной монополии на производство и реализацию спиртосодержащей продукции; введение прогрессивного налога на доходы физических лиц; освобождение от уплаты НДФЛ малообеспеченных граждан [12].

В социальной сфере программа КППРФ предлагает следующие меры: удвоение размера минимальной оплаты труда и прожиточного минимума, увеличение прожиточного минимума и минимального размера оплаты труда до 25 тысяч рублей в месяц; обеспечение бесплатного образования и медицины; введение регулирования цен на товары первой необходимости и лекарства; ограничение размера платы за ЖКХ 10 процентами дохода семьи; введение гарантируемого трудоустройства по специальности; отмену пенсионной реформы, снижение пенсионного возраста; введение бесплатного среднего и высшего образования, возрождение профтехобразования [12].

В области законодательных инициатив КППРФ делает акцент на: принятии закона «О стратегическом планировании»; принятии новых Земельного, Лесного и Водного кодексов; реформе налоговой системы [12].

В области международных отношений КППРФ предлагает следующие меры: укрепление национальной безопасности и позиции России на мировой арене; повышение боеготовности Вооруженных сил, информационно-технологической защищенности; защиту соотечественников за рубежом; формирование полноценного Союзного государства России и Белоруссии; немедленное признание Донецкой и Луганской народных республик [12].

Предвыборная программа Социалистической политической партии «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» была утверждена XI съездом партии 26 июня 2021 года. В области экономики программа «Справедливой России» предлагает: национализацию ключевых инфраструктурных отраслей и стратегически важных предприятий; введение повышенных налогов на экспорт сырья; отмену налогового маневра в нефтяной отрасли; запрет экспорта леса-кругляка; введение обязанности нахождения в России стратегических и системообразующих компаний и вывод их из зарубежных юрисдикций; реализацию генерального плана развития России; снижение НДС до 15%; освобождение от налогов самозанятых граждан, индивидуальных предпринимателей и малого бизнеса; введение шкалы прогрессивного налога на доходы физических лиц; введение налога на предметы роскоши [15].

В социальной сфере «Справедливая Россия» делает акцент на следующие меры: повышение МРОТ, прожиточного минимума и пенсий до 31 000 рублей; включение в трудовой стаж время обучения в ВУЗах по очной форме

с последующим перерасчетом пенсий; введение «Справедливого Базового дохода» для малоимущих граждан и семей с детьми; распределение доходов от использования природной ренты между всеми гражданами страны в равной степени; выделение для граждан России 1 гектара земли; введение почасовой оплаты труда в размере не ниже 300 рублей; повышение доли зарплаты в национальной экономике с 40% до 60%; установление максимальной кратности оплаты труда руководства государственных компаний и корпораций к средней заработной плате в рамках одной организации; снижение пенсионного возраста до уровня, действовавшего до 1 января 2019 г; индексации пенсий, возвращение работающим пенсионерам недоиндексированной величины пенсий за последние 5 лет; возврате гражданам утерянных вкладов Сбербанка СССР; присвоении звания ветерана труда женщинам и мужчинам, имеющим трудовой стаж 35 и 40 лет соответственно [15].

В области законодательных инициатив «Справедливая Россия» считает необходимым осуществить: введение высшей меры наказания за тяжкие преступления (террор, убийства и пр.); приравнение коррупции к государственной измене, введение конфискации имущества коррупционера и членов его семьи; ратификацию статьи 20 Конвенции ООН против коррупции и установление уголовной ответственности чиновников за незаконное обогащение; принятие Закона «О культуре в Российской Федерации» [15].

В сфере международных отношений «Справедливая Россия» предлагает: добиваться признания независимости Донецкой и Луганской народных республик; вывести из зарубежных юрисдикций российские стратегические и системообразующие компании [15].

Предвыборная программа Либерально-демократической партии России была утверждена XXXIII съездом 25 июня 2021 года. В области государственного управления ЛДПР настаивает на проведении следующих мер: проведение выборов только по партийным спискам; создании института избираемых судей; формирование в стране 30 губерний по территориальному признаку; назначение премьер-министром лидера партии, победившей на выборах в Госдуму; закрепление за оппозицией функции надзора и контроля; подчинение Центробанка Государственной Думе [13].

В области экономики программа ЛДПР делает акцент на введении запрета на импорт сырья; уменьшении налогов в несырьевых отраслях промышленности; введении госмонополии на алкоголь, сахар, табак и энергоресурсы; легализации теневого бизнеса, проведении экономической амнистии; пересмотре итогов приватизации заводов и фабрик «путем переговоров»; введении ограничения на вывод валюты за рубеж [13].

В области социальной политики ЛДПР выступает за выделение многодетным семьям бесплатных участков земли; восстановление прежнего пенсионного возраста; повышение размера пенсий не менее трех прожиточных минимумов; снижение тарифов ЖКХ; установление МРОТ в 20 тысяч ру-

блей; освобождение от НДФЛ лиц с доходом не более 30 тысяч рублей; поднятие налога на сверхдоходы для богатых; легализацию любых видов «серых» зарплат; отмену ЕГЭ и ОГЭ; поднятие стипендий до уровня МРОТ; выдачу беспроцентных кредитов на покупку жилья; снижение банковской кредитной ставки для физических лиц до 5%, для бизнеса до 2-3%; создание единого федерального центра подбора вакансий [13].

В области законодательной политики ЛДПР предлагает: усилить борьбу с нелегальной миграцией; отменить мораторий на смертную казнь для террористов, крупных наркоторговцев, создателей ОПГ; использовать полиграф для контроля работы чиновников; создать министерство по демографии; принять Акт исторического примирения; принять законы «О защите русского языка», «О государственной поддержке русского народа» и «О русском национальном самоуправлении»; отменить статью 282 Уголовного кодекса [13].

В области внешней политики программа ЛДПР делает акцент на возвращении территорий, ранее входивших в СССР; объединении торгово-экономического пространства СНГ и ШОС; исключении стран Прибалтики из Евросоюза за дискриминацию русских [13].

Предвыборная программа политической партии «Новые люди» была утверждена партийным съездом 22 августа 2021 года. В области совершенствования государственного управления партия «Новые люди» предлагают следующие меры: ограничить возможность занимать посты президента, губернаторов, мэров и депутатов двумя сроками; ввести прямые выборы губернаторов и мэров; допустить к участию в выборах не только партии, но и общественные организации; снизить барьер прохождения в Государственную Думу с 5% до 1%; избирать представительные органы власти только по пропорциональной системе; решения на местном уровне принимать на референдумах; утверждать министров Государственной думой [14].

В области экономической политики программа партии «Новые люди» делает акцент на отмене НДС и введении для предприятий единого налога с оборота; увеличении доли малого и среднего бизнеса в ВВП страны до 50% в течение 10 лет; отмене Федерального закона № 44-ФЗ; сокращении в 10 раз количества контрольных и надзорных служб [14].

В области социальной политики партия «Новые люди» предлагает: проиндексировать повышение средней зарплаты до 100 тысяч рублей в месяц; ввести федеральные оклады для медицинского персонала; гарантировать добровольность вакцинации от коронавируса; ввести единую федеральную оплату в размере 75 тысяч рублей в месяц за одну педагогическую ставку; упразднить Рособннадзор [14].

В области совершенствования законодательства партия «Новые люди» выступает за введение выборности судей, прокуроров, начальников региональных УМВД; проведение масштабной амнистии, в частности, освобожде-

ние всех осужденных по экономическим статьям; расширение участия при- сяжных заседателей в судах; увеличение оплаты труда военнослужащим [14].

Во внешней политике в программе партии «Новые люди» зафиксированы следующие предложения: создание сотрудничества с ведущими мировыми СМИ; вступление в существующие и создание новых международных организаций, ориентированных на борьбу с цензурой [14].

Обзор перечисленных программ политических партий целесообразно дополнить результатами контент-анализа. Контент-анализ – методическая процедура исследования всех видов текстов, заключающийся в переводе информации в количественные показатели и ее дальнейшей статистической обработке.

Данные исследования были проанализированы с помощью сервиса «Статистика» программы Microsoft Word 2010. Политические программы партий были проанализированы на предмет их объема (диаграмма №1).

Из представленной диаграммы видно, что наибольшей по объему является предвыборная программа «Единой России» (72 тысячи знаков). Далее следует партия «Новые люди» (47 тысяч знаков). КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» сформулировали более лаконичные предвыборные программы (20, 16 и 14 тысяч знаков соответственно).

II. Как следует из представленного обзора программ, все политические партии, прошедшие пятипроцентный барьер на выборах в Государственную думу ФС РФ VIII созыва, можно условно классифицировать на политические партии консервативного («Единая Россия»), коммунистического

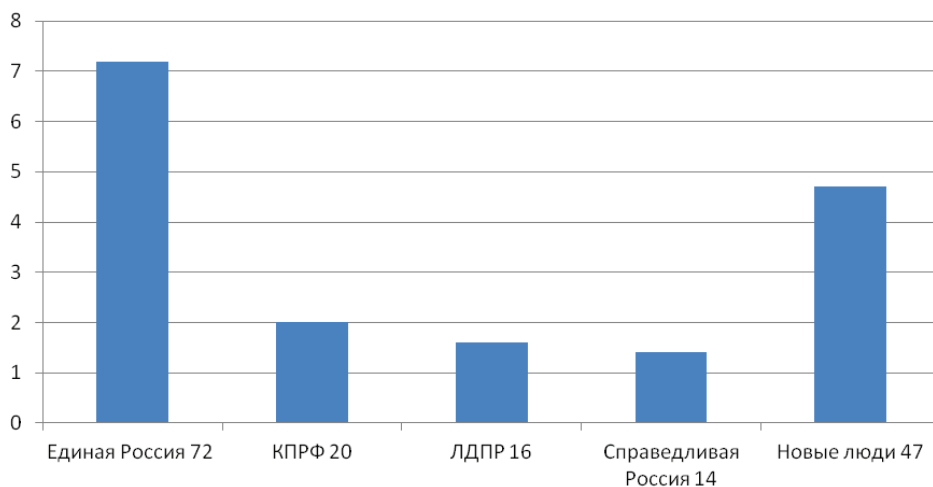

Диаграмма 1. Объем программ российских политических партий на выборах в Государственную Думу VIII созыва (в тысячах знаков)

и социал-демократического (КПРФ и «Справедливая Россия»), популистского (ЛДПР) и либерального («Новые люди») спектра.

Партия консервативного толка – «Единая Россия» – не предлагает кардинального изменения политической или экономической системы, социальной сферы, законодательства, и делает упор на эволюционных изменениях (проведении преобразований в системе местного управления, выполнении отдельных социальных программ, осуществлении отдельных экономических мероприятий и так далее).

Партии коммунистического и социал-демократического толка (КПРФ и «Справедливая Россия») делают упор на социальных вопросах (отмена пенсионной реформы, кардинальное повышение минимального размера оплаты труда и прожиточного минимума), экономических вопросах (национализация отдельных отраслей экономики), внешней политике (признание Донецкой и Луганской республик, формирование интеграционных структур в рамках постсоветского пространства и так далее).

Партия популистского толка (ЛДПР) выступает за кардинальное реформирование политической системы (введение пропорциональной системы голосования, назначение премьер-министром лидера победившей партии), социальной сферы (отмена пенсионной реформы, увеличение МРОТ), законодательства (введение смертной казни), внешней политики (восстановление в границах СССР).

Наконец, дебютант на политической арене – партия «Новые люди» – исходя из положений предвыборной программы, займет в Государственной Думе «либеральную» нишу, отстаивая положения своей предвыборной программы: ограничение полномочий президента, губернаторов, мэров двумя сроками, снижение барьера прохождения в Госдуму, налоговую реформу, сокращение количества контрольных и надзорных служб, снижение уголовной ответственности за экономические преступления, проведение масштабной амнистии, расширение участия присяжных заседателей в судах.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что в ходе избирательной кампании в Государственную Думу политические партии, набравшие большинство голосов, в своих избирательных программах сделали упор на социальных вопросах: осуществление социальных программ, повышение уровня минимального размера оплаты труда и прожиточного минимума, корректировка или полная отмена пенсионной реформа. Среди других вопросов, затронутых в избирательных программах партий, прошедших в нижнюю палату российского парламента, можно выделить внутривнутриполитические вопросы (реформа системы государственного управления, налоговая реформа, принятие отдельных нормативно-правовых актов), а также вопросы внешней политики (экономическая и/или политическая интеграция постсоветского пространства).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Алексеев Р.А.* Избирательные кампании парламентских выборов (1993-2016 гг.) и особенности электорального поведения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2018. № 3.

2. *Волкова Е.А.* Задачи и проблемы развития российских политических партий в условиях современных политических и экономических реформ. М.: Юридический факультет МГУ, НОЦ КИМС, 2011.

3. *Долгих Ф.И.* Общественный мониторинг как форма общественного контроля за деятельностью политических партий // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 1.

4. *Долгих Ф.И.* Партийная система России – состояние и перспективы // Юридический мир. 2020. № 2.

5. *Долгих Ф.И.* Правовые аспекты создания, государственной регистрации и ликвидации политических партий в России: монография. М.: Юрист, 2016.

6. *Заславский С.Е., Зотова З.М.* Правовые основы участия политических партий в выборах. М.: РЦОИТ, 2006.

7. *Зотова З.М.* Предвыборная программа – основной ресурс избирательной кампании. М.: РЦОИТ, 2001.

8. *Зотова З.М.* Политические партии и избирательный процесс. М.: РЦОИТ, 2002.

9. Народная программа партии «Единая Россия» «За благополучие и достойную жизнь людей, за сильную и успешную Россию» // <https://er.ru/media/documents/August2021/L4Sk4t74UXKF1MG1oFjh.pdf>.

10. Партии и выборы: Хрестоматия / РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел политической науки. Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ; отв. ред. и сост. Н.В. Анохина, Е.Ю. Мелешкина. М.: ИНИОН, 2004. Ч. 1.

11. Партии и выборы: Хрестоматия / РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел политической науки, отдел правопедания. Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ; Отв. ред. и сост. Г.Н. Андреева, Н.В. Анохина, Е.Ю. Мелешкина. М.: ИНИОН, 2004. Ч. 2.

12. Предвыборная программа Коммунистической партии Российской Федерации на выборах в Государственную Думу ФС РФ VIII созыва «Десять шагов к власти народа» // <http://www.kprf-kaliningrad.ru/2021/07/desjat-shagov-k-vlasti-naroda-polnuy-tekst-predvybornoj-programmy-kprf.html>.

13. Предвыборная программа Либерально-демократической партии России // <https://ldpr.ru/party>.

14. Предвыборная программа Политической партии «Новые люди» // https://newpeople.ru/program_newpeople.

15. Предвыборная программа Социалистической политической партии «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» // <https://obj.spravedlivo.ru/sr73/113269b.pdf>.

16. Семенова А.В., Корсунская М.В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / под ред. В.А. Мансурова. М.: Институт социологии РАН, 2010.

17. Федеральный закон «О политических партиях» от 11.07.2001 № 95-ФЗ // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/.

18. Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 22.02.2014 № 20-ФЗ // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159349/.

V.K. VNUK

*Candidate of Political Sciences,
Associate Professor of the Department of Fundamental
Legal and Social-Humanitarian Disciplines
of Synergy University, Moscow, Russia*

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ELECTION PROGRAMS OF PARLIAMENTARY POLITICAL PARTIES IN THE ELECTIONS TO THE STATE PARLIAMENT OF THE FEDERAL ASSEMBLY OF THE VIII CONVOCATION

The article provides a comparative analysis of the programs of following Russian political parties that overcame the barrier of 5 percent during the elections to the State Parliament of the Federal Assembly of Russian Federation of the VIII convocation: The United Russia, The Communist Party, The Fair Russia, The Liberal Democratic Party of Russia, The New People. The criteria for this analyses is the following: measures in the field of public administration and improvement of the political system, economic policy, social policy, rule-making, international relations. Also this article contains the classification of these parties on ideological grounds.

Key words: *political system, parliamentary elections, election program, political parties, State Parliament, content analysis.*

DOI 10.35775/PSI.2022.77.1.009

УДК 32.327

Н.А. ЗОЛОТАРЕВ

*аспирант кафедры политологии и
политического управления Института общественных
наук Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ,
Россия, г. Москва*

С.И. ПОПОВ

*кандидат политических наук, доцент
кафедры политического анализа и управления Российского
университета дружбы народов (RUDN University),
Россия, г. Москва*

В.О. ГРИШИН

*студент факультета истории, политологии
и права Московского государственного областного
университета, Россия, г. Москва*

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК ГЛОБАЛЬНОЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

В статье авторами в рамках трех наиболее распространенных теоретических подходов к исследованию миграции рассматриваются миграционные процессы, происходящие в современной Европе. Примененный историко-сравнительный метод позволяет проанализировать пять этапов глобальной миграции в Европу. Отдельно авторами выделяется миграционный кризис 2015-2016 гг., который также при наличии определенных последствий может стать следующим этапом миграционных перемещений. Кроме того, акцентируется внимание на том, что современные подходы к регулированию миграционных процессов в основном связаны с количественным регулированием миграции, а, следовательно, носят ограничительный, а не формирующий характер.

Ключевые слова: *миграция, миграционные процессы, миграционная политика, национальная политика, рынок труда, интеграция мигрантов.*

Востребованность исследования миграционных процессов обусловлена, как правило, европейским миграционным кризисом. В настоящее время требуются новые подходы органов власти и управления в отношении приема мигрантов, так и усилия по увеличению их социальной интеграции [9. С. 31-42; 19. Р. 289]. Необходимость разделения ответственности между

разными уровнями и элементами политической системы, между теорией и результатами миграционной политики, что, в свою очередь, и составляет политологический исследовательский фокус.

Миграция населения – от лат. migration – переселяться. Английский географ Э. Равенштейн по праву считается основоположником миграционной теории. В конце XIX в. он сформулировал так называемые «законы миграции». Многие из этих закономерностей актуальны и по сей день.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 8; 10; 11; 13; 14; 16; 17].

Однако миграционную проблему нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

В современной российской науке существует около 40 определений миграции. Наиболее распространенным является определение Л.Л. Рыбаковского: «Миграция – это любое территориальное перемещение, которое совершается между различными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности» [12. С. 114].

Существует три теоретических подхода к международной миграции, которые представлены в виде неоклассической экономической теории, теории миграционного перехода, новой экономике трудовой миграции и развития-миграционных отношений.

Неоклассическая экономическая теория. Основная идея заключается в том, что внешняя миграция населения главным образом подчинена неравными экономическими условиями. Объем внешней миграции населения может быть очень большим, особенно из-за наличия существенных экономических различий, поэтому, согласно неоклассической теории, любая страна должна характеризоваться меньше всего эмиграционным потоком в более развитую страну. Нынешняя реальность подтверждает этот аспект.

Теория миграционного перехода. Увеличение богатства ведет к росту явления миграции. Путь миграции место через перемещение мигрантов в другие географические регионы привязано к взаимодействию между более чем одной переменной, например: высокий уровень безработицы, низкий уровень доходов, политические преследования-факторы толчка, но и романтическое видение принимающей страны, высокий уровень из зарплата и наличия родственников-тянут факторы. Эта теория представляет собой попытку анализа как взаимосвязаны процессы миграции и более длительного развития, а также как характер и цель миграционного развития могут изменить эволюцию процессов развития.

Новая экономика трудовой миграции. Этой теории по сравнению с неоклассической экономической теорией и к инновационным элементам, ко-

торые Новая экономика вносит в исследование миграционной экономики. В прогнозируемой перспективе новой миграционной экономики решение эмиграция относится к семье или домашнему хозяйству, которые включены в стратегию снижения риска путем варьирования источников дохода.

В истории Европы выделяются несколько миграционных волн. Так, первым этапом массовой миграции, которое заложило основу Европы является Великое переселение народов, происходившим в течение IV-VII вв. Миграция завершила процесс разрушения Западной Римской империи, на месте которой возникли, впитывая элементы ее культуры, новые политические образования – «варварские королевства, которым суждено было стать прообразом европейских государств Средневековья и Нового времени. Этот период имел важное значение для формирования распределения культур в Европе и заложения основ будущих наций. Большинство племен находили постоянное место для жизни и тем самым формировали корни европейских государств. Примерами являются франки и бургунды во Франции, англосаксы в Англии. Вторжения немцев в IV и V вв. сформировали Европу фундаментальным образом. Контраст между Северной и Южной Европой исчез и был заменен контрастом между Восточной Европой со славянской и греческой культурой, с одной стороны, и Западной Европой с немецкой и Латинской культурой, с другой. Этот этап был необходим для строительства Европы, так как именно в это время большинство племен находили постоянное место для жизни, формируя корни европейских государств.

Вторым этапом массовой миграции выступают крестовые походы, которые представляли собой серию религиозных войн, имевших колониционный характер, санкционированных Католической церковью с целью борьбы с мусульманами.

Причиной крестовых походов послужила своего рода религиозная экспансия на Ближний Восток в целях освобождения Иерусалима и оказание помощи Византийской Империи. Вместе с тем, декларируемые высокие цели маскировали и иные цели, связанные с экономическими аспектами – перенаселенностью, расширением торгово-экономических связей, увеличение доходов и землевладений участников. Крестовые походы обусловили достаточно стабильные миграционные потоки отдельных социальных и этнических групп на Ближний Восток.

Еще одной вехой глобальных миграций принято считать «Эпоху Великих географических открытий». Морские державы, имеющие большие торговые, экспедиционные и военные флота, активно проявили себя на поприще открытия и колонизации новых земель, что послужило формированию новых каналов миграционного перемещения «метрополия – колония». Формирование колониальных империй в Новом Свете также связано с процессами уничтожения коренного населения (индейцев) и активного завоза африканских рабов, что активно отразилось на изменении этнического состава островов Карибского бассейна, Центральной, Северной и Южной Америки.

Четвертый этап миграционных процессов охватывает XVIII-XIX вв. и знаменует собой рост миграционных потоков как внутренних, так и внешних.

Во времена абсолютизма население страны было ее самым ценным достоянием; правительства делали все возможное, чтобы привязать людей к своей территории, разрешая небольшую свободную миграцию. Однако время от времени политические цели в виде стремления установить единство религии заставляло правительства вынуждать религиозные меньшинства мигрировать. Например, Нидерланды потеряли 20% населения в XVI веке в виде протестантов, которые должны были покинуть юг, мигрируя на север и в Англию, где их приветствовали. После Тридцатилетней войны каждый регион Германии имел свою религию, что также привело к большой миграции.

Миграционные потоки в этот период отражают формирование капиталистических отношений в странах Западной Европы, оформление частной собственности на землю, рост мануфактур и фабрик. Естественно все эти процессы содействуют скачку на рынке рабочей силы. Становление буржуазных отношений был многофакторным процессом, результатом которого это привело явилось массовому обнищанию и бродяжничеству. Правительства с целью борьбы с этими явлениями предприняло попытку избавиться от бедных и бездомных из страны в колонии, принадлежащие государствам.

Пятая волна миграционных процессов была отражением мировых войн и их последствий в XX веке. Этот период характеризовался в значительной степени войнами и политическими конфликтами. Первая мировая война, унесшая жизни огромного количества молодых людей и уничтожившая значительную часть Бельгии и Франции, на четыре года остановила нормальную жизнь в Западной Европе.

Первые беженцы в Европе в XX веке возникают после Балканской войны 1912-1913 гг. [18. С. 36-38]. Результатом победы блока Атланти в Первой мировой войне стало уменьшение территорий Германии, из Прибалтики переселилось примерно 1 млн немцев. Политические конфликты в Европе вызвали большую вынужденную миграцию: беженцы покинули свою страну и бежали в соседние страны, а также в Соединенные Штаты. Первая мировая война привела к внезапному прекращению обычной миграции, но вызвала поток людей, переезжающих из одной страны в другую. Беженцы покинули Бельгию во время войны, немцы покинули потерянные после войны территории и т.д.

В 1920-е гг. из Европы в США переселилось от 6 до 7 млн европейцев [4. С. 40-49]. Однако в результате экономического кризиса в США 1930-е гг. Европа имела положительное сальдо миграции. После Второй мировой войны многим переселенцам пришлось искать новые дома. ООН разработал план переселения беженцев, с помощью которого было переселено около 8 млн беженцев с 1944 по 1951 гг. [15]. В период 1946-1961 гг. примерно 7 млн человек иммигрировали в Америку из Европы.

Правительства европейских стран нуждались в восстановлении послевоенной экономики, для этого им была необходима дешевая рабочая сила. Выходом из этого положения стало стимулирование притока иностранных рабочих.

Результат этой политики стал важным фактором развития экономик стран Запада уже к 1960-м гг. Иммигранты-мусульмане временно приезжали в европейские государства для заработка, а после возвращались в свои страны к семьям. Однако, технологические прорывы в ряде отраслей стимулировали рост безработицы как среди местного населения, так и среди иммигрантов. Тогда западноевропейские государства решили провести жесткую миграционную политику: существовали ограничения на въезд новых мигрантов и запрещали выдачу обратной визы тем, кто выезжал на родину повидаться с родными, режим осевших иммигрантов так же ужесточили. Не вызывает удивления тот факт, что выбранная политика создала обстановку, в которой мигранты, боявшись потерять работу, старались перевезти свои семьи и полноценно обосноваться на новом месте [6. С. 104-117]. Таким образом, это стало важным фактором в укоренении мусульман в Европе.

Так называемый европейский кризис беженцев взорвался в общественном сознании в 2015 году. Беспорядки, следовавшие за арабской весной 2011 года и жестокой гражданской войной в Сирии, вынудили миллионы людей бежать из своих стран, сначала в соседние государства, такие как Ливан, и, наконец, в более богатые страны Европы. Этот всплеск миграционной активности вылился в миграционный кризис, который по данным Еврокомиссии признан самым большим со времен Второй мировой войны и является шестым этапом миграционных движений на территории стран Европы. Разнообразный национально-этнический состав объясняется слиянием нескольких миграционных потоков. Граждане Сирии, Египта, Афганистана, Ливии, Пакистана стараются перебраться в Европу любыми путями: в качестве легальных, нелегальных мигрантов и беженцев [7. С. 43].

Спорную реакцию в мире вызвал масштаб и мгновенный характер данного кризиса. Одни эксперты, основываясь на исторической справке о Римской Империи, считают, что миграционный кризис, происходящий на территории стран Европы, можно считать падением европейской цивилизации. Однако, существует альтернативная точка зрения. Она основывается на мнении, что миграционный кризис стал олицетворением провала избранной миграционной политики ЕС. Управляемая миграция проявила неэффективность европейских органов и организационных структур, которые были созданы для регулирования миграционных потоков [3. С. 115-125].

Принципы, которые появились после Второй мировой войны в Европе, такие как системы социального обеспечения, социал-демократия и культурная интеграция, смягчили силу популистского дискурса как политического инструмента. Кроме того, массовая миграция политических беженцев

из Восточной Европы в Западную во время Холодной войны способствовала принятию беженцев и просителей убежища, что стало проявлением европейских ценностей.

То, что произошло летом 2015 года, бросило вызов европейским правилам и правилам, но прежде всего предполагаемым европейским ценностям просвещения и гуманизма, когда они столкнулись с массовым бегством от страданий и смерти, которое было терпимо или даже стало возможным благодаря десятилетиям или векам европейской правительственной политики.

Как отмечают М.А. Бурда, Е.Е. Хорева, М.А. Ларкина и В.П. Беляева: «Национальная политика в европейских странах приобрела популистский характер в ответ на последствия иммиграционного кризиса и экономических лишений для обычных граждан в Европе. Германия, которая была бесспорным лидером ЕС, столкнулась с серьезными социальными проблемами с 2015 года, когда А. Меркель решила открыть границы страны для того, что в итоге составило более миллиона мигрантов. Многие европейские государства подверглись воздействию волны популизма, смешанного порой с крайне не правыми идеологическими элементами. Рост популизма также отражает антипатию Европы к массовой иммиграции и озабоченность простых европейцев сохранением общеевропейских ценностей» [5. С. 1799-1806].

Таким образом, имеющийся политический климат вокруг миграции представляет собой серьезную проблему. Важнейшая тенденция новых политиков устремлена на то, чтобы застопорить миграцию, а не выработать ее. Обсуждение того, что результативно, а что нет, должно сопутствоваться с деятельным взаимодействием с директивными органами и гражданами в отношении вероятных выгод от решения вопросов миграции прагматичными, реалистичными способами, а также возможных затрат и корректировок для определенных групп. Это включает в себя признание того, что мигранты и беженцы будут продолжать перемещаться, вероятно, в повышающемся количестве, и автономно от того, перемещается ли человек на регулярной или нерегулярной основе сам по себе, имеет основательные политические и утилитарные причины. Сегодня требуются эффективные долгосрочные социально-политические постановления для решения проблем перемещения и миграции, необходимы новые подходы к управлению глобальными миграционными потоками, востребованы инновационные идеи по интеграции беженцев и мигрантов. В итоге акцентировать внимание следует не на предотвращении миграционных перемещений, а, прежде всего, на использовании положительных эффектов в странах происхождения, транзита и назначения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аюпова З.К., Кусаинов Д.У., Сабырбаева Г.К. Международно-правовые нормы, регулирующие проблемы перемещения беженцев // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 3 (37).

2. Аюпова З.К., Кусаинов Д.У. Правовые основы современных миграционных процессов в Республике Казахстан // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2020. Т. 9. № 1 (31).

3. Бурда М.А. Миграционные процессы в Европе и феномен роста влияния правых политических партий // PolitBook. 2017. № 4.

4. Бурда М.А., Михайлова Н.В., Гришин О.Е. Инициативы Президента Д. Трампа в контексте формирования и реализации иммиграционной политики США // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 6 (144).

5. Бурда М.А., Хорева Е.Е., Ларкина М.А., Беляева В.П. Национально-государственная идентичность в современной Европе в контексте происходящих миграционных и политических процессов // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 8 (48).

6. Глебов В.А., Амиантова И.С. Европейский мультикультурализм: миф или реальность? // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2016. № 4 (35).

7. Давыдов В.Н., Савина П.Г., Антонио Н.Г.А. Африка – ЕС: миграционный диссонанс. Дюссельдорф, 2016.

8. Киянская А.С. Глобализация и миграция: плюсы и минусы для Российской Федерации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 11 (80).

9. Нестерчук О.А., Халбаева А.М. Политическое управление миграционными процессами: субъектно-деятельностный подход // PolitBook. 2015. № 1.

10. Пешкова В.М. Предпринимательство и интеграция иностранных мигрантов // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 12 (81).

11. Прончева Н.Г., Прончев Г.Б., Калинич В.С. Об особенностях миграционных процессов и миграционной политики в России в 2020 году // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 11 (68).

12. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса. М.: Наука, 2001.

13. Рязанцев С.В., Леденёва В.Ю. Интеграция иммигрантов в условиях этнодемографических трансформаций регионов России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 12 (69).

14. Смидович Г.С. Национальная безопасность, интеграция мигрантов и индивидуальный подход // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 12 (81).

15. Фишер В. Европа: экономика, общество и государство. 1914-1980 / пер. с нем. М.: ВЛАДОС, 1999.

16. Эгембердиев А.К. Пандемия COVID-19 и уникальный опыт информационной политики в сфере миграции // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 10 (79).

17. Эндрюшко А.А. Ситуативные факторы культурной интеграции мигрантов в России (на примере граждан Азербайджана) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 10 (79).

18. Юдина Т.Н. Социология миграции. М.: Академический Проект, 2006.

19. Forced Displacement and Migration / Ed. Н.-J. Preuß, Ch. Beier, D. Messner. Springer, Wiesbaden, 2022. DOI: 10.1007/978-3-658-32902-0.

N.A. ZOLOTAREV

*Postgraduate student of the Department
of Political Science and Political Management Institute
of Social Sciences of the Russian Academy of National
Economy and Public Administration under the President
of the Russian Federation, Moscow, Russia*

S.I. POPOV

*Candidate of Political Sciences, Associate Professor
at the Chair of political analysis and management,
RUDN University of Russia, Moscow, Russia*

V.O. GRISHIN

*Student of the Faculty of History,
Political Science and Law, Moscow region
state university, Moscow, Russia*

MIGRATION PROCESSES AS A GLOBAL SOCIAL AND POLITICAL PHENOMENON

In the article, the authors examine the migration processes taking place in modern Europe within the framework of the three most common theoretical approaches to the study of migration. The applied historical-comparative method makes it possible to analyze the five stages of global migration to Europe. Separately, the authors highlight the migration crisis of 2015-2016, which, if there are certain consequences, can become the next stage of migration movements. In addition, attention is focused on the fact that modern approaches to the regulation of migration processes are mainly related to the quantitative regulation of migration, and, therefore, are restrictive rather than formative in nature.

Key words: *migration, migration processes, migration policy, national policy, labor market, integration of migrants.*

DOI 10.35775/PSI.2022.77.1.010

УДК 32.323

И.В. ГОНЧАРОВА

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры социальных технологий
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Настоящая работа посвящена изучению изменений, протекающих в экономической и социальных сферах, в рамках становления парадигмы устойчивого развития государства. В работе анализируются подходы к определению устойчивого развития, экономическая и социальная деятельность человека в рамках этих подходов, а также регулирование человеческой деятельности международными организациями. Отдельное внимание уделяется социальным технологиям, направленным на интеграцию людей с ограниченными возможностями в гражданское общество. Приведены авторские исследования медиа-поля Рунета.

Ключевые слова: устойчивое развитие, социальные технологии, подходы устойчивого развития, интеграция людей с ограниченными возможностями в гражданское общество.

Понятие устойчивого развития возникло в связи озабоченностью мирового сообщества перед стоящими экологическими угрозами человечеству в 60-70 годах XX века. Совершенно очевидно, что экологические проблемы не существуют по отдельности и для их решения необходимо проводить трансформации в экономической и социальных сферах. В самостоятельную научную «концепцию устойчивого развития» была выделена, когда Комиссия Брундтланд сформулировала определение термина: «модель движения вперед, при которой достигается удовлетворение жизненных потребностей нынешнего поколения людей без лишения будущих поколений такой возможности» [12]. Таким образом, в настоящее время термин «устойчивое развитие» базируется на трех «столпах» мировой цивилизации: экономика, социальная сфера, экология.

Цели устойчивого развития сформулированы ООН и «являются своеобразным призывом к действию, исходящим от всех стран – бедных, бога-

тых и среднеразвитых. Он нацелен на улучшение благосостояния и защиту нашей планеты. Государства признают, что меры по ликвидации бедности должны приниматься параллельно усилиям по наращиванию экономического роста и решению целого ряда вопросов в области образования, здравоохранения, социальной защиты и трудоустройства, а также борьбе с изменением климата и защите окружающей среды» [16].

Российская Федерация поддерживает Цели устойчивого развития ООН, которые были изложены в подготовленном правительством РФ докладе о человеческом развитии в Российской Федерации [17]. В этом докладе цели устойчивого развития ООН были трансформированы под национальную идею РФ, были намечены шаги для реализации поставленных целей, а также проанализирован прогресс их достижения. В первом Добровольном национальном обзоре достижения РФ Целей устойчивого развития обозначено «текущее положение России на пути к достижению Целей устойчивого развития, зафиксированных в Повестке дня в области устойчивого развития на период 2030 года» [5].

В научном сообществе существуют различные концепции устойчивого развития. Экологические проблемы и природоохранные вопросы лежат в основе *экоцентристского подхода*. А устойчивое развитие трактуется как «развитие, при котором воздействия на окружающую среду остаются в пределах хозяйственной емкости биосферы, так что не разрушается природная основа для воспроизводства жизни человека» [4].

Основоположниками такого подхода можно считать французского философа Э. Леруа (1927 г.), который ввел понятие ноосферы, как облекающей земной шар идеальной, «мыслящей» оболочки, формирование, которой связано с возникновением и развитием человеческого сознания. Дальнейшее развитие ноосферы отражено в концепции христианского эволюционизма П. Тейяра де Шардена и в учении о переходе биосферы в ноосферу В.И. Вернадского в результате практической деятельности человеческого разума, становящегося «геологической силой» [13].

В настоящее время сторонники экологического подхода устойчивого развития обеспокоены климатическими изменениями, в частности, довольно широко обсуждается проблема «глобального потепления». Межправительственная группа экспертов по изменению климата (ipcc), которая является органом ООН по оценке науки, связанной с изменением климата, регулярно предоставляет научные отчеты по оценке изменения климата, его последствий и потенциальных рисков.

В шестом докладе рабочая группа приводит данные о наблюдаемом увеличении концентрации хорошо перемешанных парниковых газов (ПГ) примерно с 1750 года, что однозначно вызвано деятельностью человека. С 2011 года концентрации в атмосфере продолжали расти. На сушу и океан приходится 56% в год выбросов CO₂ в результате деятельности человека за последние шесть десятилетий с региональными различиями [19].

Каждое из последних четырех десятилетий было последовательно теплее, чем любое предшествовавшее ему десятилетие с 1850 года. Глобальная приземная температура в первые два десятилетия 21 века (2001-2020 годы) была на 0,99 °С выше, чем в 1850-1900 годах. Глобальная приземная температура была на 1,09 °С выше в 2011-2020 годах, чем в 1850-1900 годах.

Глобальная приземная температура увеличивалась с 1970 года быстрее, чем в любой другой 50-летний период, по крайней мере, за последние 2000 лет. Температуры в течение последнего десятилетия (2011-2020 гг.) превышают температуры самого последнего многовекового теплого периода, около 6500 лет назад [от 0,2 °С до 1 °С по сравнению с 1850-1900 гг.]. До этого следующий самый последний теплый период был около 125 000 лет назад, когда многовековая температура [от 0,5 °С до 1,5 °С по сравнению с 1850-1900 годами] перекрывает наблюдения самого последнего десятилетия.

Влияние человека, скорее всего, является основной причиной глобального отступления ледников с 1990-х годов и уменьшения площади арктического морского льда в период с 1979-1988 по 2010-2019 годы (уменьшение примерно на 40% в сентябре и примерно на 10% в марте). Влияние человека, весьма вероятно, способствовало уменьшению весеннего снежного покрова в северном полушарии с 1950 года.

В 2011-2020 гг. среднегодовая площадь арктического морского льда достигла самого низкого уровня по крайней мере с 1850 г. Площадь морского льда в Арктике в конце лета была меньше, чем когда-либо, по крайней мере, за последние 1000 лет. Глобальный характер отступления ледников с 1950-х годов, когда почти все ледники мира отступают синхронно, является беспрецедентным, по крайней мере, за последние 2000 лет.

Антропоцентристский подход устойчивого развития заключается в восприятии природы, как объекта, способного адаптироваться под нужды человека. При этом сторонники данного подхода настаивают на целесообразном, рациональном использовании природных ресурсов, сберегающей «зеленой» экономике, разумном потреблении. В рамках данного подхода можно выделить сильную и слабую модели устойчивого развития, которые описывали Г. Аткинсон, Д. Пирс, К. Уильямс, Э. Миллингтон, Р. Теернер, Г. Дейли и Р. Костанза определяют устойчивое развитие как «Социально устойчивое развитие, при котором валовой экономической рост не должен выходить за пределы несущей способности систем жизнеобеспечения» [23].

Острой проблемой является чрезмерное неустойчивое потребление в развитых странах. Последствия сверхпотребления возникают, когда уровень потребления становится недоступным или неприемлемым из-за его экологических или экономических последствий и отрицательно влияет на личное и коллективное благополучие. Как отмечают Quelch и Jocz, «чрезмерное потребление может привести к финансовым или физическим бедствиям для людей, чрезмерному использованию или повреждению при-

родных ресурсов и окружающей среды» [32. С. 49-50]. В таких условиях предполагаемая польза от основного эффекта затмевается непреднамеренным вредом от побочных эффектов. С этой точки зрения чрезмерное потребление является одновременно и непродуктивным, и неустойчивым.

Чрезмерное потребление и его последствия в настоящее время наиболее отчетливо видны в США и Европе, экономически более развитых регионах мира. Например, Гарднер и Ассадуриан [24] отмечают, что на Северную Америку и Западную Европу, где проживает 12% населения мира, приходится 60% расходов на частное потребление, а согласно Ассадуриану [20], на США в 2006 г. приходилось 32% расходов на глобальное потребление только с 5% населения мира. В последние десятилетия образ жизни с высоким потреблением сопровождал рост благосостояния в Китае и Индии, и возникающие в результате этого проблемы устойчивости уже ощутимы там [21; 27; 29]. События в Китае и Индии представляют собой глобальную тенденцию.

В настоящее время изменение старых привычек может стать серьезной проблемой, особенно если эти привычки были адаптивными на протяжении многих тысячелетий. Недавний опрос показывает, что несмотря на то, что подавляющее большинство людей с энтузиазмом относятся к заботе об окружающей среде и уменьшению своего углеродного следа, только 9% используют какие-либо экологически чистые продукты, только 7% выключают ненужный свет или бытовую технику и только 6% ограничивают потребление воды [28]. При опросе год спустя люди были еще более уверены в том, что они могут оказать положительное влияние на окружающую среду, но еще меньше респондентов сообщили о том, что предпринимают какие-либо действия для уменьшения своего влияния на окружающую среду.

Триединый подход к пониманию устойчивого развития. Экологические, экономические и социальные проблемы неразрывно связаны, невозможно разрешить одну без привлечения остальных. Впервые такое понимание было озвучено членами Римского клуба в первом докладе «Пределы роста» (1972 г.) [8]. Исходя из аксиомы ограниченности ресурсов Земли, авторы поставили своей задачей построить математическую модель, описывающую возможные сценарии мировой системы на фоне демографического и экономического роста.

В настоящее время трехмерная концепция устойчивого развития наиболее популярна, и в общем понимании представляет собой единство интересов бизнеса и общества в сочетании бережного отношения к природе и ее ресурсам. На этом фоне в последние годы остро встала проблема перехода на новые возобновляемые источники энергии. Экологичные технологии пока еще не все доступны и существенно дороже традиционных источников энергии, а высокие темпы мировой экономики обостряют борьбу за энергоносители. В сочетании с низкими запасами газа такое положение привело

к энергетическому кризису в Европе в 2021 году и серьезному росту счетов за коммунальные услуги рядовых европейцев. Для решения социальных вопросов этой проблемы, например, на официальном канале Федерального управления гражданской защиты и помощи в случае стихийных бедствий (BVK_Bund, Германия) видеохостинга YouTube выложен социальный видеоролик, в котором обучают немецких граждан, как выжить без тепла и света. Чтобы сохранить тепло, пожилая женщина закрывает окно фольгой, одевает все самые теплые вещи и зажигает свечи для обогрева. Ролик выложен 8 октября 2021 года и набрал 41,17 тысяч просмотров [22]. На официальной странице BVK_Bund в социальной сети twitter.com данный ролик набрал 87,7 тысяч просмотров [33].

В качестве другого социального проекта, направленного на сокращение расходов на электроэнергию среди населения в Европе, можно привести инициативу компании Amphigo, которая создала электронный прибор Polar Bear [18]. Данный механизм работает по принципу игры, которая позволяет следить за расходом горячей воды при помощи изображения белого медведя на льдине, который погибает при чрезмерном расходе горячей воды.

Социальная сущность устойчивого развития определяется целями ООН и лежит в плоскости решения настоящих социальных проблем человечества с проекцией более долгосрочного их воздействия на следующие поколения [16].

Социальные технологии в рамках устойчивого развития подразумевают борьбу с голодом, построение общества лишённого неравенства, бедности, голода, с городами с развитой инфраструктурой и качественным образованием, стремлению к социальному балансу и социальному равноправию [9; 11].

Достижение целей устойчивого развития в социальной сфере невозможно без преодоления существующих барьеров, социальной интеграции и адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья [10]. В информационном бюллетене Всемирной организации здравоохранения ключевая задача для достижения целей в области устойчивого развития (ЦУР) заключается в «оптимизации здоровья и благополучия людей с ограниченными возможностями» [6].

По данным ВОЗ для населения Европейского региона в настоящее время характерно увеличение числа лет, прожитых с инвалидностью и, потенциально, с ослабленным здоровьем. На основании данных и анализа глобального бремени болезней можно судить о том, что за период с 2006 по 2016 гг. на популяционном уровне в Европейском регионе масштабы инвалидности, ассоциированной с изменениями здоровья с наиболее высокой распространенностью, возросли на 6,3%. Показатели инвалидности в Регионе также неуклонно растут по ряду причин, в числе которых увеличение распространенности неинфекционных и хронических заболеваний, несмертельные травмы и старение населения. По прогнозам, за период с 2015 по 2030 гг.

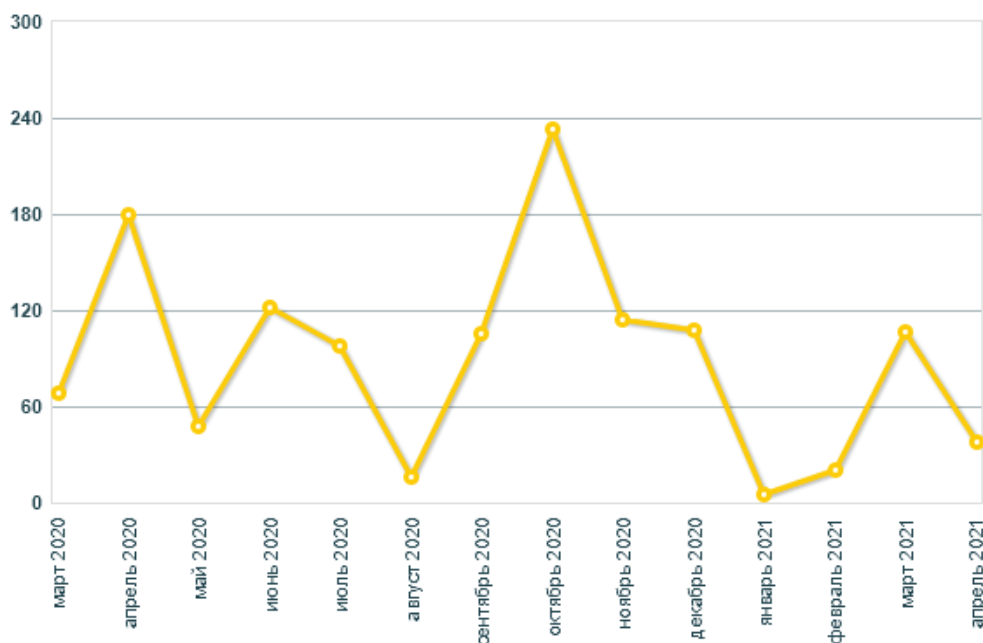
число проживающих в Регионе людей в возрасте старше 60 лет увеличится на 23%, а в возрасте старше 80 лет – на 32,2%, что, в свою очередь, приведет к увеличению распространенности инвалидности.

По оценке Росстата, на 1 января 2021 года в России численность населения составила 146 748 590 жителей, из них отмечено 11 633 000 человек с инвалидностью [14]. По сравнению с 2013 годом количество людей, имеющих инвалидность, снизилось на 2 076 807 человек, что связано с улучшением качества медицинского обслуживания, условий труда и уровня жизни населения в целом.

В наших предыдущих исследованиях 2015-2020 обсуждалась проблема создания безбарьерной среды для инвалидов по зрению, сообщалось о результатах исследования доступности для людей с ограниченными возможностями по зрению Интернет-ресурсов Евросоюза [15] и России [30], [31; 26]. Обсуждались практические шаги различных государств для сглаживания социального неравенства данной категории граждан в плане доступа к информации и осуществления информационных коммуникаций. Приводились примеры использования виртуальных социальных сред для инвалидов по зрению [1; 2; 3].

Дальнейший анализ доступности для людей с ограниченными возможностями по зрению банковских Интернет ресурсов в Великобритании как инструмента создания безбарьерной среды (2017 год), который проводился на основе изучения нормативно правовых документов по вопросам социальной защиты инвалидов по зрению с использованием системного анализа, синтеза, метода обобщений, показал, что банковский сектор этой страны заинтересован в привлечении слабовидящих клиентов, когда получаемые выгоды могут полностью компенсировать произведенные затраты. При этом большинство сайтов имеют минимальный уровень доступности, особенно банки с иностранным капиталом. Напротив, крупные банки с большим количеством филиалов обеспечивают на своих сайтах полный доступ к банковским услугам. Ведущую роль в этом процессе играет фактор государственной поддержки инвалидов, в том числе по зрению, а также сформированный институт общественного мнения. Однако недостаточная изученность влияния банковского сектора на создание безбарьерной среды при помощи современных электронных технологий оказывает отрицательное влияние на данный процесс [25].

Для оценки возможностей российского банковского сектора в создании безбарьерной среды в соответствии с целями устойчивого развития, обозначенными ООН и ВОЗ, в январе-апреле 2021 года проведено исследование средств массовой информации на наличие инфоповодов и их характера по возникающим проблемам людей с ограниченными возможностями и их возможными решениям, которые предлагает крупнейший банк Российской Федерации: Сбербанк (экосистема Сбер).

Источник: работа автора

Рисунок 1. Динамика упоминаний сообщений

Исследование проводилось с помощью системы аналитики социальных сетей и СМИ – Медиалогия, построенной на технологиях, больших данных, являющейся лидером по охвату источников, и предоставляющей автоматический отчет при соответствующей настройке системы по определенным параметрам [7].

В региональных и федеральных средствах массовой информации (газеты, журналы, интернет, информагентства, радио, ТВ) за период с 1 марта 2020 года по 5 апреля 2021 года зафиксировано 41136 событий и 223244 сообщения с упоминанием объекта Сбербанк России. Из них в контексте «люди с ограниченными возможностями» или «инвалидность» 1258 сообщений.

Больше всего сообщений с упоминанием Сбербанк России в контексте «люди с ограниченными возможностями» или «инвалидность» было зафиксировано в октябре 2020, это было связано с событием «Сбер объявил об ипотеке под 0,1% для семей с детьми-инвалидами». На рис. 1 представлена динамика сообщений с упоминанием Сбербанк России в контексте

Данные по количеству сообщений

Дата	Упоминания
март 2020	68
апрель 2020	179
май 2020	47
июнь 2020	122
июль 2020	98
август 2020	16
сентябрь 2020	105
октябрь 2020	233
ноябрь 2020	114
декабрь 2020	107
январь 2021	5
февраль 2021	20
март 2021	106
апрель 2021	38

Источник: работа автора.

«люди с ограниченными возможностями» или «инвалидность» за период 03.2020-04.2021.

В табл. 1 представлены данные по количеству сообщений с упоминанием Сбербанк России в контексте «люди с ограниченными возможностями» или «инвалидность» за период 03.2020-04.2021.

Заголовки наиболее заметных сообщений с упоминанием Сбербанк России в контексте «люди с ограниченными возможностями» или «инвалидность» за период 03.2020-04.2021 представлены в Табл. 2.

Больше всего сообщений с упоминанием Сбербанк России в главной роли было зафиксировано в октябре 2020, это было связано с сообщением из источника ИА Rambler News Service (rns.online) «Сбер объявил об ипотеке под 0,1% для семей с детьми-инвалидами».

Всего о Сбербанк России в контексте «люди с ограниченными возможностями» или «инвалидность» писало 208 федеральных СМИ, чаще всего упоминали Seldon.News (news.myseldon.com), News-Life (news-life.pro), Сбербанк (sberbank.ru). На рис. 2 представлена динамика наибольшего числа сообщений в 10 федеральных источниках СМИ за период 03.2020-04.2021.

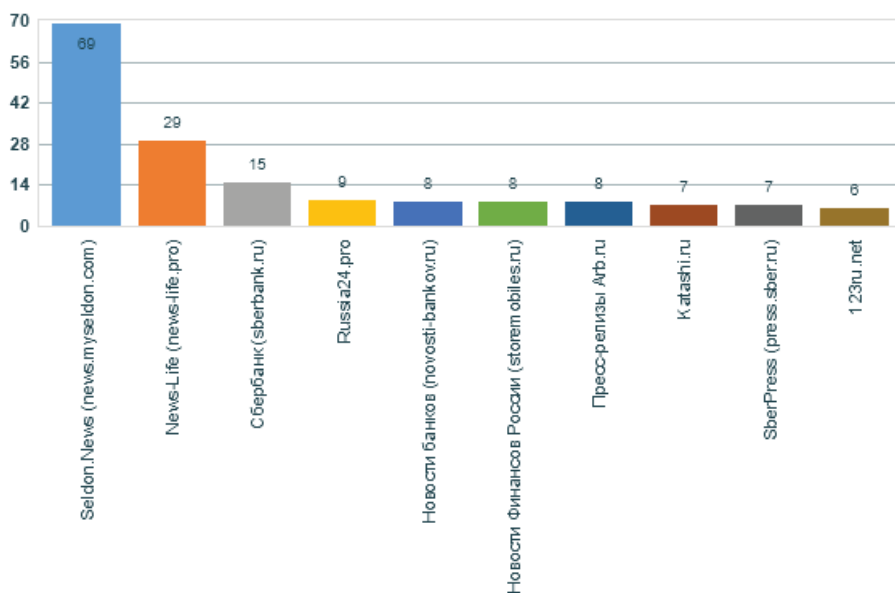
Заголовки сообщений

№	Заголовок	СМИ	Заметность*
1.	Банк для клиентов с инвалидностью? Нет: банк, удобный для всех https://ria.ru/20201012/sber-1579025736.html	РИА Новости	3,99
2.	Александр Ведяхин: инклюзия – это не только пандусы https://tass.ru/novosti-partnerov/10159995	ТАСС	3,27
3.	Скорая стариковская помощь	Комсомольская правда # Москва	3,24
4.	Передача «Бесогон ТВ» н а канале «Россия 24»	Россия 24	3,03
5.	Передача «Бесогон ТВ» на канале «Россия 24»	Россия 24	3,02
6.	Банки протестируют открытие счетов клиентам по видеосвязи https://www.rbc.ru/finances/09/11/2020/5fa3f7769a79477c927c9189	РБК (rbc.ru)	2,81
7.	Сервис – в приоритете: Сбер внедряет новые технологии в контактном центре https://tass.ru/novosti-partnerov/9892425	ТАСС	2,57
8.	Скорая стариковская помощь: для одних – последняя надежда, другие – требуют разносолы https://www.kp.ru/daily/27121/4203720/	Кр.ru	2,49
9.	Инклюзивная культура должна стать нормой для всей страны https://lenta.ru/articles/2020/10/15/sberbi/	Lenta.Ru	2,44
10.	В отделениях Сбербанка появился новый «Билет в будущее» https://tass.ru/novosti-partnerov/10974653	ТАСС	2,44

Источник: работа автора.

*Заметность сообщения – кумулятивный параметр учитывает «рекламный эквивалент» публикации в зависимости от номера полосы, объема сообщения, а также тиража, посещаемости.

За отчетный период было зафиксировано 1 258 сообщений с упоминанием Сбербанка России в контексте «люди с ограниченными возможностями» или «инвалидность». В сравнении с предыдущим периодом число сообщений уменьшилось на 780, при этом самое заметное сообщение опубликовано Россия 24 «Передача Бесогон ТВ на канале Россия 24». Количество сообщений с главной ролью Сбербанк России уменьшилось на 62% до 1 258 публи-

Источник: работа автора.

Рисунок 2. Топ 10 федеральных источников

каций, с цитированием уменьшилось на 29% и составило 1 012 публикаций. Самым цитируемым сообщением стало «Сбербанк Онлайн признан самым доступным мобильным приложением для людей с инвалидностью». Суммарный МедиаИндекс за исследуемый период уменьшился на 62% и составил 15 850,60. Наиболее резонансная статья в социальных сетях – «Семьи с детьми-инвалидами могут оформить ипотеку Сбербанка по льготной программе кредитования со ставкой от 0,1% годовых», получившая 434 likes & shares. Самым заметным инфоповодом стала новость «Инклюзивная культура должна стать нормой для всей страны». Ключевые показатели инфополя представлены в Табл. 3.

Индекс рассчитывается автоматически с применением технологий лингвистического анализа по методике, разработанной компанией «МедиаЛогия» совместно с учеными-математиками и аналитиками масс-медиа и PR.

МедиаИндекс определяется для каждого объекта (компании, персоны, бренда) в каждом сообщении СМИ. Индекс может колебаться в пределах от -1000 до +1000 для каждого сообщения в зависимости от тона упоминания. При анализе МедиаИндекса за период все индексы по всем сообщениям с упоминанием объекта суммируются. Чем выше индекс, тем более ярко и позитивно представлен объект в СМИ.

Ключевые показатели инфополя

Объект	Кол-во сообщений	Главная роль	Цитируемость	Медиа Индекс*	Нейтральный	Позитивный	Негативный
					характер упоминаний		
Сбербанк России	1 258 ↓62%	1 258 ↓62%	1 012 ↓29%	15 850,60 ↓62%	255 ↓71%	976 ↓58%	27 ↓118%

Источник: работа автора.

**МедиаИндекс* – показатель оценки эффективности PR, отражающий качество упоминаний в информационном поле. МедиаИндекс применяется пресс-службами и аналитиками для решения задач: оперативного отслеживания негатива и потенциальных информационных рисков; круглосуточного мониторинга позитивных и негативных сообщений в условиях информационных войн и кризисов; анализа освещения информационных поводов с учетом влиятельности СМИ, яркости упоминаний и количества перепечаток; сравнения СМИ по качеству освещения компании в СМИ; сравнение количества позитивных и негативных упоминаний с конкурентами; оценка изменений качества информационного поля компании в сравнении с конкурентами за любой период времени.

Формула Медиа Индекса имеет 3 основных составляющих:

1. Влиятельность СМИ

Влиятельность СМИ – это показатель, который учитывает цитируемость СМИ и социальную влиятельность СМИ и отражает потенциал возможного распространения информации в других СМИ и соцмедиа.

2. Позитив | Негатив

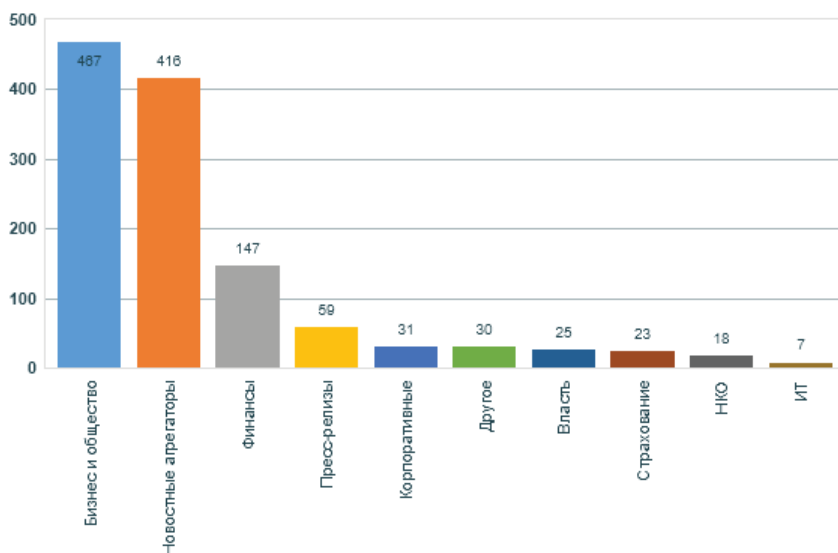
Это качественный показатель характера упоминания того или иного объекта в сообщении. В этот показатель включена также «ценность» публикации для объекта с учетом следующих параметров: а) главная или эпизодическая роль объекта, б) наличие прямой речи, с) наличие иллюстрации, д) наличие экспрессивности заголовка.

3. Заметность сообщения

Этот кумулятивный параметр учитывает «рекламный эквивалент» публикации в зависимости от номера полосы, объема сообщения, а также тиража, посещаемости.

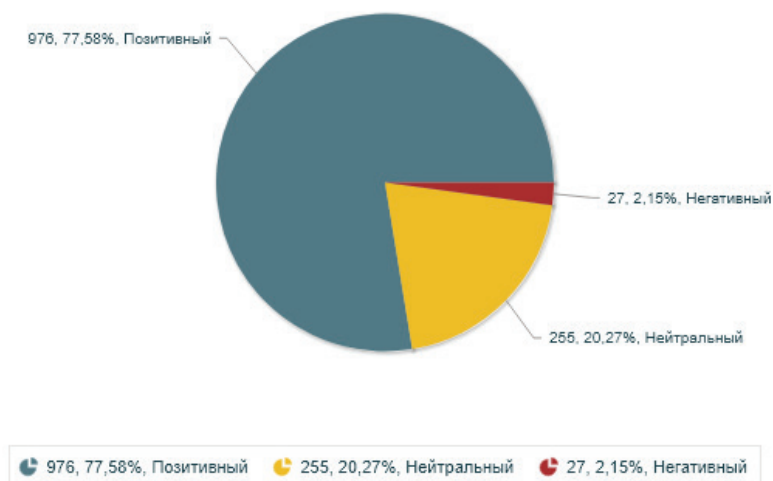
МедиаИндекс является зарегистрированным товарным знаком компании «МедиаЛогия».

Наибольшее количество сообщений с упоминанием Сбербанк России в контексте «люди с ограниченными возможностями» или «инвалидность» было зафиксировано в отрасли Бизнес и общество. Распределение упоминаний Сбербанк России в контексте «люди с ограниченными возможностями» по отраслям за период 03.2020-04.2021 представлено на рис. 3.

Источник: работа автора.

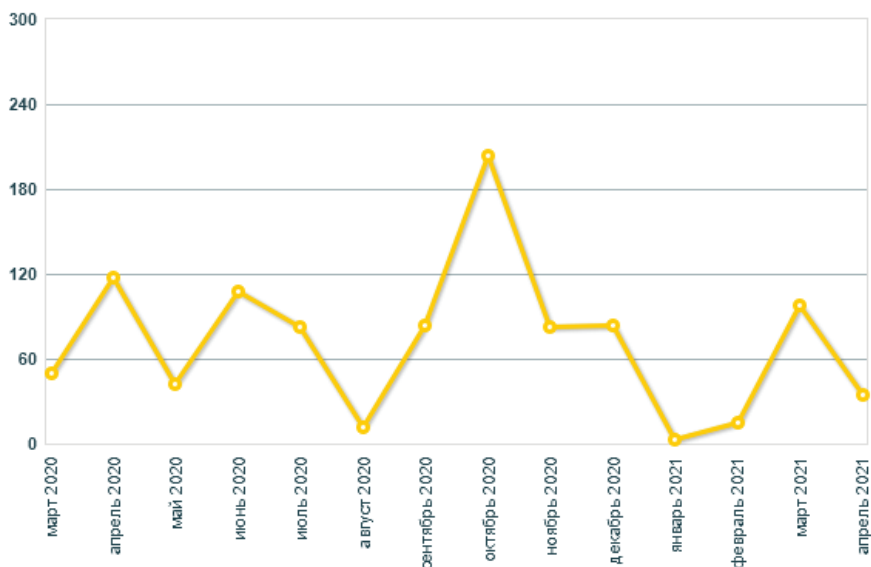
Рисунок 3. Распределение упоминаний по отраслям

Источник: работа автора.

Рисунок 4. Количество позитивных и негативных упоминаний

Наибольшее количество публикаций объекта Сбербанк России имеет позитивную тональность – 77,58. Доля нейтральных сообщений больше (20,27%), чем доля негативных упоминаний (2,15%). На рис. 4 представлена диаграмма по количеству позитивных и негативных упоминаний объекта

Источник: работа автора.

Рисунок 5. Динамика упоминаний с цитируемостью

Сбербанк России в контексте «люди с ограниченными возможностями» или «инвалидность» за период 03.2020-04.2021.

Самое заметное сообщение с цитированием Сбербанк России – «Сбер объявил об ипотеке под 0,1% для семей с детьми-инвалидами» из источника ИА Rambler News Service (rns.online). Больше всего сообщений с цитированием было зафиксировано в октябре 2020. Динамика упоминаний объекта Сбербанк России в контексте «люди с ограниченными возможностями» или «инвалидность» за период 03.2020-04.2021 представлена на рис. 5.

Самым заметным инфоповодом за отчетный период стала новость «Инклюзивная культура должна стать нормой для всей страны». 10 наиболее заметных инфоповодов по объекту Сбербанк России в контексте «люди с ограниченными возможностями» или «инвалидность» за период 03.2020-04.2021 представлены в табл. 4.

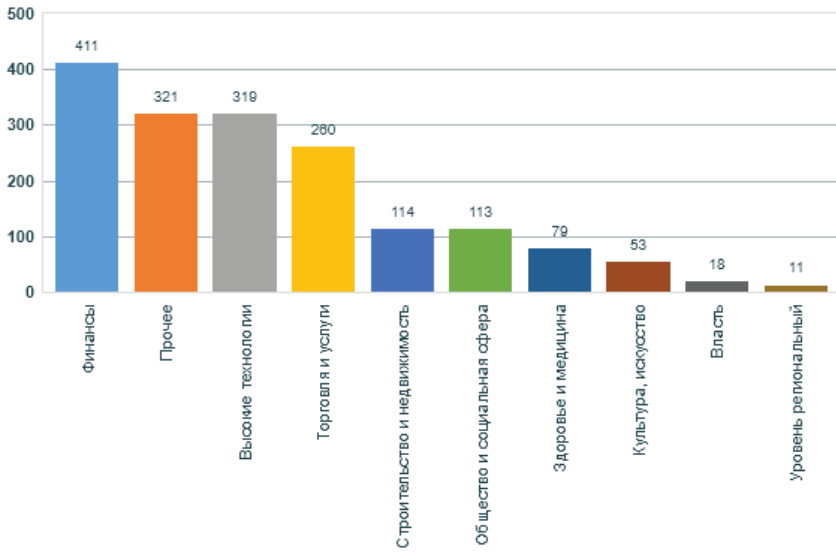
Наибольшее количество сообщений с упоминанием Сбербанк России было зафиксировано в рубрике СМИ Финансы. Распределение упоминаний по рубрикам по объекту Сбербанк России в контексте «люди с ограниченными возможностями» или «инвалидность» за период 03.2020-04.2021 представлена на рис. 6.

Наибольшее количество сообщений с упоминанием Сбербанк России было зафиксировано в регионе Москва. Распределение упоминаний по ре-

Информационные поводы

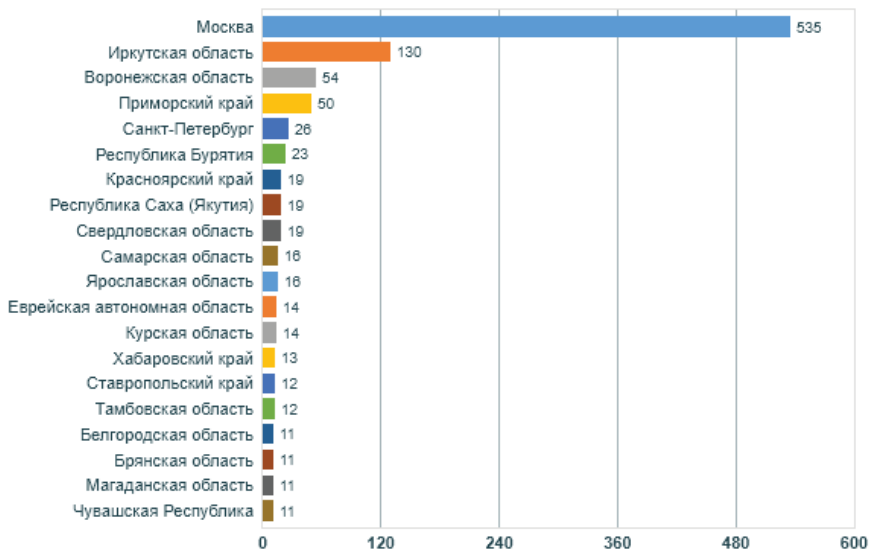
№	Событие	Источник	Количество сообщений	Медиа Индекс	Заметность события
1.	«Инклюзивная культура должна стать нормой для всей страны»	Lenta.Ru	67	1 315,10	14,48
2.	Передача «Бесогон ТВ» на канале «Россия 24»	Россия 24	4	697,00	10,88
3.	Банки протестируют открытие счетов клиентам по видеосвязи	РБК (rbc.ru)	27	775,00	10,48
4.	Сбербанк Онлайн признан самым доступным мобильным приложением для людей с инвалидностью	РИА PrimaMedia (primamedia.ru)	66	775,20	9,41
5.	Сбербанк обучил сотрудников навыкам обслуживания незрячих клиентов с собаками-поводырями	РИАМО (riamo.ru)	42	702,00	8,03
6.	Сбер поздравляет всех волонтеров страны с праздником	Брянские новости (bragazeta.ru)	31	608,00	6,56
7.	В отделениях Сбербанка на Дальнем Востоке появился новый Билет в будущее	РИА PrimaMedia (primamedia.ru)	26	486,00	6,35
8.	Сбербанк поздравил россиян с Международным днем клиента	RostovGazeta (rostovgazeta.ru)	19	486,00	5,86
9.	Скорая стариковская помощь	Комсомольская правда # Москва	5	277,00	5,76
10.	Семьи с детьми с инвалидностью могут оформить ипотеку Сбербанка по ставке от 0,1% годовых – ЯСИА	ИА Якутское – Саха	57	452,10	5,18

Источник: работа автора.

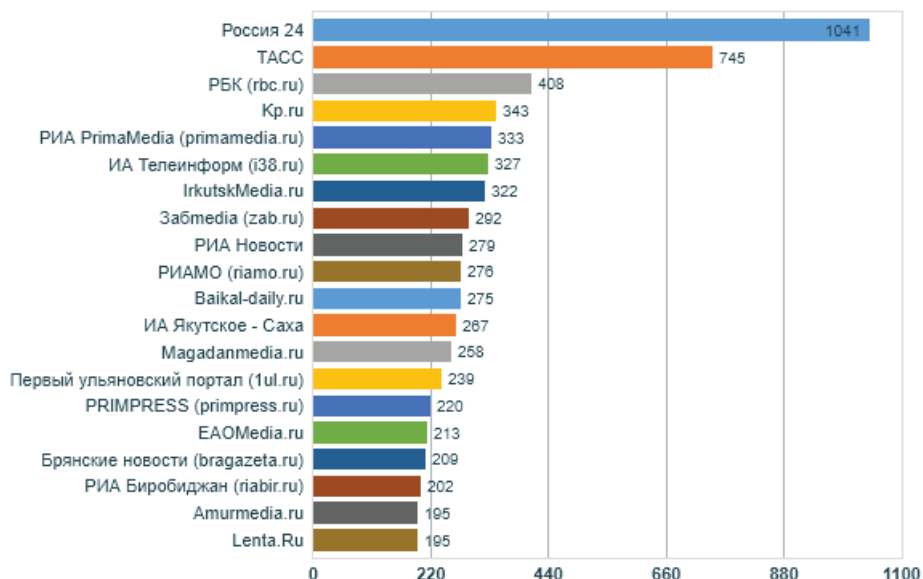
Источник: работа автора.

Рисунок 6. Распределение упоминаний по рубрикам

Источник: работа автора.

Рисунок 7. Распределение упоминаний по регионам

Источник: работа автора.

Рисунок 8. Наиболее влиятельные СМИ

гионам по объекту Сбербанк России в контексте «люди с ограниченными возможностями» или «инвалидность» за период 03.2020-04.2021 представлена на рис. 7.

Наиболее влиятельным СМИ по МедиаИндексу за отчетный период стал ресурс Россия 24. Упоминания Сбербанк России в контексте «люди с ограниченными возможностями» в 20 наиболее влиятельных СМИ за период 03.2020-04.2021 представлено на рис.8.

Таким образом, настоящее исследование посвящено изучению становления глобальной парадигмы устойчивого развития и ее реализации в современной медиа-повестке Рунета. Среди основных подходов к изучению устойчивого развития выделяют экоцентристский, антропоцентристский и триединый подходы. Наибольшее внимание уделяется триединому подходу к пониманию устойчивого развития, так как представляет собой единство интересов бизнеса и общества в сочетании бережного отношения к природе и ее ресурсам.

Социальные отношения и взаимодействия также претерпевают изменения и являются приоритетными задачами общества в рамках устойчивого развития. Так, социальные цели ООН направлены на достижение социального баланса и равноправия. В качестве иллюстрации данных изменений

было проведено исследование медиа-повестки Рунета, посвященное теме интеграции людей с ограниченными возможностями в обществе на примере крупнейшей российской экосистемы Сбер. Исследование показало, что несмотря на небольшое количество инфоповодов, представляющих проблему взаимодействия людей с ограниченными возможностями, проекты экосистемы Сбер для людей с ограниченными возможностями вызвали положительный резонанс и активно обсуждались на просторах Рунета, что свидетельствует о готовности бизнеса и общества к взаимодействию в рамках триединого подхода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Гончарова И.В., Прончев Г.Б., Прончева Н.Г. Анализ интернет-сообществ людей с ограниченными возможностями по зрению (на примере социальной сети ВКонтакте) // Образование и право. 2020. № 1.
2. Гончарова И.В., Прончев Г.Б., Прончева Н.Г., Кричевер Е.И. Коммерческая реклама в средствах массовой информации как инструмент нравственного воспитания // Образование и право. 2020. № 3.
3. Гончарова И.В., Прончев Г.Б. О поддержке людей с ограниченными возможностями по зрению в современном российском обществе // Политика и общество. 2016. № 11.
4. Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Экологический вызов и устойчивое развитие. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
5. Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период 2030 года // <https://www.economy.gov.ru/material/file/dcbc39abeafb0418d9d48c06c958e454/obzor.pdf>.
6. Инвалидность. Информационный бюллетень. Цели в области устойчивого развития: задачи в области здравоохранения. Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро, 2020 // <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/340895/WHO-EURO-2020-2367-42122-58015-rus.pdf?sequence=1&isAllowed=y>.
7. Медиалогия // <https://www.mlg.ru>.
8. Медоуз Д. и др. Пределы роста / пер. с англ.; предисл. Г.А. Ягодина. М.: Изд-во МГУ, 1991.
9. Монахов Д.Н., Прончев Г.Б. От цифры к цифровому обществу // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 6 (58).
10. Монахов Д.Н., Прончев Г.Б. Политика цифровизации здравоохранения // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 6 (63).
11. Муравьев В.И., Прончев Г.Б., Прончева Н.Г. Современные Интернет-технологии как средство сглаживания социального неравенства в контексте взаимоотношений гражданского общества с государством // Образование и право. 2013. № 12 (52).

12. Наше общее будущее / под ред. Евтеева С.А., Перелета Р.А. М.: Прогресс, 1989.
13. Ноосфера. Большая российская энциклопедия 2005-2019 // <https://bigenc.ru/philosophy/text/2670098>.
14. Положение инвалидов. Федеральная служба государственной статистики // <https://rosstat.gov.ru/folder/13964>.
15. *Прончев Г.Б., Гончарова И.В.* Технологии Интернет ресурсов ЕС для инвалидов по зрению // Вестник научных конференций. 2016. Т. 2. № 3 (6).
16. Цели в области устойчивого развития // <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>.
17. Цели устойчивого развития ООН и Россия // <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/11068.pdf>.
18. Amphiro – Save a Polar Bear. Startup Campus // <https://www.startup-campus.ch/en/amphiro-save-a-polar-bear/>.
19. AR6 Climate Change 2021: The Physical Science Basis // https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg1/downloads/report/IPCC_AR6_WGI_SPM_final.pdf.
20. *Assadourian E.* The rise and fall of consumer cultures / In: State of the world 2010: Transforming cultures. Worldwatch Institute Report. New York: W.W. Norton and Co., 2010.
21. *Atsmon Y., Ding J., Dixit V., St. Maurice I., Suessmuth-Dyckerhoff C.* The coming of age: China's new class of wealthy consumers. McKinsey and Co., 2009.
22. BKK Bund Kernzenheizung // <https://www.youtube.com/watch?v=Klz9Zf4i-6k>.
23. *Costanza R., Daly H.E.* Natural Capital and Sustainable Development // Conservation Biology. Mar., 1992. V. 6. N. 1 // [http://www.life.illinois.edu/ib/451/Costanza%20\(1992\).pdf](http://www.life.illinois.edu/ib/451/Costanza%20(1992).pdf).
24. *Gardner G.T., Assadourian E.* Rethinking the good life / In: Worldwatch institute state of the world 2004. New York: W.W. Norton & Company, 2004.
25. *Goncharova I.V., Pronchev G.B., Monakhov D.N. et al.* Remote banking services for the visually impaired in Britain as a tool for creating barrier-free environment // Eurasian Journal of Analytical Chemistry. 2017. V. 12. N. 7b.
26. *Goncharova I.V., Pronchev G.B., Rodionova M.E., Krichever E.I.* Rунet users' attitude to the outrageous content in virtual social environments // Academic Journal of Interdisciplinary Studies. 2022. V. 11. N. 1.
27. *Hubacek K., Guan D. & Barua A.* Changing lifestyles and consumption patterns in developing countries: A scenario analysis for China and India. Futures, 2007.
28. Index' Reveals Room for Improvement in Homes Across Canada // http://www.homedepot.ca/wcsstore/HomeDepotCanada/pdf/canadian_press/green_home_index_2009.pdf.
29. McKinsey Global Institute. The 'bird of gold': The rise of India's consumer market. McKinsey & Co., 2007.

30. Pronchev G.B., Goncharova I.V., Elishev S.O., Khodakova N.P. Accessibility of Virtual Social Environments for the Visually Impaired as a Means for Leveling Out Social Inequality in Russia // *Man in India*. 2017. № 97 (16).

31. Pronchev G.B., Goncharova I.V., Proncheva N.G. The range of communication topics of the visually impaired in the internet communities // *Humanities and Social Sciences Reviews*. 2020. V. 8. N. 4.

32. Quelch J.A. & Jocz K.E. *Greater good: How good marketing makes for a better world*. Boston: Harvard Business Press, 2007.

33. Was tun bei einem #Totalausfall? // https://twitter.com/BBK_Bund/status/1443516558232461314.

I.V. GONCHAROVA

*Candidate of pedagogical sciences,
associate professor, department of social technologies
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE STATE AND SOCIAL TECHNOLOGIES

The present work is devoted to the study of changes taking place in the economic and social spheres within the framework of the formation of the paradigm of sustainable development of the state. The paper analyzes approaches to the definition of sustainable development, economic and social human activity within these approaches, as well as the regulation of human activity by international organizations. Special attention is paid to social technologies aimed at integrating people with disabilities into civil society. The author's research of the Runet media field is given.

Key words: *sustainability social technologies, approaches to sustainable development, social inetgration of people with disabilities.*

К ВОПРОСУ О ВНЕДРЕНИИ МОДЕЛИ ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РОССИИ¹

В статье предпринимается попытка проанализировать основные положения новой модели в области управления здравоохранением, а именно модели ценностно-ориентированного здравоохранения. Эксперты полагают, что данная модель в ближайшем будущем придет на смену текущим моделям государственного управления сферой здравоохранения, ориентированным в большей степени на количественные показатели, а не на качестве предоставления медицинской помощи. Рассматривается специфика внедрения аспектов подобной модели для повышения качества медицинских услуг. Анализируются текущие условия для апробации данной модели в России, включая уже реализованные инициативы и степень готовности стейкхолдеров здравоохранения к внедрению модели ЦОЗ.

Ключевые слова: *ценностно-ориентированное здравоохранение, ЦОЗ, госполитика, здравоохранение, лоббизм, стейкхолдер, национальный проект, федеральные проекты.*

Введение. Сфера здравоохранения по всему миру в настоящее время испытывает беспрецедентную нагрузку вследствие продолжающейся уже второй год пандемии коронавирусной инфекции. Вместе с тем, несмотря на присутствующее давление и даже в условиях ограниченных финансовых возможностей бюджетов здравоохранения, можно наблюдать определенную трансформацию здравоохранения в рамках фундаментального перехода к ценностно-ориентированной модели здравоохранения (ЦОЗ, value-based healthcare – VHC), что происходит, в том числе, и в России в последние несколько лет.

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ и АНО ЭИСИ 21-011-32252 «Внутриполитические риски трансформации госполитики в сфере здравоохранения: российский и зарубежный опыт».

Коммерческие компании и заинтересованные стейкхолдеры, действующие в секторе здравоохранения (фармацевтические предприятия, производители медизделий, IT-стартапы и разработчики технологических решений для государственных больниц и частных клиник), которые являются агентами промышленных и технологических изменений, стремятся соответствовать этой мировой тенденции, чтобы иметь дополнительные возможности проактивно выходить с релевантными и отвечающими текущему моменту инициативами к правительству (включая и новации в отраслевой регуляторике), предлагая решения для улучшения качества здравоохранения.

В подобной ситуации, своевременный анализ и реакция на изменения внешней макросреды (экономической, политической, регуляторной) становится фактором, влияющим на конкурентоспособность бизнеса. Отрицательные тенденции в здравоохранении (старение населения, распространение хронических и неинфекционных заболеваний, увеличение давления на бюджеты медучреждений) воздействуют на госполитику, заставляя страны переходить от количественных мер (простое увеличение бюджетных ассигнований) и «стратегий оптимизации» (урезание расходов) к более гибким и умным подходам в управлении здравоохранением: достижению большей эффективности при ограниченных расходах. Изменение взглядов государственных стейкхолдеров на проблемы в медицине побуждают фирмы изменять бизнес- и политические стратегии, адаптируя их под актуальные требования и потенциальные ожидания регуляторов здравоохранения. На этом фоне фармацевтический бизнес все больше отходит от узкоспециализированных лоббистских стратегий в сторону развития корпоративной публичной политики (*corporate public policy*), предполагающей соучастие с государством в эффективной реализации отраслевой госполитики.

Международные корпорации, присутствующие на российском рынке, осознают, что ревизия принципов функционирования здравоохранения в сторону ценностно-ориентированной модели влечет за собой образование новых рыночных ниш, которые могут быть заняты в первую очередь именно бизнесом, поскольку государственные учреждения и компании с госучастием, как правило, неохотно и с большим временным лагом воспринимают инновации. Опережающее включение в новый тренд способно привести к открытию «голубого океана», свободного от конкурентов. Корректировка принципов работы с государственными органами, чему призван содействовать GR-менеджмент, позволяет изобретать новые способы предоставления медицинских услуг и продуктов населению.

Например, инновационные подходы к анализу потребностей пациентов или лечебных-профилактических учреждений в том или ином препарате на основе клинических данных, предлагаемые компаниями, способны повысить эффективность обеспечения населения современными препаратами и терапиями. С другой стороны, сопутствующий подобным инициативам

обмен экспертизой между государством и бизнес-сообществом укрепляет всеобъемлющее партнерство, обеспечивает возможность апробации современных технологий и практик в управлении здравоохранением, что в долгосрочной перспективе ведет к инклюзивному экономическому росту. Уже сейчас можно наблюдать формирование определенной коалиции продвижения, состоящей из организаций бизнеса, экспертов и научных центров, популяризирующих феномен ВВНС в России.

Особенности внедрения положений ЦОЗ. Один из способов перераспределения инвестиционной нагрузки и разделения рисков в сфере здравоохранения видится во внедрении концепции ценностно-ориентированного здравоохранения, основоположником которой является американский экономист, профессор Гарвардской школы бизнеса, специалист в области изучения экономической конкуренции – Майкл Портер. Идея, лежащая в основе концепции ЦОЗ, кажется достаточно простой и интуитивно понятной, однако ее внедрение требует полного пересмотра цепочки осуществления медпомощи, на что указали Портер и Тайсберг [19. Р. 224].

В исследованиях, посвященных ЦОЗ, часто делается акцент на переходе к новой системе оплаты медицинских услуг. На текущий момент большинство стран осуществили переход к новой системе оплаты медицинской помощи – за законченный случай госпитализации для конкретных клинико-статистических групп (diagnosis-related group, DRG). Такой подход стимулирует увеличение пациентопотока, снижает среднюю величину койко-дня, однако не способствует повышению качества медицинской помощи.

Следующим этапом внедрения системы оплаты медицинских услуг в рамках ЦОЗ является переход к оплате за результат (payment-for-performance, P4P), пакетному финансированию (bundled payments) и введению паушальной ставки для пациентов (capitation) [16. Р. 34].

Ключевое требование к программам P4P заключается в использовании в качестве метрики результата отдаленных исходов лечения, значимых для пациента, именно поэтому внедрение подобных программ во многих странах начинают со стимулирующих выплат медицинским учреждениям, которые систематически собирают данные об исходах клинических случаев и отчитываются о результатах с точностью до пациента, что получило название «оплата за подачу данных» (pay for reporting). Также существуют механизмы премирования медучреждений за приверженность высоким стандартам лечения, передовым практикам, за оснащенность организаций передовым оборудованием (pay for compliance) [5].

Ценностно-ориентированный подход применяется в зарубежных странах для ценообразования на рынке лекарственных препаратов (value based pricing, VBP), что позволяет учитывать уровень дополнительной терапевтической ценности препарата для пациента и системы здравоохранения, а не опираться на затраты, понесенные производителем на разработку, производство и продвижение медикаментов [20].

В целях обеспечения медицинских организаций и пациентов медизделиями в европейских странах все чаще используются ценностно-ориентированные закупки (value-based procurement). При принятии решений о закупках, прежде всего, учитывается то, как медизделие может обеспечить наилучшие измеряемые результаты для пациента и системы здравоохранения. Такой подход позволяет снизить общую стоимость обслуживания, а не закупать изделие по минимально возможной цене, не учитывая при этом сопутствующие расходы и степень эффективности.

В 2016 г. аналитическим подразделением журнала «The Economist» было опубликовано исследование, в котором приводились экспертные оценки операционализированных показателей степени внедрения принципов ЦОЗ в различных странах. Блок показателей, характеризующих сбор данных об исходах лечения и анализ исходов, а также затратах на достижения результата включал: наличие государственных реестров о протекании болезней, степень доступности данных об исходах лечения пациентов, уровень стандартизации данных об исходах, сбор данных о затратах на лечение, планы по разработке общенационального электронного медицинского справочника с медицинскими картами граждан. В качестве показателей, характеризующих внедрение принципа оплаты за результат, рассматривались: готовность плательщиков в системе здравоохранения продвигать пакетное финансирование; наличие механизмов, позволяющих идентифицировать наименее эффективные меры лечения и не осуществлять оплату за них (возвращать потраченные средства).

В 2014 г. Европейский наблюдательный комитет по системам здравоохранения и политике в области здравоохранения выпустил отчет: «Оплата за результат в здравоохранении: влияние на системы здравоохранения и подотчетность», в котором осуществил обзор программ по внедрению принципа оплаты за результат [17]. Анализируя, в том числе данный документ, В.В. Омеляновский и В.К. Федяева пришли к выводу о том, что в большинстве рассмотренных стран финансовое воздействие на медицинских работников и организации проводится раз в год, данные для анализа выполнения индикаторов часто извлекаются из реестра подаваемых в страховые компании счетов или из комбинации реестров счетов с данными электронных медицинских карт [6. С. 10]. Более того, в настоящее время за рубежом используются различные дизайны программ Р4Р, отклоняющиеся от концептуальной задумки М. Портера, в которых под результатом понимаются разные аспекты оказания медицинской помощи. В Европе и США большинство проектов по ЦОЗ носят пилотный характер. Наибольшее количество проектов отмечается в Нидерландах и Германии, где в клиниках используются стандарты сбора и обработки данных о значимых для пациентов исходах в соответствии с рекомендациями международного консорциума по оценке исходов лечения (International Consortium of Health Outcomes Measurement – ICHOM).

Таким образом, обобщить практические аспекты ценностно-ориентированной модели здравоохранения, отдельные практики которой внедряются по всему миру, можно следующим образом: внедрение ВВНС сопряжено со сменой системы оплаты медпомощи и повышением эффективности расходования средств за счет контроля качества медицинских услуг и фиксации значимых для пациентов исходов на основе анализа больших массивов данных.

Текущий статус реализации принципов ЦОЗ в России. Специфика отечественной системы здравоохранения с государственными гарантиями для всех пациентов при дефиците финансовых ресурсов фондов здравоохранения обостряет проблему их эффективного использования, что, в свою очередь, свидетельствует о целесообразности внедрения отдельных аспектов ЦОЗ [11]. Сегодня основными методами оплаты в системе обязательного медицинского страхования в России являются оплата за законченный и прерванный случай лечения заболевания, включенного в соответствующую группу заболеваний, в том числе клинико-статистические группы заболеваний (КСГ) [3], и оплата по подушевому нормативу [10], которые позволяют сдерживать затраты, однако не создают стимулов к повышению качества оказания медицинской помощи. В сложившихся условиях особую важность приобретает система контроля качества медицинских услуг, в основе которой лежат критерии доступности и качества медицинской помощи (КДКМП). КДКМП, закрепленные в постановлении Правительства РФ, по большей части регламентируют процесс оказания медицинской помощи, а не значимые для пациентов исходы лечения [9]. Более того, контроль выполнения критериев по-прежнему носит выборочный характер ввиду недостаточного уровня информатизации в отдельных медицинских организациях. Эксперты И.М. Бурыкин и Р.Х. Хафизьянова обосновывают целесообразность создания в России индикативной системы оценки качества медицинской помощи на различных уровнях, в основу которой будет положен унифицированный перечень индикаторов по этапам и условиям оказания медицинской помощи [1. С. 28].

В 2017 г. Минздравом России был запущен пилотный федеральный проект «Бережливая поликлиника», предполагающий пересмотр устройства оказания первичной медицинской помощи на основе технологии «бережливого производства» с фокусом на потребности пациента. Предполагалось, что имплементация проекта позволит сократить время посещения поликлиники, повысит эффектность работы медперсонала, ускорит предоставление необходимых услуг, что приведет к дополнительной экономии ресурсов и повышению уровня удовлетворенности граждан [2]. Подобный проект наглядно иллюстрирует реализацию принципа пациентоцентричности. В дальнейшем проект трансформировался в федеральный проект «Развития системы оказания первичной медико-санитарной помощи» в рамках национального проекта «Здравоохранение».

С 2019 г. Минздравом России реализуется Национальный проект «Здравоохранение», рассчитанный на период 2019-2024 гг., основными целевыми показателями которого являются снижение смертности населения, ликвидация кадрового дефицита в медицинских организациях, укомплектованность врачебных должностей, рост числа специалистов, вовлеченных в систему непрерывного образования медработников, охват граждан профилактическими осмотрами, обеспечение оптимальной доступности медицинских услуг, рост числа медицинских организаций, участвующих в создании и тиражировании «Новой модели медорганизации», а также рост экспорта медицинских услуг.

В рамках национального проекта реализуются восемь федеральных проектов (1), цели которых частично соотносятся с принципами ЦОЗ по оценке качества медицинской помощи и бенчмаркингу организаций, созданию системы сбора и обработки информации об оказываемых услугах, а также по внедрению интегрированного подхода к оказанию медицинских услуг.

Федеральный проект «Развитие сети национальных медицинских исследовательских центров и внедрению инновационных медицинских технологий» направлен на завершение формирования сети национальных медицинских исследовательских центров и внедрение инновационных медицинских технологий, включая систему ранней диагностики и дистанционный мониторинг состояния здоровья пациентов, для повышения качества оказания медицинской помощи населению Российской Федерации [9]. Одной из целей данного проекта является актуализация клинических рекомендаций и протоколов лечения больных, а также обеспечение их использования в целях формирования тарифов на оплату медицинской помощи. В 2020 г. количество актуализированных рекомендаций и протоколов составило 172 единицы, что значительно превышает целевой показатель, заявленный в паспорте проекта (103).

Федеральный проект по «Созданию единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИЗС)» направлен на повышение эффективности функционирования системы здравоохранения путем создания механизмов взаимодействия медицинских организаций на основе единой государственной системы в сфере здравоохранения и внедрения цифровых технологий и платформенных решений до 2024 года, формирующих единый цифровой контур здравоохранения.

С 2019 г. Министерство здравоохранения Российской Федерации реализует глобальный проект по созданию вертикально-интегрированной медицинской информационной системы (ВИМИС) в сфере здравоохранения в целях повышения эффективности системы здравоохранения. Создаваемое информационное пространство будет на постоянной основе собирать медицинские (не персональные) сведения о пациенте из всех медицинских уч-

реждений, как государственных, так и частных, для дальнейшей передачи и интеграции этих данных в ЕГИСЗ. На сегодняшний день осуществляется развитие ВИМИС по направлениям: «Онкология», «Сердечно-сосудистые заболевания», «Акушерство, гинекология и неонатология», «Профилактическая медицина». Целевыми показателями федерального проекта являются: доля медицинских организаций, использующих медицинские информационные системы, обеспечивающих взаимодействие с ЕГИСЗ (фактический показатель к ноябрю 2021 г. – 82% против целевого уровня в 94%); обеспечивающих преемственность оказания медицинской помощи (целевой показатель в 2021 г. – 84%); обеспечивающих доступ гражданам к электронным медицинским документам (целевой показатель в 2021 г. – 36%).

Темпы реализации федеральных проектов, как и стартовые позиции регионов РФ существенно различаются. В 2018 г. в исследовании консалтингового агентства «ПрайсвогтерхаусКуперс», посвященном развитию здравоохранения в городах мира, Москва заняла пятое место среди мегаполисов по эффективности организации медицинской помощи [4]. Оценка проводилась в том числе по критериям ЦОЗ и пациентоцентричности. Как примеры пациентоцентричности в докладе приводились развитие комплексной модели помощи при возникновении острых сосудистых состояний (инсультной сети) и проект ведения пациентов со множественными хроническими заболеваниями. В области цифровизации сфер медицинских услуг Москва также опережает не только прочие регионы России, но зарубежные проекты: единая медицинская информационно-аналитическая система г. Москвы в ноябре 2021 г. была признана лучшей информационной системой в номинации «Умные города, правительство и коммуникации» по версии IoT Global Awards.

Итак, отдельные элементы модели ценностно-ориентированного здравоохранения, такие как совершенствование системы сбора и обработки информации об оказываемых медицинских услугах и результатах лечения пациентов, системы оценки качества оказания медицинской помощи и рейтинговой системы медицинских организаций, уже внедряются в медицинские практики в России, однако отсутствие системы оценки эффективности расходования средств и фиксации значимых для пациентов отдаленных исходов лечения делают невозможными полноценное внедрение новых методов оплаты медицинских услуг, которые на данный момент реализуются только посредством системы неоплаты и штрафования в случае выявления дефектов оказания медицинской помощи и эффективного контракта с медицинскими организациями, их руководителями и работниками. На этом фоне из года в год интенсифицируется экспертное обсуждение целесообразности парадигмального сдвига и перехода на новую модель здравоохранения.

Краткий анализ публичного дискурса о целесообразности внедрения концепции ЦОЗ в России. Проблематика ЦОЗ начала оформляться

в медийном пространстве и политическом дискурсе России в 2018 г. Однако несмотря на старт целого спектра государственных проектов и программ, несущих в себе характер ценностно-ориентированной модели, российские стейкхолдеры здравоохранения не спешили с заявлениями о необходимости ее скорейшего и полноценного развертывания. В 2019 г. на Российском фармацевтическом форуме в Санкт-Петербурге занимавший тогда должность начальника Управления социальной сферы и торговли ФАС Т. Нижегородцев отметил, что он «не уверен, что увлечение конечными исходами – это правильная история. Их бывает трудно дожидаться. Это создает атмосферу недоверия. Поэтому опасения и сомнения в том, что это добросовестная история или попытка заставить платить за неочевидные вещи, разумны». В аналогичном ключе высказалась директор департамента лекарственного обеспечения и регулирования обращения медицинских изделий Минздрава России Е. Максимкина: «я давно живу в ценностно-ориентированной медицине... Как регулятор отмечу: есть и риски, и возможности. Но мы применяем подходы ЦОЗ с точки зрения оценки технологий при отборе препаратов в перечни ЛС» [15]. Кроме того, майские указы Президента РФ от 2018 г. также ставят целью лишь частичное внедрение принципов VBNС, делая акцент на информатизации медицинских услуг и развития технологий ранней диагностики [12].

Можно предположить, что риторика представителей политического истеблишмента России стала меняться по мере протекания пандемии COVID-19. По словам председателя комитета по охране здоровья Госдумы Д. Хубезова на полях форма «Здравоохранение в России – 2021», в условиях пандемии коронавируса следует ускорить переход системы здравоохранения на личностно-ориентированную модель: «Ценностно-ориентированная модель здравоохранения предполагает развитие персонализированного здравоохранения, переход к превентивной медицине. Создание генетического паспорта пациента позволит еще на доклинической стадии выявлять угрозу развития заболевания, и либо предотвратить, либо значительно снизить риск его развития. Медицинские учреждения будущего должны ставить на первое место контроль конечного результата, эффективность работы с точки зрения заботы о пациентах».

За последние несколько лет в экспертно-медицинской среде России сложилась коалиция поддержки (advocacy coalition) ЦОЗ, довольно активно продвигающая эту концепцию, используя различные механизмы взаимодействия с государством и профессиональным сообществом. Одной из наиболее активных ТНК в России в этом вопросе является корпорация Philips. Компания ежегодно публикует исследование «Индекс здоровья будущего», посвященное анализу готовности государств модернизировать системы здравоохранения для обеспечения эффективных ответов будущим угрозам (эпидемий, вспышек заболеваемости) и социально-экономическим вызовам.

Из исследования 2018 г. следовало, что «российский показатель *ценности* системы здравоохранения» оказался незначительно ниже среднего значения по 16 странам «(40,90 баллов против средней цифры 43,48 по 16 странам)» [18]. Категория ценности в исследовании строилась на трех факторах:

- Доступность медицинской помощи, под которой понимается доступ для населения к медицинским услугам.
- Удовлетворенность медицинскими услугами, то есть насколько население и медицинский персонал доверяют системе здравоохранения.
- Эффективность системы здравоохранения – соотношение затрат к результатам лечения.

«Показатель был обусловлен достаточно высокой в России доступностью медицинской помощи (63,58 баллов против 50,91 в среднем) и в то же время незначительным уровнем удовлетворенности медицинскими услугами (31,75 баллов против 52.85)» [18].

На протяжении последних лет представители компании Philips регулярно отмечали, что ВВНС позволит оптимизировать системные затраты в сфере российского здравоохранения.

Фармацевтические ТНК, представляющие так называемую «Большую Фарму», также неоднократно заявляли о приверженности концепции ЦОЗ и целесообразности внедрения ее отдельных принципов России. В 2019 г. И. Панарина, генеральный директор «АстраЗенека» (Россия, Евразия), заявляла: «Доступ к рынку формируется организаторами здравоохранения в основном исходя из цены препарата и стоимости курса лечения, поэтому предпочтение чаще всего отдается менее затратным методикам без учета эффективности, безопасности терапии и ее долгосрочных результатов». Таким образом, по мнению специалиста, несмотря на появление инноваций и эффективных методов лечения в мире, пациенты не получают более качественную терапию. Для их внедрения традиционные методы оценки не подходят, так как инновации не имеют аналогов или сравнимых групп – именно на этом построена отечественная система.

В 2020 г. в беседе с телеканалом RT представители корпораций «Джонсон и Джонсон», «Новартис» и «Роше» также отмечали эффективность применения ценностно-ориентированного подхода при определении цены курса терапии с применением дорогостоящих препаратов (в контексте ценообразования лечения спинальной мышечной атрофии) [7].

Кроме того, среди известных экспертных центров в сфере здравоохранения предметным анализом путей реализации ЦОЗ в России занимается Центр развития здравоохранения Московской школы управления СКОЛКОВО, который в конце 2018 г. приступил к реализации проекта «Ценностно-ориентированное здравоохранение в России». На текущий момент выяснить итоги реализации проекта не представляется возможным в силу отсутствия публикацией по проекту в открытом доступе. В структуре функциониру-

ет Экспертный совет по ценностно-ориентированному здравоохранению, на площадке центра проводятся соответствующие мероприятия по обсуждению ЦОЗ (например, в сфере медизделий [13]), а представители регулярно комментируют особенности модели. Так, в 2019 г. руководитель группы стратегического консалтинга «Сколково» И. Свято отмечала релевантность реализации данной модели в РФ, так как она совпадает с четырьмя принципами, «декларируемыми Минздравом России: превентивность, профилактика, партисипативность и персонификация».

При этом, учитывая известную в отрасли аффилированность инновационного центра «Сколково» с международными фармацевтическими корпорациями можно охарактеризовать данную структуру как определенную точку доступа для продвижения концепции VNBC в публичном дискурсе.

В 2021 г. в рамках цикла экспертных дискуссий «Здравоохранение в России – 2021» директор Центрального научно-исследовательского института организации и информатизации здравоохранения О.С. Кобякова заявила: «Наряду с тем, что в здравоохранении нужно увеличивать финансирование, необходимо искать и другие инструменты для улучшения качества и доступности медицинской помощи. Одним из этих инструментов является ценностно-ориентированное здравоохранение» [13].

В отличие от экспертно-консультационного сегмента, в рамках медицинского сообщества проблематика имплементации ЦОЗ обсуждается пока не столь активно. Контент-анализ опубликованных исследовательских работ за период с 2018 по 2021 г. по нескольким основным источникам специальной литературы с наличием таких ключевых слов как «ценностно-ориентированное здравоохранение», «ценность в здравоохранении» и «VNBC» свидетельствует о том, что, во-первых, изучению тематики ЦОЗ уделяется не так много внимания, а, во-вторых, о том, что проблематика не представлена конкретным пластом узконаправленных работ, а, скорее, частично освещается в рамках смежных направлений, включая детскую заболеваемость, лекарственное страхование, повышение уровня оплаты труда медперсонала и так далее. В настоящий момент можно выделить всего несколько статей ведущих медицинских специалистов, посвященных различным аспектам ценностной модели, таких как работы Е. Шляхто [14], В. Омеляновского [5; 6], И. Бурькиной и Р. Хафизьянова [1].

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о постепенном формировании соответствующего проблемного поля в медийном пространстве, экспертной среде и политической дискурсе: интерес к концепции ЦОЗ растет. Дискуссия о важности поиска путей развития здравоохранения запускается на разных площадках, в них участвуют отраслевые и государственные эксперты. В этом контексте одними из выгодоприобретателей являются иностранные ТНК, уже знакомые с данной концепцией, однако ситуации взаимовыгодного сотрудничества можно достичь только тогда, когда прин-

Контент анализ публикаций по тематике ЦОЗ за период 2018-2021 гг.

Ресурс	Cyberleninka	Google Scholar	Elibrary	Национальная электронная библиотека
Количество публикаций за искомый период	20	75	29	2

Источник: подготовлено автором.

ципы ВВНС будут активно и публично поддержаны и государственными стейкхолдерами.

В этой связи, предварительно можно говорить лишь о том, что пока в России реализуется ограниченное число программ по внедрению принципов ЦОЗ, затрагивающих преимущественно сферу цифровизации медицинских услуг. Для реализации конкретных шагов необходимо активно запускать и масштабировать отдельные пилотные проекты на уровне субъектов, что в условиях пандемии, кажется, проблематичным сценарием. Другой альтернативой видится инициация федерального пилотного проекта, целью которого было бы определение оператора ЦОЗ и постепенное выстраивание механизмов оплаты за результат в сфере здравоохранения в сопряжении с существующими федеральными проектами в рамках нацпроекта «Здравоохранение».

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Раздел «Национальные проекты и демография» на сайте Минздрава России // <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravoohranenie>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бурыкин И.М., Хафизьянова Р.Ф.* Государственная система индикаторов качества и безопасности медицинской помощи как инструмент поддержки принятия решений в системе здравоохранения Российской Федерации и совершенствования политики в сфере здравоохранения // Оргздрав: новости, мнения, обучения. Вестник ВШОУЗ. 2021. № 1 (23).

2. *Метельская А.В., Камынина Н.Н.* Развитие концепции «бережливой поликлиники» // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. № 28.

3. Методические рекомендации по способам оплаты медицинской помощи за счет средств обязательного медицинского страхования. Министерство здравоохранения РФ. 2020 // <https://rosmedex.ru/wp-content/uploads/2021/04/metodicheskie-rekomendaczii.pdf>.

4. Москва – на 5-м месте в рейтинге эффективности организации медицинской помощи от РwC. 20.07.2018 // <https://medvestnik.ru/content/news/Moskva-na-5-m-meste-v-reitinge-effektivnosti-organizacii-medicinskoj-pomoshi-ot-RwC.html>.

5. *Мусина Н.З., Омеляновский В.В., Гостищев Р.В.* Концепция ценностно-ориентированного здравоохранения // Фармакоэкономика. 2020. Т. 13. № 4.

6. *Омеляновский В.В.* Оценка долгосрочных изменений (сценариев) в системе здравоохранения в условиях современного технологического развития и ценностно-ориентированных подходов. РАНХиГС. 2019.

7. Орфанные лекарства отличает высокая стоимость разработки: производители препаратов от СМА рассказали о ценообразовании. RT. 01.04.2020 // <https://russian.rt.com/russia/article/732477-proizvoditeli-lekarstvo-sma-ceny-postavki>.

8. Паспорт федерального проекта «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ)». Министерство здравоохранения РФ // https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/046/712/original/FP_Cifrovoy_kontur_zdravoohraneniya.pdf?1565344851.

9. Развитие сети национальных медицинских исследовательских центров и внедрение инновационных медицинских технологий. Министерство здравоохранения РФ // https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/046/714/original/FP_Razvitie_seti_nacional'nykh_medicinskix_issledovatel'skix_centrov_i_vnedrenie_innovacionnykh_medicinskix_tehnologij.pdf?1565345144.

10. Постановление Правительства РФ от 28.12.2020 N 2299 (ред. от 19.11.2021) «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» // Консультант плюс // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373291/.

11. Тарифная политика в системе обязательного медицинского страхования // ФФОМС. 2020 // <https://www.ffoms.gov.ru/system-oms/about-fund/modernizatsiya-sistemy-oms/tarifnaya-politika-v-sisteme-obyazatel'nogo-meditsinskogo-strakhovaniya/>.

12. *Тимаков И.В.* Институциональные особенности финансирования российского здравоохранения // Дискуссия. 2020. № 3.

13. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Сайт президента РФ // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>.

14. Ценностный подход в здравоохранении обсудили в «Сколково» // Medlinks // <http://www.medlinks.ru/article.php?sid=88816>.

15. *Шляхто Е.В., Конради А.О.* Медицина, основанная на ценности, – новая парадигма в здравоохранении // Ремедиум. 2018. № 3 // <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsina-osnovannaya-na-tsennosti-novaya-paradigma-v-zdravoohranenii/viewer>.

16. Эксперт: России рано мечтать о концепции ценностно-ориентированного здравоохранения // Фармвестник. 18.05.2019 // <https://pharmvestnik.ru/content/news/Ekspert-Rossii-rano-mechtat-o-koncepcii-cennostno-orientirovannogo-zdravoohraneniya.html>.

17. Handunge V., Riner N., Aagard M., Riner R. Adopting new cardiovascular models to achieve value-based care // Physician Leadership Journal. 2016. Vol. 3. № 2.

18. Paying for Performance in Health Care. Implications for health system performance and accountability // European Observatory on Health Systems and Policies Series. 2014.

19. Philips выяснила готовность стран к переходу на ценностно-ориентированную модель здравоохранения // Remedium. 11.10.2018 // <https://remedium.ru/news/philips-vyyasnila-gotovnost-stran-k-perekhodu-na-ts/>.

20. Porter M.E., Teisberg E.O. Redefining health care: creating value-based competition on results // Harvard Business School Publishing. 2006.

21. Value-Based Procurement. MedTech Europe. 2021 // <https://www.medtecheurope.org/access-to-medical-technology/value-based-procurement/>.

Y.A. CHIZHEVSKIY

Researcher at the All-Russian public organization “Russian Association political science”, Moscow, Russia

THE IMPLEMENTATION OF VALUE-BASED HEALTHCARE MODEL IN RUSSIA

The article attempts to analyze the main provisions of the new model in the field of healthcare management, namely value-based healthcare. Experts believe that this model in the near future will replace the current models of state management of the healthcare sector, which are focused more on quantitative indicators, rather than on the quality of medical care. The specifics of the implementation of aspects of such a model to improve the quality of medical services are considered. The current conditions for testing this model in Russian reality, including initiatives already implemented, as well as the readiness of healthcare stakeholders to implement the VBHC model are analyzed.

Key words: *value-based healthcare, VBHC, state policy, healthcare sphere, lobbying, stakeholder, the national project, federal projects.*

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

DOI 10.35775/PSI.2022.77.1.012

УДК 32.327

А.Н. МИХАЙЛЕНКО

*доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой международной безопасности и
внешнеполитической деятельности России Факультета
национальной безопасности Института права и национальной
безопасности Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ,
Россия, г. Москва*

А.В. ХРАМОВА

*соискатель кафедры международной
безопасности и внешнеполитической деятельности
России Факультета национальной безопасности Института
права и национальной безопасности Российской академии народ-
ного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, г. Москва*

ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Развитие Евразийского экономического союза является одним из важнейших приоритетов России. Под влиянием ряда факторов, среди которых пандемия коронавируса, санкции западных стран в отношении России и ряд других, состояние евразийской интеграции не в полной мере соответствует планам входящих в ЕАЭС государств и чаяниям евразийских народов. Необходимо найти новые источники развития евразийской интеграции, которые гармонируют с тенденциями мирового развития. В этом плане следует обратить внимание на понятие потенциала ЕАЭС. В статье рассматривается вопрос о том, что представляет собой этот потенциал, как и в каких сферах интеграционного строительства его можно реализовать для повышения эффективности ЕАЭС.

Ключевые слова: *Евразийский экономический союз, ЕАЭС, Европейский союз, АСЕАН, Китай, потенциал, идентичность, проблема, препятствие, резерв, возможность.*

Введение. Развитие Евразийского экономического союза является одним из важнейших приоритетов России. Под влиянием ряда факторов, среди которых пандемия коронавируса, санкции западных стран в отношении

России и ряд других, состояние евразийской интеграции не в полной мере соответствует планам входящих в ЕАЭС государств и чаяниям евразийских народов. Необходимо найти новые источники развития евразийской интеграции, которые гармонируют с тенденциями мирового развития. В этом плане следует обратить внимание на понятие потенциала ЕАЭС. В статье рассматривается вопрос о том, что представляет собой этот потенциал, как и в каких сферах интеграционного строительства его можно реализовать для повышения эффективности ЕАЭС.

Понятие потенциала и сферы его реализации. Обострение современной международной обстановки в связи со становлением нового мирового порядка ведет к ограничению международного сотрудничества и расширению противоборства в мире [9. С. 143-158; 10. С. 83-94]. Эти тенденции вынуждают страны мира и интеграционные структуры более тщательно искать дополнительные, экстенсивные резервы развития. В подобные эпохи приобретает более высокую добавленную стоимость потенциал интеграционного развития. Тарасевич С.Б. и Полякова И.А. пишут о том, что «многие региональные интеграционные объединения теряют значительную часть потенциального эффекта интеграции» [17. С. 27-31]. О потенциале ЕАЭС рассуждает доктор экономических наук, профессор, чрезвычайный и полномочный посол Узбекистана Б. Исламов со своим соавтором [5. С. 17-25]. Об «огромном производственном, научном и технологическом потенциале» пишут казахстанские авторы Надыров Ш.М., Мылкайдаров А.Т. и Арслан М. [12. С. 31-38].

При этом под потенциалом понимают разные сущности. *Е.В. Павлова выделяет такие свойства потенциала, как целостность, интегративность, непрозрачность и стратегичность [14]. Для целей данной статьи важно рассмотреть понятие интеграционного потенциала.* А.А. Никулина связывает интеграционный потенциал с дополнительными экономическими выгодами и преимуществами для интегрирующихся стран, достижение которых невозможно (или менее эффективно) без интеграционного взаимодействия [13]. Однако остается не совсем ясным, с чем именно связаны эти дополнительные экономические выгоды.

По мнению авторов данной статьи, под потенциалом можно понимать разность между реальным состоянием системы и ее оптимальным, эффективным состоянием для достижения поставленных целей. При таком понимании потенциала его реализация будет означать уменьшение или в лучшем случае ликвидацию этой разницы. Потенциал состоит из имеющихся резервов, которые можно использовать, и возможностей интеграционного развития, которые нужно раскрывать [8. С. 809-823]. В отношении резервов основная проблема состоит в том, что они известны, но неясно, как их эффективно использовать. Что же касается неизвестных новых возможностей, то их сначала надо выявить, а затем уже применить.

Авторы исходят из того, что использование интеграционных резервов более трудоемко, требует больших усилий. Новые же возможности в основном открываются в результате инновационного решения проблем в деятельности. Поэтому с практической точки зрения для раскрытия потенциала ЕАЭС целесообразно сосредоточиться на решении наиболее важных проблем, стоящих перед Союзом. Наиболее важные проблемы интеграционного строительства сосредоточены в основных интеграционных сферах ЕАЭС. Существуют различные взгляды на сферы взаимодействия между странами. Г. Алмонд выделяет четыре сферы любой политической системы: экономическую, политическую, культурную и социальную [16. С. 537]. Мы полагаем целесообразным рассмотреть потенциал ЕАЭС в трех сферах – экономической, политической и социокультурной.

Данный подход используется в крупнейших интеграционных союзах мира. В ЕС, наряду с экономическим союзом, важнейшим современным направлением интеграционной деятельности является Общая внешняя политика и политика безопасности. Одновременно ведется большая целенаправленная работа по развитию в государствах-членах ЕС европейской идентичности. Система АСЕАН еще не вышла на союзный уровень, и тем не менее состоит из трех сообществ – Сообщества политики и безопасности, Экономического сообщества и Социально-культурного сообщества. Евразийским странам целесообразно использовать опыт этих интеграционных структур.

Зарубежный опыт реализации потенциала региональной интеграции. Ведущие страны мира и основные интеграционные структуры реализуют потенциал и в форме использования имеющихся резервов развития, и в форме раскрытия новых возможностей. При этом обязательно учитываются внешние условия развития. Например, исследователи заметили в функционировании Европейского союза так называемый «эффект черепахи» [4. С. 105-111]. Он состоит в том, что при благоприятной внешней конъюнктуре активизируется торговля Евросоюза с партнерами вне интеграционного союза. Когда же условия в мире становятся менее благоприятными, страны ЕС «уходят в себя», интенсифицируются внутренние резервы, заметно повышается доля внутриЕСовской торговли.

Другой пример в этом же смысле представляет Китай, в котором недавно была принята стратегия «двойной циркуляции» [11]. Она сменила предыдущую стратегию «идти вовне» и должна занять центральное место в 14-м пятилетнем плане Китая (2021-2025 годы). Согласно этой стратегии, внутренняя экономика является опорой развития Китая, а внешнеэкономическая деятельность дополняет ее. Стратегия учитывает громадный внутренний рынок Китая. Одна из основных причин смены вектора развития китайской экономики видится авторам статьи в том, что резко обострились отношения Китая и США. Американцы пытаются ставить палки в колеса

китайской экономики в самых уязвимых местах, а именно в развитии высоких технологий, примерами чему служат истории с компанией «Хуайвэй» и технологиями 5G [26]. Поэтому Китаю приходится искать новые подходы и стратегии в своем развитии, то есть реализовать свой потенциал.

А.И. Салицкий уточняет те условия, которые сделали возможным переход к новой китайской стратегии развития [15. С. 48-60]. Китай был подготовлен к такому развороту событий. За последние 13 лет экспортная квота Китая, т.е. отношение экспорта к его ВВП, снизилась с 36 до 17%. В КНР создан мощный научно-технический комплекс, который в состоянии противостоять американской технологической блокаде. Экспорт высокотехнологичной продукции из Китая в 2020 г. на 14% превышал ее импорт в Китай. Таким образом, решение о «двойной циркуляции» является не результатом грез, а четко выверенным планом, основанным на реальных возможностях китайской экономики, науки и техники.

В свою очередь, и региональные интеграционные структуры целенаправленно работают во всех трех указанных выше сферах в направлении реализации своего потенциала. В политической сфере для гармонизации национальных и наднациональных интересов в странах ЕС распространяется информация о преимуществах региональной интеграции. Например, на сайте министерства иностранных дел Ирландии имеется страница «Выгоды от членства Ирландии в ЕС» [21]. На ней можно найти информацию о том, что благодаря членству в Евросоюзе Ирландия получила из общих фондов ЕС более 42 млрд евро на цели развития, было создано 700 тыс. новых рабочих мест (при населении страны примерно в 5 млн человек), объем внешней торговли увеличился в 90 раз, около 50 тыс. ирландских студентов участвуют в европейской программе «Эразмус», ирландцы имеют возможность пользоваться европейской системой медицинского страхования, страна принимает участие в единой правоохранительной системе ЕС.

При анализе зарубежного интеграционного опыта реализации потенциала, в том числе в политической сфере, целесообразно обращать внимание не только на очевидные достижения, но и на проблемы и способы их решения с тем, чтобы не повторять чужие ошибки. Например, существует мнение, что у стран ЕС есть общие экономические интересы, однако они никогда не будут принадлежать к сообществу общей судьбы. Его высказывает известный французский политолог, эксперт по международной политике Р. Жирар, и приводит несколько примеров из этой области [24]. Например, на саммите ЕС 24-25 июня 2021 года Германия и Франция предложили провести встречу с В.В. Путиным для обсуждения спорных вопросов, однако Польша и страны Балтии заблокировали эту возможность.

Подобные примеры, которые свидетельствуют о серьезных различиях в национальных интересах и, соответственно, позициях стран Евросоюза по многим международным вопросам, можно продолжить. Поэтому имеет

смысл обобщить и систематизировать имеющиеся в данной области противоречия. Исследователи к таким противоречивым аспектам политической сферы в ЕС относят проблемы в отношениях между «старой» и «новой» Европой, между Севером и Югом континента, между большими и малыми странами-членами и между донорами и реципиентами бюджетных средств Евросоюза [6]. Разрешение этих противоречий может вскрыть новые возможности развития ЕС. Часть из них для ЕАЭС нехарактерна. Например, все они «новые» с учетом того, что Союзу всего шесть лет от роду. Другие же виды противоречий могут возникать и на евразийской почве, и одно из них очевидное: Россия в четыре раза более мощная, чем все остальные страны ЕАЭС, вместе взятые.

В экономической сфере преимущества европейской интеграции не только констатируются и распространяются среди населения, но и исследуются наукой. Например, известный германский исследовательский Фонд Бертельсмана разработал модель оценки экономической выгоды единого рынка для европейских стран и регионов [23]. В модели используются такие элементы, как производительность, уровень благосостояния, мобильность рабочей силы, любовь к разнообразию и другие. Использование этого количественного метода показывает, что экономические преимущества от интеграции получают все страны ЕС и ассоциированные с ним государства, но распределяются они неравномерно. Наибольший выигрыш от функционирования единого европейского рынка получают Швейцария, Люксембург и Норвегия, а наименьший - Болгария, Румыния и Латвия. Например, в Болгарии эта выгода составляет 193 евро на душу населения, а в Швейцарии – 2914 евро.

В зарубежных интеграционных структурах многое делается для развития их региональной идентичности. А. Ачария считает, что идентичность АСЕАН проистекает из пяти основных источников: национализма, религии, культурных норм и способов взаимодействия, ориентации на модернизацию и развития регионализма [19]. Даже поверхностный взгляд на эти факторы делает очевидным, что десять входящих в АСЕАН стран очень разнообразны. Тем не менее, в Хартии АСЕАН (ст. 35) говорится об общей идентичности «для достижения разделяемых судьбы, цели и ценностей» [22]. Указанный автор отмечает, что идентичность не стоит на месте в застывшем состоянии, она формируется, может развиваться, а может и угасать. Для идентичности АСЕАН в настоящее время серьезным испытанием являются непростые отношения между Китаем и США, Китаем и Индией.

Что же делается в АСЕАН для укрепления региональной идентичности? 2020 год был объявлен Годом идентичности АСЕАН и включал в себя множество мероприятий. В Плане АСЕАН по развитию коммуникаций на 2018-2025 годы предусматриваются меры, направленные на использование информационно-коммуникационных технологий для связывания региональных сообществ региона в единое целое [20]. В этих же целях будут

более активно использоваться цифровые технологии. Активизируется работа с молодежью, доля которой в населении АСЕАН составляет примерно треть. Например, в Сингапуре создан Молодежный фонд Сингапур – АСЕАН. Для молодежи раз в два года проводится Региональный конкурс АСЕАН (ASEAN Regional Quiz). Можно продолжить этот список мер, направленных на развитие идентичности АСЕАН. Такой же подход к развитию идентичности можно использовать и в ЕАЭС.

Положительный опыт и проблемы реализации интеграционного потенциала в ЕАЭС. В деятельности ЕАЭС имеются примеры успешной интеграционной деятельности. В экономической сфере таковой может служить трудовая миграция. Это направление интеграционной деятельности является крайне важным для евразийских стран. Для России нехватка миллионов рабочих рук представляет собой очень существенную проблему. С другой стороны, денежные переводы трудовых мигрантов составляют значительную часть доходов соседних евразийских стран. Поэтому необходимо более полно использовать имеющийся в этой сфере интеграционный потенциал, который может состоять в более гибком регулировании движения трудовых ресурсов ЕАЭС.

Именно с этой целью и была разработана единая база вакансий в ЕАЭС «Работа без границ» [1]. Благодаря ей обеспечиваются более благоприятные условия для свободного перетока рабочей силы из стран с их избытком в страны с их недостатком. Эффективность раскрытия и последующего использования этого потенциала повышается за счет того, что в реализации этой идеи применяются самые передовые технологии в форме цифровой платформы. К тому же внедрение этих технологий будет способствовать выводу миллионов трудовых мигрантов из тени, обелению данной сферы евразийской интеграции, что само по себе является элементом реализации евразийского интеграционного потенциала.

Основные проблемы в функционировании ЕАЭС в политической, экономической и социокультурной сферах заключаются, на наш взгляд, в следующем. В политике существует противоречие между национальными интересами государств-членов ЕАЭС и их общими, наднациональными интересами. Примером в данной сфере может служить вступление Казахстана во Всемирную торговую организацию в 2015 году. Это произошло на условиях, довольно заметно отличающихся от условий ЕАЭС. Поэтому в течение определенного периода Казахстан будет применять изъятия из Единого таможенного кодекса ЕАЭС в отношении примерно 3500 товаров [18]. Изъятия, наряду с барьерами и ограничениями, являются препятствиями на внутреннем рынке ЕАЭС. Очевидно, что устранение препятствий является одним из важнейших направлений реализации потенциала ЕАЭС.

В экономической сфере одним из основных противоречий в ЕАЭС является разница в уровнях развития стран-участниц. О ней свидетельствуют

данные о валовом внутреннем продукте на душу населения. Если в России, Белоруссии и Казахстане он сопоставим, то Армения и Киргизия находятся по этому показателю далеко позади. Эта разница имеет и другие проявления, например, уровень развития науки и исследований. Она тормозит развитие евразийской интеграции. Проблема состоит в том, каким образом сократить или ликвидировать эту разницу.

В социокультурной сфере наиболее заметным противоречием в рамках ЕАЭС является соотношение общего (евразиец) и особенного (россиянин, казах, белорус, киргиз, армянин). Сегодняшняя ситуация в ЕАЭС такова, что население опасается, когда в конкурентной борьбе на место отечественной компании приходит «чужая», хотя эта «чужая» компания происходит из союзной евразийской страны. Эта тревога возникает несмотря на то, что «чужая» компания производит более качественную и дешевую продукцию. Как отмечалось выше, реализация потенциала ЕАЭС во многом будет зависеть от того, как будут разрешаться все указанные противоречия.

Приоритетные направления реализации потенциала ЕАЭС. В соответствии с предложенным в этой статье подходом следует определиться с реализацией резервов и возможностей в развитии ЕАЭС. В отношении резервов необходимо уяснить, что мешает задействовать их на благо интеграционного развития. Например, специалисты Евразийского банка развития сделали прогноз, в соответствии с которым рост ВВП Евразийского экономического союза в 2021 году составит 3,3%. В то же время министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, академик РАН С. Глазьев утверждает, что потенциал роста производства ЕАЭС составляет около 8% в год. Он уточняет, что «это расчеты, которые сделаны на основе имеющихся производственных возможностей, мощностей, трудовых ресурсов, научно-технического потенциала» [3]. Остается только понять, почему этот потенциал не используется в интеграционном строительстве.

Для реализации экономических возможностей необходимо разрешать имеющиеся в этой сфере противоречия, используя конкурентные преимущества евразийских стран. Примером может служить водная проблема в Центральной Азии и подходы к ее решению. Киргизия и изучающий вопрос о вступлении в ЕАЭС Таджикистан являются мировыми лидерами по водному потенциалу. Однако они его используют крайне нерационально. Китайские исследователи установили, что в Таджикистане для выращивания одного цыпленка используется в 61 раз больше воды, чем в Китае [27]. По их подсчетам, благодаря ирригации, улучшенным семенам и применению новых сельскохозяйственных технологий использование воды можно сократить на 56%. Исследователи показывают также, что для некоторых влаголюбивых сельскохозяйственных культур, например, пшеницы и риса, засушливые страны Центральной Азии – не лучшее место для выращивания.

В рамках одной небольшой страны изменение районов посевов обеспечить не так просто. Зато в условиях интеграции, тем более в союзе с огромной Россией, переориентировать сельское хозяйство на более водосберегающие культуры и технологии гораздо проще. В этом и есть смысл конкурентных преимуществ, которые нужно находить и использовать в интеграционном процессе.

Вопросы реализации политического потенциала ЕАЭС не являются новыми. В политической науке изучается соотношение национального и наднационального начал в интеграционных процессах [7. С. 40-47]. Преимущества евразийской интеграции анализируют политики и управленцы. Так, бывший член Коллегии (министр) по внутренним рынкам, информатизации и информационно-коммуникационным технологиям Евразийской экономической комиссии К. Минасян отмечает следующие синергетические преимущества участия в ЕАЭС: «увеличивается взаимный товарооборот государств-членов, создаются цепочки промышленной кооперации для выхода на внешние рынки, свободно перемещаются все факторы производства – товары, услуги, капитал и рабочая сила» [2]. Следует стремиться к тому, чтобы понимание этих преимуществ не ограничивалось узким кругом непосредственно занимающихся организацией интеграционной деятельности лиц. Каждый гражданин в странах ЕАЭС должен понимать общие блага интеграции.

Реализация социокультурного потенциала дает возможность соединить в одно целое «интеграцию сверху», то есть государственную волю к интеграции, и «интеграцию снизу», то есть творчество масс. Первым делом необходимо определить состояние этой сферы евразийской интеграции. Для его оценки целесообразно использовать показатели формирования успешной идентичности, предложенные в АСЕАН в 2020 году [25]. К таким показателям были отнесены: осведомленность (Awareness) об АСЕАН, то есть процент людей в АСЕАН, которые считают себя частью АСЕАН; восприятие актуальности и важности (Relevance) АСЕАН: понимание населением региона, в чем состоит их выгода от АСЕАН; высокая оценка (Appreciation) АСЕАН: признательность людей за право быть частью АСЕАН, а также признание внешними сторонами единства и центральной роли АСЕАН. Разработка этого вопроса по данной методологии позволяет определить потенциал фактора идентичности в дальнейшем развитии ЕАЭС.

Заключение. В среднесрочной перспективе, на этапе становления нового мирового порядка основным источником развития ЕАЭС будет реализация его потенциала. Под потенциалом можно понимать разность между реальным состоянием системы и ее оптимальным, эффективным состоянием для достижения поставленных целей. Потенциал состоит из наличных резервов, которые можно использовать, и новых возможностей интеграционного развития, которые нужно раскрывать. Источником

возможностей являются проблемы, имеющиеся в основных сферах интеграционного строительства. К ним можно отнести политическую, экономическую и социокультурную сферы. Сбалансированная реализация потенциала в этих трех сферах существенно повысит эффективность ЕАЭС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Акинъшина Ю. Работе добавят мобильности // Российская газета. 27 июня 2021.

2. Баланс интересов без барьеров и ограничений // <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/10-12-2018-1v.aspx>.

3. Башкатова А. Россия платит и за конфронтацию с Западом, и за дружбу с соседями. Экономика Евразийского союза могла бы расти вдвое быстрее // Независимая газета. 4 апреля 2021.

4. Гладков И.С. Внешнеторговые связи Европейского союза на современном этапе: «эффект черепахи» // Власть. 2017. Том 25. № 10.

5. Исламов Б., Исламов Д. Внешнеторговая интеграция и гармонизация национальных интересов // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 11.

6. Кортунов А. Вызовы «европейскому проекту»: взгляд из России 9 июля 2021 // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vyzovy-evropeyskomu-proektu-vzglyad-iz-rossii/>.

7. Михайленко А.Н. Евразийский экономический союз: суть проблемы // Обозреватель – Observer. 2014. № 4.

8. Михайленко А.Н. Как раскрывать внешнеполитический потенциал России? // Вопросы политологии. 2020. Выпуск 3 (55). Том 10.

9. Михайленко А.Н. Контуры нового мирового порядка // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 8 (134).

10. Михайленко А.Н. Современный этап в формировании полицентричного мира // Вопросы политологии. 2019. № 1 (41).

11. Муди Э. Двойная циркуляция. Новая модель развития сочетает роль отечественных потребителей с открытостью миру // Российская газета. 28 декабря 2020.

12. Надыров Ш.М., Мылкайдаров А.Т., Арслан М. Казахстан в системе евразийского экономического союза: возможности и риски // Современные евразийские исследования. 2016. № 4.

13. Никулина А.А. Сравнительный анализ влияния политического процесса на интеграционную стратегию государства на примере Российской Федерации и Республики Казахстана: дисс... канд. полит. н. СПб., 2019.

14. Павлова Е.В. Методологический анализ понятия «Социальный потенциал» // <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskii-analiz-ponyatiya-sotsialnyu-potentsial>.

15. Салицкий А.И. Два контура: Китай ответил на вызовы 2020 года // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 3.
16. Сравнительная политология сегодня = Comparative Politics Today: мировой обзор: учеб. пособие / Г. Алмонд [и др.]; сокр. пер. с англ. А.С. Богдановского, Л.А. Галкиной; науч. ред. перевода М.В. Ильин, А.Ю. Мельвиль. М.: Аспект Пресс, 2002.
17. Тарасевич С.Б., Полякова И.А. Евразийский экономический союз: проблемы и направления развития региональной экономической интеграции // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2017. № 14.
18. Участие Казахстана в ВТО: проблемы и перспективы. 4 октября 2018 // <https://strategy2050.kz/ru/news/52093/>.
19. Acharya A. The Evolution and Limitations of ASEAN Identity // https://www.eria.org/ASEAN_at_50_4A.2_Acharya_final.pdf.
20. ASEAN Communication Master Plan 2018-2025 // <https://asean.org/storage/2019/02/ASEAN-Communication-Master-Plan-2018-2025.pdf>.
21. Benefits of Ireland's EU Membership // <https://www.dfa.ie/brexit/getting-ireland-brexit-ready/brexit-and-you/benefits-of-irelands-eu-membership/>.
22. Charter of the Association of Southeast Asian Nations // <https://asean.org/storage/November-2020-The-ASEAN-Charter-28th-Reprint.pdf>.
23. Estimating economic benefits of the Single Market for European countries and regions. Policy Paper. Bertelsmann Stiftung, 2019 // <http://aei.pitt.edu/102495/1/2019.pdf>.
24. Renaud Girard: «L'UE ne sera jamais une puissance géopolitique!» // Le Figaro. 9 juin 2021.
25. THE NARRATIVE OF ASEAN IDENTITY. Adopted by the 37th ASEAN Summit, 12 November 2020 // https://asean.org/storage/2020/11/9-The-Narrative-of-ASEAN-Identity_Adopted-37th-ASEAN-Summit_12Nov2020.pdf.
26. US-China tech war: Biden cuts two Huawei financing arms off from US investor access as fight moves to capital markets // <https://www.scmp.com/tech/tech-war/article/3136101/us-china-tech-war-biden-cuts-two-huawei-financing-arms-us-investor>.
27. Yilin Liu, La Zhuo, Olli Varis, Kai Fang, Gang Liu, Pute Wu. Enhancing water and land efficiency in agricultural production and trade between Central Asia and China // Science of The Total Environment. 1 August 2021. Volume 780.

A.N. MIKHAYLENKO

*Doctor of Political Sciences, Professor,
Chairman, International security and Russian foreign
policy chair at the Department of national security, Institute
of law and national security, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia*

A.V. KHRAMOVA

*Postgraduate student of International security
and Russian foreign policy chair at the Department
of national security, Institute of law and national security,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Moscow, Russia*

DEVELOPMENT POTENTIAL OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

The development of Eurasian Economic Union is one of the most important priorities for Russia. Under the influence of a number of factors, including the coronavirus pandemic, Western sanctions against Russia and a number of others, the state of Eurasian integration does not fully correspond to the plans of the EAEU member states and the aspirations of the Eurasian peoples. It is necessary to find new sources for the development of Eurasian integration, which are in harmony with the trends of world development. In this regard, attention should be paid to the concept of EAEU potential. The article discusses the question of what this potential is, how and in what areas of integration construction it can be implemented to increase the efficiency of the EAEU.

Key words: *Eurasian Economic Union, EAEU, European Union, ASEAN, China, potential, civilizational identity, problem, obstacle, reserve, opportunity.*

кандидат экономических наук,
заведующий кафедрой государственного управления
во внешнеполитической деятельности Дипломатической
академии МИД РФ, член-корреспондент РАЕН,
Россия, г. Москва

СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКИЙ АЛЬЯНС И УГРОЗЫ ЦИФРОВОМУ СУВЕРЕНИТЕТУ РОССИИ

Представлены основные действующие киберструктуры и Центры передового опыта НАТО, показана их ключевая функция в подготовке международно-правовых обоснований милитаризации киберпространства. Показана роль координационно-технического центра Сил реагирования НАТО на компьютерные инциденты NCIRC (National Criminal Intelligence Resource Center), обеспечивающего киберзащиту всех информационных ресурсов НАТО. Отмечается потенциал Центра стратегических коммуникаций (NATO Strategic Communications Centre of Excellence), соучредителями которого явились Латвия, Литва, Эстония, Польша, Германия, Италия и Великобритания, а основными функциями этого центра в Риге стали работа со СМИ, информирование о деятельности НАТО с помощью инструментов публичной дипломатии, развитие гражданско-военных связей и проведение информационно-психологических операций. Представлена российская позиция по вопросам обеспечения международной информационной безопасности и цифрового суверенитета государства. Рассмотрена российская система противодействия кибератакам, важную роль в которой выполняет Центр реагирования на компьютерные инциденты в информационно-телекоммуникационных сетях органов государственной власти России, который координирует действия организаций и ведомств в области предотвращения, выявления и ликвидации последствий компьютерных инцидентов. Автор отмечает, что у границ России традиционные и кибернетические войска Североатлантического альянса никого не защищают, а наоборот разрабатывают и планируют новые ударные, десантные и наступательные операции.

Ключевые слова: Агентство НАТО по связи и информации, НАТО, Центр Сил реагирования НАТО на компьютерные инциденты, кибервойны, социально-политическая дестабилизация, цифровой суверенитет, международная информационная безопасность.

В настоящее время информационно-коммуникационная инфраструктура НАТО охватывает более 60 различных объектов, начиная от военно-политической штаб-квартиры в Брюсселе и военного командования, и заканчивая объектами конкретных операций НАТО. Более 100 тысяч человек непосредственно работают в информационных сетях Североатлантического альянса, которые за последнее десятилетие все чаще и чаще становятся объектом для кибератак.

Настроенные системы киберзащиты НАТО ежедневно регистрируют сотни тысяч подозрительных действий: от попыток проникновения невысокого уровня, до технологически сложных атак на информационные сети НАТО. Практически большая часть таких атак обнаруживается и обрабатывается автоматически. Но, тем не менее, некоторые из них требуют дополнительного анализа и ответной реакции экспертов [17]. Сформированная команда киберспециалистов из двухсот человек обеспечивает круглосуточную защиту информационно-коммуникационной сети НАТО. Эта команда предотвращает несанкционированный доступ, обнаруживает, анализирует и обменивается информацией о кибератаках и вредоносных программах, предотвращает потерю данных и проводит компьютерную экспертизу, анализ и оценку уязвимостей, включая пост инцидентные расследования.

В современном информационном мире у любого международного конфликта имеется кибернетическая составляющая, но критерии и точность определения противника, признаков его агрессии и начала ответной (превентивной) операции выглядят достаточно расплывчато, так как, например, правовые основы для DDoS-атак отсутствуют, а из-за сложности атрибуции кибератак под удар могут попасть непричастные к ней страны.

С другой стороны, наиболее серьезным киберпротивником может являться государство, входящее, как минимум, в пятерку «Глобального индекса кибербезопасности», а это США, Великобритания, Франция, Литва и Эстония. Россия или Китай не попадают даже в первую десятку. Например, численность кибервойск в США – 19 тысяч, в Германии – 12 тысяч, в России – около 1 тысячи военнослужащих.

У границ России традиционные и кибернетические войска Североатлантического альянса никого не защищают, а наоборот разрабатывают и планируют ударные, десантные и наступательные операции. А ядерная держава может оказаться уязвимой для кибернетических диверсий против АЭС, космических систем и систем ПВО-ПРО, ударных ракетных комплексов. Поэтому в Российской Федерации осенью 2019 г. все оперативно-тактические комплексы «Искандер-М» были интегрированы в единую сеть управления с подключением «военному интернету» и готовы получать боевую задачу в режиме реального времени. А эта система может стать целью для кибератак, технологии которых вероятнее всего отрабатывают на учениях НАТО Cyber Coalition (1).

Центры передового опыта НАТО. Следует отметить, что ключевую роль в подготовке международно-правовых обоснований милитаризации киберпространства играют Центры передового опыта НАТО (Centres of Excellence), которые отвечают также за проведения международных конференций и крупномасштабных киберучений. Всего в настоящее время у альянса действует 19 таких полноценных центра и три находятся еще в стадии формирования. Все специализированные центры разбросаны по миру, главным образом распределены по Европе и находятся под управлением штаб-квартиры НАТО в Брюсселе [14]. Особенности и специфика этих центров позволяют глубже закрепляться в различных странах, включая государства, не являющиеся членами альянса, вовлекая при этом в свой процесс как военных, так и гражданских лиц этих стран.

Наиболее яркими примерами центров передового опыта могут являться центры, открытые НАТО в Эстонии, Литве и Латвии [11]. В Таллине еще в 2008 г. был создан Объединенный Центр в области киберобороны НАТО (CCD COE) имеющий полноценный статус военной организации. Уникальность этого центра состоит в том, что в нем одновременно работают военные, гражданские лица и представители правительства. Главные функции этого Центра: техническая подготовка и обучение специалистов, консультирование и проведение исследований в сфере кибербезопасности и международного информационного права, а также организация курсов по правовым аспектам действий в киберпространстве. Так как общепризнанных международных норм и правил поведения в Интернет-пространстве до настоящего времени еще не выработано, работа центра в Таллине направлена на то, чтобы в ускоренном режиме внедрить западную, прежде всего американскую, точку зрения и подходы к правовым аспектам поведения в Интернете. Так в 2013 году Объединенный Центр в области киберобороны НАТО (CCD COE) в Таллинне опубликовал так называемое Таллиннское руководство по вопросам применения международного права к условиям конфликтов в киберпространстве (Tallinn Manual 2013) [18]. На 300-х страницах документа по сути легитимируются конфликты в киберпространстве как форма поведения стран и действующих в их интересах посредников. Ряд положений руководства фактически санкционирует применение широкого спектра кинетического оружия против источников киберугроз, а также силовые действия военных по отношению к гражданским лицам, причастным к кибератакам (причисляя их к комбатантам), и военные кибероперации, направленные против критических информационных инфраструктур. Можно сделать вывод, что Таллиннское руководство пытается формировать международно-правовую базу для ведения наступательной кибервойны, активно связывая правила ведения кибервойн с системой международного права, делая акцент на проактивных операциях, на кибернападении. Именно против этого выступают российские эксперты, отстаивая позицию России и ее

партнеров о недопустимости информационных войн и голосуя против легитимации конфликтов в информационном пространстве и за предотвращение использования информационно-коммуникационных технологий в военных целях.

Следующая итерация, вышедшая в феврале 2017 г. – Таллинское руководство – 2.0 (Tallinn Manual 2.0, 2017) [19], практически, как и другие многочисленные разработки Центра в области киберобороны НАТО, показали, что позиция Североатлантического альянса существенно не меняется.

Следует отметить, что центр в Таллине не выступает операционно-функциональным подразделением по борьбе с киберпреступниками, но здесь проводятся тренинги для специалистов разных стран, которые в последствие обеспечивают национальную кибербезопасность своих государств, а также обмениваются информацией с НАТО и партнерами. К тому же, Таллинский центр, являясь лидером европейской кибербезопасности и имея аккредитацию НАТО, формально не входит в его организационно-командную структуру, но, тем не менее, он оказывает существенное влияние на действия альянса в области защиты от киберугроз. Начиная с 2012 г. центр передового опыта НАТО в Таллине на регулярной основе организует киберучения, привлекая к ним не только страны-члены НАТО.

В Риге с января 2014 г. начал свою работу другой центр передового опыта НАТО – Центр стратегических коммуникаций (NATO Strategic Communications Centre of Excellence), соучредителями которого выступили Латвия, Литва, Эстония, Польша, Германия, Италия и Великобритания и который получил официальную аккредитацию в сентябре этого же года. Идея стратегической коммуникации стала новой концепцией, включающей в себя целый спектр возможностей публичной дипломатии и общественных отношений, начиная от убеждений при помощи информационно-психологических операций и заканчивая непосредственно применением силы.

Основными функциями центра в Риге являются работа со СМИ, информирование о деятельности НАТО с помощью инструментов публичной дипломатии, развитие гражданско-военных связей и проведение информационно-психологических операций. Рижский центр регулярно организует различные конференции, издает журналы и публикует доклады о результатах проведенных исследований. Сектор рассматриваемых проблем включает различные аспекты, такие как [8]:

1) особенности тактики ведения информационной войны с применением «мемов»;

2) кибервойна;

3) основные нарративы экстремистских организаций;

4) безопасность в Европейском союзе;

5) биометрические технологии;

6) национализм и др.

В работе центра передового опыта в Риге России уделяется достаточно пристальное внимание. Изучаются особенности применения современных информационных технологий в российской армии. Кроме того, публикуются материалы о якобы «российском вмешательстве на Украине», а также обзоры санкций против России. Продвигая мысль об активном вмешательстве России и о ведении ею гибридной войны [15], Рижский центр стратегической коммуникации НАТО (STRATCOM) ранее опубликовал несколько аналитических исследований «Кремлевский Сборник Пьес. Понимание российского влияния в Центральной и Восточной Европе» [4], «Когда гибридная война поддерживает идеологию: Россия сегодня» [3] и «Кибервойна Путина: государственная политика России в пятой области» (2016) [13], а также исследования о военных маневрах России (2020) [2].

В Вильнюсе еще в 2012 г. начал свою работу центр передового опыта в области энергетической безопасности. Ключевыми задачами Вильнюсского центра являются: экспертная оценка и аналитика, на основании которой вырабатываются рекомендации по широкому спектру вопросов энергетической безопасности, а также сотрудничество и взаимодействие между научными и академическими кругами и промышленным сектором, включая военную логистику и помощь стратегическому командованию НАТО, странам-членам и партнерам. Кроме того, центр проводит курсы и организует студенческие практики, причем расходы по практике и проживанию студентов оплачивает альянс. Центр издает несколько тематических журналов, основная направленность которых связана с необходимостью избавиться от «российской энергетической зависимости». Также постоянной темой является угроза энергетической безопасности Украины, исходящая от России. Поэтому на проводимых мероприятиях и материалах центра, внимание акцентируется на «энергетической войне» с Россией. При этом вовлекаются в сферу интересов альянса государства, не входящие в НАТО, и, как правило, расположенные на границах с Россией (например, конференция, организованная в ноябре 2018 г. при участии министерства обороны Грузии, была посвящена инновационным решениям в энергетике для применения в военной сфере» и др.).

Отметим, что в работе центров передового опыта НАТО в прибалтийских странах принимают активное участие различные мозговые центры, такие как британский Королевский институт международных отношений (Chatham House), корпорация РЭНД (RAND Corporation), Центр стратегических и международных исследований в Вашингтоне (Center for Strategic and International Studies или CSIS), а также специальные научные центры ряда стран-членов НАТО [9].

Еще одна сторона медали заключается в том, что эти же центры – центры киберразведки, действующие под контролем НАТО в Польше, Таллине и Риге, уже долгие годы ведут антироссийскую деятельность. Эти центры

являются центрами стратегической пропаганды НАТО, ключевая задача которых состоит в мониторинге социально-политической обстановки внутри России, вербовка россиян, готовых заниматься подрывом российских государственных устоев, и планирование информационных операций для дестабилизации социально-политической обстановки внутри страны [6].

Цифровой суверенитет и российская практика противодействия кибератакам [10]. В действительности «кибероборону» НАТО правильней называть наступательными операциями в киберпространстве против России и ее союзников. Именно через центры НАТО шли кибератаки на гражданскую инфраструктуру нашей страны, волны звонков о «минировании» объектов, фейковые вбросы во время объявленной ВОЗ пандемии COVID-19 и активные сетевые воздействия. Последняя масштабная кибероперация проводилась против Республики Беларусь накануне и после президентских выборов в июле-сентябре 2020 года. Примечателен тот факт, что во время протестов в Белоруссии, когда правительство республики ограничило доступ в социальные сети, видео с «ужасными преступлениями силовиков» оперативно переправлялись в Интернет через ресурсы посольств Польши, Литвы и Украины.

Цель такой дестабилизации общественно-политической ситуации в стране состоит в генерировании протестного потенциала в обществе и создание политической сингулярности, что приводит к инфляции власти, ее дискредитации и т.д. После прохождения точки политической нестабильности государство должно либо качественно измениться, либо быть уничтожено. При этом используются кибератаки с высоким уровнем социального инжиниринга и применением комбинированных систем, включающих возможности искусственного интеллекта и различные роботизированные устройства (боты). В число задач кибервойны входит, помимо нанесения ущерба инфраструктуре противника, и защита собственных данных, вследствие этого обеспечение кибербезопасности является неотъемлемой частью таких противостояний. Кибервойна представляет собой один из видов информационной войны, направленной на достижение определенных целей в политической, экономической, социальной, военной и других областях через воздействие на власти и общество информацией, специально подготовленной для этой цели.

Поэтому сегодня информационные ресурсы России комплексно включают в себя информационно-телекоммуникационные сети, информационные и автоматизированные системы управления, находящиеся, как на территории государства, так и в дипломатических представительствах и консульских учреждениях Российской Федерации в мире. В России для предотвращения компьютерных инцидентов и кибератак на эту критическую государственную информационную систему Указом Президента России от 15 января 2013 г. № 31с301 [12] было предусмотрено создание «Государственной системы

обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации» (ГосСОПКА). В дальнейшем на базе этого Указа была подготовлена и утверждена Президентом России Концепция государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации (12 декабря 2014 г. № К 1274) [5].

ГосСОПКА – это единый территориально распределенный комплекс, в который входят силы и средства, необходимые для обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак и оперативного реагирования на компьютерные инциденты. В целях дальнейшего совершенствования и развития этой государственной системы и в соответствии с 6-ой статьей Федерального закона от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» был принят указ Президента РФ от 22.12.2017 №620, в рамках которого ответственность за функционирование системы ГосСОПКА возлагается на Федеральную службу безопасности РФ, а сама система предназначена для выполнения четырех ключевых задач:

- 1) контроль степени защищенности информационных ресурсов РФ от кибератак;
- 2) взаимодействие организаций-владельцев информационных ресурсов, включая субъектов критической информационной инфраструктуры, в ходе работ по обнаружению, предупреждению и ликвидации последствий кибератак;
- 3) прогнозирование в области информационной безопасности России;
- 4) расследование компьютерных инцидентов.

Отметим, что ключевую роль в системе выполняет Центр реагирования на компьютерные инциденты (Computer Emergency Response Team – CERT) в информационно-телекоммуникационных сетях органов государственной власти России (GOV-CERT.RU), который координирует действия организаций и ведомств в области предотвращения, выявления и ликвидации последствий компьютерных инцидентов. Прежде всего GOV-CERT.RU осуществляет реагирование на различные компьютерные инциденты, связанные с объектами информационной инфраструктуры России, принадлежащие органам государственной власти и объектам, размещенным в сегменте RSNET (Russian State Network) сети Интернет.

Отдельную роль в системе российских центров противодействия компьютерным инцидентам занимает RU-CERT, основная задача которого заключается в минимизации уровня угроз информационной безопасности для пользователей российского сегмента сети Интернет и оказание помощи российским и зарубежным юридическим и физическим лицам при предупреждении, выявлении и пресечении противоправной деятельности по отношению к размещенным на территории Российской Федерации сетевым ресурсам.

Кроме того, RU-CERT входит в состав международных объединений CSIRT/CERT центров FIRST и Trusted Introducer (своего рода МЧС в цифровом мире), и в рамках данных объединений является официальной контактной стороной в России.

Рассматривая в целом российскую позицию по вопросам международной информационной безопасности (МИБ), следует отметить, что Генеральная Ассамблея ООН 5 декабря 2018 г. приняла российскую резолюцию по МИБ «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» (A/RES/73/27) [16], соавторами которой были 30 стран из всех регионов мира и которая была поддержана подавляющим большинством государств. Данный этап открыл следующую страницу глобальной дискуссии по МИБ и Генеральной Ассамблее удалось принять ряд решений, направленных на укрепление этой дискуссии [7]. Ключевая идея заключается в защите интересов всех стран в цифровой сфере, причем независимо от их уровня информационно-технологического развития. С исторической точки зрения это инновационный документ, включающий тринадцать правил, норм и принципов ответственного поведения стран в информационном пространстве, основная задача которых создать базу мирного сосуществования государств в нем и обеспечить предотвращение конфронтации, войн и любых агрессивных действий. Заслуживают внимания такие нормы, как обязательства соблюдать в информационном пространстве принцип государственного суверенитета и использовать информационно-коммуникационные технологии исключительно в мирных целях, сотрудничать в борьбе с применением современных технологий в преступных и террористических целях, а также предотвращать распространение скрытых вредоносных функций в ИТ-продукции (то есть, так называемых «закладок»).

Важным является тот факт, что в принятом документе закрепляются следующие базовые принципы:

- 1) государства несут главную ответственность за поддержание безопасной и мирной информационной среды;
- 2) ООН должна играть ведущую роль в дискуссиях по международной информационной безопасности;
- 3) любые обвинения в злонамеренном использовании информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) должны быть доказаны;
- 4) государства не должны использовать посредников для злонамеренного применения ИКТ;
- 5) суверенитет государств и международные нормы и принципы, происходящие из суверенитета, применяются к осуществлению государствами деятельности, связанной с ИКТ, и к их юрисдикции над интернет-инфраструктурой, расположенной на их территории.

Кроме того, Россия инициировала демократический подход к переговорному процессу по международной информационной безопасности на пло-

щадке ООН, сделав его более открытым и прозрачным и предложив с этой целью в рамках Организации создать рабочую группу открытого состава (РГОС). В работе этой группы смогут участвовать все без исключения страны-члены ООН. РГОС будет рассматривать широкий спектр вопросов обеспечения международной информационной безопасности. Приоритетное направление работы РГОС будет уделяться нормам, правилам и принципам ответственного поведения в информационном пространстве, вопросам применимости международного права в этом пространстве и развитию цифрового потенциала развивающихся стран. В отличие от прежней группы правительственных экспертов (ГПЭ) ООН новая структура является полноценным органом Генеральной Ассамблеи, который может вырабатывать и рекомендовать государствам-членам любые документы вплоть до проектов международных соглашений и договоров. С одной стороны, такая группа повышает сам статус дискуссии по международной информационной безопасности, а с другой, подобная переговорная структура ООН получает такой мандат впервые в мировой практике.

Новой особенностью мандата, предоставленного РГОС, стала возможность проведения регулярного институционального диалога под эгидой ООН с широким кругом участников. Рабочая группа должна рассмотреть возможность создания постоянно действующей переговорной структуры по МИБ. Еще одной важной особенностью резолюции Генеральной Ассамблеи ООН является впервые предусмотренный механизм межсессионных консультаций РГОС с негосударственными акторами – бизнесом, неправительственными организациями и научным сообществом – для обмена взглядами по вопросам международной информационной безопасности, что позволяет подключить к обсуждению специалистов и экспертов по принципиально важным аспектам использования ИКТ.

К сожалению, противопоставив себя международному сообществу США и страны-члены ЕС коллективно выступили против инновационных идей. Именно эти страны формируют в медийном пространстве атмосферу недоверия и распространяют обвинения в кибератаках в адрес других государств. Таким образом, они не заинтересованы в придании переговорному процессу по теме обеспечения международной информационной безопасности честного и открытого для всех участников характера и в реальности преследуют собственные цели [1. С. 44-54]. Этим и объясняется начало работы в конце 2019 г. новой группы правительственных экспертов на основе справедливого географического распределения, инициированной США в рамках Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Поощрение ответственного поведения государств в киберпространстве в контексте международной безопасности». Российская Федерация высказала свое мнение о взаимном сотрудничестве и выступила за координацию и взаимодействие этих групп, но США пока молчат. Однако сам феномен принятия двух ре-

золюций Генеральной Ассамблеи ООН по одной и той же тематике еще раз подчеркивает высокую значимость и актуальность проблемы обеспечения международной информационной безопасности.

Показательно, что в настоящее время более 140 государств мира разрабатывают свои собственные стратегии кибербезопасности и программы ведения кибервойны, а это значительно подрывает информационную стабильность, поскольку оперативно обнаружить источник информационной атаки достаточно сложно, а последствия ее могут стать причиной ответного удара, в том числе с использованием не только обычных видов вооружений. В этих условиях весьма актуальна позиция Российской Федерации, предлагающей выработать конструктивные правила ответственного поведения стран в информационном поле и демилитаризировать информационное пространство с целью обеспечения международной безопасности. И перед внешнеполитическим ведомством нашей страны сегодня встают задачи совершенствования инструментов внешней политики для более эффективной работы на различном международном уровне с целью продвижения российской позиции по вопросам международной информационной безопасности.

В заключение подчеркнем, что чрезвычайно важной линией киберполитики НАТО и коллективного Запада, вообще, является восприятие Российской Федерации как одного из главных агрессоров в киберпространстве. Более того, они имеют достаточно согласованную позицию и политику по вопросам кибербезопасности. Экспертные сообщества и политический истеблишмент стран Запада склонны обвинять Россию в организации массовых кибератак на их информационную инфраструктуру. Тем не менее, позиция Запада основывается на многочисленных и порой противоречащих друг другу идеях, включая различия в подходах к обеспечению кибербезопасности, особенно в вопросах активной киберзащиты и ответных мер. Каждая страна имеет достаточно четкую позицию по этим вопросам, определяемую, прежде всего, национальными интересами. Но так как Интернет не признает государственных границ, поэтому будущее как национальной, так и международной кибербезопасности будет зависеть от того, насколько государства будут готовы к конструктивному диалогу и сотрудничеству в решении актуальных проблем информационной безопасности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) НАТО только в 2019 г. было проведено 335 разных видов учений и большинство из них у границ России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аникин В.И., Абдеев Р.Ф., Сурма И.В. Философские аспекты информационной цивилизации и современные проблемы управления в ракурсе глобальной безопасности // Вопросы безопасности. 2017. № 2.

2. Бартош А. Гибридные войны в стратегии США и НАТО // <https://topwar.ru/60101-gibridnye-voyny-v-strategii-ssha-i-nato.html>.

3. Когда Гибридная Война Поддерживает Идеологию // Russia Today // <https://www.stratcomcoe.org/when-hybrid-warfare-supports-ideology-russia-today>.

4. Конли Дж. Мина, Стефанов Р., Владимиров М. «Кремлевский Сборник Пьес. Понимание российского влияния в Центральной и Восточной Европе» // <https://www.stratcomcoe.org/hconley-jmina-rstefanov-mvladimirov-kremlin-playbook-understanding-russian-influence-central-and>.

5. Концепция государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации: Утверждена Президентом РФ 12.12.2014 № К 1274 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181661/7327668c04c0470317b26d354e36cb828a4af319/.

6. Москва знает о центрах антироссийской пропаганды в Прибалтике – мнение // <https://regnum.ru/news/polit/3341326.html>.

7. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 73/266 от 22 декабря 2018 года. Поощрение ответственного поведения государств в киберпространстве в контексте международной безопасности // <https://undocs.org/ru/A/RES/73/266>.

8. Смирнов А.И. Новейшие киберстратегии США – преамбула войны? // Международные процессы. 2018. Том 16. № 4 (55).

9. Смирнов А.И. Современные информационные технологии в международных отношениях: монография. Москва: МГИМО-Университет, 2017.

10. Сурма И.В. Цифровая дипломатия в дискурсе глобальной политики // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 6 (39).

11. Сурма И.В. Международные исследовательские центры по проблемам войны, мира и безопасности // В сборнике: Государственное управление во внешнеполитической деятельности и международная безопасность. Москва, 2013.

12. Указ Президента России от 15 января 2013 г. № 31 с. «О создании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации» // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ.РУ» // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70199068/>.

13. Фоксхолл А. «Кибервойна Путина: государственная политика России в пятой области» // <https://www.stratcomcoe.org/afoxall-putins-cyberwar-russias-statecraft-fifth-domain>.

14. Brussels Summit Declaration Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Brussels 11-12 July 2018 // https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm.

15. Hybrid Threats Description 1500/CPPCAM/FCR/10-270038 AND 5000 FXX/0100/TT-0651/SER: NU0040 Dated 25 August 2010: BI-SC Input for a new

Capstone Concept for The Military Contribution to Countering Hybrid Threats dated (para 7) // https://www.act.nato.int/images/stories/events/2010/20100826_bi-sc_cht.pdf.

16. Resolution adopted by the General Assembly on 5 December 2018. 73/27. Developments in the field of information and telecommunications in the context of international security // <https://undocs.org/A/RES/73/27>.

17. Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organization // https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_82705.htm.

18. Tallinn Manual on the International Law Applicable to Cyber Warfare / M.N. Schmitt. Cambridge University Press, 2013.

19. Tallinn manual 2.0 on the international law applicable to cyber operations / ed. by M.N. Schmitt. Cambridge University Press, 2017.

I.V. SURMA

*Candidate of Economic Sciences,
Head of the Department of Public Administration
in Foreign Policy of the Diplomatic Academy of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation, Ph.D. Corresponding
Member of the Russian Academy of Natural Sciences,
Moscow, Russia*

THE NORTH ATLANTIC ALLIANCE AND THREATS TO RUSSIA'S DIGITAL SOVEREIGNTY

The main operating cyber structures and NATO Centers of Excellence are presented, their key function in the preparation of international legal justifications for the militarization of cyberspace is shown. The role of the NCIRC (National Criminal Intelligence Resource Center), the coordinating and technical center of the NATO Computer Incident Response Force, which provides cyber protection for all NATO information resources, is shown. The potential of the Center for Strategic Communications (NATO Strategic Communications Center of Excellence), co-founded by Latvia, Lithuania, Estonia, Poland, Germany, Italy and the United Kingdom, is noted, and the main functions of this center in Riga are working with the media, informing about NATO activities using tools public diplomacy, the development of civil-military relations and the conduct of information and psychological operations. The Russian position on the issues of ensuring international information security and digital sovereignty of the state is presented. The Russian system of counteracting cyberattacks is considered, in which an important role is played by the Center for Response to Computer Incidents in the Information and Telecommunication Networks of the Government

of Russia, which coordinates the actions of organizations and departments in the field of preventing, detecting and eliminating the consequences of computer incidents. The author notes that the traditional and cybernetic troops of the North Atlantic Alliance do not protect anyone near the borders of Russia, but rather develop and plan new strike, landing and offensive operations.

Key words: *NATO Communications and Information Agency, NATO, NATO Response Force Center for Computer Incidents, cyber warfare, socio-political destabilization, digital sovereignty, international information security.*

*доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры государственного управления и
национальной безопасности Факультета национальной
безопасности Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС),
Россия, г. Москва*

А.В. МАКАРОВ

*аспирант кафедры государственного управления и
национальной безопасности Факультета национальной
безопасности Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС),
Россия, г. Москва*

КОМПЛЕКСНЫЕ ПОДХОДЫ РОССИИ К ФОРМИРОВАНИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Статья посвящена исследованию актуальных вопросов, связанных с выработкой политологического подхода к формированию образовательного пространства РФ. В процессе анализа выделены достоинства и недостатки политики изоляционизма к интеграции национальных образовательных систем в международное пространство. Изучен опыт стран ЕС в развитии национальных систем образования. Обосновано авторское предложение, касающееся использования концепции наблюдаемой гомеостатической структуры для разработки и реализации стратегии международной интеграции образовательного пространства России с сохранением национального суверенитета.

Ключевые слова: *образование, образовательное пространство, баланс национального и интернационального, наблюдаемая гомеостатическая структура, национальный суверенитет, наука, культура, идентичность, политика.*

Сложные трансформационные процессы, происходящие в настоящее время в глобализованном и быстро меняющемся мире, свидетельствуют о переходе человечества на новый этап цивилизационного развития,

который предусматривает формирование постиндустриального, информационного общества [9. С. 281-284]. Исключительный динамизм, сверхсложность, информационализм, межкультурное взаимодействие, как определяющие признаки современного мира, вносят существенные изменения во все сферы общественной жизни, трансформируя, в том числе, ландшафт национального. Россия продолжает динамично развивать и поддерживать интернационализацию национального образовательного пространства. Ведь образование является инструментом продвижения национальных интересов РФ в международном измерении, способствует укреплению связей с русской диаспорой за рубежом.

В Коммюнике Всемирной конференции ЮНЕСКО по высшему образованию «Новое динамичное развитие системы высшего образования и научных исследований», в настоящее время «необходимо максимальным образом укреплять партнерские отношения и согласовывать политики, действия и программы на национальном, региональном и международном уровнях с целью достижения высокого качества, устойчивости и стабильности систем высшего образования во всем мире» [13].

Россия, которая является активным участником международных отношений, одним из ключевых центров силы в глобальном мировом порядке в ответ на потребность интегративной трансформации системы образования начала и продолжает динамично развивать и поддерживать интернационализацию национального образовательного пространства. Не подлежит сомнению тот факт, что образование выступает действенным рычагом для продвижения национальных интересов РФ в международном измерении, является эффективным инструментом налаживания стратегических партнерств и способом укрепления связей с русской диаспорой за рубежом, способствует развитию общества и росту качества жизни населения страны. Кроме того, интернационализация обеспечивает возможность развития глобальной сети отечественных образованных иностранных выпускников, которые могут выступать агентами России в других странах.

В контексте продвижения идей интернационализации высшего образования, сегодня в международных политических кругах, в экспертном и научном сообществе доминирующей является позиция, которая отражает идею открытости образования и науки в глобальном пространстве, что предполагает формирование единой мировой образовательной платформы, в рамках которой заведения высшего образования разных стран мира, не ограничивая себя национальными границами, предлагают (экспортируют) свои национальные образовательные продукты, а образовательные провайдеры способствуют унификации национальных доктрин развития образовательных систем.

Но международные акторы, уверенно занимая статус субъектов либо главных посредников глобализации [10. Р. 108-129], продвигают преимущественно идею стандартизации вместо индивидуализации, отстаивают пози-

ции унификации национальных образовательных пространств в противовес поддержке индивидуализма и культурной идентичности. Очевидно, что такая политика «открытых дверей» порождает серьезные вызовы, угрожающие непосредственному существованию суверенных государств, поскольку искажает и препятствует воспроизводству в национальном образовательном пространстве национальной культуры во всей ее органической целостности, создает преграды в части эволюционного развития страны и консолидации интересов общества вокруг национальных интересов. Бесспорно, такой дуалистический характер интернационализации образовательного пространства требует коренного пересмотра традиционного отношения к обеспечению национальной безопасности системы образования России.

С учетом сложившейся геополитической ситуации, это обуславливает потребность в научной рефлексии возможностей и угроз интеграции в национальный контекст России международных стандартов.

Обозначенные обстоятельства предопределили научную задачу выбора подходов к формированию образовательного пространства России, структуры этого пространства, обеспечивающего достижимость целей формирования национального кадрового потенциала.

Геополитический контекст не является феноменом, который изолирован от высшего образования [11. Р. 92-109]. Политологическое обеспечение баланса национального и интернационального относится к сложносистемной проблематике сетевых и иерархических форм международных отношений. Проблема гармоничного сосуществования мирового и национальных образовательных пространств в контексте интернационализации системы образования является предметом научных исследований Mok, Ka Ho; Marginson, Simon; Whitsed, Craig; Burgess, Madeline; Ledger, Susan; Петрунева Р.М., Белякова Л.Ф., Сидорова Т.Л.

Условия доминирования национальных интересов в глобальном образовательном измерении обосновывается в работах Вишницкой Е., Ягья Т.С., Ашуровой Я., de Wit Hans, Altbach Philip G., Williams James H., Brehm Will, Kitamura Yuto. Очевидно, что интернационализация национального в политологии и педагогике имеет разные трактовки, зачастую диаметрально противоположные.

В статье концептуализируется безопасность интернационализации с целью сохранения конкурентоспособности отечественных учреждений образования на международной арене, определяются приоритеты развития национального образовательного пространства России.

Принимая во внимание необходимость выработки комплексного подхода к формированию образовательного пространства России в геополитическом измерении, а также неоднозначность, как инклюзии, так и политики изоляционизма, представляется целесообразным проанализировать международный опыт в данной плоскости.

Результат детального изучения стратегий развития национальных образовательных пространств некоторых стран Европы (Германии, Франции, Нидерландов, Швеции, Италии) позволяет сделать вывод, что правительства обозначенных государств делают акцент на усилении развития интернационализации высшего образования под влиянием глобализации и растущего числа заинтересованных сторон, которые имеют как национальную, так и международную, а также глобальную принадлежность. Этот сценарий предполагает рост числа международных образовательных программ, увеличение международной мобильности, акцентирование внимания на интернационализации учебных планов с целью расширения доступа к национальным системам образования тех студентов, которые не принимают реального участия в мобильности [1. С. 95-101]. Уполномоченные органы, которые формируют и реализуют государственную политику в сфере образования европейских стран, положительно оценивают и различным образом способствуют развитию партнерств и расширению сети образовательных провайдеров в процессе интернационализации национальных образовательных систем.

Такие глобальные приоритеты с макрогеографическим фокусом дают проблемным сохранение уникальной культурной специфики государств, не позволяют учитывать национальные интересы конкретной страны. Поэтому национальное образовательное пространство, как ответ на вызовы глобализации, призвано сохранять национальный суверенитет, повышать конкурентоспособность экономики, национальных учебных заведений и транслируемых ими ценностей. Однако, если глобализация является в большинстве своем внешней силой, которая не поддается контролю со стороны правительств национальных государств, то регионализация, выполняя роль внешнего рамочного условия, находится уже под более бдительным контролем стран и межправительственных организаций. Это позволяет выработать согласованную образовательную политику, как на международном, так и на региональном уровнях, которая в тоже время представляет собой действенный механизм синергетического объединения усилий и устремлений национальных систем высшего образования для достижения целей, выходящих за пределы одного государства, что является безусловно положительным аспектом, реализуемой европейскими странами политики интернационализации образовательного пространства.

Но на сегодняшний день нет единой универсальной модели интернационализации, поэтому каждому отдельному государству, в том числе и России, необходимо разрабатывать собственные уникальные подходы к развитию национальных систем образования в международном измерении, которые будут адаптированы к особенностям страны, опираться на имеющийся внутренний потенциал и учитывать разностороннее влияние внешних факторов. Национальными приоритетами, обозначенными в Стратегии

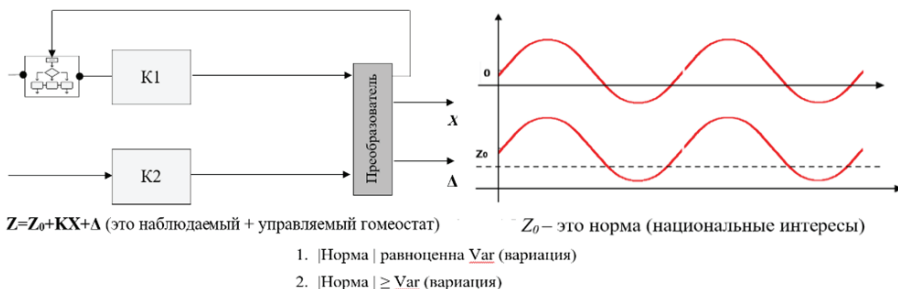
национальной безопасности Российской Федерации [7], является, в том числе, необходимость защиты национальных интересов страны от негативно-го влияния внутренних и внешних угроз, сбережение граждан, устойчивое развитие национальной системы образования.

Современные политики и стратегии интернационализации высшего образования мировых лидеров экономики, прежде всего США и Великобритании могут характеризоваться как неинклюзивные, изоляционистские, оставляющие без внимания потребности других национальных экономик [12. Р. 52-74]. Коммерциализация, высокая стоимость обучения существенным образом влияют на процесс формирования их образовательных пространств. В то же время инклюзивный подход к интернационализации должен учитывать различные социально-экономические, политические и демографические факторы развития каждого конкретного государства [8. С. 572-574]. Инклюзия должна способствовать целенаправленному расширению программ международного сотрудничества и партнерства на индивидуальном и институциональном уровнях, поддерживать создание стратегических образовательных альянсов, а не коммерческих структур.

Таким образом, сложносистемная проблема сетевых и иерархических форм международных отношений национальных образовательных программ может быть сведена к рассмотрению противоположностей: интернационализация – регионализация, инклюзия – изоляция. Феноменология взаимодействия таких пар противоположностей актуальна для политологии, так как описывается сегодня и при изучении понятий демократизм-авторитаризм, и в рамках изучения политико-экономического феномена «санкционная политика».

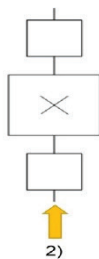
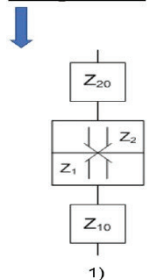
Вся совокупность используемых нами понятий входит в модель наблюдаемого рефлексивного гомеостата [6. С. 142-145]. Структура такого гомеостата не только обуславливает равноценность вариации (интернационального) нормой (региональным), но и доказывает необходимость ограничения первого вторым, если мы хотим обеспечивать суверенитет, то есть приспособленность к наблюдению и управлению национальным актором. О суверенитете мы можем говорить только при наличии свойства достижимости целей, формируемого на основе наблюдаемости, управляемости и устойчивости [2. С. 3-198]. Ранее Г. Селье утверждал, что, создав модель наблюдаемого конфликта, мы сможем описать функционирование организма в целом [3; 4]. Сейчас такие модели рефлексивного гомеостата уже известны.

Будучи выявлены и описаны средствами непротиворечивых методологических подходов, синергетический (кооперативный) феномен международного объединения национальных образовательных систем может быть представлен через призму эпистемологической всеохватности в виде структурной схемы наблюдаемого рефлексивного гомеостата, представленной на рис. 1.

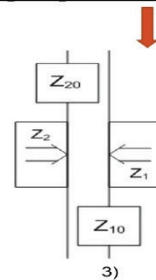

Модели взаимодействия противоположностей

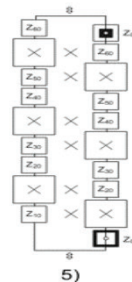
во времени

в пространстве

Модели конфликта как системы

Принцип формирования свойства наблюдаемости целого

1. Равноценность нормы Z_{i0} и вариации X_i .

2. Ограниченность вариации нормой $Z_{i0} > K_i X_i$

Рисунок 1. Схема наблюдаемого рефлексивного гомеостата

Имплементация наблюдаемого рефлексивного гомеостата в процесс разработки и реализации стратегии формирования и устойчивого развития образовательного пространства России не только позволит интегрировать традиционные ценности отечественных ВУЗов и научных институтов с передовыми зарубежными практиками стратегического планирования международной деятельности, но и даст возможность учитывать актуальные тенденции развития глобального образовательного пространства, способы и механизмы гармонизации интересов всех заинтересованных стейкхолдеров.

Прогнозируется, что разработанные на основании наблюдаемого и управляемого гомеостата Титова В.Б. [5. С. 61-63] стратегические и программные документы будут включать в себя наиболее рациональные векторы развития международных обучающих программ, перечень приемлемых и эффективных форм стратегического партнерства, с учетом национальных интересов России, обозначать оптимальные и безопасные для российской культуры и молодежи пути доставки учебного контента, а также в целом обеспечивать согласованность и взаимодополняемость с другими векторами национальной политики на международном уровне, например, такими как: торговля, миграция, занятость, инновационные разработки и научные исследования.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что в результате изучения был получен материал, анализ которого позволяет заключить, что, в эпоху глобализации и интеграции всех сфер человеческой жизни образование и наука суверенных государств не могут существовать без международного измерения. Транснациональное сотрудничество является источником новых идей, разработок и открытий, которые создают добавленную стоимость для всех участников, вовлеченных в образовательно-научное сообщество через экономику и международное партнерство.

Однако, интеграция национального образовательного пространства в международное измерение должна быть направлена не только на систематическое продуцирование передовых знаний для обеспечения прогресса мирового сообщества, но также учитывать и в первую очередь обеспечивать соблюдение национальных интересов. Поэтому, в статье обоснована авторская позиция, которая заключается в том, что развитие национального пространства высшего образования и научно-исследовательской деятельности России должно базироваться на ключевых постулатах наблюдаемого рефлексивного гомеостата, а образовательное пространство иметь структуру подобную структурам наблюдаемого рефлексивного гомеостата.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Атаханов Р.А.* Сравнение мобильности европейского высшего образования // Региональные проблемы преобразования экономики. 2018. № 9 (95).

2. Винер Н. Человек управляющий // Кибернетика и общество. Человеческое использование человеческих существ. СПб.: Питер, 2001.
3. Селье Г. На уровне целого организма. М.: Наука, 1972.
4. Титов В.Б. Устройство Титова В.Б. для контроля и линеаризации передаточных характеристик многоканальных преобразователей. Патент России. 1989. № 1675854.
5. Титов В.Б. Способна ли культура устойчивого развития стать человеческой? // Государственная служба. 2012. № 3.
6. Титов В.Б. Элементарные диалектические модели конфликта // Конфликтология XXI века: Пути и средства укрепления мира: материалы Второго Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. Санкт-Петербург, 3-4 октября 2014 г. СПб.: Институт философии С.-Петерб. гос. ун-та, 2014.
7. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001>.
8. Ягья Т.С., Ашурова Я. Интернационализация высшего образования // Современное образование: содержание, технологии, качество. 2021. Т. 1.
9. Ярлыченко А.А. Противоречивость процессов глобализации и их влияние на направления долгосрочного социально-экономического развития современного общества // Экономика и предпринимательство. 2020. № 9 (122).
10. Scott P. Massification, internationalization, and globalization // The globalization of higher education. Ed. by Scott Buckingham, UK: SRHE & Open University Press, 1998.
11. Shahjahan, Riyad A. Morgan, Clara Global competition, coloniality, and the geopolitics of knowledge in higher education // British journal of sociology of education. 2016. Volume 37. Issue 1.
12. Tight, Malcolm Globalization and internationalization as frameworks for higher education research // Research papers in education. 2021. Volume 36. Issue 1.
13. 2009 World Conference on Higher Education: The New Dynamics of Higher Education and Research For Societal Change and Development // <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000183277>.

V.B. TITOV

*Doctor of pedagogical sciences, professor,
professor of the Department of Public Administration
and National Security, Faculty of National Security, Institute
of Law and National Security, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (RANEPA),
Moscow, Russia*

A.V. MAKAROV

*Postgraduate student of the Department
of Public Administration and National Security,
Faculty of National Security, Institute of Law and National
Security, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA),
Moscow, Russia*

COMPREHENSIVE APPROACHES OF RUSSIA TO THE FORMATION OF EDUCATIONAL SPACE IN THE GEOPOLITICAL DIMENSION

The article is devoted to the study of topical issues related to the development of a political science approach to the formation of the educational space of the Russian Federation. In the process of analysis, the advantages and disadvantages of the isolationist policy towards the integration of national educational systems into the international space are highlighted. The experience of the EU countries in the development of national education systems has been studied. The author's proposal concerning the use of the concept of an observable homeostatic structure for the development and implementation of a strategy for the international integration of the educational space of Russia with the preservation of national sovereignty is substantiated.

Key words: *education, educational space, balance of national and international, observed homeostatic structure, national sovereignty, science, culture, identity, politics.*

доктор исторических наук, профессор
кафедры международных отношений и права
Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток

бакалавр кафедры международных отношений
и права Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток

ЭТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ УЧЕНИЯ КАК ПАТТЕРН ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КИТАЯ

Данная статья посвящена актуальной теме, в которой анализируется традиции, культурная идентичность и своеобразие китайского современного общества, Авторы рассматривают проблему с точки зрения позиций основных традиционных философских учений, мифологии и фольклора Китая. Авторы констатируют, что свои отличительные особенности менталитета китайское общество приобрело за счет влияния социокультурных и духовно-нравственных факторов. Исторические особенности, традиционные обычаи и проявления культуры – все это придает ему неповторимую уникальность. Данная статья рассматривает разные факторы влияния на становление особенных характеристик китайского современного общества.

Ключевые слова: КНР, конфуцианство, даосизм, легизм, буддизм.

Как отечественные, так и зарубежные исследователи, и ученые-синологи отмечают тот факт, что китайское общество, обладая пространственной выраженностью, социальной структурой, культурной компонентой и историческим бытием, сохраняет и оберегает свою многовековую культуру и традиции, но при этом готово к восприятию нового, что вызывает уважение и служит примером для других народов. Конечно, нельзя отрицать тот факт, что Китай в процессе своего становления как мировой державы не был подвержен влиянию Запада, но эта одна из немногих стран не была подвержена активной вестернизации.

Однако же не стоит забывать, что Китай имеет свой собственный «щит», оберегающий страну от неблагоприятного влияния извне и являющейся,

кроме того, инструментом мягкой силы. Речь идет о неповторимых культурных и традиционных ценностях, которые внесли огромный вклад в становление современного китайского общества. Но если с западной культурой большинство людей знакомо, то китайские духовно-нравственные ценности для многих кажутся таинственными и даже загадочными. И мало кто может представить, что большинство характеристик современного китайского общества появились благодаря влиянию философско-религиозным учениям и даже элементам фольклора. А ведь это ключевой фактор сохранения его идентичности.

Многие ученые-синологи соглашаются на том, что и культура, и традиции влияют на психологическое здоровье и эмоциональный фон нации, что в свою очередь направляет людей на решение задач и достижение целей развития государства. Поэтому изучение этих немаловажных составляющих важно для понимания китайского общества. В особенности это необходимо для России, как для стратегического партнера КНР.

Огромные перемены в развитии китайского общества и, в целом всей страны, произошли в XX веке, когда с развитием промышленности и появлением новых торговых отношений появились условия для развития частного предпринимательства и новых западных институтов. Но нельзя сказать, что приспособление к веянию нового устоявшейся традиционной китайской общественно-политической системы проходило безболезненно.

В условиях глобализации экономических и политических процессов, интенсивного взаимодействия стран часто возникает вопрос относительно значимости внутренних и внешних факторов и условий. Многие нововведения можно объяснить культурными влияниями и заимствованиями у других народов, например, при миграциях, усваивались в трансформированном виде, за счет чего в обществе происходили изменения, но с «китайской спецификой». Образ жизни, система мышления, ценностные ориентиры и образование, экономика и промышленность, – все это подверглось преобразованиям. Естественно, данные изменения не могли не затронуть духовную составляющую жизнедеятельности общества. Но при более внимательном рассмотрении всех изменений, произошедших в китайском обществе, можно констатировать тот факт, что культура и традиции явились ключевым фактором сохранения его многообразия и идентичности.

Определение всего характера китайского образа жизни принято соотносить с такими философскими учениям как *конфуцианство*, *даосизм*, *а также легизм и буддизм*.

Конфуцианство и даосизм получили свое распространение в Китае как философское учение, отвечающие всем историческим особенностям развития страны. Предлагаемые данными учениями ценностные ориентиры были в большей мере приспособлены и восприимчивы китайским обществом. Соответственно данные этико-философские учения явились ключевым фактором его становления и развития.

Центральными понятиями в конфуцианстве являются гуманность (жень \ 仁) и гармония (хэ 和). Образом идеального гражданина является «цзюнь-цзы» (благородный муж 君子), который соблюдает все столпы конфуцианства, а именно ритуал, гуманность, долг-справедливость и знание (т.е. усвоение, получение знаний). Соблюдение данных догм приводит человека к нахождению своего «дао» (道), то есть истинного пути, совершенства. Конфуцианство предполагает сохранение четкой иерархии в любых видах человеческих отношений: между правителем и его подданными, между супругами и между родителями и их детьми. Значимой книгой в конфуцианстве является Лунь юй, сборник высказываний Конфуция и его учеников [2]. Основной целью конфуцианства является достижение гармонии в душе человека и обществе, путем соблюдения строгой иерархии и конфуцианских догм.

Неоспоримый вклад Конфуций вносит и в модель развития общественных отношений «тянься» («天下»), формируя уникальный принцип «великого единения» («大同»): «Поднебесная принадлежит всем», который носит в себе идею общности судьбы народов [5], воспевающая душевное спокойствие и гармонию десяти тысяч царств или социальную гармонию («以和为贵», «协和万邦»). При этом некие моральные устои выступают фактором формирования данной системы. Конфуций утверждает: «Не делайте другим того, чего сами себе не желаете», «Люди между четырьмя морями – братья» («四海之内皆兄弟也») [7]. Мыслитель представляет Гармонию как ценность, делая акцент на дружественных отношениях между государствами: «Избегая военных столкновений... благородный муж живет в согласии со всеми, но не уподобляется им, а низкий человек ищет себе подобных», что применимо к международным отношениям с упором на сохранение своей независимости и нахождение общего, несмотря на существующие различия [5. С. 63]. Принципы «тянься» («天下») выражаются прежде всего в добродетелях, в неприменении военных сил тогда, когда появляется первостепенная необходимость, а на передний план выступает распространение восточной культуры. Так происходило в период правления династии Мин (明朝, 1368-1644 гг.) [8].

Основателем учения **даосизма** считается Лао Цзы, а его главный труд, книга Дао де Дзин, по праву считается центральной книгой в идеологии даосизма. Как и в конфуцианстве, в даосизме существует понятие «Дао» (道) но имеет несколько другое значение. Дао – это всеобъемлющий космос, объединяющий все живое в себе. Мост между природой и человеком. Прародитель всего живого и источник гармонии. «Дао» должно соблюдаться, чтобы прийти к морально-этическому совершенству – «совершенному мудрому». Также одним из центральных понятий даосизма сличается «Дэ». Это само выражение «Дао», это добродетель, отображение всего благого в даосизме, самосовершенствование. Помимо следования уже упомянутым догмам, важно, для достижения духовного идеала, не нарушать пять основных

запретов. Они звучат так: запрет на убийство, разврат, кражу, ложь, употребление веществ, мешающих соблюдать «Дао». Существование запретов демонстрирует завершенность учения, его дисциплинированную структуру. Уникальность даосизма также заключена в существовании понятия У-вэнь, то есть не-деяние, бездействие. Данный термин можно трактовать как пассивность, не вмешательство в течение жизни, в «Дао». Эталоном правителя при такой системе является «совершенномудрый» император не деятельный, не мешающий ходу «Дао» [1].

Надо понимать, что оба эти учения появились и обрели свое распространение в эпоху Восточного Чжоу (481/403-221 гг. до н.э.) Чжаньго (Предимперский), который сопровождался идейно-ментальной и социально-политической трансформацией Китайской цивилизации. Именно поэтому изучая оба эти учения можно проследить единый мотив, проходящий сквозь них красной нитью. Это приведение всего сущего к гармонии. В этом то и есть особенность китайского народа. Конечно, с культурными влияниями и заимствованиями западной культуры отношение к нравственно-духовным ценностям неизменно изменилось. Люди стали более нацелены на материальный успех, на освоение новых знаний и технологий ради повышения своего социального статуса и заработка денег. Духовное самосовершенствование более не так важно для современных граждан Китая. Однако же традиционные ценности абсолютно точно нельзя назвать атрофированными. Китайцы достигают своей цели используя традиционные инструменты конфуцианства и даосизма, например, познание мира посредством получения новых знаний и навыков. Стоит сказать, что и конфуцианство, и даосизм за всю свою многовековую историю настолько глубоко проникли и укрепились в ментальном, подсознательном человека, что даже не осознавая того, человек соблюдает те или иные догмы и склонен к выбору определенного набора ценностей.

Народная культура является основой формирования важнейших характеристик любого общества. Издревле люди научились выражать свои эмоции, чувства и повествовать о случившихся событиях как исторического характера, так и бытового с помощью музыки, песен и танцев. Еще примерно в I тыс. до н. э. китайские правители осознали, насколько значимыми являются эти элементы народного творчества и начали проводить целенаправленную политику на сбор народных песен и составление на их основе сборников. И не даром, ведь в народном творчестве могут выражаться настроения, бытующие в обществе. Более того, при помощи этих проявлений народной самодеятельности можно было влиять на поданных и укреплять свои позиции в народе. Конфуцианство также тесно связано с культурой песен и музыкой. Сам Конфуций изучал музыку и считал, что она является одним из инструментов гармонизации мира и каждый благородный муж должен обладать этим искусством. Так среди конфуцианских канонов су-

ществует «Шицзин» («Книга песен»). В ней записаны тексты музыкально-народного творчества, которые соответствуют конфуцианским догмам. Развитие фольклора пережило период стагнации и политизации в период монгольских завоеваний, когда народная песня была призвана на помощь в борьбе с захватчиками.

Важно также подметить, что в XX веке народное творчество Китая пережило новый свой расцвет, когда после проникновения западных держав в страну проникли и культурные веяния романтического национализма вместе с такими понятиями, как например «нация» и «этнос». Начал создаваться новый литературный язык, а соответственно и литература. Юная интеллигенция из энтузиастов-первооткрывателей начала вновь собирать и печатать в сборниках выражения народного творчества.

На данный же момент китайская фольклористика находится под руководством государственных институтов и является инструментом идеологии. Однако, с приходом западных тенденций произошла демократизация народного творчества и искусства. В конечном итоге фольклористика в Китае впитала в себя огромный исторический опыт страны и явила себя как инструмент сохранения самобытности национальной культуры и традиций и сохранения уникальных черт китайского общества [6].

Немаловажным фактором на формирование образа мышления современного китайского общества также явился **китайский миф**. Китайская система мифов является довольно уникальным явлением. Она не так популярна, как древнегреческая или скандинавская, в силу своей трудности в изучении [3]. Трудность эта состоит в многочисленности и большом количестве разных интерпретации, а также в утере многих источников за весь исторический период существования китайского государства, в особенности во времена культурной революции.

В героях мифов находят выражения разнообразных культурных феноменов. Например, довольно известная мифическая героиня Нюйва символизирует нескгибаемость и устойчивость китайского народа перед любыми жизненными трудностями. А мифический стрелок И выступает как отражение героизма и отваги китайской нации. Можно убедиться в том, что китайский народ очень бережно относится к своей культуре так как по сей день древние мифы в Китае не забыты и не заброшены. И множество сюжетов и персонажей мифологии сейчас встречаются в китайских фильмах, театральных постановках, мультфильмах, произведениях литературы и даже компьютерных играх. В дополнение, не малое количество значимых национальных праздников связано именно с мифами. Например, Китайский Новый год связан с мифологическим монстром Нянь, а Праздник середины осени с легендой о Чанъэ [4]. Так с ранних лет юные китайцы знакомятся с культурным наследием своей страны, учатся чтить и любить древние традиции своей нации. А посредством усвоения центральных идей, про-

слеживающихся в сюжетах мифов и сопоставления себя с главными героями, составляется личность, психология и образ мышления современных китайцев.

Так, можно с уверенностью сказать, что мифологические сюжеты Китая, являясь не только уникальным источником произведений искусства и культуры, но и фактором, формирующим самосознание людей, оказывают огромное влияние на китайское общество, а соответственно важны в и актуальны для изучения.

Подводя итог всему вышесказанному, можно с уверенностью сказать, что благополучие и процветание китайского общества в первую очередь связано с духовной сферой жизни людей. Она является той детерминантой, которая определяет менталитет нации, ее уникальные характеристики и исторически предначертанный путь Китая. Духовная сфера закрепляет в обществе те или иные системы поведения и укрепляет нормы социальной жизни в обществе. В Китае данная сфера представлена *этико-философскими учениями*, основными из которых являются гармонизирующее конфуцианство и созерцательный даосизм, китайский фольклор, выраженный в народных песнях и музыке, а также китайский мифический пантеон. Поэтому современная культурная политика КНР направлена на сохранение и поддержку духовно-нравственных ценностей национального своеобразия страны в современных реалиях модернизации и глобализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Даосизм как этическое учение / Ганпанцуров Л.Г. / СМАЛЬТА. 2020. № 3.

2. Психология конфуцианства как фактор стабильности ценностных ориентаций в китайской культуре / Цзин В., Санжаева Р.Д., Монсонова А.Р. / Психология в экономике и управлении. 2010. № 1.

3. Роль мифологии в современной культуре Китая / Кравцова М.Д., Самойлова М.П. / Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей XIV Международной научно-практической конференции. Пенза, 2020.

4. Роль традиционной китайской мифологии в формировании самосознания современных китайцев / Стрекаловска Е.В., Терехов А.Э. / Выпускная квалификационная работа по направлению 033000 Культурология. Санкт-Петербург, 2017.

5. Сюй Цзиньгэн. 孙聚友. 儒家大同思想与人类命运共同体建设 / 孙聚友 // 东岳论丛. 2016年11月. 第37卷, 第11期. 页63. Сунь Цзюйю. Конфуцианская мысль о великом единении и построении сообщества единой судьбы человечества // Сборник статей Дунюэ. 2016. № 37 (11).

6. Фольклор в культурной политике Китая / Исаков А.В. / Современные достижения молодежной науки. Сборник статей II международного научно-исследовательского конкурса. 2020.

7. 四海之内皆兄弟也 // 鬼大爷名著阅读. Люди между четырьмя морями братья // Читальный зал Гуй Дае // <https://b.guidaye.com/zzbj/287/13850.html>
徐锦庚.人民论坛: 激荡 «上海精神» 的和合之美 / 徐锦庚 // 人民网—人民日报. 2018 年. 06 月.

8. 杨永红. 相互尊重共同发展.人民日报热点辨析: 防止对人类命运共同体理念的曲解 / 杨永红 // 人民网—人民日报. 2018 年. 02 月 23 日. Ян Юнхун. Взаимное уважение и совместное развитие. Обсуждение острой проблемы: предотвратить искаженное понимание идеала единой судьбы человечества // Жэньминьван – Жэньминь жибао. 23 февраля 2018 // <http://opinion.people.com.cn/n1/2018/0223/c1003-29829270.html>.

A.A. TUSHKOV

*Professor, Department of International
Relations and Law, Vladivostok State University
of Economics and Service, Vladivostok, Russia*

A.P. ALEKHINA

*Bachelor of the Vladivostok State
University of Economics and Service,
Vladivostok, Russia*

ETHICAL AND PHILOSOPHICAL TEACHINGS AS A PATTERN OF FORMATION CHINA'S CULTURAL IDENTITY

This article is devoted to the traditions, cultural identity and uniqueness of Chinese modern society, which is a current topic. The authors consider the problem by analyzing the main traditional philosophical teachings, mythology and folklore of China. The authors also state that Chinese society has acquired its distinctive features of mentality due to the influence of socio-cultural, spiritual and moral factors. Historical features, traditional customs and cultural manifestations – all this gives Chinese society its uniqueness. This article examines various factors influencing the formation of characteristics of Chinese modern society.

Key words: PRC, Confucianism, Taoism, Legalism, Buddhism.

ЦИКЛЫ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПОСТБИПОЛЯРНЫЙ ПЕРИОД (1991-2021 гг.)

В статье рассматриваются циклы российско-американских отношений в постбиполярный период. Вопреки сложившимся к середине 2010-х годов в отечественной американистике двум основным подходам к периодизации, строящихся либо на основе циклов ядерного разоружения, либо с учетом происшедшего на фоне прихода к власти новых Президентов США сближения отношений, предложенный автором взгляд на новейшую историю двусторонних связей отличается анализом их постоянных характеристик, коими выступают система взаимного сдерживания, чрезмерная политизация всех сфер взаимодействия (от экономики до культуры и спорта), проблема статуса как первопричина многих противоречий, низкий уровень экономической взаимозависимости, и, как результат, влияние динамики личных отношений глав обоих государств. Таким образом, автор предлагает рассматривать диалог между двумя странами сквозь призму шести этапов: двух «длинных» – 1991-2000 гг., 2000-2008 гг., и четырех «коротких» – 2008-2012 гг., 2012-2016 гг., 2016-2020 гг., 2020 по н.в., каждый из которых будет подробно рассмотрен в тексте статьи.

Ключевые слова: российско-американские отношения, циклы, Б.Н. Ельцин, В.В. Путин, Д.А. Медведев, Дж.-Буш-ст., Б. Клинтон, Дж. Буш-мл., Б. Обама, Д. Трамп, Москва, Вашингтон, Кремль, Белый дом.

Введение. До середины 2010-х годов в отечественных научных публикациях, аналитических докладах и экспертных оценках сформировались два основных подхода к периодизации российско-американских отношений в постбиполярный период.

Согласно первому из них, кооперативные и конфронтационные периоды в двусторонних связях определяются циклами ядерного сдерживания [4], в соответствии с которыми стремление обеих держав к сотрудничеству (1991-1993 гг., 2002-2002 гг., 2008-2010 гг.) объяснялось необходимостью

заклучения соглашений в области контроля над вооружениями (СНВ – 1, СНВ – 2, СНП и СНВ – 3). Однако при таком подходе остаются неясными причины, по которым Москва и Вашингтон, находясь на пороге полного краха сложившейся системы разоружения в связи с долгой пробуксовкой переговоров о пролонгации СНВ-3, продолжали повышать градус соперничества во второй половине 2010-х.

В соответствии со вторым подходом, вышеуказанные периоды сближения были продиктованы теми надеждами, которые возлагались на новых глав государств, пришедших к власти в Белом Доме и Кремле соответственно [10]. Тем не менее, данный принцип не дает объяснения тому, почему победы на выборах Д. Трампа в 2016 г. и Дж. Байдена в 2020 г. не вселяли оптимизм относительно возможности выхода из затяжного кризиса, в котором оказался диалог двух стран, в связи с чем все более популярными становились рассуждения о необходимости квалифицирования нынешнего этапа конфронтации как «Холодная война 2.0» [8].

Не желая излишне упрощать российско-американские отношения, сводя их исключительно к периодам преимущественного сотрудничества или соперничества, автор данной статьи считает необходимым обратить внимание на те константы, которые определяли характер двухсторонних связей на протяжении всех трех десятилетий после распада СССР:

1) Сохранение системы стратегической стабильности, что сформировало понимание недопустимости прямого вооруженного конфликта. Как результат, растущая политизация всех сфер взаимодействия (от традиционных военно-политической до спорта и культуры, которые а priori должны оставаться вне политики) и взаимные обвинения во вмешательстве во внутренние дела друг друга. Этим же объясняется диаметральный характер подходов к региональным проблематикам (Югославия, Ирак, Ливия, Сирия, Венесуэла, Белоруссия и др.), когда многое из происходящего в третьих странах воспринимается сквозь призму «игры с нулевой суммой».

2) Относительно низкий для подобного рода держав товарооборот и невысокий уровень экономической взаимозависимости, что позволяло Вашингтону безболезненно сохранять имевшиеся ограничения (поправка Джэксона – Вэнника) и вводить новые рестриктивные меры (Акт Магнитского, различные пакеты санкций с 2014 г. и пр.).

3) Наличие областей сотрудничества, предполагающих взаимодействие двух стран независимо от политической конъюнктуры: освоение космоса (от совместного управления МКС до использования США космических кораблей «Союз» и российских двигателей РД-180), борьба с терроризмом (например, участие США в предотвращении теракта в Санкт-Петербурге в декабре 2017 г.), присутствие американских компаний на российском рынке.

4) Приоритетность проблемы статуса, в соответствии с которой Москва требует от Вашингтона развития равноправного сотрудничества, основан-

ного на взаимном учете интересов, в то время как США, привыкшие после окончания «Холодной войны» и распада СССР к роли гегемона, не желают воспринимать в качестве равной себе страну, чей экономический потенциал значительно меньше американского.

5) Высокий уровень персонификации отношений, трансформация которых зависит не только от фактора личности руководителей, но и от динамики профессиональных и личных отношений, складывающихся между конкретными главами государств в определенный исторический период.

Таким образом, в продолжение научной традиции, заложенной известным специалистом по России Анжелой Стэнт [11], циклы российско-американских отношений следует рассматривать не с точки зрения смены периодов сотрудничества и соперничества, а сквозь призму смены власти в Москве и Вашингтоне, что означает, что диалог двух стран в постбиполярную эпоху (1991-2021 гг.) прошел через шесть этапов развития, из которых два «длинных» (эры Ельцина – Буша-ст./Клинтона (1991-2000 гг.), Путина – Буша-мл (2000-2008 гг.) и четыре «коротких» (периоды Медведева – Обамы (2008-2012 гг.), Путина – Обамы (2012-2016 гг.), Путина – Трампа (2016-2020 гг.) и Путина – Байдена (2020 по н.в.). Наглядность подобной периодизации подтверждается еще и тем обстоятельством, что эволюция двусторонних связей напрямую влияет на концептуализацию доктринальных внешнеполитических подходов Москвы, выражающейся появлением обновленных редакций Концепции внешней политики (предыдущие версии выходили в 1993 г., 2000 г., 2008 г., 2013 г. и 2016 г., в то время как сегодня в недрах различных министерств и ведомств разрабатывается текст нового варианта документа, появление которого запланировано на 2022 г.).

Эра Ельцина – Буша-ст./Клинтона (1991-2000 гг.). Психология личных взаимоотношений (чуть более продуктивных – в паре Ельцин – Дж. Бушем-старшим, а в отношениях между Б.Н. Ельциным и Б. Клинтонном – чуть более конфликтогенных) определяла общий тон российско-американских отношений в 1990-х, в которых Вашингтон играл роль ведущего и образца для подражания, в то время как Москва довольствовалась положением ведомого, нуждающегося как в политической поддержке на мировой арене, так и в экономической помощи для осуществления болезненных преобразований внутри страны. Именно в этот период диалог двух стран будет характеризоваться провозглашением нового качества отношений (близким по своему характеру к квазисоюзническому), глубокой проработкой системы контроля над вооружениями, созданием инфраструктуры для торгово-экономического взаимодействия, построением новой архитектуры европейской безопасности и интеграции России в постбиполярный порядок международных отношений [12].

С самых первых дней существования новой России обе стороны поддерживали интенсивный политический диалог, характеризовавшийся прак-

тикой проведения ежегодных саммитов, а также регулярных встреч на полях крупных форумов. Более того, Президент США Дж. Буш-старший стал первым иностранным лидером, кому позвонили Б.Н. Ельцин, Л.М. Кравчук и С.С. Шушкевич после подписания Беловежских соглашений от 8 декабря 1991 г. [7]. Этот символический жест стал предвестником нового типа взаимоотношений между бывшими антагонистами по временам Холодной войны, закрепленного в целом ряде последующих документов: Кемп-Дэвидской декларации о принципах новых взаимоотношений от 1 февраля 1991 г., в которой Россия и США заявили о том, что «не рассматривают друг друга в качестве противников», Хартии российско-американского сотрудничества от 17 июня 1992 г., согласно которой Москва и Вашингтон обязались «тесно взаимодействовать на международной арене...», а также Ванкуверской декларации, подписанной в апреле 1993 г. на встрече Б.Н. Ельцина и Клинтона в Канаде, провозгласившей «новое демократическое партнерство».

В области контроля над вооружениями многие двусторонние договоренности во многом базировались на модальностях подписанного накануне распада СССР договора СНВ-1 от 31 июля 1991 г., в соответствии с которым стороны обязались ограничить свои ядерные арсеналы до 6 тыс. ед. В мае 1992 г. был подписан Лиссабонский протокол к ДСНВ-1, согласно которому Россия и США добились от Украины, Белоруссии и Казахстана взятия обязательств по вхождению в ДНЯО на правах неядерных держав и завершения процесса вывоза на территорию РФ всего тактического ядерного оружия бывшего СССР. Летом того же года было подписано двустороннее «Соглашение относительно безопасных и надежных перевозок, хранения и уничтожения ядерного оружия и предотвращения его распространения», ставшее одним из ключевых элементов программы Нанна-Лугара (1991-2012 гг.), распространявшейся не только на территорию России, но и другие страны СНГ. В январе 1993 г. в ходе визита в Москву Дж. Буша-старшего, ушедшего с поста Президента, был заключен договор СНВ-2, предусматривавший сокращение количества стратегических боеголовок до 3-3,5 тыс. ед. к 2003 г. И хотя текст документа был ратифицирован только США, его положения служили общим ориентиром для двустороннего процесса разоружения на ближайшее десятилетие. Месяц спустя обе стороны согласовали текст рассчитанного на 20 лет соглашения ВОУ-НОУ (прекратившего свое действие лишь в 2021 г.), предполагавший переработку высокообогащенного оружейного урана в низкообогащенный, который мог быть в дальнейшем использован как топливо для атомных электростанций в США, что стало ядром программы «Мегатонны в мегаватты».

Логическая взаимосвязь между установлением новой модели взаимоотношений и процессом ядерного разоружения проявилась и в таких совместных действиях как принятие Декларации о совместном ненацеливании стратегических ядерных ракет, подписанной в январе 1994 г. в ходе визи-

та Б. Клинтона в Москву, совместная работа над бессрочным продлением ДНЯО, произошедшее в мае 1995 г. и подписание ДВЗЯИ в сентябре 1996 г. Наконец, после длительных переговоров министр иностранных дел Е.М. Примаков и Государственный секретарь М. Олбрайт договорились в Нью-Йорке в сентябре 1997 г. о разграничении стратегической и тактической ПРО, а также переносе ликвидации стратегических наступательных вооружений на более поздний срок до 31 декабря 2007 г. [1].

В этот же исторический период были заложены основы торгово-экономического сотрудничества стран в постбиполярный период. Так, еще на саммите в Кемп-Дэвиде в 1992 г. Россия получила зеленый свет на вступление в МВФ, произошедшее с 1 июня того же года, в то время как в октябре был принят Закон о поддержке свободы («Freedom Support Act»), в соответствии с которым США взяли на себя обязательства по оказанию экономической помощи Москве в размере около 4 млрд. долл. В апреле же 1993 г. в связи с провозглашением «нового демократического партнерства» обе стороны объявили о создании Российско-американской комиссии по экономическому и технологическому сотрудничеству, более известной как «Комиссия Чернобырдин-Гор». Наконец, получив согласие Вашингтона на вступление в Парижский клуб кредиторов и став его полноправным участником в сентябре 1997 г., Россия повысила свой статус, став со временем государством-донором, а не, как это изначально сложилось, реципиентом экономической помощи.

Что же касается новой архитектуры безопасности, то ее основные контуры были сформированы в 1990 г. в связи с принятием двух документов – Парижской хартии для новой Европы и Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). В этой связи, Россия уже 20 декабря 1991 г. вошла в ново-созданный Совет североатлантического сотрудничества (с 1997 г. – Совет евроатлантического партнерства), ставшим механизмом политического диалога между странами НАТО и бывшими государствами-участниками ОВД. Параллельно с этим с 1991 по 1994 гг. наша страна осуществляла вывод войск из Германии, а также стран Восточной Европы и Балтии. В июне 1994 г., находясь с визитом в Брюсселе, Министр иностранных дел России А.В. Козырев подписал соглашение о присоединении к программе «Партнерство ради мира», предполагавшее развитие сотрудничества в военно-политической сфере [5]. Полгода спустя усилиями Вашингтона и Москвы удалось осуществить постепенную трансформацию СБСЕ в ОБСЕ, произошедшую в канун двадцатилетнего юбилея «Хельсинского процесса». Не менее важным для построения архитектуры безопасности на кооперационной основе стала договоренность, достигнутая в 1995 г. на саммите в Нью-Йорке, о совместном участии российских и американских миротворцев в Боснии. Венцом же военно-политических усилий двух стран того периода стало подписание в мае 1997 г. в Париже Основополагающего Акта Россия-НАТО, учредившего одноименный

Совет, ставшего ключевым механизмом сотрудничества Москвы со странами Альянса.

Наконец, одной из важнейших основ российско-американского сотрудничества в 1990-х были усилия, направленные на интеграцию новой демократической России в постбиполярную структуру международных отношений, центральное положение в которых занимали институты многосторонней дипломатии, управляемые или ведомые страны т.н. «коллективного Запада». Как результат, первостепенной для интересов Москвы становилась задача вхождения в Группу 7, завершившейся в 1998 г. на Саммите в Бирмингеме и последующей трансформацией клуба в Группу 8, и обретения статуса постоянного члена Совета Европы, полученного в 1996 г.

Тем не менее, даже в этот продуктивный для двусторонних отношений период диалог между двумя странами не был лишен целого ряда структурных противоречий по проблемам, связанным как различными аспектами двусторонних отношений (пробуксовка в ратификации Россией ДСНВ-2, расширение НАТО на восток, проблема адаптации ДОВСЕ) и др. с различными региональными проблематиками: ситуацией вокруг ядерной программы Ирана, гражданской войной в Боснии, ситуациями в Ираке и Косово. В этой связи, главным символом накопленного обеими странами взаимного раздражения стала знаменитая «Петля Примкова», разворот над Атлантикой самолета с делегацией во главе с Председателем Правительства, осуществленный в знак протеста против бомбардировок Югославии, что многие восприняли в качестве предвестника новой модели взаимосвязей между двумя державами в наступающем XXI в.

Эра Путина – Буша мл. (2000-2008 гг.). Приход к власти «преемника» Б.Н. Ельцина – В.В. Путина и неожиданная победа кандидата от Республиканской партии Джорджа Буша-младшего над оппонентом из Демократической партии, бывшим вице-президентом Альбертом Гором ознаменовали новую эру в российско-американских отношениях, характеризовавшихся определенной амбивалентностью: поиск консенсуса и стремление достигать конкретные договоренности по одним вопросам не служил гарантией от обострения противоречий в других областях взаимодействия [11].

Так, например, первые годы сотрудничества стали одними из самых плодотворных с точки зрения достижения конкретных договоренностей. Установив рабочие отношения с уходящей Администрацией Б. Клинтона в 2000 г., новый Президент России добился подписания меморандума о создании совместного Центра обмена данными от систем раннего предупреждения и уведомления о пусках ракет, ратификации Россией ДСНВ-2 в с ПРО и Нью-йоркскими соглашениями 1997 г. и отмены введенного за пять лет до этого моратория на поставки вооружений в Иран. Не менее результативным было и сотрудничество нового руководства России с Администрацией Дж. Буша-мл. Еще в декабре 2000 г. Москва и Вашингтон выступили в ка-

честве соавторов резолюции Совета Безопасности ООН № 1333, вводившей запрет на продажу оружия и поддержание авиасообщения с режимом талибов в Афганистане. Полгода спустя на саммите в Любляне, по итогам которого Дж. Буш сделал свое знаменитое заявление о том, что ему удалось «заглянуть в душу» российского Президента, обе страны запустили новый формат бизнес-диалога, упразднив комиссию Гора-Черномырдина. Более того, В. Путин был первым иностранным лидером, кто выразил соболезнование лидеру США в связи с терактами 11 сентября, предложив помощь в создании антитеррористической коалиции, выраженной в виде поддержки в открытии баз США в Узбекистане и Киргизии, просуществовавших до 2005 и 2009 гг. соответственно.

Объединение перед лицом новых вызовов и угроз благоприятно сказались и на стратегическом диалоге двух стран. Так, например, в мае 2002 г. на саммите в Пратика-ди-маре близ Рима была заключена Декларация о новом качестве отношений между Москвой и Североатлантическим альянсом, учредившая Совет Россия-НАТО, трансформировавший практику решения проблем по формуле «19+1», когда страны блока согласовывали свои решения между собой перед тем, как вести переговоры с Россией, в механизм постоянно действующей «двадцатки», в котором наша страна воспринималась в качестве неотъемлемого участника переговорного процесса. Ровно год спустя на полях празднований 300-летия Санкт-Петербурга Москва и Вашингтон согласовали двустороннюю декларацию о новых стратегических отношениях, сформировав рабочую группу для выработки повестки для американо-российских отношений. Более того, 13 июля 2007 г. состоялось заседание группы общественного диалога «Россия-США: взгляд в будущее» во главе с Е.М. Примаковым и Г. Киссинджером, а в октябре того же года был апробирован формат встреч 2+2 (Министров иностранных дел и Министров обороны двух стран). Не лишним будет отметить, что даже в последний год своих президентских полномочий оба лидера стремились искать пути развития диалога, свидетельством чего стало принятие Сочинской декларации о стратегических рамках российско-американских отношений [14], в которой был отражен комплексный характер взаимодействия между двумя странами по основным направлениям взаимодействия в целях обеспечения стабильности на обозримую перспективу [2].

Что же касается ядерного разоружения, то несмотря на односторонний выход США из Договора по ПРО в 2001 г. и связанный с ним отказом России от Договора СНВ-2, уже в 2002 г. Москва и Вашингтон подписали договор о стратегических наступательных потенциалах (СНП), в соответствии с которым ограничивалось количество ядерных боеголовок на стоящих на боевом дежурстве ракетах до 1700-2200 ед. [1]. В феврале же 2005 г. на саммите в Братиславе оба Президента учредили российско-американскую межведомственную группу высокого уровня по сотрудничеству

по в вопросах безопасности в ядерной сфере (включая утилизацию расщепляющихся материалов, более не требуемых для целей обороны). Наконец, в 2006 г. на полях саммита Группы 8 в Санкт-Петербурге В.В. Путин и Дж. Буш объявили о создании Глобальной инициативы по борьбе с ядерным терроризмом (the Global Initiative to Combat Nuclear Terrorism).

Тем не менее, вышеупомянутые кооперативные начала в отношениях двух держав не служили гарантией от столкновения по некоторым особо острым вопросам того исторического периода, делавшие двусторонний диалог более конфликтным, чем в предыдущий исторический период. Так, одним из первых «раздражителей» стало тройственное осуждение России, Германии и Франции готовившейся интервенции США в Ираке в 2003 г. Дальнейшее охлаждение отношений произошло в связи с крупнейшим в истории расширением НАТО, по результатам которого в Альянс вступили Болгария, Румыния, Латвия, Литва, Эстония, Словения, Словакия. В 2006 г. столкновение двух стран происходило вокруг вопросов энергетической безопасности в Европе, когда вице-Президент США Д. Чейни в контексте кризиса, связанным с транзитом газа через Украину, осудил использование Россией своих ресурсов давления как инструмента давления, а также в связи с конфликтом в Кодорском ущелье, в рамках которого Грузия ввела войска на территорию Абхазии в нарушение Московских соглашений 1994 г. Противоречия по различным региональным проблемам продолжили накапливаться и в 2007 г., когда Москва и Вашингтон имели различные подходы к характеру российско-иранского сотрудничества (США ввели ряд санкций против российских компаний, оказывавших содействие оборонным программам Ирана, в то время как Москва не отказалась от поставки Тегерану комплекса Тор-М1), проблематике размещения Соединенными Штатами систем ПРО в Чехии и Польше (в качестве альтернативы российская сторона выдвигала идею использования Габалинской РЛС в Азербайджане), а также ситуации вокруг ДОВСЕ (где в ответ на отказ стран НАТО от ратификации подписанного в 1999 г. адаптированного соглашения Россия ввела мораторий на исполнение условий соглашения). Наконец, окончательная деградация отношений произошла в 2008 г. в связи с односторонним провозглашением независимости Косово, планами по расширению НАТО на Украину и Грузию, озвученным на саммите НАТО в Бухаресте, установлением Россией комплексов «Искандер» в Калининграде в ответ на размещение американских ракет-перехватчиков в Польше, а также агрессией Грузии против Южной Осетии, одним из последствий которой стало приостановление деятельности России-НАТО [11].

Период Медведева – Обамы (2008-2012 гг.). Победа на президентских выборах в 2008 г. Д.А. Медведева и складывание во внутренней политике России новой конфигурации власти – т.н. «тандема», предполагавшего сохранение влияния на внешнюю политику Председателя Правительства

В.В. Путина привели к негласному распределению обязанностей в развитии диалога с Вашингтоном, где роль «хорошего полицейского» и главного переговорщика с США была уготована новому главе государства, сумевшему выстроить хорошие рабочие и личные отношения с новым Президентом США Б. Обамой. Этот период, названный с подачи журналистов «перезагрузкой» (увековечивших знаменитый протокольный ляп Х. Клинтон на ее первой встрече с Министром иностранных дел С.В. Лавровым в Женеве), вошел в историю как время громогласных инициатив, лишь часть из которых привела к достижению конкретных результатов [9].

Так, например, с самого начала своего президентства Д.А. Медведев продвигал проект Договора европейской безопасности, предполагавший закрепление в международном праве принципа неделимости безопасности, согласно которому ни одна международная организация или отдельно взятое государство не имели права укреплять свою безопасность за счет безопасности других [3]. В те же годы страны-члены ОБСЕ запустили т.н. «процесс Корфу», предполагавший проведение дискуссий по реформированию Организации, одним из немногих промежуточных результатов которого стало созыв единственного в XXI в. саммита в Астане в 2010 г. Наконец, в ответ на реализацию США Европейского поэтапного адаптивного подхода в 2009 г. российская сторона выдвигала ряд предложений по развитию сотрудничеству в области противоракетной обороны Европы (т.н. «Евро ПРО»).

Что же касается безоговорочных достижений того периода, то безусловным будет являться тот факт, что надежды, связанные с фигурами имевших оглушительный успех на выборах первым темнокожим Президентом США и молодым Президентом-реформатором, воплотились в целый ряд стратегических договоренностей. В частности, по итогам визита Б. Обамы в Москву в июле 2009 г. было принято решение о создании взамен ранее существовавшей комиссии Гор-Черномырдин российско-американской Президентской комиссии, объединившей 17 подкомиссий, занимавшихся развитием самых разных областей двустороннего сотрудничества [15]. Тогда же было подписано соглашение о транзите через российскую территорию военных грузов для операции НАТО в Афганистане (аналогичное соглашение о транзите невоенных грузов было заключено еще в апреле 2008 г.).

В области контроля над вооружениями обе стороны подписали в Праге в 2010 г. Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ-3), заключенного сроком на 10 лет после вступления в силу в 2011 г. и предусматривавшего сокращение каждой из сторон развернутых ядерных боезарядов до 1550 ед., а компонентов «ядерной триады» (межбаллистических ракет, баллистических ракет на подводных лодках и тяжелых бомбардировщиков) – до 700 ед. [1]. Более того, в январе 2011 г. вступил в силу подписанный Россия и США Договор о сотрудничестве в области мирного использования ядерной энер-

гии, более известный как «соглашение 123» (в честь 123-ой статьи Акта об атомной энергии США), являвшееся стандартным соглашением о мирном использовании атомной энергетики, заключенное между странами, намеревавшиеся вести совместные программы в данной области. Наконец, в 2011 г. завершилась ратификация упомянутого ранее в тексте статьи Соглашения об утилизации плутония.

Определенных компромиссов удалось добиться и по региональным проблематикам. Так, в июне 2010 г. Россия и США согласовали наиболее жесткий пакет санкций против Ирана, в связи с чем в сентябре того же года Президент РФ подписал указ, вводивший запрет на передачу Тегерану ЗРК С-300, отменив тем самым контракт на поставку комплексов, заключенный еще в конце 2007 г. Кроме того, в марте 2011 г. Д.А. Медведев отдал указание воздержаться при голосовании по резолюциям СБ ООН № 1973, вводившей «бесполетную зону» над Ливией. Наконец, одним из важнейших соглашений всего периода «Перезагрузки» стало завершение переговорного процесса по вступлению России в ВТО.

Тем не менее, уже к концу президентства Д.А. Медведева наметились окончательно проявившиеся лишь после победы В.В. Путина на выборах в 2012 г. кризисные тенденции, предтечей которых, в частности, выступили как дальнейшее расширение НАТО в 2009 г. за счет вступления Хорватии и Албании, так и крупнейший в истории двусторонних отношений шпионский скандал, произошедший в связи с рассекречиванием личностей десяти разведчиков-нелегалов в США в 2010 г., самыми известными из которых стали Анна Чапман и Андрей Безруков, и их обменом на осужденных за госизмену в форме шпионажа в пользу США четырех российских граждан, среди которых был и ставший впоследствии всемирно узнаваемым бывший полковник ГРУ Сергей Скрипаль.

Период Путина – Обамы (2012-2016 гг.). Роль «плохого полицейского» и жестко отстаивающего национальные интересы переговорщика, уготованная Председателя Правительства в 2008-2012 гг., выступает в качестве одной из ключевых причин постепенного сползания двусторонних отношений к конфронтации после т.н. «рокировки» в 2012 г., общий фон для деградации которых был задан динамикой личных носивших характер взаимного недоверия отношений глав государств, сложившихся со времен первой совместной встречи во время визита Б. Обамы в Москву в 2009 г.

Обвиняя Вашингтон в организации «белоленточного» протестного движения (2011-2013 гг.) и запретив в качестве ответной меры деятельность USAID на территории России в 2012 г., новый Президент РФ отменил свой визит в США на саммит Группы восьми, делегировав вместо себя Председателя Правительства Д.А. Медведева. Более того, в весьма напряженной обстановке проходила двусторонняя встреча глав государств «на полях» саммитов Группы двадцати в Лос-Кабосе в 2012 г. и Группы восьми в Лох-Эрне.

Наконец, этот формат был трансформирован обратно в Группу семи, когда в виде протеста против событий на Украине лидеры иностранных государств не приехали на саммит в Сочи в 2014 г. Кроме того, дополнительным раздражителем в диалоге двух Президентов также стало предоставление Россией в августе 2014 г. политического убежища бывшему сотруднику АНБ Эдварду Сноудену, неожиданно для себя оказавшемуся в транзитной зоне аэропорта Шереметьево после публикации в прессе разоблачений о разведывательной деятельности США по всему миру. Как результат, ни для кого не стал неожиданностью отказ Президента США от участия в проходивших в Москве юбилейных торжествах, посвященных празднованию 8 мая 2015 г. 70-летней годовщины Победы в Великой Отечественной войне.

Именно в этот период наметился кризис системы контроля над вооружениями. В частности, в феврале 2013 г. прекратило действие подписанный сроком на 20 лет соглашение ВОУ-НОУ. В июне того же года Москва сократила количество проектов, связанных с инспекциями американских специалистов на российские военные объекты, осуществлявшихся в рамках программы Нанна-Лугара. В октябре же 2016 г. Россия приостановила участие в Договоре о утилизации плутония. Продолжением же тенденции, направленной на постепенный отказ от систем ограничения не только ядерных, но и обычных вооружений, стал вынужденный выход нашей страны из ДОВСЕ в марте 2015 г.

Одной из самых сложных с точки зрения поиска компромиссов стала проблематика урегулирования конфликта в Сирии. Памятуя о последствиях, к которому привела пассивность Москвы при голосовании по резолюции СБ ООН № 1973, дававшая зеленый свет операции НАТО в Ливии, последующему краху режима М. Каддафи и развалу ливийской государственности, Россия с самых первых дней развития ситуации в САР заняла активную дипломатическую позицию, не просто блокируя проекты резолюций, направленные на создание условий для отправки в отставку Президента Башара аль-Ассада, но и стремясь сформулировать основополагающие принципы урегулирования конфликта. Как результат, совместная работа России и США в 2013 г. (прежде всего на уровне руководителей внешнеполитических ведомств – Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова и Государственного секретаря США Д. Керри) привела как к достижению договоренности о созыве многосторонней конференции по разрешению кризиса, так и подписанию Рамочного соглашения об уничтожении сирийского химического оружия, позволившее предотвратить готовившуюся интервенцию США. Более того, подписание между Россией и Сирией соглашения о размещении вооруженных сил РФ на территории страны, заключенное в 2015 г. во многом позволило выйти на согласование положений резолюции СБ ООН № 2254, до сих пор остающейся ключевым документом урегулирования конфликта.

Не менее конфликтогенным для диалога между Россией и США оставалась тема санкций. Так, на смену действовавшей с 1974 г. поправке Джэксона-Вэнника США приняли в 2012 г. инициированный финансистом Уильямом Браудером Акт Магнитского, предусматривавший финансовые и визовые ограничения против лиц, в целом, ответственных за нарушение прав человека в России и, в частности, причастных к смерти в российской тюрьме бизнесмена Сергея Магнитского. В качестве ответной меры в России был принят закон Димы Яковлева, устанавливавший запрет на усыновление российских детей американскими семьями. Тем не менее, наиболее серьезный пакет ограничений был введен против России в связи с событиями на Украине в 2014 г. [6], включавший различные группы санкций – секторальные (т.е. введенные против компаний и предприятий нефтегазового, оборонного и банковского секторов экономики), географические (направленные против определенных регионов), двусторонние (включавшие замораживание различных форматов двустороннего сотрудничества) и персональные. Наконец, в октябре того же года США исключили Россию из списка развивающихся стран (в соответствии с действующей в стране Генеральной системой преференций), что означало, что импортируемые в США российские товары облагались в общеустановленном порядке.

Однако самой запоминающейся особенностью того периода отношений стал тот факт, что соперничество между двумя державами начало выходить за пределы традиционных областей противостояния в сферы, которые изначально не предполагают высокого уровня политизации. Так, например, вопреки устоявшейся максиме, что спорт должен быть вне политики, Международный Олимпийский комитет, действуя на основе показаний сбежавшего в США специалиста по анализу биологических данных Геннадия Родченкова, обвинявшего российских властей в создании системы, стимулирующей употребление допинга, принял решение не допустить до участия в Олимпийских играх 2016 г. в Рио-де-Жанейро национальные российские команды по легкой атлетике, академической гребле и тяжелой атлетике, а также дисквалифицировать всю параолимпийскую сборную России. Тяжелые последствия этих санкций не преодолены вплоть до сегодняшнего дня.

Другим выходящим за рамки традиционного противостояния действием стало решение уходящего Президента США Б. Обамы объявить о введении санкций против ряда российских граждан по обвинению в осуществлении кибератак на американские политические институты с целью недопущения победы на выборах Х. Клинтон, в связи с чем в канун нового 2017 года были высланы 35 российских дипломатов и члены их семей, а также арестованы две посольские дачи (в штатах Нью-Йорк и Мэриленд), что многими было воспринято как грозное предзнаменование перед грядущей деградацией двусторонних связей, которую мы наблюдаем сегодня.

Период Путина – Трамп (2016-2020 гг.). Неожиданная победа кандидата от Республиканской партии Д. Трампа над изначальным фаворитом в президентской гонке, кандидатом от Демократической партии Х. Клинтон с самого начала воспринималось не как неожиданный успех известного бизнесмена, а как доказательство «сговора с Россией», идея вмешательства в выборы которой для приведения к власти более удобного для себя кандидата, в своей публичной риторике высказывавшегося за построение конструктивных отношений с Кремлем, сделала российско-американские отношения того периода заложником внутривластной ситуации в США, в которой Д. Трамп и противостоящий ему истеблишмент соревновались в показательной жесткости по отношению к Москве, что объясняет всю ту череду санкций, которыми запомнилась эпоха «Путин-Трамп» [13].

Несмотря на различные попытки, направленные на «наведение мостов» между двумя лидерами, выраженные в виде непродолжительных встреч на полях различных саммитов или визитов специально делегированных главами государств официальных лиц (от США – М. Помпео или Д. Болтон, от России – С.В. Лавров, С.Н. Нарышкин, А.В. Бортников), а также достижение конкретных договоренностей на саммите в Хельсинки 2018 г., по итогам которого оба лидера договорились не только созданию различных рабочих групп, но и о поддержании постоянного диалога на уровне Советов Безопасности двух стран, любые позитивные шаги, направленные на восстановление утраченного доверия (как, например, предоставление США информации о готовившемся в Санкт-Петербурге в декабре 2017 г. теракте), не получали должного развития из-за продолжавшегося расследования спецпрокурора Мюллера, тщетно стремившегося в период с 2017 по 2019 гг. установить наличие каких-либо связей между ближайшим окружением Дональда Трампа и российскими должностными лицами. Как результат, чтобы не усиливать позиции противников действующего Президента в рядах истеблишмента, одним из проявлений противостояния с которыми стал знаменитый «шатдаун» (прекращение работы ряда госучреждений) в декабре 2018 г. – январе 2019 г., руководители США того периода шли на сознательное обострение отношений с Россией, осуществлявшееся по нескольким направлениям – путем слома системы контроля над вооружениями, подогревания противоречий по региональным вопросам и постоянного введения различных пакетов санкций.

Так, например, на фоне продолжившегося расширения НАТО на восток (в 2017 г. новым членом Альянса стала Черногория, а в 2020 г. – Северная Македония) США заявили об одностороннем выходе из Договора о ракетах средней и меньшей дальности (ДРСМД) (декабрь 2018 г.), Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе (май 2019 г.), а также Договора по открытому небу (май 2020 г.). Более того, в условиях достижения обеими странами установленных ДСНВ-3 лимитов еще

в феврале 2018 г., Администрация Д. Трамп до последнего дня нахождения у власти затягивала процесс обсуждения условий пролонгации договора. Самым запоминающимся же ответом России на недружественные действия США того периода стало знаменитое послание Президента В.В. Путина Федеральному собранию от 1 марта 2018 г., в котором были анонсированы новейшие виды вооружений, способные нивелировать глобальную систему ПРО США.

Что же касается противоречий по региональным вопросам, то к традиционно конфликтогенным досье, к коим по-прежнему относилась ситуация в САР (хрестоматийным примером противостояния вокруг которого стали ракетные удары ВМС США по авиабазе Эш-Шайрат 7 апреля 2017 г.), добавились противоречия по ситуациям в Венесуэле (2019 г.) и Беларуси (2020 г.), развивавшихся по схожим сценариям: в условиях появления в стране альтернативных центров силы США и их союзники вставали на сторону «самопровозглашенных» лидеров (Х. Гуайдо, С. Тихановская), в то время как Россия, Китай и большинство стран мира продолжали поддерживать отношения с действующими властями (Н. Мадуро, А. Лукашенко).

Подобная внешнеполитическая линия Москвы была во многом продиктована тем обстоятельством, что за один только период с 2016 по 2020 гг. наша страна неоднократно становилась объектом внешнеполитического воздействия со стороны США, основным инструментом которого становилась санкционная политика. Не сумев выставить России в качестве агрессора, в том числе прибегающего к использованию химического оружия (как иллюстрация – попытки введения механизма атрибуции в ОЗХО, скандалы вокруг недоказанных отравлений С. Скрипаля (в 2018 г.) и А. Навального (в 2020 г.) и пр.), Вашингтон продолжал усиливать давление на Москву путем выдавливания российских СМИ из американского медиапространства (внесение RT в список иноагентов летом 2017 г.), значительного сокращения российского дипломатического присутствия в США (как пример, скандал вокруг отчуждения российской дипломатической собственности в июле 2017 г.) высылку дипломатов (крупнейшей из которых стало объявление *persona non grata* 60 сотрудников Посольства РФ в США и Постпредства при ООН в марте 2018 г.), введения различных визовых ограничений (результатом чего стал отказ от выдачи россиянам туристических виз, окончательно сложившийся к лету 2021 г.), принятием ограничительных мер против российских официальных лиц (в январе 2018 г. в санкционный список попали 210 представителей высшего руководства РФ), компаний (в частности, Digital security, Дайвтехносервис), коммерческих проектов (Северный поток-2) или отдельных бизнесменов (С. Керимов, О. Дерипаска, А. Миллер и др.), заключением под стражу российских граждан (дело Марии Бутиной) и даже ужесточением миграционного законодательства в целях борьбы с т.н. «родильным» бизнесом. Логично предположить, что тотальный характер дей-

ствий американских властей придал новый импульс дискуссиям в СМИ и научной литературе о вступлении российско-американских отношений в период новой «Холодной войны» [8].

Период Путина – Байдена (2020 по н.в.). На сегодняшний день по-прежнему сложно прогнозировать, как будут в дальнейшем складываться диалог двух стран. С одной стороны, отношения между двумя лидерами были с первых месяцев омрачены как запоздалым со стороны В.В. Путина поздравлением Джо Байдена с победой на выборах, так и неосторожным положительным ответом, данным американским Президентом на провокационный вопрос журналиста о том, не считает ли глава Белого дома своего российского коллегу «убийцей» (a killer), что было воспринято в Москве как недопустимая провокация и привело к временному отзыву Посла России А.И. Антонова в Москву для консультаций с настоятельным требованием в адрес Посла США Дж. Салливана последовать примеру своего визави. Более того, в начале января 2022 г. стартовали российско-американские переговоры в различных форматах (как в рамках двусторонних консультаций, так и на площадках Совета России-НАТО и ОБСЕ) о российских проектах договоров о гарантиях безопасности, в соответствии с которыми Москва добивается от Вашингтона юридически обязывающих соглашений о нерасширении НАТО на восток (прежде всего, за счет Украины и Белоруссии) и возвращении инфраструктуры Альянса к границам по состоянию на май 1997 г., в связи с чем диалог риторика в обеих столицах носит весьма ожесточенный характер.

С другой стороны, одним из первых решений, принятых новой Администрацией, стало согласие на предложение Москвы о пятигодичном продлении действия ДСНВ-3. Более того, оба Президента имеют обширный опыт взаимодействия, накопленный в период с 2008-2012 гг., когда нынешний Президент занимал должность Вице-президента. Именно это обстоятельство лежит в основе того сдержанного оптимизма, который спорадически появляется в России и США после личных контактов руководителей (Женевского саммита июня 2021 г. или видеосаммита 7 декабря 2021 г.). И хотя подобного рода встречи не приводят к принципиальному изменению сложившегося статуса-кво, есть все основания полагать, что данная «новая нормальность», в которой находятся отношения в начале своего четвертого десятка, будут развиваться в пределах, обозначенных обеими сторонами «красных линий», ведь именно к диалогу между двумя ядерными сверхдержавами как нельзя лучше применима знаменитая формула, что «хороший мир лучше доброй ссоры».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Антонов А.И.* Контроль над вооружениями: история, состояние, перспективы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); ПИ – Центр, 2012.

-
2. Декларация о стратегических рамках российско-американских отношений (5 апреля 2008 г.) // <http://kremlin.ru/supplement/3964/print>.
 3. Проект Договора о европейской безопасности // <http://kremlin.ru/events/president/news/6152>.
 4. *Фененко А.В.* Перспективы развития российско-американских отношений // Российский совет по международным делам. 14 марта 2013 // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perspektivy-razvitiya-rossiysko-amerikanskikh-otnosheniy/>.
 5. *Чуркин В.И.* Трудности перевода. М.: Абрис, 2020.
 6. *Cohen S.F.* War with Russia? From Putin & Ukraine to Trump & Russia-gate / Hot Books; 1st edition. February, 2019.
 7. *Kozyrev A.* The Firebird: The Elusive Fate of Russian Democracy. P.: University of Pittsburgh Press; First edition, 24 September 2019.
 8. *Legvold R.* Return to Cold War // Polity; 1 edition, April 22, 2016.
 9. *Mankoff J.* Russian Foreign Policy: The Return of Great-Power Politics // Rowman & Littlefield Publishers; Second edition, September 22, 2011.
 10. *Rumer E., Sokolsky R.* Thirty Years of U.S. Policy Toward Russia: Can the Vicious Circle Be Broke? // Carnegie Endowment for International Peace. June 20th, 2019 // <https://carnegieendowment.org/2019/06/20/thirty-years-of-u.s.-policy-toward-russia-can-vicious-circle-be-broken-pub-79323>.
 11. *Stent A.* The Limits of Partnership: U.S.-Russian Relations in the Twenty-First Century / P. Princeton University Press, 2014.
 12. *Talbott S.* The Russia Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy. P.: Random House Trade Paperbacks; Reprint edition, May 13, 2003.
 13. *Tsygankov A.* The Dark Double. US Media, Russia and the Politics of Values. Oxford University Press, March 22, 2019.
 14. <http://kremlin.ru/supplement/3964/print>.
 15. https://carnegieendowment.org/files/Rojansky_report2011_RUS.pdf.

A.K. BOBROV

*MGIMO – University, Ministry
of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7055-3805*

CYCLES OF THE US-RUSSIA RELATIONS IN THE POST-BIPOLAR PERIOD (1991-2021)

The article deals with the cycles of the US-Russia relations in the post-bipolar period (from 1991-2021). Far from depicting bilateral relations from the point of view of the two main approaches – the one that is based on the cycles of nuclear disarmament or the one that rests upon the periods of “rapprochement”

that transpire with every coming US President, the author makes an attempt to analyze the US – Russia relations by taking a closer look at their constant features, namely, mutual deterrence, the excessive politicization of every domain of cooperation (from economy to culture or sports), the tug-of-war on the status issue that is the root of all differences, a low degree of economic interdependence and, as a result, the dynamics of interpersonal interplay between the heads of states. Thus, the author suggests to address the two countries dialogue through the prism of six eras: two “long” ones – 1991-2000, 2000-2008, four “short” – 2008-2012, 2012-2016, 2016-2020, 2020 onwards, every single one of which will be thoroughly analyzed in the present article.

Key words: *the US-Russia relations, cycles, Boris Eltsin, Vladimir Putin, Dimitri Medvedev, George H.W. Bush, Bill Clinton, George W. Bush, Barack Obama, Donald Trump, Joe Biden, Moscow, Washington, the Kremlin, the White House.*

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ СТРОИТЕЛЬСТВА КАНАЛА «СТАМБУЛ» И НАПРЯЖЕННОСТИ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

Строительство канала «Стамбул» внесет изменения не только в экосистему и движение кораблей между Черным и Мраморным морями, но и кардинально повлияет на политическую обстановку в регионе.

Ключевые слова: Россия, Турция, Конвенция Монтре, Черное море, Канал «Стамбул», Проливы.

Идея построить дублер Босфорского канала была озвучена еще в XVI веке во время правления султана Сулеймана Великолепного, который поручил известному архитектору Османской империи Мимару Синану разработать проект будущей стройки. Однако на воплощение замысла в жизнь экономически не хватило ресурсов. Возвращались к идее строительства канала и другие турецкие правители, но каждый раз все ограничивалось лишь обещаниями и планами из-за чрезвычайной затратности проекта. В начале 1990-х о необходимости расширить транзитные мощности Босфора поднял вопрос лидер Демократической левой партии и бывший премьер-министр Турции Мустафа Бюлент Эджевит. Режедип Эрдоган также в последствии подхватил эту идею. Партия справедливости и развития (АКП) [11], лидером которой является действующий президент Турции, начала изучать перспективы этого проекта еще в 2009 году, а в 2011 году о намерении построить канал «Стамбул» объявил сам Эрдоган, выступая на предвыборном митинге [9]. В 1923 году К. Ататюрк провозгласил Турецкую республику [9]. По мнению экспертов, Р. Эрдоган стремится использовать мегапроекты для того, чтобы стать самым значительным лидером Турции после Мустафы Кемала Ататюрка. Стамбульский канал занимает среди мегапроектов особое место ввиду ярко выраженного идеологического характера [10].

Строительство канала «Стамбул» внесет изменения не только в экосистему и движение кораблей между Черным и Мраморным морями, но и кар-

динально повлияет на политическую обстановку в регионе. Дело в том, что проход в Черное море по Босфору регулируется Конвенцией Монтре 1936 года. В частности, документом закрепляется свобода прохода через проливы как в мирное, так и в военное время, для торговых судов всех стран, в то время как режим прохода военных кораблей для черноморских и нечерноморских государств – разный. Нечерноморским странам разрешается проводить через проливы в Черное море только легкие надводные корабли и вспомогательные суда водоизмещением каждого не более 10000 тонн. Суммарное водоизмещение отряда кораблей не должно превышать 15000 тонн, и их проход разрешен только в дневное время. Нечерноморские государства не вправе вводить в Черное море авианосцы и подводные лодки. Общий тоннаж эскадры боевых кораблей нечерноморских стран, находящихся в Черном море, не должен превышать 45 000 тонн [6].

Время пребывания на Черном море военных кораблей нечерноморских стран тоже строго ограничено. Оно не должно превышать 21 сутки, независимо от цели прихода. Турецкие власти должны быть извещены по дипломатическим каналам о проходе военных кораблей через черноморские проливы, для нечерноморских стран – за 15 суток, для черноморских – обычно за 8 суток, но не менее, чем за трое [1].

Необходимо отметить, что Турция является одной из сторон Конвенции Монтре, также как и Российская Федерация, которая весьма заинтересована в его дальнейшем существовании. Данное соглашение дает Анкаре большие полномочия по регулированию (контролю) судоходства в проливах, чем Конвенция ООН по морскому праву 1982 года. Возникает вопрос: какие риски и угрозы этот проект несет для режима проливов, закрепленного в Конвенции Монтре 1936 г.

Угроза прежде всего заключается в неопределенности международно-правового статуса канала «Стамбул». Если, конечно, он все же появится. Поскольку это затрагивает интересы не одной лишь Турции, международное сообщество, без сомнения, потребует начать переговоры о регулировании судоходства по новой транспортной артерии. Фактически, канал может создать противоречивый прецедент для «обхода» конвенции Монтре международной конвенции, если вход в Черное море будет осуществляться не через Босфор. Корабли ВМС США могут раз в 21 день проходить в Средиземное море и тут же возвращаться обратно. Однако, логично предположить, что «Стамбул» будет находится полностью под юрисдикцией Турции и Анкара сможет самостоятельно решать, в каком порядке пропускать по нему суда иностранных государств, это может вызвать обеспокоенность как США, так и России.

В случае размывания режима Конвенции Монтре, применение норм и положений Конвенции 1982 г. будет автоматически означать, что данные проливы будут отнесены к категории международных и к ним в полном объ-

еме будет применимо право транзитного прохода, как для гражданских судов, так и для военных кораблей. Правда, существует один немаловажный нюанс – Турция не является полноправным участником Конвенции 1982 г. Однако, США, которые не только не ратифицировали, но и не подписали Конвенцию 1982 г., крайне заинтересованы в либерализации режима прохода через проливы и не откажутся от отстаивания своей точки зрения, согласно которой транзитный проход через международные проливы должен быть гарантирован любым припроливным государством.

Турция действительно планомерно в течение нескольких десятилетий предпринимает меры по усилению контроля над судоходством в проливах, активно используя экологическую риторику, и пытается подменить международный режим регулирования нормами своего внутреннего законодательства. Однако Анкара не наделена полномочиями вводить какие-либо меры по регулированию без консультаций и согласования с другими участниками, в том числе в рамках Международной морской организации (ИМО). Россия, конечно же, крайне незаинтересована в ужесточении прохода через проливы судов под российским флагом или же принадлежащих российским судовладельцам [2].

Раньше, когда отношения Турции с НАТО, в частности с США, были более дружескими, и в Анкаре заявляли о необходимости более мощного присутствия Альянса в Черноморском регионе в противовес «превращению Черного моря в российское», строительство канала определяло такую перспективу как достаточно позитивную. Сегодня же, когда реалии отношений Турции с Западом существенно изменились в сторону ухудшения, возможность прохода в Черное море натовских кораблей и длительное их там пребывание – несет угрозу национальной безопасности для самой Турции. В экспертных кругах даже заговорили об опасном для Турции наращивании сил в нескольких соседних со страной регионах, в частности в Сирии, в Средиземноморье, а со строительством канала – еще и на Черном море.

Очень важна для понимания ситуационного анализа позиция МИД России, которая весьма интересна и достаточно прагматична. По мнению Чрезвычайного и полномочного Посла Российской Федерации в Турции Алексея Ерхова наличие или отсутствие дополнительной водной артерии в виде канала «Стамбул» между Черным и Мраморным морем не изменит международно-правовой режим конвенции Монтре. По его словам, конвенция, с одной стороны, регулирует порядок прохода через проливы Босфор и Дарданеллы, а с другой – устанавливает ограничения по общему тоннажу военных кораблей черноморских и нечерноморских государств, а также сроки пребывания в акватории Черного моря военных кораблей нечерноморских государств. «И именно это очень важно. Наличие или отсутствие дополнительной водной артерии не меняет международно-правового режима, установленного конвенцией. Одновременно необходимо понимать,

что реализация такого масштабного проекта, когда и если до этого дойдет, потребует значительного количества финансовых средств и времени» [7]. Конвенция сохраняет за торговыми судами всех стран свободу прохода через проливы как в мирное, так и в военное время. Однако режим прохода военных кораблей различен в отношении черноморских и нечерноморских государств. Для военных кораблей нечерноморских держав введены существенные ограничения по классу и сроку пребывания.

Строительство Турцией канала, параллельного проливу Босфор, также никак не может привести к размыванию Конвенции Монтре, но, тем не менее, способно несколько ухудшить ситуацию в области безопасности в черноморском регионе.

С одной стороны, Конвенция Монтре действует как в отношении Босфора, соединяющего Черное и Мраморное моря, так и пролива Дарданеллы – между Эгейским и Мраморным морями. Соответственно, путь к новому каналу из Эгейского моря в любом случае проходит через Дарданеллы, а это означает что все конвенционные ограничения на проход, прежде всего, военных кораблей нечерноморских стран будут оставаться в силе.

С другой стороны, пока теоретически, но с согласия турецких властей нахождение любого иностранного военного корабля водоизмещением не более 10 тыс. тонн в новом турецком канале, но не заходящего в акваторию Черного моря, уже может быть не ограничено конвенционным лимитом в 21 сутки.

Несмотря на то, что к этим новым турецким каналам, как искусственным гидротехническим сооружениям, будет полностью применимо турецкое национальное законодательство, в международном морском праве уже давно сложилась норма обычного права: в каналах, используемых или же могущих использоваться для международного судоходства, должна соблюдаться свобода судоходства одинаково, как в отношении гражданских судов, так и военных кораблей для всех государств-флагов.

Однако между двумя проектируемыми каналами находится акватория Мраморного моря, воды которого являются по своему правовому статусу внутренними водами, находящимися под полным суверенитетом Турции. Соответственно, невозможность их не пересечения позволяет турецкому Правительству рассматривать эти каналы не как единую судоходную систему, а исключительно по отдельности, в т.ч. в части применения национального законодательства. Будет ли режим судоходства через эти каналы более либерализован, в том числе и под давлением международного сообщества (в частности, США), или же Турции удастся отстоять, если не более жесткий, то, как минимум, идентичный Конвенции Монтре режим применительно к ним – зависит от усилий Анкары.

В сентябре 2018 г. была анонсирована информация, что Правительство Турции приняло решение внести изменения в условия прохождения судов

через свои проливы. В значительной части это касается ограничений на приближение к опорам мостов, уведомления за 10 дней о проходе судов длиной более 300 метров (в т.ч. применение обязательной лоцманской проводки), движения нефтетанкеров (и газозовов) только в дневное время.

Помимо этого, было заявлено, что Турция будет приравнять гражданские суда с военными грузами на борту к военным кораблям. На практике это означает, что такие суда обязаны уведомлять по дипломатическим каналам о своем проходе за 8 дней (черноморские государства), или же за 15 дней (нечерноморские страны). Должна быть предоставлена информация о назначении, типе и числе судов, обозначена дата прохода в обоих направлениях, а при проходе – данные о составе отряда, название судов и их количество [8].

Здесь возникает вопрос: будут ли меры по ограничению прохода военных кораблей нечерноморских государств также применяться к гражданским судам, перевозящим военные грузы? С одной стороны, Россия может быть заинтересована в таком нововведении, так как оно направлено на ограничение доставки военных грузов, прежде всего, со стороны США в порты черноморских государств (Украины, Грузии, Болгарии, Румынии).

С другой стороны, Россия сама осуществляет транзит военных грузов через проливы, прежде всего – в направлении Сирии. И такие ограничения будут, безусловно, затягивать процесс прохождения судов с российскими военными грузами.

Однако, с правовой точки зрения, отождествление гражданских судов, даже с военными грузами на борту, с военными кораблями по целому ряду критериев (наличие/отсутствие вооружения на борту) является выходящим далеко за рамки тех норм и положений, которые прописаны в Конвенции Монтре. И вряд ли такие меры, даже если на них будет настаивать турецкая сторона, найдут одобрение других участников Конвенции.

Еще в 1978 г. между СССР и Турцией было заключено соглашение о разграничении континентального шельфа: дно Черного моря было разделено между двумя странами по модифицированной срединной линии, каждая точка которой располагалась на равном удалении от советского и турецкого побережья. Затем, после того как Конвенцией 1982 г. был введен институт исключительной экономической зоны (ИЭЗ) и прибрежными государствами установлены такие зоны на Черном море, СССР и Турция путем обмена нотами договорились о том, что линия границы континентального шельфа, установленная Соглашением 1978 г., является также и линией границы экономических зон между СССР и Турцией.

После распада СССР эта граница между двумя странами была поделена, соответственно, на украинско-турецкий; российско-турецкий и грузино-турецкий участки границы. Присоединение Крыма к России де-факто означает, что украинско-турецкого участка морской границы больше не существу-

ет, а есть достаточно протяженный участок российско-турецкой границы, основанный на предыдущих договоренностях 1978, 1986 и 1987 гг.

Сложившаяся ситуация ведет к определенной правовой неясности: признает ли Турция суверенитет, суверенные права и юрисдикцию Российской Федерации в морских акваториях вокруг Крыма или же с ее стороны могут быть предприняты меры по опротестованию прав России в этих морских акваториях.

Турция трудно встраивается в хитросплетения регионального баланса сил [5]. Большинство региональных акторов одновременно заинтересованы в поддержании достаточно развитых отношений с этой страной и опасаются ее чрезмерного усиления. Турецким стратегам сложно сформировать прочные союзные отношения. Взаимодействие с Турцией переоценивают страны Запада, еще недавно вполне уверенные в общности подходов союзников по НАТО не только к оборонным вопросам, но и к демократическим стандартам и правам человека.

Хотя в ряде регионов между Россией и Турцией возникают противоречия, основа для взаимодействия двух стран достаточно прочна. Как Россия, так и Турция не заинтересованы в бесконтрольном усилении внерегиональных держав вблизи своих границ, они видят перспективу в развитии крупных инфраструктурных проектов, делают ставку на стабильность и невмешательство во внутривнутриполитические внутренние дела друг друга.

Тем не менее, принадлежность к разным сторонам в вопросах международной безопасности может затруднить продвинутое сотрудничество на чувствительных направлениях [3]. Несмотря на противоречия с Соединенными Штатами Турция сохраняет глубинную заинтересованность в членстве в НАТО, в то время как диалог России с Североатлантическим альянсом остается в тупике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Белякова Н.* Черноморский регион во внешнеполитической стратегии Турецкой Республики // Дипломатическая служба. 2014. № 6.

2. *Гаврилева Н.* Россия, Турция и Черное море // <http://kr-eho.info/index.php?name=News&op=article&sid=9036>.

3. Запад и Восток: современные тенденции развития отношений в контексте международных конфликтов и миграционных процессов / Алексикова О.Е., Агабабов А.Р., Балашова Н.П., Матвеева Е.С., Меркулов А.В., Селютина Е.Н., Сидорова Г.М., Фомина М.Г., Хватов Д.А., Шуляковская Ю.М., Щеголева Н.А. Орел, 2019.

4. Зачем Турция собирается прорыть параллельный Босфору канал // https://news.rambler.ru/world/40606902/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

5. Карпович О.Г. Конфликты цивилизаций: актуальные проблемы // Международные отношения. 2014. № 1.
6. Митина В. Правовое регулирование режима Черноморских проливов // Океанский менеджмент. 2018. № 2 (3).
7. Посол России прокомментировал строительство канала «Стамбул» в Турции // <https://ria.ru/20191227/1562947557.html>.
8. Турция изменила условия прохода судов через свои проливы // Black Sea News. 05.09.2018 // <https://www.blackseanews.net/read/144108>.
9. Шангараев Р.Н. Идеологические аспекты внешней политики Турции // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2017. № 11 (334).
10. Шангараев Р.Н. Внешнеэкономический фактор инфраструктурной политики Турции в контексте строительства канала «Стамбул» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2020. Т. 16. № 4 (385).
11. AK Parti Siyasi Vizyonu 2023. 30.09.2012 // <http://www.akparti.org.tr/site/akparti/2023-siyasi-vizyon#bolum>.

R.N. SHANGARAEV

*Ph.D. (Economic Sciences), Associate Professor
of the Department of Public Administration in Foreign Policy
of the Diplomatic Academy of the Ministry
of Foreign Affairs of Russia,
Moscow, Russia*

RUSSIAN-TURKISH RELATIONS PROSPECTS IN CONTEXT OF ISTANBUL CANAL CONSTRUCTION AND BLACK SEA TENSIONS

The construction of the Istanbul Canal will change not only the ecosystem and the movement of ships between the Black and Marmara Seas, but will also radically affect the political situation in the region.

Key words: *Russia, Turkey, Montreux Convention, Black Sea, Istanbul Canal, Straits.*

ИДЕОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖЕНИЯ В ЯПОНИИ

В работе проводится сравнительный анализ нормативных документов Японии. Этот анализ выстроен не как юридическая интерпретация, а как качественный политический анализ. Автор полагает, что существуют неполитическая корпоративная идеология чиновничества. В целом японское регулирование этики государственных служащих отличается большей детализацией норм, касающихся подарков и гостеприимства, по сравнению с другими странами, а также добропорядочного образа государственного служащего в глазах широкой публики.

В случае чиновничества, бюрократия проявляет (должна проявлять) себя в качестве идеологии служения, служения обществу и общему благу.

Неполитическая идеология государственного служения четко вписана в этику служебного поведения японского госслужащего. Такая идеология не гарантирует отсутствие коррупции, однако устанавливает флажки дозволенного, то, что чего чиновнику делать можно, а что нельзя.

Ключевые слова: государственная служба, бюрократия, идеология, политическая идеология, неполитическая идеология, политика, общее благо, политико-юридический подход, моральная политика, этика, *atakidari*, *kansei dango*, Япония.

В соответствии с Конституцией Японии, государственные служащие являются «слугами всего народа», от которых требуется нейтральное и справедливое выполнение своих обязанностей (ст. 15) [10].

В соответствии с Законом о государственной службе [5], национальные государственные служащие делятся на категории «регулярной» (regular) и «специальной» (special) службы. В категорию «специальной» службы входят в т.ч. министры кабинета министров, руководители государственных агентств, должностные лица парламента и послы. Назначения в этой категории основываются на политических или иных факторах и не связаны с конкурсными экзаменами.

Основу национальной гражданской службы составляют сотрудники регулярной службы, которые набираются на основе конкурсных экзаменов. Эта группа далее делится на общую службу (*general service*) и комплексную службу (*comprehensive service*), которая требует более сложных профессиональных навыков, умений.

Государственные служащие, как правило, набираются на основе конкурсных экзаменов. Закон о государственной службе особо закрепляет, что назначение на должность должно быть основано исключительно на результатах прохождения экзамена, оценке навыков и умений кандидата.

При этом целью экзаменации объявляется способность кандидата решать стандартные задачи общей службы. Экзамены для кандидатов на должности общей службы варьируются в зависимости от уровня образования – для выпускников старшей школы и выпускников университета; для комплексной службы предусмотрены специализированные тематические экзамены в зависимости от направления деятельности, а также отдельные экзамены для выпускников юридических университетов и выпускников гуманитарных направлений [13].

В стране существует Совет по вопросам государственной службы (*National Personnel Authority*), в обязанности которого входит, в частности, определение порядка прохождения экзаменов при поступлении на государственную службу. Из материалов Совета следует, что экзамен общей службы проходит в два этапа, примеры тестовых заданий публикуются на информационном портале NAVI [6].

Альтернативным способом привлечения эффективных специалистов на государственную службу и повышения ее качества является обмен персоналом с частным сектором (на работу приглашают юристов, бухгалтеров, квалифицированных специалистов из других областей). Такая программа предусматривает трех- или пятилетние контракты с возвращением на свое место работы после его истечения.

Для этой категории кандидатов также предусмотрены экзамены в зависимости от характера службы (административные, технические и т.д.). Правилами программы ограничен обмен с организациями, которым конкретное агентство выдает лицензии или которые находятся под его контролем [13].

Правила служебной этики закреплены (неполитической корпоративной идеологии) в Законе об этике государственной службы и Кодексе этики государственного служащего. Это законодательное направление было сравнительно новым и вынужденным: его необходимость назрела в 1990-х гг. прошлого века как ответ на ряд крупных скандалов, связанных с деятельностью публичной администрации. В дополнение была создана независимая Комиссия по этике государственных служащих.

Цель принятия Закона об этике раскрывает закрепленную в Конституции формулу о служении и состоит в том, чтобы «предотвратить действия

государственных служащих, которые могут вызвать подозрения и недоверие со стороны граждан в отношении справедливости исполнения обязанностей, обеспечить общественное доверие к государственным услугам путем принятия необходимых мер, способствующих поддержанию этики, с учетом того, что национальные государственные должностные лица являются государственными служащими всех граждан, а их обязанностью является государственная служба, возложенная на них гражданами).

Кроме того, в Законе об этике государственной службы на статус государственных служащих как слуг «всего народа, а не отдельных лиц» обращается дополнительное внимание. Один из элементов этого статуса – раскрывать служебную информацию только для некоторых граждан в целях реализации их интересов, если она предназначена для всех.

Стандарты этического поведения сформулированы следующим образом:

1) государственные служащие должны честно и добросовестно выполнять свои обязанности, помня, что они являются слугами народа;

2) служащим запрещается использовать свою позицию для удовлетворения частных интересов;

3) служащим запрещено вести себя таким образом, который приведет к потере доверия общественности;

4) служащие должны прилагать максимально возможные усилия для реализации общественных, государственных интересов;

5) служащие должны выстраивать свое поведение вне службы с мыслью о том, что их действия могут подорвать доверие к государственной службе [8].

Иные правила служебного поведения включают запрет на получение от «заинтересованных лиц» подарков, денег взаймы, бесплатного проезда, угощения в ресторанах (государственным служащим разрешаются встречи с заинтересованными сторонами в ресторанах, если они платят за себя), совместные поездки и игры (например, гольф). От незаинтересованных лиц можно принимать некоторые подарки и жесты благодарности, если они «не выходят за социально приемлемые рамки».

Кодекс этики государственных служащих принят в развитие положений упомянутого выше закона и в целом повторяет его в части миссии и базовых стандартов этического поведения государственных служащих, при этом уделяя больше внимания запретам. Так, в соответствии с кодексом, государственному служащему (касается в основном высших категорий должностей, которые имеют реальное влияние на определение направлений государственной политики) запрещается принимать от заинтересованных лиц подарки (включая поздравительные и «прощальные» подарки, цветы, деньги, собранные в связи с печальным событием и пр.), денежные займы, услуги, развлечения и угощения за счет заинтересованной стороны, играть в игры, арендовать недвижимость и вещи у заинтересованного лица или за его счет, отправляться в совместные поездки.

При этом не возбраняется получать широко распространяемую сувенирную продукцию при посещении публичных мероприятий, использовать машину, предоставляемую заинтересованной стороной, при возникновении необходимости в автомобильном передвижении, принимать «простое угощение и напитки» в ходе деловых встреч. Все перечисленное в настоящем абзаце, тем не менее, разрешается в случае личных взаимоотношений с лицом, однако личный характер преподнесения подарка должен быть очевиден и не вызывать подозрений в намерениях должностного лица у общественности. В случае спорных ситуаций государственный служащий обязан консультироваться с лицом, отвечающим за регулирование соблюдения этических норм в конкретном органе власти [7].

Положения кодекса этики также распространяются и на членов парламента [11]. Закон также перечисляет дисциплинарные меры, которые могут быть применены к депутатам [12].

В целом японское регулирование этики государственных служащих отличается большей детализацией норм, касающихся подарков и гостеприимства, по сравнению с другими странами, а также добропорядочного образа государственного служащего в глазах широкой публики. Одним из объяснений этого часто называется практика трудоустройства вышедших на пенсию государственных служащих высших должностей на руководящие позиции в коммерческих компаниях (*amakudari*, которое переводится на английский как «descent from heaven» (схождение с небес)), а также ряд публичных скандалов, предшествующих введению регулирования, которые были вызваны в том числе легкомысленным отношением к этому вопросу. Кроме того, объяснение этому можно найти в особенностях японской политической культуры, в которой иерархия, традиции и ритуалы играют не последнюю роль.

Вообще в том, как сформулированы законодательные положения, заметен фокус на воспитание в государственных служащих внутреннего самоконтроля и культуры этического поведения, которая при этом основана на детальных формализованных правилах и развитой системе превентивных мер для недопущения нарушений. Для беспрекословного соблюдения этических норм проводится целый ряд мероприятий, включающих проведение конференций с руководством государственных органов и лиц, ответственных за «этический комплаенс»; проведение разъяснительных собраний с государственными служащими; подготовка инструкторов для тренингов по этическому поведению; подготовка и распространение обучающих материалов для разных типов профессиональных тренингов и программ обучения, подготовка обучающих интернет-материалов в стиле комиксов манга, проведение «Недели этики государственной службы» ежегодно в начале декабря и т.д. Кроме того, организована «горячая линия» поддержки по вопросам этики, куда можно сообщить о неэтичном поведении.

Служебная дисциплина национальных государственных служащих гораздо строже, чем у работников частного сектора, поскольку они служат общественным интересам. Их дисциплинарные обязанности и ограничения предусмотрены законом и включают: принятие присяги на службу; обязательство сохранять служебную конфиденциальность; обязанность соблюдать законы и приказы; обязанность уделять внимание своим обязанностям; запрет на участие в забастовках или других спорах; ограничения политической деятельности; запрет на дискредитирующее поведение; запрет на участие в частных компаниях и другой профессиональной деятельности.

Нарушение этих правил может повлечь дисциплинарную ответственность, а в ряде случаев – уголовную. Виды дисциплинарных наказаний: увольнение, отстранение от исполнения обязанностей (государственный служащий не допускается к исполнению обязанностей, и ему не выплачивается вознаграждение на срок более одного дня и менее одного года); уменьшение заработной платы (сумма, эквивалентная одной пятой или менее месячной заработной платы, вычитаемая из вознаграждения за период в один год или менее); выговор (заставить государственного служащего осознать свою ответственность и предупредить его о будущем) [4].

В соответствии с Законом о государственной службе, штрафом в размере до 500 000 йен или тюремным сроком до одного года наказываются в том числе следующие нарушения:

- одновременное замещение двух государственных должностей или параллельное трудоустройство в коммерческой компании;
- проявление дискриминации;
- сокрытие или ограничение доступа к информации об открытой вакансии на государственную службу (ст. 109).

Уголовный кодекс предусматривает ответственность за ряд преступлений коррупционной и иной направленности, связанных с осуществлением государственными служащими своей деятельности, в том числе:

а) государственный служащий, который составляет поддельные официальные документы или изменяет официальные документы в зависимости от того, имеется ли на документе подпись или официальная печать, может понести наказание в виде тюремного заключения до 10 лет (ст. 156);

б) если государственный служащий злоупотребляет своими полномочиями и побуждает другое лицо совершить деяние, которое это лицо не обязано совершать, или препятствует другому лицу в осуществлении права такого лица, в качестве наказания назначается лишение свободы с обязательными работами или лишение свободы без работы на срок не более 2 лет (ст. 193);

в) государственный служащий, который принимает, вымогает или обещает принять взятку в связи со своими обязанностями, наказывается лишением свободы с обязательными работами на срок не более 5 лет; а если должностное лицо соглашается совершить действие в ответ на просьбу, на-

значается лишение свободы с назначается лишение свободы с обязательными работами на срок не более 7 лет (ст. 197) [9].

В целом Япония воспринимается как государство без явно выраженной проблемы коррупции. Тем не менее, применяется ряд практик с существенным коррупционным потенциалом, например, *kansei dango* – раскрытие чиновником сведений о конкурирующих компаниях в ходе проведения тендера или поиска государственных подрядчиков (особенно в строительстве) [1].

Несмотря на некоторые изменения в законодательстве, *kansei dango* продолжает существовать, как показывают недавние примеры. Так, в июле 2020 г. на бывшего заместителя мэра Оишида был наложен штраф в размере 1.1 миллиона йен и два с половиной года условного осуждения, который получил 1.1 миллион йен наличными за выбор определенных строительных компаний для деревенских строительных проектов. Или в том же месяце – наложение штрафа в размере 173 тысяч йен и два года условного осуждения для бывшего офицера в префектуре Мияги за получение ремонтных работ в своем доме в обмен на информацию о ценовых предложениях конкурентов в рамках поиска подрядчика на государственный строительный проект [3].

Коррупционный потенциал практики *amakudari* также очевиден, поскольку бывшие чиновники, как правило, занимали позиции в компаниях и организациях, которые ранее были им подконтрольны (например, дело 2017 г. о бывшем руководителе министерского Бюро высшего образования, принятого на работу в Университет Васэда в качестве профессора. Бюро отвечает за распределение субсидий университетам и предоставление разрешений, связанных с деятельностью университетов [2]). Только в 2008 г. были приняты поправки в Закон о государственной службе, запрещавшие им устраиваться на работу в секторах, которые они курировали, а также установившие запрет чиновникам заниматься поиском работы для себя, находясь на государственной зарплате.

Неполитическая идеология государственного служения четко вписана в этику служебного поведения японского госслужащего. Такая идеология не гарантирует отсутствие коррупции, однако устанавливает флажки дозволенного, то, что чего чиновнику делать можно, а что нельзя. Помимо этого, в сознании чиновника формируется идея служения общему благу. И это любопытный идейный парадокс: корпорация чиновников замыкается не на себя и на свои интересы, а на интересы общества и государства. Соединяясь с японскими традициями и японской политической культурой, такой подход формирует более или менее эффективного государственного служащего.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Мельник А.А.* Особенности японской экономической коррупции // Восточный курьер. 2020. № 1-2 // <https://elibrary.ru/item.asp?id=43851689>.

2. Amakudari remains an issue // The Japan Times. 2017 // <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2017/04/06/editorials/amakudari-remains-issue/>.
3. Bribery and Corruption 2021. Japan // Global Legal Insights // <https://www.globallegalinsights.com/practice-areas/bribery-and-corruption-laws-and-regulations/japan>.
4. Maintenance of Discipline // National Personnel Authority // <https://www.jinji.go.jp/en/recommen/Discipline.pdf>.
5. National Public Service Act No. 120 of October 21, 1947 // Japanese Law Translation. Ministry of Justice // <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?ft=2&re=01&dn=1&yo=%E5%9B%BD%E5%AE%B6%E5%85%AC%E5%8B%99%E5%93%A1%E6%B3%95&x=7&y=6&ia=03&ja=04&ph=&ky=&page=1>.
6. National Civil Service Examination Recruitment Information // National Personnel Authority // https://www.jinji.go.jp/saiyo/siken/mondairei/mondairei_11.html.
7. National Public Service Ethics Code. Cabinet Order // Japanese Law Translation. 2000. № 101. Ministry of Justice // <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?id=2952&vm=&re=>.
8. National Public Service Ethics Act No. 129 of August 13, 1999 // Japanese Law Translation. Ministry of Justice // <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?id=104&vm=&re=>.
9. Penal Code of Japan. Act No. 45 of April 24, 1907 (amended) // Japanese Law Translation // http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail_main?re=02&ia=03&vm=02&id=1960.
10. The Constitution of Japan, 1947 // Prime Minister of Japan and His Cabinet // https://japan.kantei.go.jp/constitution_and_government_of_japan/constitution_e.html.
11. The Rules of the House of Councillors // House of Councillors, the National Diet of Japan // <https://www.sangiin.go.jp/eng/law/rothoc/index.htm#ChapterXVI>.
12. The Diet Law // House of Councillors, the National Diet of Japan // <https://www.sangiin.go.jp/eng/law/diet/#ChapterXIV>.
13. 2020 Profile of National Public Employees in Japan. National Personnel Authority // Government of Japan // https://www.jinji.go.jp/en/infonpa/2020_Profile_of_National_Public_Employees_in_Japan.pdf.

A.M. VAFIN
*Master of Arts in Counselling,
PhD in Political Science, associate professor
of the Moscow School of Social and Economic
Sciences, Moscow, Russia*

THE IDEOLOGY OF PUBLIC SERVICE IN JAPAN

The paper provides a comparative analysis of the regulatory documents of Japan. This analysis is structured not as a legal interpretation, but as a qualitative political analysis. The author believes that there is a non-political corporate ideology of the bureaucracy. In the case of bureaucracy manifest (must manifest) themselves as an ideology of service, service to society and the common good.

Key words: *public service, bureaucracy, ideology, political ideology, non-political ideology, policy, politics, common good, political and legal approach, moral politics, ethic, amakudari, kansei dango, Japan.*

«МЯГКАЯ СИЛА» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ОБЪЕДИНЕННЫХ АРАБСКИХ ЭМИРАТОВ

В статье исследовано применение «мягкой силы» во внешнеполитическом инструментарии ОАЭ. В настоящее время «мягкая сила» стала востребованным инструментом во внешней политике ОАЭ. Авторы приходят к выводу, что ОАЭ имеют значительный опыт по разработке и применению различных направлений «мягкой силы». ОАЭ преуспели в создании положительного образа на региональной и международной арене. Страна стала одним из лидеров стран Персидского залива в туризме, в области науки и технологий, активно проявляет себя в деле оказания гуманитарной помощи. Также ОАЭ укрепляют свой статус транспортного узла.

Ключевые слова: *«мягкая сила», внешняя политика ОАЭ, механизмы внешней политики, ОАЭ.*

Джозеф Най ввел термин «мягкая сила» в 1990-е годы в одном из своих исследований «Bound to lead: The Changing Nature of American Power» [5. Р. 336], и в дальнейшем продолжил его развивать в своих следующих работах [6. Р. 192; 7. Р. 131-142]. «Мягкая сила» по Наю – это прозрачность политики, конкурентоспособность в политических сферах, открытость, динамичность и свобода, как общественная, так и личная [8. Р. 31]. Государства используют «мягкую силу», чтобы получить желаемое, привлекая, а не заставляя. На протяжении двух десятилетий в научной литературе широко обсуждался вопрос применения «мягкой силы» разными странами. Исследователи рассматривали преимущественно опыт таких стран, как США, Германия, Индия, Россия, Китай, Япония, Южная Корея, в то время как практика применения «мягкой силы» государствами Ближнего Востока подробно не изучалась. Между тем, в 2021 г. ОАЭ заняли первое место

на Ближнем Востоке и 17 место в мире в рейтинге «мягкой силы» по подсчетам международной консалтинговой компании Global Soft Power Index 2021 [4]. Успехи ОАЭ в данном направлении побудили авторов статьи восполнить пробел, существующий в изучении «мягкой силы».

Цель статьи – изучить феномен «мягкой силы» во внешней политике ОАЭ. Для достижения цели статьи была проанализирована программа «Видение Объединенных Арабских Эмиратов – 2021», опубликованная правителем Дубая шейхом Мохаммедом Ибн Рашидом Аль Мактумом в 2010 г. В документе сформулированы следующие направления внешней политики, работающие на создание позитивного образа ОАЭ в регионе и мире:

1. ОАЭ – «врата в Персидский залив».
2. ОАЭ – лидер культуры, туризма и искусства в регионе.
3. ОАЭ – толерантное и современное государство, которое принимает людей из любой точки планеты.
4. ОАЭ – лидер в СМИ, экономике и науке [1].

Все пункты концепции являются продолжением инструментария «мягкой силы», и затрагивают в том числе и сферу внутренней политики. Так, для подтверждения гендерного равенства в ОАЭ было создано Министерство счастья, главой которого стала молодая женщина-политик Охуд Аль-Рими.

Выделим основные направления «мягкой силы», характерные для внешней политики ОАЭ. Отметим, что они соотносятся с такими факторами, принятыми для обозначения действенности «мягкой силы», как образование (11,5%), культура (8,8%), ценностная составляющая (12,5%) и информационные цифровые услуги (9,8%) [9].

Главным направлением в развитии «мягкой силы» ОАЭ является сфера туризма. По результатам исследований международной издательской компании Лоунли Планет, самым популярным направлением туризма в 2021 г. стали ОАЭ [10]. Эмираты Дубай и Абу-Даби стали визитной карточкой страны и широко задействованы в индустрии кино ОАЭ. Ежегодно в Эмиратах проводятся фестивали, что добавляет им статус культурного центра. Сотрудничество с иностранными кинокомпаниями увеличило число международных фильмов, где местом действий являются Эмираты.

ОАЭ стремятся стать лидером науки в регионе. В столице Эмиратов построили 30 зарубежных центров образования, в том числе кампусы Нью-Йоркского университета и Университета Сорбонны, а также крупнейшие музейные комплексы, среди которых филиал Лувра. В Дубае строятся knowledge villages [2] и академические городки, где расположены университеты и научные центры.

Уделяя большое внимание положительному образу государства, Эмираты сосредоточены на развитии брендов, представляющих страну в мире. Авиакомпании Emirates Airlines и Etihad Airways, созданные правящими семьями, за последнее десятилетие вошли в рейтинг мировых перевозчи-

ков с потоком пассажиров 60 млн человек в год. Традиционные культурные элементы используются не только в дизайне самолетов, но и в форме борпроводников, что позволяет добиться идентичности. Спонсирование различных спортивных мероприятий помогает популяризации компании.

Развитием направления «ворота в регион» можно считать транспортный узел. ОАЭ являются ключевым международным транспортным узлом благодаря своему выгодному географическому положению. После появления на международной арене «Инициативы пояса и пути», Эмираты повысили эффективность собственных портов и сформировали морской транспортный хаб. В конце ноября 2021 г. в Дубае состоялась церемония инаугурации нового флагманского лайнера MSC Virtuosa. Как отмечают его создатели, он стал самым крупным, высокотехнологичным и экологически чистым круизным судном в регионе. Именно MSC Virtuosa стал первым лайнером, совершившим морской круиз по Персидскому заливу после пандемии. 17 декабря 2021 г., после официального открытия круизного терминала Dubai Harbour, круизная корпорация Costa Cruises презентовала свой новый лайнер Costa Firenze. Таким образом, Дубай становится ведущим мировым туристическим направлением и туристической столицей Ближнего Востока.

Важнейшим направлением «мягкой силы» ОАЭ являются различные формы международной помощи. Эмираты традиционно выделяют международные гранты, оказывают помощь нуждающимся за рубежом. В Дубае с 2003 г. существует Международный гуманитарный городок, в котором расположены ВОЗ, Международный Красный Крест, Агентство ООН по делам беженцев, Мировая продовольственная программа. Эмираты занимают первые строки рейтинга по инвестициям и гуманитарной помощи, в которые их включила Организация по экономическому сотрудничеству и развитию. По отношению к объему ВВП ОАЭ занимает лидирующую позицию среди стран Персидского залива.

Министерство иностранных дел ОАЭ разработало Стратегию осуществления международной помощи. Особую роль в этой политике отводят гуманитарной помощи. Эмираты инвестируют в проекты Судана, Йемена, Ливии, Египта, Сирии и других стран. Обеспечение гуманитарной помощью миллионов жителей планеты в случае кризисов и катастроф провозглашено ОАЭ важнейшей задачей, что еще раз свидетельствует, что международная помощь является одним из ведущих инструментов политики «мягкой силы» ОАЭ.

Эмираты утверждаются на региональной арене в качестве лидера в области технологий, науки и стартапов. ОАЭ экспортируют идеи, инновации и передовой опыт. Это призвана демонстрировать выставка Экспо-2020, которая стала воплощением «мягкой силы».

В настоящее время ОАЭ является одной из лучших стран для проживания. Министерство толерантности ОАЭ было создано для повышения качества жизни населения. На законодательном уровне приняты ограниче-

ния по дискриминации, экстремизму и насилию. Эмираты стали образцовым государством для экспатов всех возрастов и национальностей, которые решили работать или проживать на территории страны. Приняты законы и программы резидентства, начата международная кампания по привлечению иностранных талантов и самых ярких умов, включая врачей, инженеров, студентов, художников и ученых.

Таким образом, «мягкая сила» играет все более активную роль во внешней политике ОАЭ, которые с ее помощью активно заявляют о себе как о региональном лидере.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Государственная программа «Видение Объединенных Арабских Эмиратов 2021» // <https://www.vision2021.ae/en>.
2. Парк знаний Дубая (арабский: *مركز المعرفة*) – это кампус в зоне свободной торговли в области управления человеческими ресурсами // https://en.wikipedia.org/wiki/Dubai_Knowledge_Park.
3. 11 авиакомпаний, чьи стюардессы носят самую запоминающуюся форму // <https://www.adme.ru/tvorchestvo-dizajn/11-aviakompanij-chi-styuardessy-nosyat-samuyu-zapominayuschuyu-formu-1665765/>.
4. Global Soft Power Index 2021: UAE is Highest Ranked MENA Nation in 17th Spot // <https://brandfinance.com/press-releases/global-soft-power-index-2021-uae-is-highest-ranked-mena-nation-in-global-soft-power-index-in-17th-spot>.
5. *Nye J.S.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1991.
6. *Nye J.S.* Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York, 2004.
7. *Nossel S.* Smart Power // Foreign Affairs. March/April, 2004.
8. *Nye J.S.* Soft Power and European-American Affairs / Hard Power, Soft Power and the Future of Transatlantic Relations / Ed. by Th. Ilgen. Abingdon, Oxon (GBR), 2006.
9. The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power 2017 // USC Center on Public Diplomacy. 2017 // <https://au.ambafrance.org/IMG/pdf/the-soft-power30-report-2017-web-.pdf?11453/b4f5e60453156dbf6f111147c6de44417184dbe2>.
10. UAE Ranked Most Searched Tourist Destination For 2021 // <https://www.lonelyplanet.com/>.

E.S. VASETSOVA

*PhD in Political sciences,
an assistant professor of Institute of Asian and African
Studies Lomonosov Moscow State University, Department
of Political Science of the East, Moscow, Russia*

D.V. FATKHULLINA

*Postgraduate student, Institute of Asian
and African Studies Lomonosov Moscow State University,
Department of Political Science of the East,
Moscow, Russia*

THE ROLE OF “SOFT POWER” IN UAE FOREIGN POLICY

The article examines the use of “soft power” in the UAE’s foreign policy tools. Currently, “soft power” has become a popular tool in the UAE’s foreign policy. The authors conclude that the UAE has considerable experience in the development and application of various areas of “soft power”. The UAE has succeeded in creating a positive image in the regional and international arena. The country has become one of the leaders of the Persian Gulf countries in tourism, in the field of science and technology, actively manifests itself in the provision of humanitarian assistance. The UAE is also strengthening its status as a transport hub.

Key words: “soft power”, UAE foreign policy, foreign policy mechanisms, UAE.

DOI 10.35775/PSI.2022.77.1.020

УДК 327.51

П.А. КИЧАЕВ

*сотрудник Академии Федеральной службы охраны
Российской Федерации, Россия, г. Орел*

Е.Н. МАЛИК

*кандидат политических наук, доцент
Академии Федеральной службы охраны
Российской Федерации,*

Россия, г. Орел

ORCID: 0000-0002-9849-3581

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА АФГАНИСТАНА В НОВОЙ АРХИТЕКТУРЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Цель статьи состоит в комплексном анализе факторов, которые послужили становлению и развитию движения «Талибан» (1) на территории Афганистана. В работе раскрыты актуальные проблемы смены политического режима в Афганистане. Для проведения исследования были использованы общенаучные и специальные методы научного исследования, такие как исторический, системный и сравнительно-правовой анализ. Посредством интерпретации конкретных исторических аспектов смены политического режима в Афганистане с начала XX в. выявлены идеологические противоречия у этнополитических сил страны. Характеристика структуры высшей власти, созданная талибами в пределах их Исламского эмирата Афганистан, указывает на самый важный ее признак, это теократические основы.

Аргументирован вывод, что трансформация политической системы в Афганистане и власть «Талибана», стали причиной возникновения новых угроз для стран всего Центрально-Азиатского региона. Данная проблема является актуальной в связи тем, что решение афганского вопроса затрагивает национальную безопасность как стран Центральной Азии, так и России. Обосновано, что необходимым условием по завершению процесса национального примирения в Афганистане является создание действительно инклюзивного правительства, адекватно отражающего интересы всех основных этнополитических сил в стране.

Ключевые слова: *международные отношения, политическая власть, политическая система, Афганистан, талибы, радикализм, исламизм, национальная безопасность.*

Обновленное на сегодняшний день радикальное исламистское движение «Талибан» является единственной относительно стабильной политической силой, взявшей под свой контроль Афганистан в августе 2021 года. Нынешнее состояние движения показывает всему миру, что талибы спустя 20 лет пересмотрели многие принципы ведения государственной политики, однако, как и в 1996 году, основными задачами для них остаются получение всеобщего признания и снятие с себя статуса террористической организации. Однако попытки изменения образа нового режима талибов из жестокого и радикального в образ спокойный и умеренный нивелируются, поступающими сообщениями о связях с «Аль-Каидой» и «Исламским государством», притеснении представителей других национальностей.

Если посмотреть основные предпосылки укрепления группировки «Талибан» на территории Афганистана, то здесь необходимо указать на ряд факторов. После окончания холодной войны стали активно развиваться проекты США по укреплению своей энергетической безопасности. В 1993-1994 годах американская нефтяная компания UNOCAL разрабатывает проект строительства трубопровода Туркмения-Афганистан-Пакистан, который должен был пойти в обход России и Ирана. Также «трансафганский трубопровод смог бы дать Пакистану преимущество в борьбе с Индией» [7. С. 5]. Приход американской компании в Афганистан позволил бы Белому дому продвигать свои интересы в постсоветских республиках.

Проблема осуществления данной стратегии состояла в том, что большая часть трубопровода пролегла через взбудораженный клановыми междоусобицами Афганистан. С 1994 года начала действовать на территории Афганистана и за несколько лет смогла взять власть в стране. Такой исход обусловлен несколькими причинами.

Во-первых, социальный фактор сыграл большую роль в борьбе движения за власть. Мирное население Афганистана, устав от непрекращающейся войны, позитивно воспринимало то, что талибы выступали за восстановление стабильности государства, не вступали в коррупционные схемы и не шли на компромисс с местными элитами. Симпатии населения Афганистана к талибам объясняются тем, что на большей части страны укоренился режим, активно поддерживающий радикальные течения ислама, а афганцы сами стали частью структуры различных кланов, в том числе, отрядов «Талибана». Этому предшествовали события Саурской революции 1978 года, когда поток афганских беженцев, хлынувший из страны, стал использоваться разведкой Пакистана и ЦРУ против СССР [4. С. 58-63]. Помимо тренировочных баз, где готовились пополнения для отрядов моджахедов, создавалось множество медресе, в которые шли учиться дети беженцев. В качестве преподавателей туда приглашались проповедники радикальных идей ислама. В результате за два десятилетия удалось создать поколение, воспитанное в духе джихада, которое мечтало вернуться на родину и установить там исламские порядки.

Во-вторых, в соответствии с сообщениями разведывательных управлений стран Европы и властей Турции, ЦРУ совместно с разведкой Пакистана оказывало помощь «Талибану». На тренировочных базах, расположенных в Пакистане, американские инструкторы готовили добровольцев для движения талибов, осуществлялись поставки военного снаряжения под видом гуманитарной помощи. После того как Вашингтон увидел первые положительные результаты и понял, что «Талибан» действительно является силой, которая сможет объединить Афганистан, навести порядок и послужить проводником американских интересов, начали налаживаться дипломатические отношения. Это объясняет причины, по которым Белый дом активно пошел на сближение с Пакистаном и сглаживал существующие противоречия, так как для США он являлся опорой для успешной реализации проекта трубопровода.

В-третьих, к 1994 году моджахеды разделились на группы соответственно этническому составу страны, из которых сформировался ряд группировок. Наиболее крупной из них являлся «Северный альянс», который преимущественно состоял из таджиков, узбеков и хазарейцев. На юге страны располагались преимущественно пуштуны, многие из которых вскореполнили ряды «Талибана». Талибы в период формирования не представляли собой серьезных соперников, кроме того, они не обладали широкой известностью, поэтому полевые командиры моджахедов возможно не придали значения факту появления нового политического и военного конкурента в лице талибов, продолжив межклановую борьбу [15].

27 сентября 1996 года воспользовавшись расколом среди моджахедов талибы захватили власть в Афганистане, провозгласив создание Исламского Эмирата Афганистан. Идеология движения основывалась на одном из направлений радикального ислама, называвшееся «ашаризм», а также на строгом следовании законам шариата. «Возглавив государство, талибы ввели смертную казнь, упразднили право женщин на образование и профессиональную деятельность, запретили телевидение, музыку, изобразительное искусство, европейскую одежду и многое другое, при них стали нередки случаи несоблюдения законов, в том числе самосуда» [2. С. 107]. Мужчин обязали носить бороду, а женщин полностью закрывать тело в общественных местах и не появляться там без сопровождения мужа или родственников. В ходе своего правления талибы казнили бывшего президента Афганистана Мухаммеда Наджибуллу. Все это привело к тому, что Исламский Эмират Афганистан не был признан никем, кроме Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов и Пакистана. Перед новым афганским правительством возникла задача – получить мировое признание. Для ее решения была необходима поддержка ООН, которую Вашингтон мог предоставить. После захвата Кабула талибами США начали масштабную поддержку талибов в ООН.

В 1996 году руководством Эмирата было предоставлено убежище лидеру террористической группировки «Аль-Каида» Усаме бен Ладену. Фактически для Афганистана бен Ладен стал вторым по величине источником дохода, так как он был одной из центральных фигур радикального ислама и собирал грамотные пожертвования от различных бизнесменов Ближневосточных монархий. Первым все также оставался наркотрафик [6]. Однако невзирая на террористическую деятельность Усаме бен Ладена в Афганистане, американский истеблишмент видел высокие перспективы сотрудничества с талибами. Представители Госдепартамента США провели несколько встреч с членами «Талибана», которые приглашались в США компанией UNOCAL. Тем не менее талибы не спешили принимать решения по строительству трубопровода, так как конкурирующие компании предлагали сотрудничество на более выгодных условиях. Поэтому, устраняя раздражители из двусторонних отношений, американское руководство игнорировало проблемы терроризма и присутствия Усамы бен Ладена в Афганистане в угоду своим экономическим интересам [11. С. 39]. К тому времени Афганистан превратился в тренировочную базу и убежище для исламских экстремистов со всего мира.

С 1998 года стратегия США по решению афганского вопроса начала сводиться исключительно к силовой. Этому послужило то, что талибы отказались выдать лидера группировки «Аль-Каида» Усаму бен Ладена. Между Вашингтоном и Кабулом не было достигнуто соглашения по вопросу Трансафганского проекта, так как талибы нашли более предпочтительным проект аргентинской компании Bidas. После этого компания UNOCAL заявила о свертывании проекта и выводе своего персонала из страны.

Теракты 11 сентября 2001 года, организованные группировкой «Аль-Каида», стали поводом для американских политиков реализовать силовой вариант решения афганской стратегии. 7 октября 2001 года Соединенными Штатами и партнерами по НАТО была начата операция «Несокрушимая свобода». После падения режима талибов при поддержке коалиции НАТО была образована Исламская Республика Афганистан. Позднее в Афганистане была принята новая конституция и проведены президентские выборы. Победу на них одержал Хамид Карзай, который ранее являлся консультантом нефтяной компании UNOCAL [10].

Фактически, США добились свержения режима талибов и закрепились в Афганистане, создав крупную сеть военных баз и утвердив проамериканское правительство. Однако Вашингтон не имел долгосрочной стратегии, которая ориентировалась на нормализацию ситуации в стране, что значительно усложнило ведение кампании в дальнейшем. Это подтверждают события 2003 года, когда США вторглись в Ирак. Военная кампания НАТО в Афганистане ушла на второй план.

Несмотря на победу НАТО, «Талибан» не был полностью уничтожен. Он смог перегруппироваться на территории Пакистана при поддержке

местного населения и начать партизанскую войну. В 2005 году становится известно, что межведомственная разведка Пакистана создала сеть тренировочных лагерей для боевиков «Талибана», а также вела переговоры с другими террористическими организациями. Следующей весьма серьезной проблемой являлась слабость местных органов власти. Талибы стремились подорвать доверие к официальной власти у местного населения, показывая их неспособность обеспечить безопасность государства. Об этом говорит возрастающее с каждым годом количество терактов. Согласно данным Global Terrorism Database, «количество терактов в 2001-2019 гг. выросло более чем в 4 раза (с 1980 до 8500 случаев)» [14].

В 2014 году Вашингтон сообщил о завершении боевой операции «Непоколебимая свобода» и планах вывести войска из Афганистана. Начались переговоры с талибами о перемирии. 29 сентября президентом страны становится Ашраф Гани. Вскоре он обратился к Вашингтону с просьбой замедлить, продолжающийся вывод иностранной коалиции. Талибы начали расширять свою деятельность в регионе. При этом Пакистан, несмотря на сотрудничество с Америкой, не отказался от поддержки талибов. Более того, Исламабад предотвращал любые попытки ведения переговоров США с «Талибаном», удерживая контроль над его руководством, а также свое влияние на Афганистан.

В 2020 году США и «Талибан» заключили Дохийское соглашение, которое предусматривало вывод иностранных войск, запрет деятельности «Аль-Каиды» на подконтрольных талибам территориях, а также начало переговоров между «Талибаном» и официальным афганским правительством. В соответствии с соглашением руководство Америки продолжило вывод своих войск.

В 2020 г. США и «Талибан» заключили соглашение: США должны вывести войска, а талибы – не использовать Афганистан для подрыва безопасности в Америке. Весной 2021 года президент США Джоозеф Байден объявил, что с 1 мая по 1 сентября 2021 года армия США будет выведена из Афганистана в полном составе. Столица страны Кабул перешла в режим усиленной безопасности в ожидании реакции талибов на решение США вывести войска из Афганистана. На фоне этого боевики движения «Талибан» начали боевые действия против афганских правительственных сил. Не оказав сопротивления, президент Афганистана Ашраф Гани ушел в отставку и бежал из страны. 15 августа 2021 года «Талибан» заявил о полном контроле территории Афганистана и о возрождении Исламского Эмирата Афганистан.

31 августа 2021 армия США покинула Афганистан. Дипведомство США и ряда стран ЕС начали срочную эвакуацию сотрудников своих посольств в Афганистане в силу нарастающей угрозы их жизни.

Стоит сказать, что за годы присутствия войск НАТО в Афганистане Пакистан, сохранив свои претензии на доминирование в регионе, смог

укрепить контроль над «Талибаном». За время нахождения на территории Пакистана талибы тесно влились в структуру пакистанских вооруженных сил, потеряв самостоятельность в принятии политических решений. Поскольку без согласия Исламабада талибам запрещалось вести переговоры с кем-либо. Это достигалось особыми мерами, которые заключались в смещении некоторых лидеров «Талибана» с ключевых должностей. Так, например, в 2010 году спецслужбами Пакистана при взаимодействии с США был осуществлен захват нескольких влиятельных членов движения, одним из которых являлся Абдул Гани Барадар. В случае с талибами, зависимость не означает слабость, потому что та поддержка, которая предоставлялась Пакистаном, Исламской Республикой с 2001 по 2021 год значительно повысила уровень подготовки и качество обеспечения членов движения. Это подтверждается тем, что в сентябре 2021 вооруженные силы Пакистана открыто оказывали поддержку талибам при штурме Панджшерского ущелья, удерживаемого членами группировки «Фронт национального сопротивления» (ФНС), созданной по инициативе бывшего вице-президента Афганистана Амруллы Салеха, объявившего себя законным главой государства после бегства Ашрафа Гани, и Ахмадом Масудом в провинции Панджшер. Принимая во внимание то, что Пакистан имеет такое влияние на «Талибан», можно не сомневаться в том, что все политические шаги нового правительства будут производиться с оглядкой на Исламабад.

Группировка «Талибан» снова взяла власть в свои руки, теперь она представляет собой организованное военно-политическое движение, в отличие от 2001 года, когда группировка была разобщена.

«Талибан», придя к власти, существенно изменил свою риторику по различным вопросам. Теперь талибы стали убеждать сограждан и все мировое сообщество в том, что бывшие полицейские, военные и другие сотрудники государственных структур режима, поддерживаемого коалицией НАТО, не будут преследоваться; жизнь граждан и их имущество будут в безопасности; права женщин будут защищены, в рамках шариата им будет позволено вести активный образ жизни, а также входить в состав правительства, работать в СМИ; не будет допущена деятельность «Аль-Каиды» и «Исламского государства»; правительство станет инклюзивным; производство наркотиков в стране будет ликвидировано; смертная казнь будет применяться по решению суда. Подобные шаги обусловлены тем, что движению снова необходимо всеобщее признание для осуществления стабильного управления государством. Однако многие обещания талибов с каждым днем опровергаются данными контролирующих органов, специалистов по вопросам Афганистана и сообщениями крупных новостных агентств.

Как высказываются эксперты, «современные талибы дистанцируются от своих предшественников из 1990-х, которые установили в Афганистане одну из самых мрачных диктатур в истории XX в.» [2. С. 107]. Группировка

под началом новых лидеров Хайбатуллы Ахундзады и Абдула Гани Барадара позиционирует себя уже как более умеренную силу. В основе формирования временного правительства в сентябре 2020 года была взята иранская форма правления, где верховный руководитель определяет направление развития страны, внешнюю и внутреннюю политику. Наряду с ним действуют однопалатный парламент – меджлис и совет стражей, который имеет исключительное право вносить поправки в конституцию и утверждать кандидатуры на высшие государственные посты.

Несмотря на некоторую согласованность в организационном плане, движение талибов не является монолитом. В настоящее время организация базируется на двух наиболее значимых группировках: боевой (радикальной) и политической (умеренной). Между ними существуют принципиальные разногласия, послужившие причиной промедлений в утверждении нового состава правительства. Одним из таких противоречий выступают разногласия среди лидеров движения о том, какое крыло должно возглавить Афганистан. Члены боевого крыла утверждают, что «управлять Афганистаном должны те, кто были на полях сражений, а не те, кто отсиживался в шикарных отелях в Дохе» [13]. Данные разногласия являются главным политическим противоречием, которое, вероятнее всего, в дальнейшем будет сопровождаться конфликтами на фоне раздела ресурсов в стране и мест в правительстве. Исходя из этого, политическое и военное руководство талибов в ближайшем будущем будет строиться на принципе доминирования представителей пуштунской национальности, исключая принципы инклюзивности.

Наиболее остро перед новой властью стоят гуманитарный и экономический кризисы. С самого начала захвата власти в Афганистане международное сообщество выражала беспокойство о том, что возможны нарушения прав человека режимом «Талибана». Через несколько дней после того, как талибы вновь пришли к власти, США заморозили финансовые резервы правительства Афганистана, хранящихся на банковских счетах США величиной около 9,5 миллиардов долларов. По данным ООН, «Афганистан ожидает гуманитарный кризис к середине 2022 года. С апреля 2021 года на 37% увеличилось число людей, испытывающих нехватку продовольствия, при этом за чертой бедности находятся более 18 миллионов афганцев, то есть половина населения страны» [3].

Вместе с тем складывается еще одна кризисная ситуация, в результате которой в Афганистане снова может вспыхнуть гражданская война. Это вызвано тем, что «Талибан» пока не в состоянии осуществлять полный контроль над территорией страны и его нахождение у власти трудно назвать устойчивым.

На территории Афганистана присутствуют сторонники группировки «Фронт национального сопротивления» (ФНС). Организация потерпела поражение в боях за Панджшерское ущелье, однако все еще продолжает вести

борьбу против талибов, призывая мировое сообщество официально не признавать «Талибан». В середине октября 2021 года стало известно о создании группировки «Неизвестные солдаты Хазарестана» (НСХ), члены которой готовы вести борьбу как против «Талибана», так и против «Исламского государства» везде, где проживают хазарейцы с целью их защиты. Причиной возникновения НСХ стало притеснение новой властью одного из крупнейших этносов Афганистана.

Кроме деятельности ФНС и НСХ, на территории Афганистана продолжает расширять свое влияние «Исламское государство Хорасан».

Стоит обратить внимание на тот факт, что несмотря на то, что афганская ячейка «ИГ» и «Талибан» в международном сообществе признаны террористическими, в реальности они враждуют за влияние внутри джихадистского движения. «Богословы из движения «Талибан» выступают против законности существования «Исламского государства Хорасан» и его идеологии, и назвали борьбу с этой организацией оправданной, так как она затрагивает религиозные взгляды» [5]. «Халифат Хорасан», организация в большей степени, чем другие, нацелена на проведение террористических актов. По заявлению главы миссии ООН в Афганистане Деборы Лайонс «ИГ» присутствует почти во всех провинциях Афганистана и активизировало террористическую деятельность. «На конец 2021 года количество нападений выросло до 334» [9]. Согласно данным российских аналитиков, численность афганской ячейки «ИГ» составляет от 1000 до 2200 боевиков [8. С. 227]. Таким образом, мы можем говорить о том, что «Талибан» начал утрачивать свой антитеррористический потенциал, что может привести к усилению влияния международных террористических формирований в данном регионе.

Большинство стран осторожно воспринимают новую власть в Афганистане, и напрямую заявляют, что готовы рассмотреть сотрудничество и будущий диалог между сторонами. При отсутствии необходимых действий со стороны международного сообщества, перечисленные проблемы в совокупности однозначно приведут к еще большему обострению ситуации. «Реализация талибами «проекта по объединению Центрально-азиатского региона под знаменем радикального ислама» [1. С. 114], терроризм, экономический спад, приближающаяся гуманитарная катастрофа, назревающий новый гражданский конфликт являются вполне реальными угрозами не только для Афганистана, но и для Центральной Азии.

Сегодня преимущество в решении афганского вопроса принадлежит Российской Федерации. Правительство США после вывода войск из Афганистана потеряло рычаги влияния на сложившуюся обстановку. Так, 20 октября 2021 года в Москве состоялось третье заседание «Московского формата» по Афганистану с участием представителей России, Китая, Пакистана, Ирана, Индии, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, делегации талибов без участия американских государствен-

ных чиновников. На переговорах афганские власти обсудили перспективы развития военно-политической ситуации в Афганистане, предоставление экономической и политической поддержки, а также признание страны на международном уровне. В ходе заседания была отмечена готовность «Талибана» согласовывать усилия по восстановлению страны. Важность создания инклюзивного афганского правительства, отражающего интересы всех этнополитических сил в стране, была подчеркнута как ключевой шаг в продвижении национального примирения между афганцами.

В сущности, данные встречи оказывают стимулирующее воздействие на движение талибов, чтобы впоследствии оно смогло занять свое место среди региональных государств. Если мировое сообщество поймет, что правительство талибов готово выполнять свои обещания, то вполне возможно, что вслед за этим пойдет размораживание активов ЦБ Афганистана, получение более широкой гуманитарной помощи и экономической помощи. Переговоры в рамках «Московского формата» дают возможность спрогнозировать, не только как будет реагировать новое афганское правительство, но и как следует действовать международному сообществу в ответ на политические шаги «Талибана».

Безусловно, что события в Афганистане меняют архитектуру международных отношений усиливают напряженность на таджикско-афганской границе, и непосредственно затрагивают национальную безопасность РФ, и т.д. «Смена власти в Афганистане стала серьезным испытанием для ШОС с точки зрения обеспечения ключевых задач безопасности» [12. С. 133].

МИД РФ занимает однозначную позицию, согласно которой процесс международного признания нового правительства Афганистана последует после выполнения политических преобразований, анонсированных талибами. В свою очередь, МИД России координирует свои действия с важными региональными игроками: Китаем, Ираном, Пакистаном и Индией.

Наш анализ показал, что Исламский эмират Афганистан, который существовал в 1996-2001 гг., с точки зрения талибов, не прекращал своего существования, а находился под воздействием внешней агрессии на протяжении последних 20 лет.

Причины возникновения радикального исламистского движения «Талибан» и возможные последствия трансформации политической системы страны, указывают на необходимость решения афганского вопроса как на региональном, так и на глобальном уровнях.

Трансформация политического режима обуславливает решение весьма непростых задач для политических лидеров Афганистана: во-первых, сформировать национальное правительство в стране, включив в него представителей всех этнополитических сил; во-вторых, разработать действенные механизмы управления современными финансами и экономикой; в-третьих, в сжатые сроки выработать доктрину безопасности и основные направления внешней политики и т.д.

Однако учитывая, рассмотренные выше обстоятельства, представляется, что «Талибан» не сможет в ближайшие годы осуществить требуемые международным сообществом политические преобразования, благодаря которым процесс признания вновь провозглашенного Исламского Эмирата Афганистан смог бы завершиться. При этом многие политические шаги со стороны талибов создают напряженность на границах с соседями, что мешает возникновению доверительных отношений к «Талибану» среди стран Центрально-Азиатского региона.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) «Талибан» – Запрещенная в России террористическая организация, ее деятельность запрещена на территории страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Арчаков М.К.* Движение «Талибан» и Накшбандийский тарикат: новые угрозы для центральной Азии // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2020. Т. 7. № 4 (28).
2. *Бирюков С.В., Пономаренко Б.Т.* Эволюция радикального исламистского движения «Талибан»: от основания до наших дней // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 12 (150).
3. *Демьяненко В.А.* Афганистан: экономика кризиса // ECONS. ONLINE // <https://econs.online/articles/ekonomika/afganistan-ekonomika-krizisa>.
4. *Коргун В.Г.* Ислам и государственная власть в Афганистане. М., 2018.
5. *Кортунов А.* Решение проблемы Афганистана: необходимые условия и международные последствия // Аналитический доклад РСМД. 2021. № 10 // <https://russiancouncil.ru/activity/publications/reshenie-problemy-afganistana-neobkhodimye-usloviya-i>.
6. *Кристина Рудич.* Рэкет и наркотики. Какой будет экономика Афганистана при талибах и чего ждать России // Secretmag // <https://secretmag.ru/news/reket-i-narkotiki-kakoi-budet-ekonomika>.
7. *Лалетин Ю.П.* Трансафганский газопровод как фактор интеграции Афганистана в большую Восточную Азию: сравнительный анализ аргументов // PRO ET CONTRA. Сравнительная политика. 2010. № 23.
8. *Моисеев С.В.* «Талибан» и «Халифат Хорасан»: террористические группировки в современном Афганистане // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2021. № 21-1.
9. ООН предлагает наладить диалог с де-факто властями Афганистана. 17 ноября 2021 // Новости ООН // <https://news.un.org/ru/story/2021/11/1414062>.
10. *Плостун В. Наджибулла.* Афганистан в тисках геополитики. М., 2018.
11. *Шафак М.* Перспективы Афганистана в связи с соглашением правительства США и движения Талибан // Вестник Бишкекского государственного университета. 2021. № 1 (55).

12. Шедуй М.В., Малик Е.Н. Международный терроризм в контексте обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11. № 3.

13. Afghanistan: Taliban leaders in bust-up at presidential palace, sources say. 1 September 2021 // BBC News // <https://www.bbc.com/news/world-asia-58560923>.

14. Global Terrorism Database (GTD). University of Maryland. Version 2019 // National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START) // <https://www.start.umd.edu/gtd/>.

15. Labeviere R. Dollars for Terror: The United States and Islam.

P.A. KICHAEV

*Employee, the Academy of the Federal
Guard Service of the Russian Federation,
Orel, Russia*

E.N. MALIK

*Candidate of political sciences, associate professor,
the Academy of the Federal Guard Service
of the Russian Federation, Orel, Russia*

AFGHANISTAN'S POLITICAL SYSTEM IN THE NEW ARCHITECTURE OF INTERNATIONAL RELATIONS

The purpose of the article is a comprehensive analysis of the factors that served the formation and development of the Taliban movement in Afghanistan. The work reveals topical problems of political regime change in Afghanistan. General scientific and special methods of scientific research, such as historical, systemic and comparative legal analysis, were used to conduct the study. By interpreting the specific historical aspects of the change of the political regime in Afghanistan since the beginning of the XX century. revealed ideological contradictions among the ethno-political forces of the country. The characterization of the structure of supreme power created by the Taliban within their Islamic Emirate of Afghanistan points to its most important sign, the theocratic foundations.

The conclusion is argued that the transformation of the political system in Afghanistan and the power of the Taliban caused new threats to the countries of the entire Central Asian region. This problem is urgent due to the fact that the solution of the Afghan issue affects the national security of both the countries of Central Asia and Russia. It is justified that the establishment of a truly inclusive Government that adequately reflects the interests of all the main ethnic and political forces in the country is a prerequisite for the completion of the process of national reconciliation in Afghanistan.

Key words: *international relations, political power, political system, Afghanistan, Taliban, radicalism, Islamism, national security.*

аспирант, руководитель педагогических программ
Школы бизнеса и международных компетенций
Московского государственного института международных
отношений (университет) МИД Российской Федерации
(МГИМО МИД России), Россия, г. Москва

ИНСТРУМЕНТЫ МЯГКОЙ СИЛЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ СОТРУДНИЧЕСТВА С КАЗАХСТАНОМ

Введение. В современном мире экспорт высшего образования, привлечение иностранных студентов превращается в эффективный инструмент «мягкой силы» тех государств, которые могут воспользоваться последствиями интернационализации образовательного пространства. Мягкая сила обладает большим спектром возможностей влиять на вопросы национальной безопасности, формировать международный имидж государства, стимулировать развитие культуры и экономики страны, укреплять национальную идентичность, продвигать систему демократических ценностей и т.п. **Цель** статьи заключается в рассмотрении инструментов мягкой силы высшего образования России в контексте сотрудничества с Казахстаном. **Задачи** проводимого исследования заключаются в 1) изучении сущности феномена мягкой силы; 2) исследовании особенностей использования инструментов мягкой силы ВУЗами России. **Методы:** системный подход, социокультурный подход, обобщение, сравнение, институциональный анализ, синтез, абстрагирование, интерпретация, концептуализация. **Результаты:** В ходе анализа рассматриваемой проблематики обозначены ключевые тренды развития современной системы высшего образования в мире. Четко сформулированы основы и предпосылки успешной реализации стратегии мягкой силы в сфере образовательно-научного сотрудничества России с Казахстаном. Описаны основные инструменты, которые сформированы на государственном уровне, используются учебными заведениями РФ и касаются как финансовых, так и организационных аспектов. **Выводы:** Мягкая сила является интеграционным компонентом современной внешней политики России, которая направлена на установление долговременных связей с иностранными гражданами. Данный инструмент публичной дипломатии образовательной системы РФ в отношении с Казахстаном позволяет успешно достигать сразу нескольких целей: получать значительные доходы, повышать конкурентоспособность россий-

ских вузов, сохранять ведущие позиции в научно-техническом развитии; получать политическую ренту, продвигать национальные культурные традиции и ценности.

Ключевые слова: мягкая сила, Россия, Казахстан, образование, ВУЗ.

Развитие мирового высшего образования с конца XX в. отмечается усилением интернационализации, что отражается в активизации международного сотрудничества и расширении совместных проектов, росте количества студентов, обучающихся за рубежом, активном формировании международного рынка образовательных услуг [2. Р. 114]. С другой стороны, сегодня экспорт образования выходит за пределы «просветительской традиции» – передачи знаний и навыков; ведущие международные акторы осознают важность высшего образования и науки как средства усиления национальной безопасности и позиций на международной арене. Во многих странах мира интернационализация становится важной составляющей как государственной образовательной политики, так и стратегии развития ВУЗов.

В данном контексте особого внимания заслуживает мягкая сила высшего образования РФ, поскольку страна входит в число наиболее влиятельных государств в глобальном рейтинге «мягкой силы», занимая 13-е место (по данным агентства «Portland» в 2021 г. [3]). Одной из стран, находящейся в орбите образовательной дипломатии России, является Казахстан, поскольку каждый второй студент, приехавший учиться в Россию, – гражданин Казахстана (рис. 1).

В значительной степени успешная организация мягкой силы в сфере образовательно-научного сотрудничества России с Казахстаном обусловлена наличием в РФ четко продуманной стратегии, развитой системой государственных и общественных институтов, участвующих в осуществлении об-

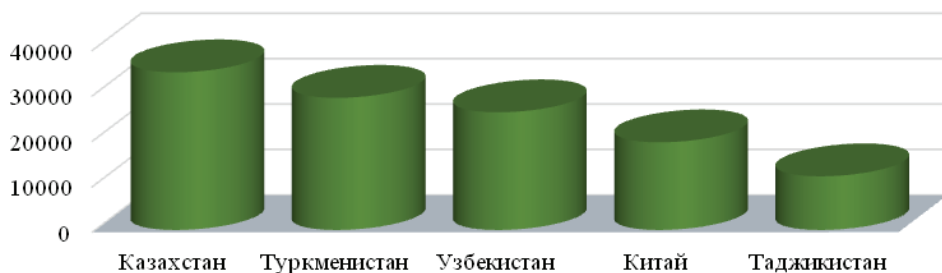

Рисунок 1. Количество иностранных студентов в России, чел. [1. С. 105]

разовательной дипломатии, а также высокой степенью заинтересованности государства в продвижении российской культуры в мире.

С учетом вышеизложенного, особую актуальность, теоретическую и практическую значимость на сегодняшний день приобретают задачи систематизации основных концептов деятельности российских учебных заведений в рамках реализации стратегии мягкой силы в отношениях с Казахстаном и очерчивании дальнейших тенденций развития образовательной дипломатии двух стран, что в целом обуславливает выбор темы данной статьи.

Исследуемая проблематика лишь недавно стала предметом внимания политологов и специалистов в сфере международных отношений. До этого процессы интернационализации высшего образования изучались преимущественно в рамках педагогической науки. При этом образовательные компаративисты фокусировались в большинстве своем на академических и экономических аспектах, часто игнорируя политическое измерение интернационализации.

В целом потенциал влияния и инструменты мягкой силы достаточно подробно рассматриваются в работах Давыдовой Ю.А., Кишкурно Т.В., Кузько А.Е., Агеевой А.В., Oluwaseun Tella, Nahlah Alsheikh, Connell Beggs, Nye Joseph.

Возможности сферы высшего образования, как инструмента «мягкой силы» государства, анализируются Lo, Tin Yau Joe, Schulze, Jennie L., Han, Christine, Антоховой Е.А., Антоновой Н.Л., Сущенко А.Д., Поповой Н.Г.

Такие ученые как Jian Li, Katri Eeva, Kenneth King, Гурулева Т.Л., Смирнов В.А. исследуют особенности мягкой силы в научно-образовательном пространстве в качестве неотъемлемого элемента стратегических коммуникаций в контексте культурно-гуманитарного сотрудничества и развития межкультурных связей между странами.

Однако учитывая многомерность характеристик мягкой силы в целом и в сфере образования в частности, несмотря на имеющиеся труды и работы, можно констатировать неустойчивость концептуальных подходов к определению данного феномена. Отдельного внимания заслуживает ценностное, институциональное измерение образовательной дипломатии, положительные и отрицательные последствия этой политики для национальных государств.

Таким образом, цель статьи заключается в рассмотрении инструментов мягкой силы высшего образования России в контексте сотрудничества с Казахстаном.

В широком смысле слова «мягкая сила» рассматривается как эффективный инструмент реализации национальных интересов в глобальной информационной среде [4. Р. 37]. Основными инструментами мягкой силы в сфере образования являются разнообразные публичные мероприятия (визиты, семинары, конференции, общественные дебаты, различные проекты, кон-

грессы, исследования, публикации), академические обмены, совместные учебные программы, конкурсы, олимпиады, которые призваны донести необходимую информацию о стране.

Ключевыми участниками в реализации стратегии мягкой силы и продвижении национальных интересов России в образовательной сфере являются университеты, выполняющие роль главных акторов публичной дипломатии. В их распоряжении находятся такие эффективные и результативные инструменты как двусторонние и многосторонние проекты научных исследований российско-казахских ученых, программы обмена студентами и педагогическими кадрами, реформирование учебных планов, образовательных программ в сторону усиления их международного компонента, институциональное партнерство между университетами, колледжами, научно-исследовательскими организациями.

Правовую базу взаимодействий и контактов, партнерства и коммуникаций составляет Соглашение о сотрудничестве в области культуры, науки и образования. Важными документами в развитии образовательных, культурных и академических обменов является План совместных действий России и Казахстана на 2019-2021 гг., который был подписан Президентами двух стран в рамках XV Форума межрегионального сотрудничества России и Казахстана; Программа сотрудничества Минкультуры России и Минкультуры и спорта Республики Казахстан на 2020-2022 гг.

Отдельное внимание следует уделить таким инструментам реализации стратегии мягкой силы России в научно-образовательном пространстве как оказание консультативной помощи в развитии системы подготовки молодого поколения Казахстана, направление преподавателей с авторскими курсами и программами, обмен научной и методической литературой.

Кроме того, Россия реализует многочисленные инициативы по привлечению студентов из Казахстана, выделяя гранты и стипендии. Большинство из них направлены на содействие демократии, поддержку развития гражданского общества, сохранение положительного имиджа России и ознакомление с русскими традициями и наследием. Среди большого количества таких инициатив можно привести несколько примеров:

- гранты Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества;
- государственные стипендии правительства России, в 2021 году для студентов из Казахстана было выделено 18 000 мест.

Особенность использования мягкой силы в системе высшего образования заключается в том, что студенты-иностранцы во время обучения усваивают не только профессиональные знания, но также нормы и ценности тех академических систем, в которых они учатся. С учетом этого казахских студентов можно рассматривать в качестве распространителей политической культуры, традиций и обычаев России. В этом контексте нельзя не согласиться с мнением В. Гюго, который говорит, что можно противостоять вторжению армий, но вторжению идей противостоять невозможно.

Подводя итоги отметим, что политика «мягкой силы» высшего образования России в контексте сотрудничества с Казахстаном, а также ее ключевые инструменты, основываясь на прочной институциональной основе, принципах системности и скоординированности, а также при организационной и финансовой поддержке государства, является очень эффективной в реализации образовательно-культурного потенциала двух стран.

Обучение студентов из Казахстана позволяет России улучшать собственный имидж на международной арене, продвигать национальные интересы в двусторонних отношениях, распространять свои политические и культурные ценности, формировать пророссийские настроения в обществе и в результате, мягко формировать сети межличностных контактов и агентов влияния, которые в будущем можно использовать для формирования политической повестки дня Республики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Наумов А.О. «Мягкая сила» Российской Федерации как ресурс влияния на пространстве евразийского экономического союза // Вестник РГГУ. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. 2019. № 1.

2. China's soft power and higher education in South Asia: rationale, strategies, and implications / Romi Jain. London: Routledge, 2021.

3. Global Soft Power Index // <https://brandirectory.com/globalsoftpower/>.

4. The soft power of the Russian language: pluricentricity, politics and policies / edited by Arto Mustajoki. London: Routledge, 2020.

YA. V. OSTASHOVA

*Postgraduate student, head of pedagogical programs
School of Business and International Proficiency,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
(MGIMO University), Moscow, Russia*

SOFT POWER INSTRUMENTS OF HIGHER EDUCATION IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF COOPERATION WITH KAZAKHSTAN

***Introduction.** In the modern world, the export of higher education, the attraction of foreign students is turning into an effective instrument of “soft power” for those states that can take advantage of the consequences of the internationalization of the educational space. Soft power has a wide range of opportunities to influence national security issues, shape the international image*

of the state, stimulate the development of the country's culture and economy, strengthen national identity, promote a system of democratic values, etc. **The purpose** of the article is to examine the soft power tools of higher education in Russia in the context of cooperation with Kazakhstan. **The objectives** of the research are 1) to study the essence of the phenomenon of soft power; 2) a study of the peculiarities of the use of soft power tools by universities in Russia. **Methods:** systems approach, sociocultural approach, generalization, comparison, institutional analysis, synthesis, abstraction, interpretation, conceptualization **Results.** In the course of the analysis of the problems under consideration, the key trends in the development of the modern system of higher education in the world are outlined. The foundations and prerequisites for the successful implementation of the soft power strategy in the field of educational and scientific cooperation between Russia and Kazakhstan are clearly formulated. The main tools that are formed at the state level, are used by educational institutions of the country and relate to both financial and organizational aspects are described. **Conclusions.** Soft power is an integration component of Russia's modern foreign policy, which is aimed at establishing long-term ties with foreign citizens. The soft power of the educational system of the Russian Federation in relations with Kazakhstan makes it possible to successfully achieve several goals at once: to receive significant incomes, to increase the competitiveness of their own universities, to maintain leading positions in scientific and technological development; receive political rent to promote national cultural traditions and values.

Key words: soft power, Russia, Kazakhstan, education, university.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИКИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ ПО СДЕРЖИВАНИЮ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Статья посвящена анализу геополитических концепций, которые легли в основу политики Соединенных Штатов Америки в отношении Китайской Народной Республики в Индо-Тихоокеанском регионе. Автор применяет исторический метод для исследования основных концепций наиболее известных представителей американской геополитической школы, в то время как event-анализ автор использует для создания объективной картины действий Соединенных Штатов Америки в Индо-Тихоокеанском регионе. Кроме того, в работе использован ряд общенаучных методов. На основании проведенного анализа автор выявляет основные тенденции развития политической ситуации в Индо-Тихоокеанском регионе и предполагает, что с углублением противостояния Соединенных Штатов Америки с Китайской Народной Республикой все больше стран, находящихся в Индо-Тихоокеанском регионе, будут втянуты в данное противостояние. Результаты исследования свидетельствуют, что «поворот США в Азию» является не только основным стратегическим приоритетом Соединенных Штатов Америки, но и следствием развития американской геополитической мысли.

Ключевые слова: геополитика, Индо-Тихоокеанский регион, США, КНР, AUKUS, QUAD.

В настоящий момент Индо-Тихоокеанский регион становится ареной противостояния США и КНР. 29 ноября 2021 года Министерство обороны США (Department of Defense) опубликовало выдержки из «Обзора глобальных приоритетов политики США», положения которого войдут в Стратегию национальной обороны. Согласно указанному документу, Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) является ключевым для военно-полити-

ческого руководства США. Кроме того, для усиления присутствия в ИТР и для сдерживания КНР американские военные продолжают переброску сил и средств из других регионов планеты [6].

3 марта 2021 года администрация Президента США Дж. Байдена представила «Временное стратегическое руководство по национальной безопасности» – базовый документ стратегического планирования США, которым будут руководствоваться все ведомства США до выхода Стратегии национальной безопасности США. Согласно данному документу, позиция Вашингтона относительно Китая следующая: «Это единственный конкурент, потенциально способный объединить свою экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь для создания устойчивого вызова стабильной и открытой международной системе ... Наши демократические союзы позволяют нам выступать единым фронтом, вырабатывать единое видение и объединять наши силы для продвижения высоких стандартов, установления эффективных международных правил и привлечения к ответственности таких стран, как Китай» [8. С. 8, 10].

15 сентября 2021 года лидеры США, Великобритании и Австралии подписали совместное заявление о создании партнерства «AUKUS», главной заявленной целью которого является поддержание «мира и стабильности в Индо-Тихоокеанском регионе» [9].

2 декабря 2021 года был опубликован доклад Конгрессу США «Возобновленная конкуренция великих держав: последствия для обороны – вопросы для Конгресса», где сказано, что деятельность Министерства обороны США в ИТР включает в себя стратегическую конкуренцию с Китаем и укрепление военного потенциала как союзников (Японии, Австралии, Южной Кореи, Филиппин), так и партнеров США, таких как Вьетнам [11. С. 12]. Таким образом, в документах стратегического планирования был институционально оформлен и закреплен «поворот США в Азию», провозглашенный в 2011 году Б. Обамой и Х. Клинтон [5. С. 101].

Теоретические основы стратегии «поворота США в Азию» были сформулированы задолго до 2011 года. Более того, именно политика США в Юго-Восточной Азии наиболее органично воплощает на практике идеи классиков американской геополитики. Основоположником американской геополитической школы считается адмирал А. Мэхэн, который впервые сформировал понятие «морской мощи» и критерии, определяющие ее. Именно А. Мэхэн предложил использовать в глобальном масштабе стратегию морской блокады южных штатов (так называемая «стратегия анаконды»), которую применял генерал Дж. Макклеллан во время Гражданской войны в США [4. С. 44-45]. Следует отметить, что основные идеи А. Мэхэна (важность морской силы, контроль над ключевыми морскими путями) и развитие «стратегии анаконды» прослеживаются в действиях США в настоящий момент. Основными целями создания, упомянутого выше

партнерства AUKUS, воссозданного в 2017 г. Четырехструнного диалога по безопасности (QUAD) [7], а также концепта Индо-Тихоокеанского региона – удержание контроля над стратегически важными морскими путями и недопущение выхода Китая за пределы Восточно- и Южно-Китайских морей.

Заслугой крупнейшего американского геополитика XX века Н. Спикмена является ввод в научный оборот понятия римленда (от англ. rim – дуга). В отличие от основателя геополитики Х. Маккиндера, Н. Спикмен считал, что прибрежный пояс государств Евразии (римленд) является ключевым регионом мира, и кто контролирует данный пояс, тот контролирует всю Евразию и, следовательно, весь мир [3. С. 90-92]. Во время «Холодной войны» концепция римленда стала ключевой при определении военно-политическим руководством США географии их военного присутствия. Опора на прибрежные государства Юго-Восточной Азии является основой политики США и в настоящее время.

Американский геополитик Д. Майнинг развил идеи Н. Спикмена о стратегической важности римленда. Он обратил внимание на важность культурно-ценностного аспекта геостратегических действий [1. С. 65-67], дав теоретическую основу действиям американских агентств (в первую очередь USAID), направленным на привнесение новых (американских) ценностей в наиболее стратегически важные для США регионы мира.

В 1994 году бывший государственный секретарь США Г. Киссинджер предложил не разрабатывать всеобъемлющую систему безопасности, а сфокусироваться на создании многоуровневых структур региональной безопасности, которые в своем фундаменте имеют общее понимание политических и экономических принципов [2. С. 830]. Именно такой подход используется сейчас для сдерживания КНР. Во-первых, в рассекреченной Стратегии США в отношении Индо-Тихоокеанского региона сказано, что «сильная Индия и страны-единомышленники будут являться балансиrom Китая», а среди целей по реализации политики США в ИТР указано содействие превращению Индии в «сетевую поставщика услуг безопасности» [12. С. 2, 5]. Таким образом, можно говорить о создании сети союзов, двусторонних и многосторонних договоров, направленных на сдерживание Китая. Во-вторых, состоявшийся в декабре 2021 г. «Саммит демократий» выявил не только стремление США укреплять свои связи с различными международными акторами, но и желание придать данному процессу ценностное измерение. Участие же представителей Тайваня [10] указывает на антикитайский формат данного саммита.

Из этого следует, что политика США в Индо-Тихоокеанском регионе, направленная на сдерживание Китая, имеет глубокую теоретическую проработку, которая уходит своими корнями в период становления США в качестве мировой державы. Такие аспекты данной политики как «стратегия анаконды», культурно-ценностные факторы, многоуровневые союзы были неоднократно реализованы в различные периоды американской истории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Андрианова Т.В. Геополитика и культура: Аналитический обзор // Геополитика и культура: аналитический обзор. 2001. № 2001 // <https://cyberleninka.ru/article/n/geopolitika-i-kultura-analiticheskii-obzor>.
2. Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Издательство АСТ, 2018.
3. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география: учебник для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2001.
4. Павленко А.П. Морская политика как ключевой фактор международных отношений эпохи «Нового маринизма» // Территория новых возможностей. 2010. № 2 (6) // <https://cyberleninka.ru/article/n/morskaya-politika-kak-klyuchevoy-faktor-mezhdunarodnyh-otnosheniy-epohi-novogo-marinizma>.
5. Покудов З.В., Калимонов И.К. «Поворот к Азии» Барака Обамы и проблема укрепления трансатлантических отношений // Манускрипт. 2020. № 5 // <https://cyberleninka.ru/article/n/povorot-k-azii-baraka-obamy-i-problema-ukrepleniya-transatlanticheskikh-otnosheniy>.
6. A. Eversden Pentagon's Global Posture Review emphasizes China, but lacks major strategic changes // <https://breakingdefense.com/2021/11/pentagons-global-posture-review-emphasizes-china-but-lacks-major-strategic-changes/>.
7. H.D.P. (David) Envall Policy report The Quadrilateral security dialogue: towards an Indo-Pacific order? // https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2019/09/PR190909_The-Quadrilateral-Security-Dialogue.pdf.
8. Interim National Security Strategic Guidance // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf>.
9. Joint Leaders Statement on AUKUS // <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/15/joint-leaders-statement-on-aukus/>.
10. Official Interventions // <https://www.state.gov/official-interventions-the-summit-for-democracy/>.
11. Renewed Great Power Competition: Implications for Defense-Issues for Congress // <https://sgp.fas.org/crs/natsec/R43838.pdf>.
12. U.S. Strategic framework for the Indo-Pacific // <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/01/IPS-Final-Declass.pdf>.

D.S. TELEGIN

*Postgraduate student of the Department
of Globalistics at the Faculty of Global Studies
of Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

THEORETICAL FRAMEWORK FOR POLICY OF THE UNITED STATES OF AMERICA IN THE INDO-PACIFIC REGION

The article is devoted to the analysis of geopolitical concepts that formed the basis of the policy of the United States of America towards the People's Republic of China in the Indo-Pacific region. The purpose of this work is to identify the theoretical foundations of the United States of America policy in the Indo-Pacific region.

The author uses the historical method to study the basic concepts of the most famous representatives of the American geopolitical school, while uses event analysis to create an objective picture of the actions of the United States of America in the Indo-Pacific region. In addition, a number of general scientific methods are used in the work. Based on the analysis, the author identifies the main trends in the development of the political situation in the Indo-Pacific region and assumes that with the deepening of the confrontation between the United States of America and the People's Republic of China, more and more countries in the Indo-Pacific region will be drawn into this confrontation. The results of the study indicate that the "turn of the United States to Asia" is not only the main strategic priority of the United States of America, but also a consequence of the development of American geopolitical thought.

Key words: *geopolitics, Indo-Pacific region, USA, China, AUKUS, QUAD.*

аспирант кафедры международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ АСЕАН В ВОПРОСЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

За последние два десятилетия трудовая миграция в АСЕАН превратилась в важную движущую силу экономического роста и развития. АСЕАН сосредоточила внимание на мобильности профессионалов, хотя в большинстве стран АСЕАН мигранты заняты на низкоквалифицированной работе. В статье изучаются причины трудовой миграции в регионе Юго-Восточной Азии. Автор рассматривает влияние трудовой миграции как нетрадиционного вызова безопасности для сохранения стабильности в регионе.

Несмотря на оцутимое воздействие трудовой миграции на экономику АСЕАН, социальная защита, предоставляемая трудовым мигрантам, как правило, незначительна, отчасти из-за слабого положения в рамках национальной политики и правовых систем, а также при отсутствии применимых двусторонних договоренностей. В статье приводится анализ политики АСЕАН в сфере обеспечения социальной защиты трудовых мигрантов.

Ключевые слова: АСЕАН, трудовая миграция, незаконная миграция, План социокультурного сообщества АСЕАН, социальная защита.

Международная трудовая миграция или трансграничная трудовая миграция в последнее десятилетие становится все более заметным явлением в Юго-Восточной Азии. В силу различных обстоятельств, возникающих из-за угроз и последствий неустойчивого развития, а также благодаря инновационным связям и технологиям, большое число людей всех возрастов и полов переезжают в другие страны, перемещаются внутри региона. Мировой политический кризис, дополненный глобальной пандемией, создает трудности и вызовы осуществлению свободного миграционного потока. Между тем, еще до глобальной пандемии, вопрос миграции был краеугольным камнем для государств Юго-Восточной Азии. Трансграничная миграция входит в число нетрадиционных вызовов безопасности для АСЕАН. Быстрый рост и развитие региона АСЕАН увеличили трансграничную мобильность рабочей силы в регионе. Тем не менее, в рамках национальной политики

и правовых систем внутри АСЕАН отсутствуют применимые двусторонние договоренности, относящиеся к трудовым и социальным правам мигрантов. Большинству трудовых мигрантов в настоящее время приходится полагаться на неформальные стратегии выживания, что приводит к развитию незаконной миграции и как следствие эксплуатации трудовых мигрантов.

Трудовые ресурсы эмигрируют и иммигрируют как за пределы региона, так и внутри его. Основными направлениями массовой миграции для жителей Юго-Восточной Азии являются Ближний Восток и Северо-Восточная Азия (Япония, Тайвань, Южная Корея и Гонконг). Рабочая сила из Юго-Восточной Азии эмигрирует в Соединенные Штаты, Канаду, Европу и Австралию, однако данное направление менее распространено [3]. В самой Юго-Восточной Азии основными странами из которых чаще всего мигрирует население являются Индонезия, Филиппины, Камбоджа, Лаос, Мьянма и Вьетнам, а ключевыми странами, принимающими рабочую силу, являются Бруней и Сингапур. Внутрорегиональная трудовая миграция особенно важна для Мьянмы и Камбоджи, поскольку 93,4% (Мьянма) и 66,8% (Камбоджа) рабочих-мигрантов переезжают из этих государств в другие страны АСЕАН [7]. Многие из этих трудящихся-мигрантов заняты на сезонных работах с низкой и средней квалификацией, например, строители, рыбаки и рабочие на плантациях. Кроме того, большую долю среди мигрантов в АСЕАН составляют женщины – 52% от общего числа трудящихся-мигрантов в регионе.

Региональная трудовая миграция в пределах АСЕАН вызвана следующими критическими факторами: различия между странами с точки зрения социально-экономического развития; политическая и гражданская борьба, вытесняющая определенные слои общества (например, беженцы из Мьянмы, живущие в Таиланде); демографические различия среди населения стран АСЕАН с низким уровнем ВВП и, следовательно, нехватка дешевой и квалифицированной рабочей силы в странах с более высокими доходами.

Вместе с тем, миграционные процессы в Юго-Восточной Азии сталкиваются с рядом проблем, которые способствуют развитию угроз безопасности в регионе. В первую очередь, ключевой проблемой трудовой миграции в АСЕАН является незаконная миграция, вызванная отсутствием надлежащих документов и вынуждающая работать людей неофициально. При попытке устроиться на работу с учетом нелегальной миграции, мигранты, с большей вероятностью, подвергаются риску насилия на рабочем месте и страдают от наихудших условий труда, а также подвергаются преследованиям, жестокому обращению и эксплуатации [6]. Данные правонарушения происходят в основном из-за отсутствия у мигрантов доступа к необходимой информации о законах и услугах, недостаточного наличия знаний перед отъездом, что подталкивает людей к выбору низкоквалифицированной работы. Незаконную миграцию можно интерпретировать как выражение пра-

ва на мобильность. Однако парадокс заключается в том, что международное право поддерживает право покидать страну, но не право въезжать в другую. Несоответствие между экономическими потребностями и политическими соображениями очевидно, так как нет жестких барьеров для потока товаров и капитала, но существуют искусственные препятствия для свободного передвижения потока людей. В ходе незаконной миграции люди часто эксплуатируются отдельными лицами или предприятиями; являются жертвами принудительного труда в такой экономической деятельности, как сельское хозяйство, строительство, производство [9]. Нелегальная миграция является серьезной угрозой для АСЕАН, учитывая возможность неполного документирования всех беженцев и лиц без гражданства и ежегодно увеличивающуюся численность населения. К сожалению, АСЕАН не предпринимает попыток урегулировать эту проблему.

Стоит отметить, что в АСЕАН остро стоит проблема трудовой миграции среди женщин и детей. Женщины-мигранты особенно уязвимы перед злоупотреблениями в сфере труда из-за того, что они полагаются на работодателей при выдаче виз, жилья и оплате труда. Кроме того, они имеют ограниченный доступ к информации и сталкиваются с языковыми барьерами, которые мешают им выявлять или сообщать о плохом обращении и условиях. В регионе АСЕАН обрабатывающая промышленность является именно тем сектором, в котором трудящиеся женщины-мигранты сталкиваются с удержанием части заработной платы из-за наличия необоснованных взысканий, таких как оплата медицинских услуг, питания и транспортных расходов, несмотря на то, что они живут в непосредственной близости от заводов. Что касается трудовой миграции среди детей, то по оценкам Министерства занятости Таиланда, в провинции Мае Сот были опрошены 313 бирманских детей: самому молодому респонденту было 12 лет, и он работал на заводе по восемь часов в день, семь дней в неделю [5]. Все эти бирманские дети сталкиваются с чрезмерной продолжительностью рабочего дня, недостатком свободного времени и нездоровой близостью к опасным машинам и химическим веществам, при этом им часто не выплачивают заработную плату.

Зачастую трудовые мигранты в АСЕАН попадают под категорию работников, на которых вообще не распространяется система социального обеспечения, что является серьезной проблемой для АСЕАН, учитывая, что 60% рабочих-мигрантов внутри АСЕАН работают неофициально. Некоторые мигранты сталкиваются с тем, что самостоятельно не могут сменить место работы даже при наличии официального статуса. Сменив работу без уведомления специальных органов власти в течение трех дней, трудовой мигрант автоматически теряет свой регистрационный статус и становится «нелегальным мигрантом» [11]. Утратив свой правовой статус, трудящиеся мигранты могут лишиться доступа к социальной защите. При выезде из страны, в определенных государствах АСЕАН, официально зарегистри-

рованные приезжие рабочие не имеют права снять свои накопления, перечисленные в пенсионный фонд страны-работодателя. Трудовые мигранты в АСЕАН сталкиваются с определенной дискриминацией, которая превалирует в законах и практике как стран происхождения, так и страны назначения. Очевидно, что национальная политика в области труда, миграции, а также соответствующие правовые основы, слабо отражают тяжелое положение социальной защиты трудовых мигрантов и их семей. Таким образом, трудовые мигранты находятся в невыгодном положении, так как они получают меньше социальных услуг как в родной стране, так и в государстве пребывания. В странах АСЕАН, где работают мигранты, их не включают в системы, финансируемые за счет налогов, например, в программы социальной помощи или получения социальных пенсий, несмотря на вклад мигрантов в экономику.

Безопасность государства и внутренних трудовых мигрантов зависит от законодательной базы, направленной на защиту прав мигрантов. Ранние соглашения АСЕАН – Зона свободной торговли АСЕАН, Рамочное соглашение АСЕАН об услугах и Инвестиционная зона АСЕАН – не содержат положений о трансграничной мобильности рабочей силы [8]. Однако «свободный поток квалифицированной рабочей силы» включен в Экономическое сообщество АСЕАН. План экономического сообщества АСЕАН, рассчитанный на период до 2025 года, содержит положения об экономической интеграции, подразумевающий свободный поток товаров, услуг, инвестиционного капитала и квалифицированной рабочей силы в регионе, в частности, перемещение специалистов по восьми профессиям: инженерное дело, сестринское дело, архитектура, медицина, стоматология, туризм, геодезия и бухгалтерский учет [4]. В свою очередь, План социокультурного сообщества АСЕАН, действующий до 2025 года, отмечает рост миграции внутри АСЕАН, а также распространение крайней бедности в регионе, несмотря на незначительный рост экономических показателей. В плане отмечается, что организация стремится повысить качество жизни своего народа за счет совместных действий, ориентированных на людей и направленных на содействие устойчивому развитию [1]. Важно отметить, что в Плане особое внимание уделяется, в первую очередь, социальным вопросам и защите прав человека; во-вторых, уточняются действия относительно обеспечения социальной защиты трудящихся-мигрантов. В документе перечислены основные стратегические меры по защите прав трудовых мигрантов, такие как укрепление национального законодательства в части миграции; ратификация государствами АСЕАН основных международных договоров по правам человека или присоединение к ним; сотрудничество с соответствующими отраслевыми органами для ускорения работы АСЕАН по защите прав мигрантов. Таким образом, План социокультурного сообщества, будучи третьим столпом в реализации общего Видения АСЕАН, содействует перемещению трудовых мигрантов путем расширения и углубления обя-

зательств в соответствии с Соглашением АСЕАН о передвижении граждан, где это уместно, а также, при необходимости, способствует рассмотрению дальнейших существующих соглашений о взаимном признании и возможности введения дополнительных новых мер для мобильности специалистов и квалифицированной рабочей силы в регионе.

Кроме существующих институциональных механизмов, АСЕАН приняла ряд практических мер для обеспечения социальной защиты трудовых мигрантов. В частности, организация разработала механизм поддержки мигрантов в виде предоставления медицинского страхования. Страны-участницы АСЕАН подтвердили приверженность в оказании необходимой медицинской помощи трудовым мигрантам [10]. Данный шаг демонстрирует озабоченность организации существующей проблемой в социальной защищенности трудовых мигрантов в регионе.

Таким образом, социальная защита мигрантов в АСЕАН, по сути, является проблемой прав человека, так как в документах АСЕАН отмечается, что трудящиеся мигранты относятся к категории «уязвимые люди». Отсутствие единого стандарта, регулирующего въезд, размещение и правовой режим для рабочих мигрантов в АСЕАН приводит к развитию незаконной миграции и нарушению прав человека. Люди, эмигрирующие внутри АСЕАН, не имеют базовой социальной защиты и часто подвержены неравноправному обращению. В период глобальной пандемии большинство мигрантов оказалось без необходимой медицинской помощи, что отразилось на статистических данных организации в борьбе с COVID-19 [2]. Анализ одного из основополагающих документов АСЕАН – Плана социокультурного сообщества, позволяет сделать вывод, что организация намерена урегулировать статус трудовых мигрантов для того, чтобы исключить развитие нетрадиционной угрозы безопасности в Ассоциации. Согласно документу, страны-участницы содействуют обеспечению равного обращения с трудовыми мигрантами, в частности, в сфере доступа к социальной защите в странах назначения, как по закону, так и на практике. Более того, АСЕАН предпримет специальные меры для защиты неофициальных работников в области обеспечения базовыми потребностями (документы, медицинская страховка). Однако существующих механизмов недостаточно для комплексного подхода к решению проблем трудовой миграции. Управление трудовой миграцией в АСЕАН должно учитывать реалии миграционных потоков в Юго-Восточной Азии. Появление временной, незаконной, феминизированной рабочей силы мигранта, занятой на низкооплачиваемых, низкоквалифицированных и низко статусных должностях вызывает озабоченность с точки зрения прав человека. Для решения миграционного кризиса АСЕАН необходимо закрыть существующие пробелы по социальной защите мигрантов путем реформирования и обеспечения соблюдения закона относительно трудовых мигрантов и расширения прав и возможностей трудовых мигрантов в будущем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Association of Southeast Asian Nations (ASEAN). ASEAN Social Community at a Glance, 2017 // http://asean.org/storage/2015/11/AECat-a-glance-2016_web_version2.pdf.
2. COVID-19: Impact on migrant workers and country response in ASEAN. N.Y.: Free Press, 2020.
3. Fukuda-Parr S. The Human Development Paradigm: Operationalizing Sen's Ideas on Capabilities // In *Feminist Economics*. 2021. Vol. 1.
4. Hein A., Minoletti P., Paing A., Win N., Harkins B. Safe migration knowledge, attitudes and practices in Myanmar. Bangkok: ILO, 2020.
5. International Labour Organization and UN Women. Valuing the contributions of women migrant workers in ASEAN // *Women's Labour Migration in ASEAN*, 2019.
6. Nadaraj V. Migrant workers in ASEAN: The hidden and neglected workforce // *The Establishment Post*. 2021.
7. National Economic and Social Development Board (NESDB). Labour Demand Projection in Thailand. Bangkok, 2018.
8. Orbeta A. Enhancing Labour Mobility in ASEAN: Focus on Lower Skilled Workers. Discussion Paper Series No. 2013-17, 2019 // www.pids.gov.ph/dp.php?id=5153&pubyear=2013.
9. Pfeleiderer C. Social protection in developing countries: Reforming systems. Oxon, Routledge, 2019.
10. Robertson P.Jr. and Samydorai S. ASEAN framework instrument on the protection and promotion of the rights of migrant workers. Singapore, 2020.
11. Yi B. Government 'to continue' to send domestic workers abroad // *The Jakarta Post*, 22 Mar 2018 // <https://www.pressreader.com/indonesia/the-jakarta-post/20170322/281603830287638>.

T.R. BOZOYAN

*PhD Student of the Department
of International Relations and Integration Processes,
Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State
University, Moscow, Russia*

FEATURES OF ASEAN POLICY ON LABOR MIGRATION

Over the past two decades, labor migration in ASEAN has emerged as an important driver of economic growth and development. ASEAN has focused on professional mobility, although in most ASEAN countries migrants are employed in low-skilled jobs. The article examines the causes of labor migration in the

South-East Asia region. The author examines the impact of labor migration as an unconventional security challenge for maintaining stability in the region. Despite the tangible impact of labor migration on the ASEAN economy, the social protection afforded to migrant workers is generally negligible, in part due to weak situations in national policies and legal systems, and in the absence of applicable bilateral agreements. The article analyzes the ASEAN policy in the field of social protection of labor migrants.

Key words: *ASEAN, labor migration, illegal migration, ASEAN Socio-Cultural Community Plan, social protection.*

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС АРКТИКИ КАК ЭЛЕМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА

В данной статье автор анализирует специфику международно-правового статуса Арктики в современных политических реалиях. Исследование предопределяет фокус на таких понятиях, как «правовой режим» и «правовой статус», применяемых к региону Крайнего Севера, указывает на краеугольный характер территориальных претензий государств циркумполярной зоны (ведущих к росту атмосферы соперничества, осложняемого милитаризацией региона и расширением активности НАТО), детализирует ключевые направления и тенденции развития международно-правового режима Арктики, его влияния на геополитические трансформации. Подчеркивается, что в Арктике отсутствует консолидированный правовой режим и не существует также специального международно-правового акта, которым непосредственно регулируется юридический статус Арктики.

Ключевые слова: *Арктика, международно-правовой статус, секторальный подход, соперничество.*

В современной политологии и науке международного права в качестве объекта научных исследований отечественных и зарубежных авторов нередко выступает Арктика. Необходимо отметить, что в профессиональной литературе существует широкий спектр определений Арктики как международно-правового понятия. Таковое разнообразие дефиниций есть закономерное отражение исключительных и свойственных данному региону специфических качеств. Крайне важно понимать, что присущие Арктическому региону параметры должны быть обстоятельно приняты во внимание при дальнейшей разработке строгого юридического определения циркумполярной территории. Кроме того, активно изменяющаяся современная Арктика, в настоящее время обременена существенным рядом совершенно новых и не менее значимых аспектов, свидетельствующих о необходимости расширить диапазон исследований в области международно-правового статуса. Перечень новых арктических трендов, осложняющих определение меж-

дународно-правового статуса, включает в себя: получение новых сведений о наличии редкоземельных металлов и различных полезных ископаемых; создание и появление обновленной карты залежей нефти (с пересмотром количественных параметров ресурсов в значительно большую сторону); развитие качественно нового и сложного этапа сотрудничества арктических государств по части существующих территориальных претензий и споров; дискуссии вокруг т.н. «интернационализации» канадского Северо-Западного прохода и российского Северного морского пути [20. С. 376].

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 3; 5; 7; 9; 10; 12; 13; 14; 15].

Однако проблему международно-правового статуса Арктики в контексте геополитического соперничества нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Стремительная трансформация современной системы международных отношений, придание ей конфронтационного характера взаимодействия, неизбежно нашла свое отражение и в Арктическом регионе, где «восьмерка» государств-членов Арктического совета вступила в новый и очень трудный этап взаимодействия в регионе. Во многом, ситуация осложняется односторонним милитаристским подходом стран Запада, особенно со стороны тех, кто является членом военно-политического блока НАТО.

Таким образом, существенное обострение ситуации в области национальной и региональной безопасности Арктического региона, переход от атмосферы тесного сотрудничества и доверия к конкуренции и соперничеству, свидетельствует о наличии определенных устойчивых обстоятельств, влияющих на поведение циркумполярных акторов. Видится, что необходимо освятить шесть основных трендов, определяющих современные Арктические тенденции.

Во-первых, особым краеугольным камнем ситуации в регионе выступает экологическая проблематика, связанная, прежде всего, с глобальным потеплением и таянием арктических ледников. Так, Национальное управление океанических и атмосферных исследований США, являющееся ведомством-флагманом в области Североамериканских геодезических исследований, отмечает не самую оптимистическую картину. Согласно обновленным данным представленного научного анализа (2019), освобождение Арктики от ледяного покрова ожидается уже к 2050 г. (ранее эксперты этого же ведомства указывали на возможность подобных изменений на Северном полюсе лишь к 2100 г.). Таким образом, постепенное освобождение Северного Ледовитого океана (далее – СЛО) открывает перспективы судоходства не только для коммерческих и рыболовецких судов, но и для военно-морских кораблей. В условиях существующих претензий касательно свободы

мореплавания через Северный морской путь и проведения показательных учений стран-членов НАТО по обеспечению безопасности близ указанной национальной транспортной артерии РФ, вероятность дальнейшей милитаризации в регионе крайне высока [18. С. 19].

Во-вторых, в первой четверти XXI века наблюдается постепенный рост интереса ведущих мировых акторов (в т.ч. внерегиональных), который обусловлен прежде всего экономическими факторами (инвестиции в зеленую экономику Арктики, общий коммерческий интерес и др.). Отдельный интерес у ведущих мировых держав вызывают и новейшие данные в области залежей нефти и газа. Следует отметить, что интерес к региону проявляется не только на уровне держав, но и со стороны политических и экономических объединений. Значимым примером может выступить Европейский союз, принявший специальное Арктическое коммюнике (2009 г.), содержащее в себе основы политики союза в регионе [21. С. 47]. Новая арктическая стратегия ЕС, утвержденная 13 октября 2021 года, определяет деятельность Брюсселя в регионе уже как «геополитическую необходимость» [16. С. 33].

В-третьих, циркумполярное пространство, включающее в себя как морские просторы СЛО, так и область воздушного пространства над ним, оценивается как крайне выгодная коммуникационная артерия, способная обеспечить быструю и устойчивую связь между наиболее развитыми регионами мира. Особый акцент устремлен на логистику и грузоперевозки.

В-четвертых, со стороны членов Арктического совета и стран-наблюдателей отмечается нарастающая тенденция рассматривать регион как перспективный природно-ресурсный резерв. Вновь обращаясь к имеющимся научным исследованиям, проведенных под руководством Геологической службы США следует отметить, что по текущим оценкам, Арктические территории содержат в себе 13% общемировых запасов нефтяных ресурсов (к слову, еще неразведанных) и 30% природного газа. Кроме того, эксперты и исследователи заявляют о значительных углеводородных источниках (15-20 млрд. тонн топлива) в наиболее глубоких частях СЛО [21. С. 57].

В-пятых, существенным фактором, осложняющим взаимодействие в регионе, является активное вовлечение обширного диапазона мировых государств, заинтересованных в освоении Арктических ресурсов. Особенностью сложившейся политической, правовой и экономической ситуации является тот факт, что государства, предпринимающие активные попытки защищать свои права на деятельность в Арктике (Китай, Южная Корея, Япония, Сингапур, Германия и др.), не имеют прямого выхода в акваторию СЛО. Их действия носят разнообразный характер – от получения статуса наблюдателя в Арктическом совете путем хитрого лавирования между интересами членов Организации и продвижения своих геополитических интересов до формирования локальных площадок для Арктического диалога (азиатская тройка в виде Китая, Японии и Южной Кореи), открытия

собственных исследовательских станций в регионе и организации научных экспедиций. В настоящий момент более 60 современных государств мира имеют продекларированные намерения начать и или продолжить свою деятельность в Арктике [19. С. 35].

В-шестых, обусловленный вышеуказанными факторами рост активности мировых акторов (в т.ч. их физических и юридических лиц) в регионе, неизбежно придает новый импульс изучению проблем международно-правового характера. Усиливается необходимость в исследовании, выявлении и разработке четкого, слаженного механизма регулирования правоотношений (военно-политического, экономического, экологического, научно-технического вектора) между вовлеченными государствами, число которых в Арктике неуклонно растет [17. С. 27].

В современной отечественной и зарубежной доктрине международного права содержание таких категорий как «международно-правовой статус» или «международно-правовой режим Арктики» традиционно рассматриваются в контексте двух четко очерченных методологических подходов: 1) сущностного понимания понятий и видов территорий в международном праве (Л. Тимченко, А.А. Ковалев, М.Е. Волосов) и 2) международно-правовых классификаций морских пространств (С.В. Кузнецов, М.В. Буроменский, И.И. Лукашук) [8. С. 281].

Для глубокого, объективного понимания сущности и соотношения терминологических понятий «правовой статус» и «правовой режим» в контексте особенностей Арктического региона методологическое значение имеют положения Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. В ней, в частности, термин «режим» («правовой режим») означает совокупность норм, регулирующих определенное явление в рамках фундаментальных положений, формирующих правовой базис каждой пространственной категории, которая в Конвенции 1982 г. обозначена понятием «статус» («правовой статус») [4]. Важно также упомянуть, что в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. не только раскрыта сущность международно-правовых категорий, но и четко разграничены понятия «правовой статус» и «правовой режим». Например, в п. 4 статьи 49 Конвенции отмечено: «Режим архипелажного прохода по морским коридорам, устанавливаемым в настоящей Части, в других отношениях не затрагивает статус архипелажных вод» [4]. Приведенное положение свидетельствует, что в международном праве при анализе и практическом решении территориальных вопросов нередко применяют понятие «правовой статус» или «правовой режим», которые не являются тождественными. Однако во время исследования правовых особенностей того или иного территориального пространства эти понятия не следует рассматривать отдельно, поскольку они неразрывно связаны между собой и в определенной степени взаимосвязаны [11. С. 4].

По результатам исследования можно констатировать определенные устойчивые особенности международно-правового статуса Арктического региона и содержательной части осуществляемых правоотношений между государствами, осложняющих геополитическую обстановку.

Во-первых, вплоть до настоящего времени международным сообществом не было выработано единого и общепризнанного понятия «Арктика» [6. С. 160]. Отсутствие точной формулировки вносит соответствующие трудности в содержательную часть универсальных конвенций и международных соглашений. Таким образом, уместно говорить о двугранном направлении подхода к определению. Исходя из первого направления, регион можно рассматривать с позиции открытого моря (морские пространства СЛО) с присущими ему международно-правовыми последствиями. Второй подход основывается на особом государственном статусе территорий СЛО, большая часть которого покрыта льдом. Кроме того, под особый статус в своем комплексе попадают: континентальный шельф, земли, острова и вышеотмеченные ледяные поверхности.

Во-вторых, вместе с отсутствием общего понятия «Арктика» не определены и территориально-географические границы рассматриваемого циркумполярного региона. Однако, сегодня начинает просматриваться тенденция к рассмотрению Арктического региона в строгих рамках, ограниченных Северным полярным кругом.

В-третьих, существующий правовой режим в Арктике не имеет прочных целостных оснований, установлен на фрагментарном уровне. Национальные законодательства региональных государств составляют основу арктического правового режима, в то время как действующие международно-правовые соглашения охватывают лишь ограниченный круг вопросов (в качестве наиболее разработанного направления выступает сфера охраны окружающей среды). Это, в свою очередь, выступает серьезным сдерживающим фактором в части дальнейшего сотрудничества мирового сообщества по выработке международно-правовых норм в отношении Арктики. Вместе с тем, можно отметить, что данный регион может стать «лабораторией» для установления нового международно-правового режима.

Выяснено, что существенным краеугольным камнем в отношениях между арктическими государствами остается правовой статус дна СЛО, в частности, его территориальное разделение [2. С. 285]. «Арктическая пятерка» в своем арсенале не имеет ни одного соглашения, которое позволило бы установить права государств на дно океана в соответствии с установленными и регламентированными нормами. Можно сказать, что относительно возможных сценариев разделения Арктических территорий с их последующим юридическим закреплением, эксперты в области международного права достигли некоторого консенсуса. Так, специалистами выделяется два подхода – секторальный и интернациональный. В связи с этим видится, что ученым и экспертам из соответствующих областей необходимо осуществить компаративный

анализ преимуществ и недостатков каждого из названных концептуальных подходов к территориальному размежеванию Арктики. Кроме того, начало XXI в. ознаменовалось появлением специфического явления – обращения государств к результатам естественно-научных исследований для обоснования собственной позиции. Представляется, что в условиях развития арктической инфраструктуры указанная тенденция будет сохраняться и распространяться.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бородин Е.А.* Позиции государств по урегулированию вопроса о границах континентального шельфа в Арктике // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 6 (63).

2. *Вылегжанин А.Н., Дудыкина И.П.* Конвенция ООН по морскому праву и правовой режим Арктического шельфа // Вестник Воронежского государственного университета. 2017. № 1.

3. *Зюзина А.А.* В общих интересах вопреки геополитической напряженности: Соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в Арктике вступило в силу // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 10 (74).

4. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 // http://www.un.org/convention_agreements/texts/unclos.pdf.

5. *Копылов И.А., Матвеев О.В., Ястремский А.М.* Некоторые проблемы безопасности российской Арктики: военно-политический аспект // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 8 (65).

6. *Кочемасова Е.Ю.* О некоторых научных подходах к определению границ Арктики // Арктика и Север. 2019. № 35.

7. *Кузьмина О.В., Фалалеев М.А., Ситдикова Н.А.* Глобальная система международных отношений на рубеже 2020-ых годов: тенденции и риски развития // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 3 (37).

8. *Лукашук И.И.* Международное право. Общая часть. М.: Волтерс Клувер, 2005.

9. *Лукин А.Д.* Роль и место экологической безопасности в международных отношениях в Арктическом регионе // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 8 (65).

10. *Лэй Шуан.* Развитие и перспективы китайско-российского совместного строительства «Ледового шелкового пути» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 8 (65).

11. *Макагон А.В.* Основные концепции, коллизии и правовые основания международного режима Арктики // Океанский менеджмент. 2019. № 1.

12. *Максимова Д.Д., Лассер Фредерик.* Арктический совет и российско-канадское сотрудничество // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 12 (64).

13. *Назаров В.П.* Стратегическое планирование в политике национальной безопасности России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 4 (61).

14. *Сабитова Э.Ш.* Северный морской путь в арктической политике Российской Федерации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 5 (62).

15. *Талипов И.Ф., Матвеев О.В.* Международно-правовое регулирование освоения Арктики // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 12 (81).

16. *Тимошенко Д.С.* Арктическая стратегия Еврокомиссии: вызов для России или мера вынужденной интеграции? // Аналитические записки Института Европы РАН. 2021. № 32.

17. *Folkestad Soltvedt I.* Arctic Governance, Vol. 1: Law and Politics. I.B. Tauris, 2017.

18. *Heininen L.* Climate Change and Arctic Security: Searching for a Paradigm Shift. Springer, 2019.

19. *Rothwell D.R.* Arctic Ocean Shipping: Navigation, Security and Sovereignty in the North American Arctic. BRILL, 2018.

20. *Schönfeldt K.* The Arctic in International Law and Policy. Bloomsbury Publishing, 2017.

21. *Shibata A., Zou L.* Emerging Legal Orders in the Arctic: The Role of Non-Arctic Actors. Routledge, 2019.

I.A. ARZHANOV

PhD student, International relations and integration processes department, faculty of political science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

THE INTERNATIONAL LEGAL STATUS OF THE ARCTIC AS AN ELEMENT OF REGIONAL GEOPOLITICAL RIVALRY

In this article, the author analyzes the features of the modern international legal status of the Arctic. Moreover, the research paper presents persuasive arguments as to why it is important to clarify the essence and relate such terminological concepts as “legal status” and “legal regime” in the context of the Arctic region. The article highlights the conceptual approaches of the Arctic states according to their territorial claims in the polar region. The author notes that the growing atmosphere of rivalry is significantly complicated by the militarization of the region and the expansion of NATO activity. It is emphasized that in the Arctic there is no consolidated legal regime and a special international legal act, which directly regulates the status of the region.

Key words: *Arctic, international legal status, sectoral approach, competition.*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ САНКЦИОННЫХ ПОЛИТИК ЕС И США

Санкции являются ограничительными мерами, которые могут быть наложены на государства, организации, компании, а также на отдельные физические и юридические лица с целью достижения конкретных внешнеполитических целей. Так, они накладываются государством-инициатором на государство-мишень и несут в себе не только принуждение к изменению внутренней и/или внешней политики последнего, но и являются сдерживающим фактором. Санкции, в качестве ограничительных мер, могут включать в себя финансовые, торговые, визовые и многие другие аспекты. Санкции, конечно, не являются единственным инструментом давления для государств на современной международной арене. Помимо санкций, в арсенале государств присутствует целый набор инструментов внешней политики – военная сила, дипломатия, экономическая помощь и многое другое. На практике же именно санкции являются наиболее применяемым инструментом крупнейших держав в современных международных отношениях.

Ключевые слова: Европейский союз, США, Российская Федерация, трансатлантическое партнерство, санкции, кризис на Украине.

Введение. Действительно, при анализе внешней политики Соединенных Штатов Америки в последнее десятилетие, становится очевидным тот факт, что экономические санкции применяются США в качестве ответа на большинство внешнеполитических проблем.

Так, в период второго президентского срока Барака Обамы, было утверждено около 2350 санкций по обвинению в самых разнообразных нарушениях – нарушение территориального суверенитета, распространение ядерного оружия, нарушение прав человека и многое другое [13]. Более того, во время президентства Дональда Трампа, данный показатель удвоился. Теперь же, преемник Трампа – текущий президент Джо Байден – в первые же месяцы своего пребывания на посту значительно расширил свою санкционную политику. Таким образом, под новые санкции попали: Российская

Федерация по обвинению в киберпреступности, Никарагуа по обвинению в репрессиях и Мьянма за переворот. Также, администрация нового президента США ввела санкции в отношении ряда чиновников из Саудовской Аравии за убийство журналиста и обозревателя Джамала Хашогги в Стамбуле в 2018 году [6]. Однако, несмотря на введение ряда новых санкций, нельзя сказать, что Байден внес какие-либо значительные изменения в санкционную политику своего предшественника.

Вместе с тем основная сложность в анализе санкционной политики США заключается в сложности оценки ее эффективности. По результатам исследования 2019 года, которое было проведено Казначейством США, результат и эффективность санкций не всегда являются предсказуемыми даже для федерального правительства, которое их утверждало [10].

Критики санкционной политики США обращаются еще и к тому факту, что проведение таких мер требует крупных финансовых затрат, а учитываемая сложная экономическая фактор из-за долгосрочных военных действий, возможности рецессии и, конечно, пандемии в связи с новой коронавирусной инфекцией, то такая критика лишь возрастает.

Нельзя сказать, что такая экономическая политика Соединенных Штатов – это лишь явление последних нескольких лет. В действительности, экономическое давление было свойственно данному государству на протяжении всего периода его существования.

Во-первых, в 1807 году был принят Закон об эмбарго Томасом Джефферсоном. Президент ввел данное ограничение прежде всего против Великобритании и Франции в качестве ответной меры за преследования американских судов [3].

Во-вторых, по окончании Первой Мировой Войны президент Вудро Вильсон высказывался в поддержку Лиги Наций и ее санкционной политики, утверждая, что данные меры могут заменить собой войну [1].

В-третьих, в 1940 году президент Рузвельт наложил экономическое эмбарго на вывоз некоторых видов стратегического сырья в Японию [4].

В-четвертых, в период Суэцкого кризиса 1956 года США применили экономические ограничения в отношении Великобритании, которые не позволяли последней использовать резервы Международного валютного Фонда для защиты собственной валюты – фунта стерлингов [2].

В-пятых, в 1960-х гг. США ужесточил эмбарго на экспорт на Кубу. В целом, за период холодной войны США зачастую обращались к экономическим санкциям с целью сдерживания союзников Советского Союза, лишая их доступа к жизненно важным ресурсам и технологиям.

К концу прошлого столетия именно доминирующее положение американской валюты предоставляло возможность США продолжать и расширять свое экономическое давление посредством санкций. Так, Соединенные Штаты усложнили участие любого финансового учреждения в валютных операциях с теми государствами, которые находились под санкциями.

Вместе с тем, в течение последних нескольких лет отличительной чертой санкционной политики Вашингтона стало все более масштабное введение экономических ограничений на крупные державы. Однако, по заключению многих специалистов, те меры, которые работали ранее с менее активными акторами международной арены, не смогут работать с такими государствами как, например, Россия и Китай.

Более того, специалисты данной тематики обращают внимание на то, что подобное нерациональное использование экономических санкций может негативно сказаться на лидирующих позициях доллара США в качестве основной мировой резервной валюты. Действительно, альтернативой могут стать цифровые валюты, которые уже постепенно начинают распространяться в мире. Так, Народный банк Китая уже выпустил собственный цифровой юань [8].

Подытоживая, следует отметить, что проведение любой политики, в том числе политики наложения экономических санкций, должно сопровождаться регулярными ревизиями и пересмотрами. Однако, политика США в данном вопросе демонстрирует то, что санкции избегают подобных проверок. Проведение же обязательных ежегодных исследований позволило бы оценивать эффективность такой экономической политики и корректировать ее в случае необходимости.

Очевидно, что США были и остаются мировым лидером по масштабу применения санкций, однако, Европейский Союз также имеет широкую и развитую сеть санкций – на сегодняшний день Союз имеет порядка 30 режимов таких ограничений.

Важно отметить, что для ЕС, обладающего серьезной экономической мощностью, санкции имеют особый вес, что связано с ограниченными военными возможностями. Так, Союз получает возможность использовать свой экономический потенциал в политических целях.

При рассмотрении Европейского Союза, в качестве инициатора санкций на международной арене, стоит отдельно отметить особенность принятия решений в данном объединении – все решения о применении санкций принимаются здесь коллегиально. Так, в Договор о ЕС предусматривает единогласное принятие решений в этой области [5].

Важным сходством с санкционной политикой Соединенных Штатов является распространенность «адресных» санкций. По мнению Даниела Дрезнера, профессора международной политики Школы права и дипломатии имени Флетчера, такие таргетированные санкции получили особое распространение после окончания холодной война, в отличии от торгово-экономического эмбарго в отношении конкретной страны, наиболее распространенного ранее [9]. Введение такого рода санкций включает в себя такие меры, как замораживание финансовых активов и другие ограничения на сделки с отдельными лицами, которые попали под санкции. Обоснова-

нием такого подхода является намерение применить ограничительные меры на тех, кто несет ответственность за порицаемую политику, а не на всю нацию в целом.

При рассмотрении санкционной политики Европейского Союза стоит уделить отдельное внимание недавним структурным изменениям. Так, в 2019 году подразделение по санкциям Европейской службы внешних связей (EEAS), ранее находившееся в структуре Управления политики безопасности и предотвращения конфликтов, перешло на новый уровень и теперь подчиняется непосредственно Генеральному секретарю ЕС [12]. Уже в январе 2021 года Комиссия Европейского Союза сделала официальное заявление о намерении повысить устойчивость финансового сектора и европейской экономики в целом, в котором, помимо прочих мер, предлагаются меры по усилению реализации и обеспечения соблюдения санкций ЕС. Все это свидетельствует в пользу того, что Союз намеревается дальше развивать и расширять свою санкционную политику. Более того, ранее ЕС редко использовал сам термин «санкции», предпочитая обращаться, в своих официальных заявлениях, к термину «ограничительные меры» [12]. Само обеспечение соблюдения санкций в ЕС является отдельной темой для обсуждения. Действительно, в Союзе отсутствует отдельный орган по обеспечению исполнения санкций на уровне национальных государств. Так, многие специалисты едины во мнении, что такой подход подрывает эффективность санкционной политики в целом.

В целом при сравнении санкционных политик ЕС и США, можно выделить три основных пункта для анализа:

1. Область применения санкций. Действительно, список государств, компаний, организаций и отдельных лиц со стороны Соединенных Штатов гораздо обширнее, чем со стороны Европейского Союза. Более того, Вашингтон имеет возможность гораздо быстрее вводить новые санкции путем издания дополнительных приказов. Также следует отметить секторальные санкции. Так, в отношении России США, имеют обширную санкционную политику, которая направлена на нефтегазовую промышленность страны. Санкции ЕС, в свою очередь, практически не затрагивают нефтегазовые проекты России.

2. Сфера действия санкций. Здесь следует отметить, что санкции Вашингтона обычно несут ограничения американским компаниям, включая их филиалы за рубежом, гражданам США, а также неамериканским организациям, которые находятся под контролем американских лиц, на ведение бизнеса с теми странами, компаниями и лицами, которые находятся под санкциями. Важно отметить, что такие ограничения применяются к ним вне зависимости от места их пребывания. Более того, вторичные санкции США, которые являются куда более комплексной и сложной мерой, могут применяться к любому субъекту, который намеревается вести бизнес на терри-

тории США и/или американскими компаниями и отдельными лицами. Так, если сделка подразумевает использование доллара США, то это может стать основанием для введения санкций. В отличие от США, санкции ЕС практически всегда распространяется исключительно в пределах юрисдикции ЕС. Иными словами, они применяются на территории Союза, к гражданам Союза и к тем компаниям, которые зарегистрированы в соответствии с законодательством государства-члена ЕС. Так, компании, зарегистрированные за пределами Европейского Союза и граждане стран, которые не являются членами Союза, не обязаны соблюдать санкционный режим ЕС, за исключением тех случаев, когда бизнес частично или полностью ведется на территории ЕС.

3. Исполнение санкций. В США, с одной стороны, Управление по контролю за иностранными активами (OFAC) централизованно применяет и управляет санкциями. В ЕС, с другой, каждое государство-участник самостоятельно обеспечивает выполнение обязательств по применению санкций. Ответственность за несоблюдение режима санкций в ЕС варьируется от государства к государству, что означает, что в некоторых странах это может быть уголовная ответственность, а в других странах это может быть только гражданское или административное наказание.

Подводя итоги анализа санкций стран Запада – США и ЕС – в отношении третьих государств, можно заключить, что такая политика является неотъемлемой чертой трансатлантического сотрудничества. Действительно, Брюссель нечасто применяет санкции на те субъекты, которые не находятся в «санкционном списке» Вашингтона, пусть союзники и расходятся в характере применяемых мер. Сама согласованность автономных мер позволяет говорить о близком сотрудничестве в противодействии международным кризисам по всему миру.

В то же время сегодня разрастаются разногласия между партнерами по многим позициям и субъектам санкций. К таким разногласиям относятся санкции в отношении России, Ирана, где Европейский Союз открыто выступал против выхода Соединенных Штатов из Соглашения о «Совместном всеобъемлющем плане действий». В то же время кампания «максимального давления» США в значительной степени противоречит тенденциям в ЕС, где отдают предпочтение узконаправленным, таргетированным и «адресным» санкциям.

Сегодня, Соединенные Штаты Америки и Европейский Союз продолжают попытки достичь скоординированной системы своих экономических, финансовых и нормативных инструментов. Так, США инициировали саммит «За демократию», проведенный в декабре 2021 года, который должен был стать ареной для расширения партнерства. Однако, интересен тот факт, что на данный саммит не были приглашены не только Россия и Китай, но и Венгрия, которая является членом Европейского Союза [7]. Неясным

остается то, насколько подобные инициативы поспособствуют трансатлантической координации и возможности влияния на внешние рынки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Дело о международных санкциях // <https://www.kommersant.ru/doc/2422627>.
2. Загадки Суэцкого кризиса – 60 лет спустя // <https://www.bbc.com/russian/features-37636114>.
3. История неэффективности эмбарго // <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/11/30/618814-neeftivnosti-embargo>.
4. Перл-Харбор: поражение, приведшее к победе // <https://www.bbc.com/russian/features-38064192>.
5. Политика санкций Европейского союза. Опыт событийного анализа // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-sanktsiy-evropeyskogo-soyuza-opyt-sobytiynogo-analiza/>.
6. США ввели санкции против 76 человек после убийства журналиста // <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/603942859a7947945bbe0717>.
7. США на саммит «За демократию» не позвали Россию, Китай и даже некоторые страны Евросоюза // https://www.1tv.ru/news/2021-12-10/417793-ssha_na_sammit_za_demokratiyu_ne_pozvali_rossiyu_kitay_i_dazhe_nekotorye_strany_evrosoyuza.
8. Цифровой юань: новая финансовая реальность или тайное оружие Китая? // <https://tass.ru/ekonomika/12218193>.
9. *Drezner D.* Targeted Sanctions in a World of Global Finance // International interactions. 2015.
10. Economic Sanctions: Agencies Assess Impacts on Targets, and Studies Suggest Several Factors Contribute to Sanctions' Effectiveness // <https://www.gao.gov/products/gao-20-145>.
11. *Giumelli F.* The Success of Sanctions // Lessons learned from the EU Experience. 2016.
12. The EU and the strategic use of sanctions as a geo-economic tool // <https://www.boell.de/en/2021/02/03/eu-and-strategic-use-sanctions-geo-economic-tool>.
13. The Washington Post признал провал американской санкционной политики // <https://ria.ru/20211026/sanktsii-1756298575.html>.

K.A. VLASENKO
*Post-graduate student at the Chair
of international relations, North-West Institute
of management, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia*

COMPARATIVE ANALYSIS OF EU AND US SANCTIONS POLICIES

Sanctions are restrictive measures that can be imposed on states, organizations, companies, individuals, and entities in order to achieve specific foreign policy goals. Thus, they are imposed by the initiating state on the target state and carry not only a compulsion to change the domestic and/or foreign policy of the latter, but also as a factor of deterrence. Sanctions, as restrictive measures, may include the financial, trade, visa, and many other aspects. Sanctions, of course, are not the only instrument of pressure for states in the modern international arena. In addition to sanctions, states have a whole set of foreign policy tools in their toolbox – military force, diplomacy, economic aid, etc. In practice, it is the sanctions that are the most used tool of the major powers in contemporary international relations.

Key words: *European Union, United States, Russian Federation, transatlantic partnership, sanctions, crisis in Ukraine.*

ВЕЙБО КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЩЕСТВЕННОГО НАДЗОРА В КИТАЕ

Поскольку в современных условиях развития социальные сети представляют основную платформу публичного общения, то многие социально-политические проблемы актуализируются в данном формате.

Коррупция – как международная проблема представляет большой интерес не только для профессиональных исследователей, но и для общества в целом. Предметом нашего исследования является система антикоррупционных мер в КНР на современном этапе на примере использования Вейбо, цель заключается в определении особенностей антикоррупционной системы на платформе.

В среде новых СМИ традиционные методы управления, применяемые правительством, сталкиваются с серьезными проблемами. В данной статье проанализировано состояние развития Вейбо в контексте борьбы с коррупцией, дана краткая характеристика особенностей современной антикоррупционной системы Китая, в качестве нового метода борьбы с коррупцией рассматривается Вейбо.

Ключевые слова: *Китай, коррупция, политический процесс, политическая проблема, антикоррупция, Вейбо, новый метод, инструмент, общественный надзор.*

Введение. Современное технологическое развитие, особенно Китая, невозможно представить без социальных сетей. Интернет сделал невозможное: сократил расстояния и время. Вейбо занимает второе место в списке китайских социальных сетей. В последние годы Вейбо привлекает к себе все больше внимания как новый социальный инструмент: люди используют Вейбо для собственных публикаций или для получения необходимой информации, что делает его одной из основных самообслуживающихся платформ в Китае.

Исследование коррупционной проблематики имеет большое теоретическое значение в рамках политологического знания и несомненный прак-

тический интерес с точки зрения международного опыта, возможность использования позитивного антикоррупционного опыта КНР может иметь положительное значение в системе мер по борьбе с коррупцией в других государствах.

Следует отметить, что особенность китайского общества в контексте данной проблемы заключается в пристальном внимании общественности к проблеме коррупции, к освещению ее фактов.

В тоже время использование социальной сети в качестве метода противодействия коррупции превращает Вейбо в новую форму общественного надзора за государственной властью. В этой связи правительство также начало выражать публичную озабоченность по поводу коррупции как социально-политического явления, а его реакция в социальной сети становится быстрее, отношение – все более искренним.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 3; 4; 6; 8; 9; 10; 11].

Однако проблему искоренения коррупции и с нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Текущая ситуация на Вейбо. Вейбо относит коррупцию к социальному явлению, пользователи Интернета через данную социальную сеть обсуждают, контролируют, критикуют и выявляют коррупцию, связанную с государственной властью [13]. Благодаря активному продвижению центральных и местных сетевых отделов, создание новых правительственных СМИ в Китае достигло небывалого развития. Данная тема обсуждалась на совещании по вопросу о создании правительственных новых медиа-структур, которое проводилось Национальным сетевым офисом. Число правительственных учетных записей на страницах Вейбо достигло 240000, а число правительственных учетных записей в Вичат превысило 100000. Правительственные аккаунты быстро развиваются, и «два Интернет гиганта» стали новыми средствами массовой информации для освещения государственных дел. На сегодняшний день уже можно сказать, что Вейбо добился хороших результатов в борьбе с коррупцией.

История Развития Вейбо по борьбе с коррупцией. Когда Вейбо впервые появился в Китае, он предоставил возможность пользователям сети более широко и активно участвовать в политических процессах, в разоблачении коррупции чиновников или некоторых организаций, и сообщать о них, используя Вейбо в качестве инструмента. Каждый интернет-пользователь может стать источником информации, при этом передача и принятие информации могут происходить синхронно. На платформе формируется и выражается общественное мнение. Органы, задействованные в борьбе против коррупции, также могут использовать Вейбо в качестве источника инфор-

мации. Поэтому, как только появляется информация о вовлеченности чиновника в коррупционные мероприятия, можно рассчитывать, что в кратчайшие сроки информация достигнет необходимой правовой системы.

С 2011 года, помимо личной борьбы пользователей социальной сети с коррупцией, к антикоррупционному лагерю на Вейбо присоединились партийные и правительственные учреждения, а также судебные департаменты. Наличие юридических лиц в числе пользователей существенно усилило и расширило позиции соцсети [12].

Некоторые ученые делят антикоррупционную борьбу Вейбо на четыре стадийные формы: «низкий положительный, низкий отрицательный», «низкий положительный, высокий отрицательный», «высокий положительный, высокий отрицательный», «высокий положительный, низкий отрицательный» [2]. Нынешняя антикоррупционная деятельность на Вейбо в Китае находится в стадии «очень позитивного и очень негативного», то есть, играя важную политическую роль, она также порождает некоторые практические проблемы. Это связано с тем, что пользователи сети обращают все больше внимания на Вейбо из-за его удобства и популярности, база пользователей постоянно расширяется. Вейбо по борьбе с коррупцией пытается изменить традиционный метод социального управления «сверху-вниз» и с помощью участия людей достичь цели политического интереса, особенно в аспекте борьбы с коррупцией.

Основные особенности антикоррупционной системы Вейбо. Анализируя развивающееся состояние Вейбо в Китае, мы можем отметить основные формы антикоррупционной системы на платформе:

Информированные люди преднамеренно делятся информацией, разоблачая некоторых коррумпированных чиновников, посредством Вейбо. К таким лицам относят тех, кто пострадал от коррупции; тех, кто стал свидетелями коррупционных действий и даже любовницы или родственники чиновников. К примеру: кадровый работник уезда Лисинь в провинции Аньхой, господин Чжоу Веньбин сообщил ответственным лицам об акте коррупции, выбрав функцию Вейбо «прийти с повинной», разоблачив таким образом себя и госслужащего. Дело быстро привлекло всеобщее внимание пользователей, в расследование вмешалась городская комиссия по проверке дисциплины города Цанчжоу. Таким образом, сетевые пользователи назвали Чжоу Вэньбина «первым человеком, сообщившим настоящее имя антикоррупционной системе Вэйбо».

Чжу Сяохун, заместитель директора Бюро земли и ресурсов округа Кайхуа, провинция Чжэцзян, был уволен по той причине, что его жена Лин Цзинвэй сообщила в Вейбо о том, что он посещает проститутку. Дисциплинарный комитет муниципального бюро земли и ресурсов города Чэньчжоу расследовал это дело.

Родственники рассылают в Интернете нелицеприятные цитаты. Ввиду сильного давления, связанного с Интернет – поиском, многие чиновники

особенно «осторожны», однако их часто разоблачают родные и близкие. А некоторые пользователи даже посмеиваются, что пора запускать «Тренинг для родственников чиновников» на платформе Вейбо.

Неопытные пользователи Вейбо могут по неосторожности разоблачить сами себя. Некоторые чиновники по незнанию принимают Вейбо за один из секретных чатов, по типу QQ или MSN, и в следствие утраты бдительности провоцируют волну ненависти в свой адрес [3].

Директор бюро здравоохранения города Фуян провинции Цзянсу, по ошибке использовал Вейбо в качестве инструмента для чата; запись флирта с женщиной на Вейбо была отсканирована пользователями сети и отправлена на форум, где запись собрала огромное множество просмотров. Затем Постоянный комитет муниципального управления Фуян провел экстренное заседание для того, чтобы вышеуказанный чиновник принес публичные извинения перед отстранением от дел на период расследования, кроме того, у него забрали мандат члена Всекитайского съезда КПК.

Анализ исследованных примеров позволяет отметить некоторые особенности антикоррупционной системы на Вейбо, выделить по крайней мере пять основных характеристик:

1. Активное участие народных масс. Коррупционность государственной власти всегда вызывает у людей отвращение. После реформы и открытости Китай переживал период институциональных преобразований, и в этот период начались коррупционные проявления. Ресурсами Вейбо пользуется несколько сотен миллионов человек, поэтому антикоррупционная политика Вейбо характеризуется значительной массовостью и энтузиазмом.

2. Эффективность распространения информации. Благодаря особенностям самого Вейбо, быстрому распространению информации и высокому уровню вовлечения людей, факт коррупции быстро распространяется среди пользователей Вейбо.

3. Подлинность информации. Правдивая информация о коррупции существует со слухами, что, в сочетании со сложностью сети, существенно усложняет проверку подлинности. Большой объем информации и множество непроверенных комментариев делают антикоррупционную функцию Вейбо неоднозначной.

4. Институциональный характер решения проблемы. По мере постепенного развития ситуации, антикоррупционный процесс в конечном итоге будет перенесен извне системы в реальную систему. Вейбо будет выступать как внесистемная платформа общественного мнения относительно разоблачения коррупции пользователями Интернета. После привлечения всеобщего внимания, основная ответственность по расследованию и рассмотрению дела в соответствии с правовыми процедурами будет возлагаться на национальное правительство и другие органы правовой системы.

5. Невысокая затратность оповещений о факте коррупции. По сравнению с традиционным режимом отчетности по петициям, широкое использование антикоррупционной системы Вейбо снижает высокую стоимость при составлении отчетов о преступлениях и эффективно компенсирует недостатки традиционных методов отчетности по петициям, которые требуют времени и материальных ресурсов. В то же время, соответствующие департаменты могут также проводить целевые расследования в отношении персонала, участвующего в деле, на основе доказательств, представленных Вейбо, что сокращает время расследования и экономит трудовые и финансово-материальные ресурсы [13].

Заключение. В данной статье мы проанализировали текущую ситуацию на Вейбо в контексте борьбы с коррупцией, основные формы и особенности антикоррупционной системы на данной платформе. В антикоррупционной системе Вейбо активно участвуют народные массы, эффективно и подлинно распространяется информация, также ее составной частью выступает совершенственный институциональный характер решения проблемы и невысокая затратность оповещений о факте коррупции. Можно сказать, что антикоррупционная система Вейбо типична для современной антикоррупционной системы Китая и достигла определенных результатов.

Изучение результативности комплекса антикоррупционных мер и конкретного опыта по противодействию коррупции заслуживает внимания со стороны других государств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Володина Н.А., Ретинская В.Н. Особенности реализации российской государственной антикоррупционной политики в условиях информационного общества и электронного государства // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 11 (75).

2. Ду Чжичжюу, Чжан Янъян. «Антикоррупция Weibo: модель, текущая ситуация и меры противодействия» [J] Теоретическое видение. 2012 г.

3. Жолманов А.С., Афонин М.В., Кривова А.Л. Коррупционные риски как категория антикоррупционной политики // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 11 (75).

4. Иватова Л.М. Коррупция как угроза национальной безопасности: меры ее предупреждения на государственной службе Казахстана // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2015. № 4.

5. Лу Инчунь. «О политической функции современных китайских СМИ» [D]. Университет Сучжоу, 2011.

6. Нисневич Ю.А. Проблемы концептуализации феномена коррупции. Часть 1 // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2016. № 1.

7. «Отчет о развитии новых медиа Китая», опубликованный Китайской академией общественных наук. 2013 // <http://news.hexun.com/2013-06-26/155522646.html>.

8. Порошенков Г.А. Корреспондент как коррупционная практика в историческом развитии России // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2020. Т. 9. № 3 (33).

9. Сулейманова Ш.С. Политическая коммуникация в современном мире: роль и влияние // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 6 (75).

10. Тхан Ч.Х., Хюэ Л.Т.Л. Решения по повышению эффективности реализации антикоррупционной политики в современном Вьетнаме // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2020. Т. 9. № 2 (32).

11. Ушаков И.Н. Политические инновации в деятельности органов государственной власти на основе интернет-коммуникаций // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 4 (73).

12. Чжан Цзиньмин: «Краткое обсуждение новых средств массовой информации и построения противодействия коррупции» [М]. Китайский университет политологии и права, 2011.

13. Энциклопедия Baidu // <http://baike.baidu.com/view/5841299.htm>.

GAO DAI

*Postgraduate student at the Institute
of Asian and African Countries of Lomonosov
Moscow State University, Moscow, Russia*

WEIBO AS A TOOL OF PUBLIC SUPERVISION

Since social networks are the main platforms for public communication in modern development conditions, many social and political problems are actualized in this format. Corruption is an international problem and not only professional researchers have a great interest for it, but it is also actual for whole society. The subject of our research is the modern system of anti-corruption measures in China (using Weibo social network as an example), the purpose is to determine the features of the anti-corruption system on Weibo platform. The government uses traditional management methods, which face serious problems in the new social media environment.

This article analyzes the development of social network Weibo in the context of the fighting against corruption, gives a brief description of the Chinese modern anti-corruption system's features, and considers Weibo as a new method of anti-corruption fighting.

Key words: *China, corruption, political process, political problem, anti-corruption, Weibo, new method, tool, public oversight.*

РЕАКЦИЯ ИЗРАИЛЬСКИХ ХАРЕДИМ НА БОРЬБУ С ПАНДЕМИЕЙ COVID-19 В СТРАНЕ

В данной работе рассматриваются израильские харедим, которые составляют 12,5% от общего числа граждан Государства Израиль. Данная часть населения имеет свой особый характер, однако не может рассматриваться как монолитный социальный организм. В период пандемии COVID-19 израильские харедим стали одной из самых уязвимых групп граждан в стране по причине консервативного ультраортодоксального уклада жизни и высокой приверженности соблюдению традиционных устоев и правил выбранного общества. В первые месяцы борьбы с пандемией ограничения, вводимые государством, были встречены большинством израильских харедим достаточно резко и отрицательно. Положительная динамика в вопросе принятия ими сдерживающих и ограничительных мер зависела от мнения духовных лидеров выбранной группы. В статье ставится задача выявить и обосновать особенности поведения израильских харедим в период пандемии COVID-19 как самообособленного слоя населения Израиля.

Ключевые слова: *Израиль, израильские ультраортодоксы, израильские харедим, Израиль в период коронавируса, внутренняя политика Израиля.*

Введение. Для Государства Израиль, как и для всего мира, коронавирус оказался сложным этапом, который был дополнительно отягощен затянувшимся системным политическим кризисом. Для того чтобы сформировать правящую коалицию и набрать достаточное количество мандатов Биньямин Нетаньяху объединился с ультраортодоксальными (т.е. харедим) партиями и сформировал право-религиозную коалицию. Традиционный союз правых и ультраортодоксальных партий основывается на «совпадении внешнеполитических требований» [5. С. 43]. Б. Нетаньяху, желая сохранить поддержку электората и расположение своих союзников по коалиции, старался проводить политику, которая бы в том числе устраивала ультраортодоксальные политические партии, что иногда резко противоречило общеизраильскому

политическому курсу в борьбе против COVID-19 [21]. Это связано с тем, что ультраортодоксальная часть еврейского общества (более 12% от общего числа граждан) имеет свой особый характер и культуру, что отличает ее от остальных жителей страны. Большая часть харедим отделяет себя от светских граждан, что влечет за собой определенные последствия как в целом, так и в ситуации с коронавирусом. Тематика данной работы затрагивает актуальный вопрос влияния пандемии на мировое сообщество, а именно на Государство Израиль, которое в свою очередь являлось одним из «пионеров» в борьбе с пандемией COVID-19. В настоящее время проблему, связанную с израильскими харедим в период коронакризиса, рассматривает ряд израильских авторов, например, таких как: Г. Малах, Л. Фридман, Й.З. Штерн, а также отечественный автор Г. Зеленина, однако, тема остается актуальной и не широко представленной в русскоязычной литературе. В работе рассматриваются различные взгляды на заявленную тему, анализируются израильские, американские, российские новостные, статистические и теоретические источники. В настоящей статье рассматривается характер традиционных устоев, присущих харедим, взаимодействие государственных и вне государственных институтов с ультраортодоксальным обществом в период COVID-19, анализируются свойства, структура и функции израильского общества харедим, что дает возможность не только рассмотреть их положение в пандемию коронавируса, но и выявить причины особой уязвимости израильских ультраортодоксов в этот период.

Особенности израильского ультраортодоксального общества как одной из составляющих населения Государства Израиль. По официальным данным Центрального статистического бюро Государства Израиль население страны в 2021 году составляет 9 327 700 человек [16]. На круговой диаграмме (Рис. 1) каждый сектор демонстрирует статистические данные

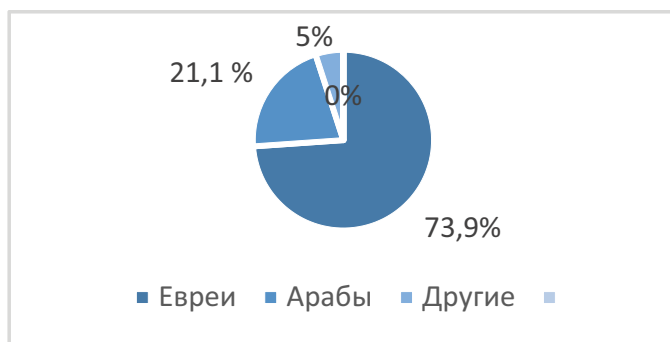

Рисунок 1. Состав населения по этнической принадлежности в Государстве Израиль

числовой пропорции состава населения Израиля, где евреев – 73,9%, арабов – 21,1% и «других» – 5% (1).

Израиль был создан как «национальный очаг» для еврейского народа и провозглашен Декларацией Независимости [6] как «светская республика» [5]. Однако конфессиональная принадлежность к иудаизму является неотъемлемым критерием для определения граждан как евреев. Под юрисдикцией религиозных судов находится сфера семейного права и личного статуса граждан. Статусом религии были озабочены еще в государообразующий период Нового ишсува. Благодаря усилиям «отца-основателя» Израиля Давида Бен-Гуриона был достигнут компромисс, получивший название «светско-религиозный статус-кво» [4. С. 77]. «Политическая сущность «статус-кво» состояла в обеспечении той суммы прав и привилегий, на которую могла пойти правящая тогда партия МАПАЙ, исходя из своих интересов сохранения и укрепления государственной власти. Компромисс должен был ограничить аппетиты религиозников и не давать им более активно вмешиваться в государственную политику» [5. С. 35]. Такое положение сохранялось до 1967 года.

Краткий обзор населения страны и светско-религиозного компромисса необходимы для понимания критериев разделения данного конкретного общества по этноконфессиональному признаку, который, в свою очередь, несет национально-религиозный характер без возможности сепарации одного от другого. В данном исследовании мы рассматриваем только одну из составляющих израильского общества – ультраортодоксальных евреев или харедим (20).

Ультраортодоксальная община Израиля насчитывает более 1 000 000 человек, т.е. $\approx \frac{1}{3}$ от общего числа граждан Государства Израиль. Ультраортодоксы являются одними из акторов израильского сообщества: представлены в политическом истеблишменте (политические партии, министерские посты), имеют свои достаточно обособленные локации проживания, собственные каналы коммуникации и т.д.

Общество ультраортодоксов не монолитно, а значит рассматривать его как единый организм не представляется возможным. «Итак, большинство населения Израиля – еврейское. Но сами по себе евреи с точки зрения культурно-идеологического пласта не могут рассматриваться как единая этноконфессиональная группа» [14]. По своему историческому происхождению ультрарелигиозные граждане делятся на ашкеназских (5), сефардских (6) и мизрахим (7). Харедим можно разделить на подгруппы по направлению в иудаизме: хасиды (21), литваки (18), сефарды-харедим (19) и хареди-леуми (8), «новые харедим» или представители ортодоксального модернизма (9), которые интегрируют ценности и традиции иудаизма в современные тенденции глобализирующегося мира.

Таким образом, в религиозном лагере можно выделить два направления: консервативное и модернистское. Однако «новых харедим» нельзя

относит к ультраортодоксальному обществу, например, наряду с хасидами и литваками. Хареди-леуми (или религиозные сионисты) относятся к «да-тиим» [24], т.е. «религиозным» евреям, которые соблюдают традиционный ортодоксальный жизненный уклад, при этом, имея намного большую интегрированность в израильское общество. Возникновение оформленного религиозного сионизма начинается в период Нового ишува. Раввин Авраам Кук – первый главный ашкеназский раввин подмандатной Палестины, создатель философии религиозного сионизма – своими трудами совершил ортодоксальную модернизацию. Он полагал, что все мироздание, культура и цивилизация – это единое целое, которое должно рассматриваться в совокупности. Нельзя рассматривать духовные ценности в отрыве от динамики мирового развития. Сионизм для него – это возможность возвращения общенационального диалога с Богом.

Для сторонников консервативного взгляда на иудаизм сионизм является полной противоположностью религиозности и богобоязненности. «Фундаменталистское отрицание сионизма ортодоксами имело теологический характер. Это происходило из-за намерения сионизма изменить ход истории и возродить еврейский народ, т.е. освободить его – руками людей». Для ортодоксов сионизм пытался как бы отменить обязательность прихода Мессии как главного фактора собирания и избавления еврейского народа. Для них создание светского государства означало потерю абсолютной власти над еврейскими общинами» [5. С. 42]. В своей работе известная исследовательница истории Израиля Т.А. Карасова пишет: «В Талмуде содержится установление, в соответствии с которым соблюдение религиозных законов является первоочередной обязанностью евреев» [5]. Кроме всего прочего религиозная диаспора в Израиле (ультрарелигиозные граждане, партии и т.д.) занимает особую роль в коллективной памяти еврейского народа, т.к. именно раввинатский иудаизм уберег еврейский народ от забвения в период галута (2). Возрастающее со временем обособление еврейской диаспоры от других народов в период изгнания во благо сохранения еврейской идентичности, привели к устойчивости и невосприимчивости к каким-либо изменениям извне.

Причины особой уязвимости ультраортодоксального общества в пандемию COVID-19. Рассмотрев харедим как не монолитную группу, в которой присутствуют модернистский и консервативный подходы к пониманию религиозных вопросов, сионизма и самого Государства Израиль, представляется возможным перейти к анализу причин большей уязвимости ультраортодоксального общества в период пандемии COVID-19 (16) [19]. Как уже было сказано ранее общество харедим является не самым многочисленным в стране, однако число подтвержденных случаев заболевания среди этой части израильского общества к 1 января 2021 достигло 42%. Максимальный показатель от всех заболевших достигал более 60% [19].

Причины уязвимости общества харедим подразделяются на несколько групп факторов: *идеологические, бытовые и политические*.

К первой группе факторов можно отнести *традиционную атмосферу недоверия, а зачастую и враждебность ультраортодоксов к светской власти и сионизму* [5. С. 43], *боязнь разрушения традиционного образа жизни* [5. С. 43]. Традиционный уклад ортодоксов включает такие элементы как: коллективная молитва, религиозное просвещение, изучение Торы, религиозные праздники, общинные ритуалы, практики и т.д., Иными словами, в общине присутствует ярко выраженная анклавная культура. Налицо *непоколебимое доверие и вера своим духовным лидерам* [25. С. 4], что является одним из фундаментов веры, устойчивый к изменениям и является одной из причин самоотделения харедим от других граждан Израиля.

Ко второй группе факторов можно отнести: *традиционно большие семьи*, и как следствие, *высокую плотность социальной жизни* (3) [25. С. 8], стесненные условия проживания. По данным Израильского института демократии среднее количество человек на комнату среди данной группы больше в 2 раза, чем среди других семей с Израиле: 1,41 и 0,79 человека на комнату [19].

Недостаточный уровень информированности. Данный фактор скорее является достаточно весомым (4) обоснованием и причиной, по которым ультраортодоксальное общество могло игнорировать ограничительные и сдерживающие антиковидные меры, введенные администрацией Израиля. Это обосновывается тем, что, с одной стороны, в данном обществе существует порицание использования интернета, компьютера, смартфонов и т.д. Однако, с другой стороны, в первые три месяца коронавируса в 2020 году новых подключений к интернету среди данного населения увеличилось от 200% до 600% [27]. Кроме данного аргумента можно привести и то, что социальная сеть сообщества харедим является быстрой и эффективной, т.к. его члены обычно всегда в курсе событий всех политических и социальных событий [17]. В подтверждение данной точки зрения можно привести дополнительные данные, которые получены из опросов [25. С. 6].

Бедность. Более 40% ультраортодоксальной общины живут за чертой бедности, ситуация усугубилась в период COVID-19 [25. С. 9]. *Демографические характеристики*. Всего 3% от общего числа ультраортодоксального сообщества составляют люди от 65 лет [7] и старше [17]. Отсюда следует, что остальная часть выбранной группы не входят в число граждан с высоким риском заболевания (17), а это в свою очередь было лишним поводом для пренебрежения вводимыми мерами безопасности в условиях пандемии.

К третьей группе факторов можно отнести: *влияние ультраортодоксальных политических партий и лоббирование интересов своего электората* [27]. Так, например, министр здравоохранения Израиля (2015-2020 гг.) и глава партии «Ягудат Исраэль» Яаков Лицман в марте 2020 года не соблю-

дал карантинные ограничения, транслировал своим избирателям и другим гражданам страны свое отношение к вводимым мерам со стороны правительства [18].

Снисходительное отношение полиции к массовым скоплениям харедим – т.н. «взгляд сквозь пальцы». Как пишут исследователи Израильского демократического института: «Вопиющее несоблюдение правил изоляции и пандемии отдельными группами в ультраортодоксальном секторе, как известно, было встречено почти полным отсутствием полицейского обеспечения соблюдения этих правил» [19]. Фиксировалось достаточно большое количество нарушений режима самоизоляции в ультраортодоксальных локациях, на которые израильская полиция зачастую закрывала глаза, что вызывало сильное негодование со стороны остальной части населения Израиля.

Особое отношение правительства к положению харедим [21]. Например, была инициирована массовая молитва раввина Вижница, который возглавил молитву Йом Кипур с несколькими тысячами верующих. Премьер-министр Б. Нетаньяху в телефонном разговоре с раввином получил от духовного наставника ответ, что «риски для здоровья менее значительны, чем духовные риски для своих хасидских последователей» [15]. Более того, многие синагоги в Йом Кипур не закрывались [15].

Положение израильских харедим в период государственных мер по борьбе с пандемией коронавируса. Особо трудными периодами для сдерживания распространения COVID-19 для Государства Израиль были иудейские праздники, празднование которых является неотъемлемой частью ультраортодоксального уклада жизни.

Для того чтобы предотвратить распространение вируса был разработан «план-светофор», который подразумевает проведение «дифференцированной политики», проводящей различие между «красными», «желтыми», «оранжевыми» и «зелеными» городами, где «красный» цвет означает большое количество граждан с подтвержденными случаями заражения COVID-19 и «зеленый», т.е. наименьшим количеством таких случаев. Города и районы, в которых проживают харедим оказались «красными» зонами [19].

Харедим отреагировали на данный план крайне негативно, в т.ч., по традиционному убеждению, в том, что к ним относятся предвзято как со стороны светских СМИ [25], так и со стороны государства и дискриминируют их (12). По мнению консервативной части ультраортодоксов, Государство Израиль ущемляет их права и не дает сохранять свою идентичность. Все решения, которые принимались властями, воспринимались не как меры по предотвращению распространения вируса, а скорее, как угроза для традиционной жизни общины и политически выгодные маневры [19].

Вопрос ущемления харедим в пандемию коронавируса остается достаточно спорным. С одной стороны, полиция закрывала глаза на многие массовые скопления ультраортодоксов и по некоторым данным, даже мол-

чливо наблюдала за такими мероприятиями [19]. С другой стороны, сами харедим остро чувствовали несправедливость в том, что им запрещают проводить занятия в йешивах, собираться на массовые молитвы и другие мероприятия (13). Особое непонимание в глазах харедим был тот факт, что в это же время светская часть населения страны посещала демонстрации против премьер-министра Биньямина Нетаньяху, требуя его отставки [25. С. 11].

Существенная разница двух данных явлений заключается в характере возникновения (11): в случае скопления светских граждан, решение о проведении демонстрации скорее носит частный характер и не мотивируется кем-либо сверху, во втором случае – собрания людей организовываются по указанию духовных лидеров общин, которые в некоторых случаях призывали не подчиняться никаким принятым законам [17]. Как пишет израильский политолог Г. Малах: «Религиозный образ жизни: изучение Торы в йешивы и публичная молитва в синагогах – фундаментальные элементы ультраортодоксальной жизни. Их отстранение немыслимо без четких указаний со стороны раввинов общины, а это происходит медленно» [17].

Автономные от государства решения, которые принимаются в ультраортодоксальном обществе, основываются на их собственном понимании рациональности и в первую очередь базируются на религиозных ценностях и, как следствие, транслируются в массы их лидерами. Профессор Бар-Иланского университета Йеидидия З. Штерн пишет: «...самые выдающиеся раввины имеют право сказать последнее слово по всем вопросам» [26]. Приверженность их образу жизни занимает первое и главенствующее место. Для них без этих ценностей нет жизни [15]. Поэтому, по мнению некоторых особо консервативных духовных лидеров (например, рав. Каневский), если некоторые заплатят жизнями за соблюдения этого особо уклада – это будет необходимой жертвой, ценой, которую заплатят как сами харедим, так и остальная часть населения страны [18]. Главной задачей для приверженцев таких взглядов является снижение риска отказа от традиционного уклада жизни [15].

В сентябре 2020 года Я. Лицман отказался от поста уже на тот момент министра строительства в «знак протеста против введения общего карантина на время осенних праздников» (14). Многие духовные лидеры общин до последнего момента отрицали серьезность вируса COVID-19, большое количество раввинов призывали игнорировать вводимые ограничения и предписания Министерства здравоохранения [21]. Звучали заявления о том, что закрытие религиозных школ более опасно, чем вирус, и что молитва является намного более эффективным средством в борьбе с вирусом. Например, израильский раввин литовского направления Хаим Каневский в начале первой волны говорил, что «Тора защищает и спасает нас» [9], призывал не обращать никакого внимания на какие-либо ограничения, последователи духовного лидера трепетно и с безграничным доверием относятся

к его мнению. Подобное заявление нашло отклик в их сердцах и подпитало веру в то, что коронавирус является раздутой историей для достижения каких-то политических целей и является угрозой только лишь для традиционного уклада жизни общины [25. С. 6]. Затем, он выступал с призывами отказаться от массовых скоплений и молитв, а сам вскоре «проводил массовые молитвы в гостиной своей квартиры» [1]. В сентябре 2020 года рав. Каневский «призвал руководителей йешив сделать все возможное, чтобы учащиеся в дальнейшем избегали сдачи анализов на коронавирус. И пояснил, что ешиботник, отправленный в изоляцию, не сможет продолжать углубленно изучать Тору» [1]. По данным от 2 октября 2020 года рав. Каневский заболел COVID-19 и отказался от госпитализации, продолжив изучение Торы» [10].

Такая нестабильность во взглядах и мыслях со стороны части ультраортодоксального населения обуславливается традиционными взаимоотношениями между светским государством и религиозным лагерем. Как пишет Т.А. Карасова: «Важно подчеркнуть, что компромисс сионистского государства с религиозниками не означал начала диалога или уступок со стороны религиозников. Для ортодоксов есть только одно деление на религиозных евреев – «дати» (от библейского слова «дат» – «закон») и неверующих – неортодоксов. Никакой религиозной или иной альтернативы для иудаизма не существует. Сотрудничество с сионистским государством – это в большей степени уступка со стороны сионистов» [5. С. 34]. Призывы раввинов по отношению к харедим в вопросе соблюдения карантинных ограничений давали временный результат, затем в преддверии крупных иудейских праздников недовольства вспыхивали с новой силой, т.к. в ограничениях видели посягательство на традиционный религиозный уклад (10) [25. С. 10]. Вместе с этим хотелось бы отметить, что некоторые общины достаточно гибко реагировали на сложившуюся ситуацию и создавали руководства для подготовки к праздникам в формате онлайн. Молитвы проходили в ZOOM.

Такая неоднородность связана прежде всего в не монолитности рассматриваемой части общества Израиля. По данным Израильского демократического института: «Реакция ультраортодоксов может быть проанализирована по двум осям: по конкретной группе внутри ультраортодоксального сообщества и по положению их в модернистско-консервативном континууме. Мизрахи-сефардский сектор выступил с четким заявлением в пользу соблюдения директив Министерства здравоохранения и решений правительства. Большинство хасидских групп полностью отвергали законодательные ограничения и постановления Министерства здравоохранения и пытались проводить мероприятия в штатном режиме так, будто никаких ограничений со стороны правоохранительных органов не существует, а лишь отменяли публичный характер некоторых мероприятий. Нехасидские ультраортодоксальные группы в целом занимали промежуточное положение» [19]. Не монолитное ультраортодоксальное общество реагировало на вводимые

ограничения неоднородно, однако объединяло их одно – запрет на обучение в йешивах был неприемлемым условием для всего сообщества харедим. По мнению исследователей Израильского демократического института: «Для ультраортодоксов послушание раввинам происходит инстинктивно и имеет приоритет над любыми рациональными аргументами» [26].

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод о том, что здоровье последователей духовных лидеров обуславливалось тем, частью какого течения в иудаизме они являются. Это подтверждается опросами, проведенными Израильским демократическим институтом, которые демонстрируют, что общество харедим доверяет духовным лидерам практически всецело и во всех сферах деятельности. В частности, 90% (15) опрошенных высказывают доверие раввинскому лидерству и считают, что раввины должны участвовать в разработке политики по борьбе с коронавирусом. С наступлением второй волны пандемии 67% опрошенных считали необходимым продолжить обучение в йешивах и только 16% говорили о прекращении обучения в данный период [25]. 81% опрошенных харедим считают, что запрет на проведение массовых служб в синагогах, в то время как были разрешены протесты и демонстрации, в очередной раз доказали, что в Израиле присутствует дискриминация в отношении ультраортодоксальной общины [20].

Для полноты картины и более детального исследования «разброса» мнений касательно борьбы с коронавирусом внутри ультрарелигиозной общины рассмотрим опросы [25], проведенные Израильским демократическим институтом. Опрашиваемым членам общины были заданы следующие вопросы (вопросы и ответы представлены избирательно):

На рис. 2 и рис. 3 мы можем наглядно рассмотреть вышеописанное отношение, обусловленное недоверием к государственным институтам со стороны харедим. Вместе с этим подавляющее большинство отдает свое предпочтение раввинистическому лидерству как основному борцу с пандемией COVID-19.

Исходя их опроса (Рис. 4) видно, что большинство харедим осознает опасность данного вируса.

Однако считают, что самым эффективным способом борьбы с COVID-19 будет необходимое включение раввинов в данный процесс (Рис. 5).

В конце декабря 2020 года израильские власти запустили проект вакцинации населения препаратами Pfizer и BioNTech с целью выработки коллективного иммунитета в стране. Для постепенного выхода из кризиса были введены «зеленые паспорта», которые являются дополнительной мотивацией граждан, т.к. его наличие дает возможность своим обладателям быть мобильными. Безусловно часть населения считает их инструментом давления и дискриминации тех, кто еще не проходил вакцинацию или отказывается от нее. Среди тех, кто отказывался от вакцины, большое количество харедим. Такое поведение снова связано с решениями некоторых духовных

Рисунок 2. Показатели в %

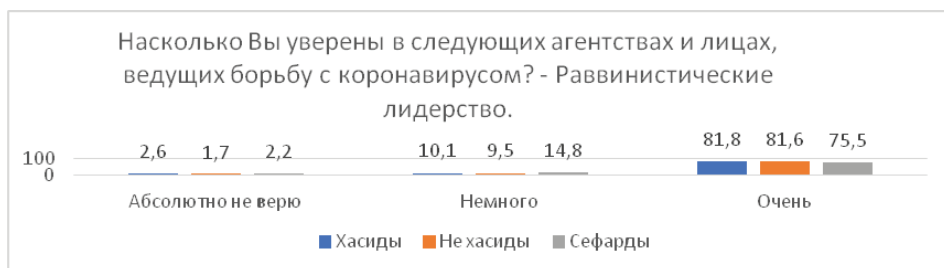

Рисунок 3. Показатели в %

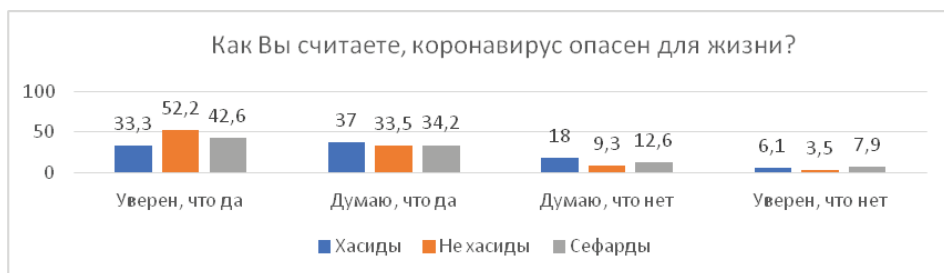

Рисунок 4. Показатели в %

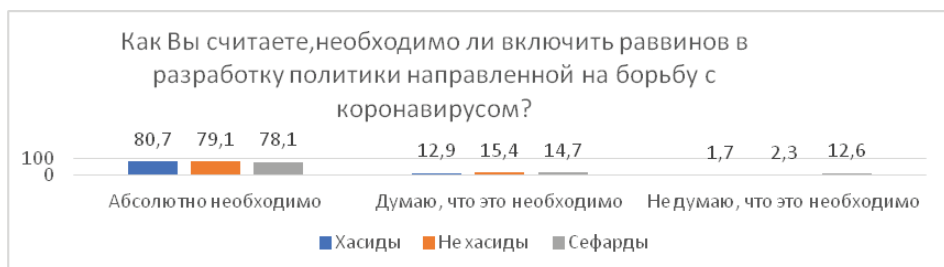

Рисунок 5. Показатели в %

лидеров. При этом ультраортодоксальное население продолжало посещать массовые мероприятия, продолжая бойкотировать введенные в государстве антиковидные меры.

Так, например, израильскую и мировую общественность потрясла похоронная процессия авторитетного раввина и главы йешивы «Бриск» Мешулама Давида Соловейчик [22], который сам скончался от коронавируса. Несмотря на карантинные меры в процессии приняли участие до 20 тысяч человек. Многие были без масок, а социальную дистанцию не соблюдал никто.

Израильская общественность [23] снова начала высказывать опасения и недовольства в адрес харедим из-за угрозы новых крупных вспышек заболевания. Однако уже к середине марта ситуация начала меняться – большинство раввинов одобрили вакцину, подтвердили ее безопасность и эффективность и призвали харедим проходить вакцинацию. Вместе с этим нарушения мер по предотвращению распространения коронавируса со стороны ультраортодоксов так же продолжали происходить, в чем обвиняют Биньямина Нетаньяху, который игнорировал подобные случаи нарушений.

На начальном этапе ультраортодоксальное сообщество Израиля выражало недоверие относительно указаний Министерства здравоохранения о необходимости проходить вакцинацию [8]. По данным опроса Коль Хай их количество составляло 67,8% от общего числа рассматриваемой группы [28]. Представители министерства здравоохранения вели диалог с представителями ультраортодоксального сообщества касательно лоббирования идеи о вакцинации в кругах ультрарелигиозного общества. Светские представители власти получили отрицательный ответ от духовных лидеров, аргументом которых, являлась необходимость внутриобщинного изучения данного вопроса. Некоторые [2] же авторитетные лидеры ультрарелигиозного сообщества своим примером демонстрировали доверительное отношение к прививке.

Уже в январе 2021 года, после внутреннего осмысления ультраортодоксальной общиной вопроса о необходимости вакцинироваться, раввины призвали своих единомышленников все же прислушаться к данным требованиям со стороны государства. Одним из первых сторонников вакцинации был рав. Х. Каневский, который сказал «нужно» [2] прививаться. Рав. Каневский испытывал сомнения относительно вакцины и даже «изменил свое мнение» [3] после выявления побочных эффектов после введения вакцины, все же остается сторонником вакцинации. После своей беседы с медицинским персоналом сообщил, что «благословляет каждого вакцинировавшегося и желает ему здоровья» [12]. Более того летом 2021 года он сказал: «А кто отказывается делать прививку, пусть не идет преподавать» [12], говоря о том, что не вакцинированные учителя не должны посещать религиозные образовательные учреждения. Такое разделение мнений привело

к внутреннему конфликту в ряде ультраортодоксальных локализаций, одним из которых является Бней-Барак, где жители могли наблюдать листовки и объявления («пасквили»), где можно было наблюдать агитацию [29] против вакцинации. Глава ассоциации медиков-ортодоксов «Леманаанхем» профессор Йосеф Перес высказывался с уверенностью о том, что большинство харедим пройдут вакцинацию: «поверьте, мы не хуже других понимаем, что вакцина – ключ к возвращению к норме» [29]. В качестве агитации к прохождению вакцинации среди харедим были предприняты поощрения исходя из религиозной значимости, например, были открыты кошерные пункты вакцинации [13], подарки [13], карточки с молитвой перед процедурой, отправка мобильных пунктов в йешивы, гастрономические подарки и т.д. [13].

Подводя итог важно отметить, в период пандемии COVID-19 обострение дихотомии «светский-религиозный» в государстве Израиль можно проследить более остро, чем обычно. Между харедим и остальным обществом существует разрыв и напряженность несмотря на то, что обе группы являются неотъемлемой частью Государства Израиль. По словам, председателя Института харедим по связям с общественностью, Эли Пейли эта напряженность «затрагивает самые глубокие вопросы еврейской идентичности», а коронавирус еще больше усилил весь лежащий в основе разрыв [21].

Многогранное ультраортодоксальное общество не может быть рассмотрено единым целым, а значит и общего единогласного мнения по отношению к коронавирусу и вакцинации нет. Как мы можем наблюдать в данном исследовании ультраортодоксальное сообщество сходится в одном – религиозный аспект жизни для них является константой, которая не может быть оспорена. Однако различия между консервативной (харедим) и модернистской (датиим) группами являются концептуально важными. Более того внутри консервативной группы исходя из выше представленных данных также не представляется возможным выделить какой-либо один взгляд на ту или иную ситуацию.

Пандемия еще больше обнажила внутриобщинные трудности харедим: бедность, безработица, в особенности, среди мужской части населения общины, невозможность большей интеграции в израильское общество ультраортодоксальных женщин из-за патриархальных устоев, отсутствие техники (компьютеров) у семей для дистанционной работы и обучения, и т.д. [25]. Кроме того, были выявлены трудности во взаимодействии сектора здравоохранения с данной частью населения, вызванные недоверием/непринятием израильской государственности и ее институтов. Многие заболевшие харедим пользовались медицинскими услугами немногочисленных ультраортодоксальных благотворительных организаций, например, такой как Хасдей Амрам [21], которые в свою очередь сотрудничали с медицинскими учреждениями Государства Израиль только в крайних случаях.

Преимущественно харедим оставляли своих родственников на лечение дома до самого конца, игнорируя предложения как внутренних благотворительных организаций, так и квалифицированного медицинского персонала, обрекая заболевших на смерть [21].

Лишь небольшая часть ультраортодоксального общества, а именно 2,1%, все же начала задумываться о том, что жизнь каждого человека находится под его контролем, а не в руках духовных лидеров, что подтверждают опросы [25. С. 6]. Такая тенденция может свидетельствовать о том, что маленькая часть консервативных общин становится более гибкой в вопросах личного характера (здоровье, обучение в колледжах, университетах, например) и начинает понимать и замечать внутренние проблемы, которые были описаны ранее. Пока рано говорить о каких-то глубинных и массовых изменениях, потому как традиционный уклад ультраортодоксального общества крайне устойчив к изменениям. Однако, если их рассматривать, то есть вероятность частичного прироста интегрирующихся харедим в израильское общество [18].

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) В состав «других» входят национальные, конфессиональные меньшинства, христиане не арабского происхождения (например, копты), а также люди не еврейской (иной) национальности и репатрианты не попадающие под критерии понимания «еврей» с точки зрения религиозного иудейского закона, т.к. вопрос личного статуса находится под контролем раввинистических судов.

(2) «Галут» (ивр. дословно «изгнание») – период, начавшийся с момента разрушения Второго Храма. С этого момента еврейский народ был вынужден пребывать вне Эрец-Исраэль. Период галута завершился провозглашением Независимости Государства Израиль.

(3) Данную причину особой уязвимости к коронавирусу выделяют и сами представители выбранной группы (средний показатель 57,8%) как один из преобладающих причин.

(4) Для ультраортодоксов.

(5) Евреи-выходцы из стран Центральной и Восточной Европы. «Ашкенази» семитское обозначение средневековой Германии. Именно ашкенази составляют 80% от всех евреев мира. Язык, на котором говорили эти евреи, а многие и до сих пор, известный идиш.

(6) Евреи-выходцы из Средиземноморья, Северной Африки и Ближнего Востока, бывшие испанские евреи. Группа евреев, которая была сформирована на Пиренейском полуострове, которые в свою очередь, исторически, были мигрантами из Римской империи. «Сефарды» происходит от «сфаради», что дословно на современном иврите обозначает «испанцы», то есть это южно-европейское течение евреев. Язык – ладино.

(7) Евреи-выходцы из Ирака, Ирана, Йемена, Китая, Индии, Кавказа и Средней Азии. В данную категорию входят: арабские евреи, персидские,

грузинские, бухарские, горские, индийский и курдистанские. То есть, в большинстве своем – это евреи, которые были выходцами из мусульманских стран.

(8) Или иначе хардаль (сокращение от хареди-леуми, т.е. национальные харедим) – религиозная сионистская еврейская община.

(9) Иначе современная ортодоксия, последователи которой интегрируют принципы, уклад, традиции ортодоксального иудаизма в рамки современного мира.

(10) Исходя из опроса можно увидеть, что по полученным данным большинство склоняется к тому, чтобы продолжать обучение в йешивах и Талмидей Тора, когда наступила вторая волна пандемии.

(11) Как светские, так и религиозные массовые скопления являлись нарушением в период локдауна.

(12) Несмотря на то, что одним из факторов особого положения данной части населения в период коронавируса, который был выделен как «Особое отношение правительства к харедим», сами ультраортодоксы считают, что правительство страны их дискриминирует.

(13) Например, свадьбы и похороны.

(14) Одни из центральных религиозных иудейских праздников: Рош а-Шана (Новый Год), Йом Кипур (Судный День), Суккот (праздник кущей), Симхат Тора (Завершение годового цикла изучения Торы и начало нового).

(15) Опрос был проведен 8 ноября 2020 г.

(16) По данным исследователей Израильского демократического института число случаев заболевания среди харедим в 5 раз превышает число заболевших среди остальной части еврейского населения Израиля.

(17) При условии, что все они являются абсолютно здоровыми.

(18) Территориально-лингвистическая подгруппа ашкеназских евреев. Имеют особый диалект идиша. Являются сторонниками рабби Элийошу бен Шлейме Залмена (Виленского Гаона). Противники хасидизма из-за чего получили название «миснагдим», т.е. «протестующие».

(19) Ультраортодоксальные евреи сефардского и мизрахского происхождения.

(20) «Хареди» (ед.ч.) и «харедим» (мн.ч.) с иврита переводится как ультрарелигиозный, наб-жный. Корень слова от ивритского глагола «лехарод», что переводится как тревожиться о чем-либо.

(21) Хасидизм – (ивр. – путь праведности), религиозно-мистическое движение в иудаизме, возникшее в нач. XVIII в. среди евреев, проживавших на территории современной Западной Украины.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Авторитетный раввин призвал не сдавать анализы на коронавирус // Вести – Израиль по-русски // <https://www.vesty.co.il/main/article/HkKLjlamw>.

2. Главный ашкеназский раввин Израиля Давид Лау, Духовный лидер общины гурских хасидов, адмор (аббревиатура слов *адонену морену вераббену*: «наш господин, учитель и наставник») Яков Арье Альтер (Ребе из Гур), Раввины сделали прививки и призвали последовать их примеру // Вести – Израиль по-русски // <https://www.vesty.co.il/main/article/S1zyNUC2D>.

3. Главный раввин Израиля больше не поддерживает вакцину от COVID-19 после того, как узнал о побочных эффектах, Виктория Юрчук // <https://cursorinfo.co.il/zahav/glavnyj-ravvin-izrailya-bolshe-ne-podderzhivaet-vaktsinu-ot-covid-19-posle-togo-kak-uznal-o-pobochnyh-effektah/>.

4. *Звягельская И.Д.* История Государства Израиль: научное исследование. Москва: Аспект-пресс, 2012.

5. *Карасова Т.А.* Материалы конференции «Еврейская религиозная ортодоксия и израильское общество». Москва, 1999.

6. Кнессет, Декларация Независимости // <https://m.kneset.gov.il/RU/About/Pages/Declaration.aspx>.

7. Люди от 65 лет находятся в особой зоне риска. Что предпринять пожилым людям? стопкоронавирус.рф // <https://стопкоронавирус.рф/what-to-do/aged/>.

8. Опрос «Коль Хай»: 67 процентов ультраортодоксов не доверяют вакцине // Israelinfo // <https://news.israelinfo.co.il/health/91495>.

9. Опасные связи: хасидов обвинили в распространении коронавируса в Израиле / Ксения Логинова // <https://iz.ru/997902/kseniia-loginova/opasnyesviasi-khasidov-obvinili-v-rasprostranenii-koronavirusa-v-izraile>.

10. Призывал не делать тесты – и заразился сам: у раввина Каневского выявлен коронавирус // Вести – Израиль по-русски // <https://www.vesty.co.il/main/article/SJ61111d4UP>.

11. Раввин Каневский: обязанность каждого с 12 лет сделать прививку против коронавируса // Вести – Израиль по-русски // <https://news.myseldon.com/ru/news/index/253529931>.

12. Раввин Каневский: «Не вакцинированные учителя не должны преподавать» // Детали // <https://detaly.co.il/ravvin-kanevskij-ne-vaktsinirovannye-uchitelya-ne-dolzheny-prepodavat/>.

13. Разделение на мужскую и женскую зоны. Ультраортодоксов вакцинируют с подарками и «доставкой на дом» // Israelinfo // <https://news.israelinfo.co.il/health/92946>.

14. Этноконфессиональные особенности еврейского населения в государстве Израиль / Изаксон Р.А. // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30019198>.

15. At the Crossroads: The Ultra-Orthodox Community and Israeli Society. Dr. Shuki Friedman // <https://en.idi.org.il/articles/32611>.

16. Central Bureau of Statistics // <https://www.cbs.gov.il/EN/pages/default.aspx>.

17. Curbing the Coronavirus Among the Ultra-Orthodox: Explainer. Dr. Gilad Malach, Leehe Friedman // <https://en.idi.org.il/articles/31199>.

18. Coronavirus and Haredi and Arab Communities / Yair Sheleg // <https://en.idi.org.il/articles/31304>.

19. Haredim and Coronavirus: Policy Recommendations for Exit from Second Lockdown / Dr. Asaf Malchi, Dr. Gilad Malach, Dr. Shuki Friedman // <https://en.idi.org.il/articles/32679>.

20. Haredim Trust Rabbis More Than the Health Ministry on COVID-19 / Prof. Tamar Hermann, Dr. Or Anabi // <https://en.idi.org.il/articles/32950>.

21. How Many Funerals Will Come Out of This One? Patrick Kingsley // <https://www.nytimes.com/interactive/2021/02/17/world/middleeast/israel-orthodox-jews-haredim.html>.

22. Organizers of mass Jerusalem funerals said summoned for police questioning / Toi Staff // <https://www.timesofisrael.com/organizers-of-mass-jerusalem-funerals-said-summoned-for-police-questioning/?obOrigUrl=true>.

23. Poll: Half of secular Israelis unwilling to have Haredi neighbors, Israel Hayom // <https://www.israelhayom.com/2020/12/24/poll-half-of-secular-israelis-unwilling-to-have-haredi-neighbors/>.

24. Tribes, identity, and individual freedom in Israel / Natan Sachs and Brian Reeves // https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2017/03/cmep_20170331_tribes-of-israel1.pdf.

25. The Ultra-Orthodox Sector in the Coronavirus Pandemic Selected Survey Findings, November 8, 2020 // <https://en.idi.org.il/media/15250/haredim-survey-data.pdf>.

26. The Yom Kippur of the Ultra-Orthodox / Prof. Yedidia Z. Stern // <https://en.idi.org.il/articles/31295>.

27. Ultra-Orthodox Society in Israel and the Coronavirus Pandemic / Dr. Gilad Malach // <https://en.idi.org.il/articles/31256>

28. נסחיתהל מיצור אל מידרחהמ 40%: “יה לרק” לש רקס // <https://www.inn.co.il/news/460742>.

29. “סהילע וצילמיו מינוסיחב מיכמות קרב ינב ינבר”, Y-net // <https://www.ynet.co.il/judaism/article/HJwVKNInD#autoplay>

S.S. FINKELZON

*Postgraduate student of the Department
of Political Science of the East, Institute of Asian
and African Countries, Moscow State University,
Moscow, Russia*

ISRAELI HAREDIM RESPONSE TO THE COVID-19 PANDEMIC IN THE COUNTRY

This paper examines Israeli haredim, who account 12.5% of the total population of the State of Israel. This part of the population has its own special

character but cannot be regarded as a monolithic social organism. During the COVID-19 pandemic, Israeli haredim have become one of the most vulnerable group of citizens in the country, because of conservative ultra-Orthodox way of life and high commitment to dedication to the traditional foundations and rules of their society. In the first months of the fight against the pandemic, the restrictions imposed by the state were met by the majority of Israeli haredim rather negatively. The positive dynamics in the question of their adoption of restraining and restrictive measures depended on the opinion of the spiritual leaders of the selected group. The article aims to identify and substantiate the behavioral features of Israeli haredim during the COVID-19 pandemic as a self-isolated segment of the Israeli population.

Key words: *Israel, Israeli ultra-Orthodox, Israeli haredim, Israel during the COVID-19 pandemic, domestic politics of Israel.*

аспирант кафедры международной безопасности факультета мировой политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва

ОСНОВА ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ «ИНДО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА»

В статье рассматриваются некоторые из основных факторов, сформировавших географическую и геополитическую концепции «Индо-Тихоокеанского региона», которые существуют уже давно. США ощущают стратегическое давление со стороны Евразии из-за подъема Китая и его тесных отношений с Россией. Страны-Quad согласовали на политическом уровне концепцию Индо-Тихоокеанского региона для ограничения морской силы Китая и России. В частности, США приняли весьма целенаправленную Индо-Тихоокеанскую стратегию, «Индо-Тихоокеанский регион» может заменить концепцию «Азиатско-Тихоокеанского региона», что углубит геополитические разногласия между странами-Quad и Китаем с Россией.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанский регион, геополитика, Китай, США, Quad.

Термин «Индо-Тихоокеанский регион» (*Indo-Pacific region*) существует уже давно и впервые был предложен немецким ученым-геополитиком Карлом Хаусхофером (*K. Haushofer*) [8]. Многие страны используют концепцию «Индо-Тихоокеанского региона», что объясняется определенными факторами. Основные факторы формирования геополитической концепции «Индо-Тихоокеанского региона»

Географические факторы. Индийский и Тихий океаны естественным образом связаны друг с другом уже тысячи лет. Малаккский пролив (*Strait of Malacca*), соединяющий Индийский и Тихий океаны, является кратчайшим морским путем между Ближним Востоком и растущими азиатскими рынками. Управление энергетической информации США (*EIA*) рассматривает его, наряду с Ормузским проливом (*Strait of Hormuz*), как второй наиболее важный пролив для мирового транзита нефти (*World Oil Transit Chokepoints*) [15. Р. 1].

Экономические факторы. «Индо-Тихоокеанский регион» превращается в самый оживленный и стратегически важный торговый путь в мире.

Он уже занимает центральное место в мировой торговле и в ближайшие годы его значение будет расти. Каждый из 10 самых загруженных контейнерных портов в мире расположен на берегах Тихого или Индийского океанов [5. Р. 21]. Более половины мировой торговли нефтью проходит только через Индийский океан. Геоэкономическая взаимозависимость сближает Индийский и Тихий океаны.

Индия продолжает укреплять свои экономические связи со странами Азиатско-Тихоокеанского региона по мере роста своей экономики. Индия подписала соглашения о всестороннем экономическом партнерстве (СЕРА) с Сингапуром (2005), Южной Кореей (2009), Малайзией (2011) и Японией (2011), а также соглашение о свободной торговле (FTA) с АСЕАН (2009). В ноябре 2014 года на 12-м саммите АСЕАН-Индия премьер-министр Н. Моди (*Narendra. Modi*) объявил, что прежняя индийская политика «смотри на Восток» (*Look East Policy*) будет преобразована в политику «действию на Востоке» (*Act East Policy*) с намерением дальнейшего укрепления экономических связей со странами АСЕАН [7]. В то же время Китай, Япония, Южная Корея и страны АСЕАН также активно участвуют в развитии региона Индийского океана. В Индо-Тихоокеанском регионе наблюдается тенденция к росту экономического развития, движущей силой которого являются две развивающиеся державы – Китай и Индия.

Внешние региональные политические факторы. США, как главная движущая сила строительства «Индо-Тихоокеанского региона», уже лидирует в его формировании вместе со странами-партнерами. Во времена правления Обамы США сосредоточились на новом георегионе «Индо-Тихий регион», а тогдашний госсекретарь Хиллари Клинтон (*Hillary Clinton*) неоднократно упоминала о важной роли Индийского океана в XXI веке. В своей статье «Тихоокеанский век Америки» (*America's Pacific Century*) она использовала термин «Азиатско-Тихоокеанский регион», фактически распространяя его на Индийский океан. «Азиатско-Тихоокеанский регион стал ключевой движущей силой мировой политики. Простираясь от Индийского субконтинента до западных берегов Америки, регион охватывает два океана - Тихий и Индийский» [2].

В декабре 2017 года администрация Трампа опубликовала доклад о стратегии национальной безопасности (*National Security Strategy of the United States of America 2017*) [10], в котором «Свободный и Открытый Индо-Тихоокеанский регион» (*Free and Open Indo-Pacific, FOIP*) был определен как приоритет для США после стратегии «Азиатско-Тихоокеанского ребаланса» (*Asia-Pacific rebalance*) [6].

США предприняли действия, дополняющие реализацию своей «Индо-Тихоокеанской стратегии», такие как: в 2017 году перезапустили механизм диалога и сотрудничества в области безопасности между США, Японией, Индией и Австралией [13], в 2018 году переименовали Тихоокеанское ко-

мандование в Индо-Тихоокеанское [12], в 2019 году запустили «Индо-Тихоокеанскую стратегию» Министерства обороны США [9]. В ноябре того же года Государственный департамент США выпустил доклад «Свободный и Открытый Индо-Тихоокеанский регион» [3]. После вступления в должность президента Байдена в 2021 году США продолжают фокусироваться на стремлении к «Свободному и Открытому Индо-Тихоокеанскому региону» в качестве основного направления политики США в Азии, Курт Кэмпбелл (*Kurt Campbell*) был назначен координатором Белого дома по «Индо-Тихоокеанскому региону» и увеличив свои стратегические ресурсы в регионе.

Интерес США к «Индо-Тихоокеанскому региону» и их стремление к Индо-Тихоокеанскому сотрудничеству на различных публичных мероприятиях непосредственно побудили страны мира обратить свое внимание на этот регион, например, Великобританию и Европейский Союз, которые также начали реализацию своих собственных «Индо-Тихоокеанских стратегий», это также привел к зрелости эту новую георегиональную концепцию.

Внутрирегиональные политические факторы. В дополнение к США, как ведущей стране, определяющей глобальный сдвиг в «Индо-Тихоокеанском регионе», страны и организации в регионе также выдвинули свои собственные планы и видение «Индо-Тихоокеанского региона», заглядывая в будущее его развития. На юбилейном саммите «Индия – АСЕАН» в конце 2012 года тогдашний премьер-министр Индии Манмохан Сингх (*Manmohan Singh*) заявил, что «стабильная, безопасная и процветающая Азия и прилегающих к ней регионов Индийского и Тихого океанов для сотрудничества Индии с АСЕА [11].

В августе 2016 года японский тогдашний премьер-министр Синдзо Абэ (*Shinzo Abe*) заявил, что Япония несет ответственность за продвижение союза Тихого и Индийского океанов, а также Азии и Африки как места, где ценятся свобода, верховенство закона и рыночная экономика, свободная от силы или принуждения, и где они могут процветать [1]. Это считается прототипом «Свободной и Открытой Индо-Тихоокеанской стратегии». Япония открыла новые рубежи в японской дипломатии благодаря «Свободной и Открытой Индо-Тихоокеанской стратегии», которая стала доминирующим нарративом в японской дипломатии.

Австралия также была одной из первых стран, принявших концепцию «Индо-Тихоокеанского региона», о чем свидетельствует ее «Белая книга по внешней политике» 2017 года. Стремясь к открытому, свободному и процветающему Индо-Тихоокеанскому региону, Австралия подтвердила свою приверженность союзу с США. В нем также говорится, что Индо-Тихоокеанские демократические государства – Япония, Индонезия, Индия и Южная Корея – имеют первостепенное значение для Австралии как ключевые двусторонние партнеры сами по себе и как страны, влияющие на формирование регионального порядка [14. Р. 40-42]. В целом, Австралия, похоже, на-

мерена сформировать многополярный Индо-Тихоокеанский порядок, но это имеет сильный идеологический привкус.

АСЕАН – это цель для держав, чтобы объединиться благодаря своему центральному расположению в Индийском и Тихом океанах. В 2019 году АСЕАН официально выпустила документ «Индо-Тихоокеанское Видение АСЕАН» (*ASEAN Outlook on the Indo-Pacific, AOIP*). В документе отмечается, что Юго-Восточная Азия находится в центре этого динамично развивающегося региона и является важными воротами и точкой доступа в эти регионы. АСЕАН имеет желание «играть центральную и стратегическую роль» в продвижении сотрудничества в морском сотрудничестве, связности, целях устойчивого развития ООН 2030, экономической и других областях [4].

Заключение. Концепция «Индо-Тихоокеанского региона» стала популярной в мировой геополитике, основной причиной чего является подъем развивающихся азиатских стран, который привел к стратегическому сдвигу традиционных держав и, таким образом, к политической разработке концепции «Индо-Тихоокеанского региона». Однако гегемонистские державы привнесли в концепцию «Индо-Тихоокеанского региона» слишком много военных и безопасных соображений, из-за чего на данном этапе ей не хватает экономического измерения, а отсутствие официального признания концепции со стороны Китая и России также лишает ее самой основной политической идентичности. В будущем концепция «Индо-Тихоокеанского региона» может сменить или даже заменить концепцию «Азиатско-Тихоокеанского региона», что еще больше углубит геополитические разногласия между странами-Quad с Китаем и Россией, и нанесет еще больший ущерб китайско-американским и российско-американским отношениям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Деятельность Министерства обороны в рамках концепции «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (Achieving the «Free and Open Indo-Pacific(FOIP)» Vision. Japan Ministry of Defense’s Approach). Ministry of Defense of Japan // https://www.mod.go.jp/en/d_act/exc/india_pacific/india_pacific-ru.html (In Russ.).
2. American’s Pacific Century. Foreign Policy. October 11, 2011 // <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/>.
3. A free and open Indo-Pacific: Advancing a Shared Vision. U.S. Department of State. November 04.2019 // <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/Free-and-Open-Indo-Pacific-4Nov2019.pdf>.
4. ASEAN Outlook on the Indo-Pacific // Сайт АСЕАН. June 23, 2019 // <https://asean.org/asean-outlook-on-the-indo-pacific/>.
5. China’s Maritime Silk Road Strategic and Economic Implications for the Indo-Pacific Region. March, 2018 // https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/180404_Szechenyi_ChinaMaritimeSilkRoad.pdf.

6. Fact sheet: Advancing the Rebalance to Asia and the Pacific. Whitehouse. November 16, 2015 // <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/11/16/fact-sheet-advancing-rebalance-asia-and-pacific>.

7. From Looking East to Acting East. Ministry of External Affairs of India. January 29, 2015 // <https://www.mea.gov.in/in-focus-article.htm?24714/From+Looking+East+to+Acting+East>.

8. *Haushofer E.* Geopolitics of the Pacific Ocean. Lampeter: Edwin Mellor, 2002.

9. Indo-Pacific Strategy Report: Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region. U.S. Department of Defense. July 01, 2019 // <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF>.

10. National Security Strategy of the United States of America. Whitehouse. December, 2017 // <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>.

11. Opening Statement by Prime Minister at Plenary Session of India-ASEAN Commemorative Summit. Ministry of External Affairs of India. December 20, 2012 // <https://mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/20981/Opening+Statement+by+Prime+Minister+at+Plenary+Session+of+IndiaASEAN+Commemorative+Summit>.

12. Pacific Command Change Highlights Growing Importance of Indian Ocean Area. U.S. Department of Defense. 30.05.2018 // <https://www.defense.gov/Explore/News/Article/Article/1535808/pacific-command-change-highlights-growing-importance-of-indian-ocean-area/>.

13. *Rudd K.* The Convenient Rewriting of the History of the 'Quad'. Nikkei Asia. 03.26.2019 // <https://asia.nikkei.com/Opinion/The-Convenient-Rewriting-of-the-History-of-the-Quad>.

14. The 2017 Foreign Policy White Paper (Australia). Australian Government. November 2017 // <https://www.dfat.gov.au/publications/minisite/2017-foreign-policy-white-paper/fpwhitepaper/index.html>.

15. World Oil Transit Chokepoints. The Diplomat. 02.04.2020. U.S. Energy Information Administration. October 15, 2019 // https://www.eia.gov/international/analysis/special-topics/World_Oil_Transit_Chokepoints.

WU YANBIN

*Postgraduate student, Faculty of World Politics,
International Security Department Lomonosov
Moscow State University,
Moscow, Russia*

THE BASIS OF THE GEOPOLITICAL CONCEPT «INDO-PACIFIC»

This article examines some of the major factors that have shaped the geopolitical concept of «Indo-Pacific», geographical concept «Indo-Pacific» that has long existed and that countries like Australia and Japan have tried to introduce it into the geopolitical arena. With the rise of China and the extremely close relationship between China and Russia, US has felt strategic pressure from Eurasia. The advancement of China's Belt and Road has created a more intense competition between China and Japan in the Asian economic sphere, and has also made India feel the geopolitical pressure. Coupled with the fact that China has territorial disputes with both Japan and India, this has weakened the political trust between Japan and India and China. The Sino-Australian relationship has also fallen victim to the deterioration of Sino-American relations due to Australia's natural political trust with the US. In order to limit the maritime power of China and Russia, and to strengthen the economic and trade links between Indian and Pacific Oceans, the US, Japan, India and Australia have politically agreed on the concept of «Indo-Pacific», and reclaimed the Quadrilateral Security Dialogue (Quad). In particular, the US has adopted a very focused Indo-Pacific strategy, its implementation may further constrain US-China relations, and the «Indo-Pacific region» may change or replace the concept of «Asia-Pacific region», it will deepen the geopolitical differences between the Quad countries with China and Russia.

Key words: *Indo-Pacific, geopolitics, China, US, Quad.*

АГЕНТСТВО ЦИФРОВИЗАЦИИ ЯПОНИИ КАК АКТОР ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВА

Данная статья рассматривает деятельность Агентства цифровизации – нового исполнительного органа японского правительства, созданного в сентябре 2021 года. Анализ деятельности Агентства позволяет проследить тенденции социально-экономического и политического развития японского общества, выделить изменения в государственном управлении и строить прогнозы относительно внутренней и внешней политики страны. Предмет исследования – политика Агентства, направленная на масштабную цифровизацию японского государства. Изучение данного аспекта представляет собой большое научное и практическое значение, так как Агентство берет на себя основную ответственность за успешное проведение цифровизации.

Ключевые слова: *цифровизация, Япония, политический процесс, информационная безопасность, цифровая трансформация, Агентство цифровизации, дигитализация общества.*

С 1 сентября 2021 года начало функционировать Агентство цифровизации, которое можно назвать главным штабом по разработке цифровой стратегии японского государства. Агентство призвано создать план внедрения высоких технологий и достижений технического и технологического развития во все области жизни японских граждан, включая административные услуги, медицину, образование.

До сих пор министерства и правительственные агентства создавали нормативные и регулирующие системы отдельно друг от друга, что значительно затрудняло получение государственными служащими информации о системах других министерств или ведомств или даже о системах другого подразделения в их собственной организации. В результате ведомства не были способны предоставить гражданам удобный доступ к административным услугам. Часто пользователям правительственных сайтов приходится возвращаться к результатам поиска снова и снова в попытках получить услуги,

заново вводить необходимую для ее получения личную информацию несколько раз, что в конечном счете вынуждает лично посетить административный орган.

Деятельность Агентства цифровизации, которое начало функционировать менее полугода назад, представляет собой актуальную проблему, мало исследованную не только в российском научном поле, но и за рубежом. Основой нашего исследования выступили статьи японских ученых, материалы и отчеты, опубликованные министерствами японского правительства, а также электронные ресурсы Агентства цифровизации Японии.

Задачи нашего исследования заключаются в определении роли, стратегии и первых реальных шагов Агентства цифровизации Японии как актора цифровой трансформации государства.

Создание Агентства – важнейшая часть глобальной программы цифровой трансформации, которая является приоритетным направлением внутренней политики страны, обозначенным предыдущим премьер-министром Ёсихидэ Суга. Он признал, что Япония испытывает трудности во внедрении высоких технологий в процесс государственного управления и предоставления административных услуг населению. Несмотря на то, что страна является традиционным центром инноваций и многочисленных технологических компаний, по итогам опроса The Economist, проведенного в 30 странах Организацией экономического сотрудничества и развития, Япония оказалась на последнем месте по предоставлению цифровых услуг. В 2018 году менее 10% японцев запрашивали что-либо у правительства онлайн (по сравнению с 80% граждан Исландии). Япония отстает даже от стран, считающихся технологически отсталыми, таких как, например, Мексика [9]. Помимо этого, 88,3% японских организаций пользуются ИТ-продуктами, разработанными другими («посторонними») компаниями. Для сравнения, в США лишь 33,8% ИТ-систем разрабатываются аутсорсинговыми компаниями [10]. Внедрение облачного программного обеспечения составляет менее 20% в Японии, отставая от многих других стран, где этот показатель превышает 40% [9].

Пандемия COVID-19 ярче продемонстрировала задержку цифрового развития в Японии. Например, при получении финансовой помощи, направленной на заведения общественного питания, которые подчинились требованиям правительства о закрытии, рестораторы столкнулись с длительным ожиданием пособий, поскольку необходимые документы, подтверждающие приостановку работы, оформлялись в бумажном формате и требовали большого количества времени для проведения детальной проверки. Программа экстренной материальной поддержки населения в размере 100 000 иен на человека (920 долларов) также застопорилась в связи с тем, что заявки на получение пособий обрабатывались вручную [8]. Слабые ИТ-системы в больницах и школах препятствовали своевременному предоставлению

услуг телемедицины и проведению онлайн-уроков в период изоляции. Для скорейшего выхода из цифрового тупика и было основано Агентство цифровизации.

Нормативно-правовой базой работы нового органа являются Основной закон о формировании цифрового общества и Основной закон об учреждении Агентства цифровизации. В соответствии с текстом документов, в компетенции Агентства входит:

- планирование и комплексная координация основных мер по реализации цифрового общества;
- планирование базовой политики в отношении внедрения индивидуальных идентификационных номеров граждан, включая программу «Мой номер»;
- разработка основных принципов проверки личности с использованием информационно-коммуникационных технологий;
- разработка методов электронного подтверждения коммерческой регистрации;
- планирование политики стандартизации данных;
- разработка и продвижение базовых методов по созданию и управлению информационными системами национальных, местных общественных организаций и частного бизнеса квазигосударственного сектора;
- надзор за созданием правительственных информационных систем и их управлением, общее бюджетирование [3].

Согласно официальному сайту организации, она стремится выступать в качестве «командной башни» для формирования цифрового общества, которое охватит всех граждан, продвигает ориентированную на будущее цифровую трансформацию и прикладывает усилия на благо строительства государственно-частной инфраструктуры в ближайшие пять лет [5].

Следует отметить, что теперь правительство воспринимается как стартовый этап по предоставлению услуг, который функционирует на основе высоко мотивированного сотрудничества государства, местных органов власти и частных предприятий.

Итак, основной целью Агентства является устранение цифровой разрозненности в административных системах. Ведомство нацелено на значительное качественно-временное улучшение передачи данных между отдельными государственными организациями, что приведет к повышению эффективности их услуг и операций. Оно также ориентировано на использование опыта частного сектора и активное трудоустройство специалистов из негосударственных компаний, что должно обеспечить более гибкий и быстрый подход к решению задач и внедрению новшеств.

Определены основные принципы работы Агентства на пути к реализации цифрового общества, среди них открытость и прозрачность, справедливость и этика, безопасность, преемственность, стабильность и надежность,

скорость и гибкость, инклюзивность и разнообразие, технологический прорыв и вклад в международное сотрудничество.

Структура ведомства представляет собой четко организованную систему. Руководящие посты распределены следующим образом: премьер-министр, министр цифровизации (Карэн Макисима), заместитель министра цифровизации (Фумиаки Кобаяси) и вице-министр по цифровизации (Таро Ямада), директор по цифровым технологиям (Ёко Исикура), заместитель директора по цифровым технологиям (Коити Акаиси). У руководства есть три высокопоставленных советника. Также в Агентстве назначены должности главного архитектора, главного конструктора, директора по информационной безопасности, директора по продукту и главного технического директора. Всего в организации 4 крупные рабочие группы: стратегическая, группа по совместному функционированию цифрового общества, группа по услугам для населения, и группа по обслуживанию министерств и ведомств. У каждой группы есть глава и его заместитель, а также внутреннее разделение по командам, сферам деятельности и департаментам. В целом, в Агентстве разрабатываются такие области, как управление государственным облачным хранилищем данных, планирование стратегии международного сотрудничества, управление цифровым образованием и здравоохранением, региональной цифровой инфраструктурой, ресурсами.

Отбор сотрудников проводился в четыре этапа с января по июль 2021 года среди специалистов из частного сектора. Описание позиций и содержание работы были четко и подробно определены, что было беспрецедентной инициативой для традиционного найма в центральные правительственные учреждения. В результате на должность менеджера по проектам, которая предполагает 35 мест, было подано 1432 заявки; на позицию специалиста по безопасности претендовали 469 человек при наборе 43; 336 кандидатов подали свои резюме на вакансию сотрудников высшего звена (из них было отобрано 10 человек); на позиции 40 продакт-менеджеров было 450 кандидатов. Из 600 новых сотрудников 250 были наняты из частных компаний [11].

Они будут трудиться над следующими задачами, которые ставит перед собой ведомство:

1. Обеспечение безопасного, стабильного и высокоэффективного предоставления административных услуг. Для этого планируется улучшить систему «Мой номер» – систему личных индивидуальных номеров. Такой номер присваивается каждому жителю Японии, в том числе иностранным студентам, и используется для прохождения необходимых административных процедур. Для юридических лиц предусмотрено нечто схожее – GBizID, то есть правительственный идентификатор для бизнеса. Он позволит проходить административные процедуры без лишних документов в онлайн-формате.

2. Создание правительственной информационной системы, которой могут пользоваться государственные чиновники и работники муниципалитетов.

3. Повышение уровня кибербезопасности страны.

4. Приведение к единому стандарту правительственных интернет-порталов, а также повышение их доступности так, чтобы люди всех возрастных и иных категорий были способны ими уверенно пользоваться.

5. Реализация проекта OneStop, объединяющего большинство административных услуг в одном месте онлайн (воспитание детей, переезд, регистрация смерти, наследование, социальное страхование, налогообложения, иммиграционные процедуры и т.д.).

6. Подготовка ИТ-специалистов.

Планируется, что будут оцифрованы и стандартизированы процедуры в 31 административном подразделении. Первым крупным проектом агентства стал запуск мобильного приложения для регистрации вакцинации от новой коронавирусной инфекции в конце декабря 2021 года. Приложение можно использовать для издания электронного сертификата о вакцинации для внутренних и международных поездок, загрузив его на смартфон на платформе Android или IOS. По сообщениям СМИ, в первый же день в разных частях страны выявили несколько случаев некорректной работы приложения. По результатам проверки, выяснилось, что ошибки возникали из-за большого пользовательского ажиотажа, который вызвал перегрузку серверов. Спустя несколько часов работа программы возобновилась в штатном режиме [1].

Мы изучили большое количество отзывов о приложении, опубликованных в App Store и Google Play Store – магазинах приложений для смартфонов на платформах IOS и Android. Средняя оценка, которую пользователи дают программе, – 3.7 из 5. Многие комментарии содержат критику. В частности, люди недовольны тем, что приложение поддерживает только японский язык, вследствие иностранные граждане, прошедшие вакцинацию на территории Японии и не владеющие японским языком, не могут им воспользоваться без посторонней помощи. В некоторых случаях сканер программы не распознает символы в именах и номерах паспортов, что ведет к неверной регистрации. У владельцев непопулярных моделей смартфонов не получалось воспользоваться приложением. Среди отрицательных отзывов присутствуют положительные, в которых люди отмечают удобство получения электронного сертификата онлайн с использованием личного гаджета. На 9 января 2022 года число выпущенных посредством приложения сертификатов составило 2 734 228 [4].

Способность Агентства цифровизации эффективно координировать деятельность разных министерств и ведомств, реализовывать политику формирования цифрового общества и способствовать цифровой трансфор-

мации государства, вероятно, будет проверена в самое ближайшее время, поскольку Япония продолжает бороться с пандемией, что создает необходимость скорейшего решения вопросов технологического отставания страны и недостаточного использования средств дигитализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Многочисленные ошибки в государственном приложении о вакцинации // NHK // <https://www3.nhk.or.jp/news/html/20211220/k10013396511000.html>.
2. Основной закон об учреждении Агентства цифровизации // <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=503AC0000000036>.
3. Основной закон об учреждении Агентства цифровизации // <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=503AC0000000036>.
4. Отчет о числе изданных электронных сертификатов вакцинации // Агентство цифровизации Японии // <https://www.digital.go.jp/policies/posts/vaccinecert>.
5. Официальный портал Агентства цифровизации Японии // <https://www.digital.go.jp/>.
6. Официальный сайт магазина приложений App Store // <https://apps.apple.com/jp/app/AA/id1593815264#see-all/reviews>.
7. Официальный сайт магазина приложений Google Play Store // <https://play.google.com/store/apps/details?id=jp.go.digital.vrs.vpa&hl=ja&gl=US&showAllReviews=true>.
8. Japan passes laws to set up digital policy agency in September // Nikkei Asia // <https://asia.nikkei.com/Politics/Japan-passes-laws-to-set-up-digital-policy-agency-in-September>.
9. *Kannan J.* The Digitalization of Japan // William Blair // <https://active.williamblair.com/global-equity/jayeshkannan/the-digitalization-of-japan/#close>.
10. *Nhu Le.* The relevance of IT cost management and transformation // Strategy& (PwC) // <https://www.strategyand.pwc.com/it/en/insights/2021/it-cost-transformation.html>.
11. *Tsuwaki Y.* Использование человеческих ресурсов из частного сектора и организационная структура Агентства цифровизации // Project Design Online // <https://www.projectdesign.jp/articles/4a49b8c8-3dce-47ac-a869-bf9404f2b335>.

A.D. SANZHIEVA
Postgraduate student of ISAA
Moscow State University M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia

THE DIGITAL AGENCY OF JAPAN AS AN ACTOR OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF THE STATE

The article examines the activities of the Digital Agency, a new executive body of the Japanese government, established in September 2021. The analysis of the Agency's work makes it possible to trace the trends in the socio-economic and political development of Japanese society, highlight changes in public administration and make forecasts regarding the country's domestic and foreign policy. The subject of the study is the Agency's policy aimed at large-scale digitalization of the Japanese state. The study of this aspect is of great scientific and practical importance, since the Agency assumes the main responsibility for the successful implementation of digitalization.

Key words: *digitalization, Japan, political process, information security, digital transformation, Digitalization Agency, digitalization of society.*

ИНСТРУМЕНТЫ ВНУТРИЭЛИТНОЙ БОРЬБЫ ЗА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ВЛАСТЬ И ВЛИЯНИЕ С УЧАСТИЕМ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННЫХ США)

Некоммерческие организации (НКО) за последние десятилетия превратились в такого же равноправного участника внутриэлитной борьбы, как политические партии и коммерческие компании. Элитные акторы активно используют деятельность таких организаций с целью влияния на политический курс государства. Благодаря значимости гражданского общества и общественного мнения в электоральном процессе, особую роль НКО играют в современных Соединенных Штатах Америки. Понимание используемых при этом инструментов позволяет эффективно противодействовать аналогичным попыткам влияния в чужих интересах на политику России. Цель настоящего исследования – выявить и проанализировать инструменты внутриэлитной борьбы за политическую власть и влияние с участием некоммерческих организаций на примере современных США. Объект исследования – США в период с 2016 по 2021 годы с акцентом на предвыборные циклы 2016 и 2020 гг. Предмет исследования – инструменты внутриэлитной борьбы за политическую власть и влияние с участием некоммерческих организаций в современных США. В результате исследования автор подробно разбирает структуру и примеры следующих инструментов внутриэлитной борьбы за политическую власть и влияние с участием НКО: Сбор средств для финансирования избирательных кампаний; Организация массовых мероприятий; Выражение собственной позиции и позиции стоящих за ними избирателей через медиа, публичные письма к политикам, встречи с политиками и исследования; Делегирование лояльных кандидатов в органы власти; Прием на работу бывших представителей государственной власти; Судебные иски; Критика политика или зоны его ответственности по социально значимым вопросам от лица неявно связанных с актором некоммерческих организаций; Внесение раскола в более лояльную партию для усиления собственного влияния внутри нее; Использование существующих расколов внутри партии-конкурента для ее ослабления.

Ключевые слова: теория элит, внутриэлитная борьба, Соединенные Штаты Америки, инструментальный подход, некоммерческие организации, НКО.

Введение. Политическая наука в исследовании основных акторов публичной политики традиционно делает особый акцент на государствах, чиновниках, партиях, политических кланах и самих политиках. Некоммерческие организации становятся предметом изучения значительно реже. Однако в современном мире, в условиях распространения демократических и имитационно-демократических институтов, кризиса доверия к традиционным партиям, идейным течениям и корпорациям роль НКО (non-profit organizations или non-governmental organizations в западной традиции) возрастает во множество раз. Использование НКО в политическом процессе позволяет скрыть изначальных интересантов политического действия, представив его в виде бескорыстной воли гражданского общества, преодолеть ограничения, налагаемые законодательством на других акторов, возрастить и продвинуть во власть будущих членов элиты и многое другое. Цель данной работы – выявить основные инструменты и факторы воздействия НКО во внутриэлитной борьбе за политическую власть и влияние на примере США. Процессы, происходящие в Соединенных Штатах, взяты за основу по двум причинам: во-первых, в силу развитости демократических институтов и международного положения страны многие тенденции, впервые возникая внутри государства, затем становятся нормой в остальном западном и не только мире. Во-вторых, благодаря продвинутому законодательству и активности американского гражданского общества, по этой стране доступен наибольший объем открытых данных, необходимых для исследования: источники финансирования НКО, их собственные расходы, лоббистские и иные действия, биографии и взгляды основных персоналий и т.д.

Соответственно, в качестве объекта данного исследования мы используем американские НКО, а в качестве предмета – основные инструменты и факторы воздействия НКО во внутриэлитной борьбе за политическую власть и влияние. Цель настоящего исследования – выявить инструменты и факторы воздействия НКО во внутриэлитной борьбе за политическую власть и влияние на примере США.

Подход, применяемый в данной работе, был в общих чертах описан в статье Басова О.Н. «Инструментальный подход к анализу политических процессов в контексте развития методов политической науки» [1. С. 48-60]. Под инструментальным подходом подразумевается выделение устойчивого преднамеренного действия или стратегии актора, направленного на внешнюю среду для ее изменения запланированным образом. Цель настоящего исследования – выявить инструменты и факторы воздействия НКО на внутриэлитную борьбу за политическую власть и влияние в современных США.

Объект исследования – США в период с 2016 по 2021 годы с акцентом на предвыборные циклы 2016 и 2020 гг. Предмет исследования – инструменты и факторы воздействия НКО на внутриэлитную борьбу за политическую власть и влияние в современных США.

Инструменты внутриэлитной борьбы за политическую власть и влияние с участием аналитических центров. По итогам исследования удалось выделить следующие инструменты внутриэлитной борьбы за политическую власть и влияние с участием НКО:

1. Сбор средств для финансирования избирательных кампаний.

Актор-субъект – основатели и руководство комитетов политических действий, их крупнейшие спонсоры и организаторы сбора средств. **Целевой актор** – кандидат на выборах, в пользу или против которого используется финансирование. **Другие акторы-участники** – электорат, мелкие спонсоры PACs, получатели средств от PACs (медиа, политтехнологи и др.). **Цель** – содействие победе на выборах кандидата, чья программа совпадает с интересами спонсора.

В США политическое финансирование осуществляется обычно посредством создания т.н. Комитетов политических действий (PACs). Такие комитеты имеют право вносить прямые пожертвования на избирательные счета партий и кандидатов, в отличие от коммерческих компаний и в большем объеме, нежели индивидуальные избиратели. В то время, как отдельный избиратель может потратить не более 1000\$ на поддержку одного кандидата в течение года, для PACs эта сумма составляет \$5000. Кроме того, они имеют право выделить до \$15 тыс. в год политической партии в целом и до \$5000 другому PAC [49]. Многие организации-доноры также создают автономные филиалы и вносят крупную сумму пожертвования небольшими частями от лица каждой из них. Таким образом, через сеть перекрестно финансирующих друг друга PACs даже небольшая группа граждан может оказать существенную поддержку избирательному штабу кандидата. Многие корпорации создают собственные PACs для сбора пожертвований от сотрудников, в т. ч. используя льготы и наказания [42]. Перечисление средств для PACs через посредников и другие уловки позволяют интересантам победы определенных кандидатов скрыть свой вклад и избежать обвинений в конфликте интересов [22]. Важно и то, что на низовом уровне прозрачность избирательных расходов зачастую еще ниже.

В 2020 г. главным донором демократических кандидатов среди PACs стала Американская федерация учителей, вложившая \$2,3 млн. [43], в основном в виде многочисленных пожертвований индивидуальным кандидатам от 1 до 20 тысяч долларов [3]. \$1,2 млн. комитет пожертвовал другим PACs, причем здесь суммы оказались значительно выше – до \$500 тыс. для SuperPAC под названием Priorities USA Action [4]. Последний, напротив, не жертвовал средств кандидатам, но, в отличие от федерации учите-

лей, сделал акцент на независимых действиях, вложив в них \$138,3 млн. в 2020 году [32]. Из них не менее \$19,3 млн. было получено от компании видного члена Демократической партии Майкла Блумберга, \$2 млн. от основателя продемократического Фонда Сколла и первого главы eВау Джеффри Сколла и еще несколько десятков миллионов долларов от других, преимущественно крупных спонсоров. У истоков Priorities USA Action стояли участники кампании Барака Обамы [33] и Хиллари Клинтон [8]. Большую часть средств, \$116 млн., комитет потратил на кампанию в медиа [35]. Собственные PACs содержат компании Ford Motor [15], Chevron [9], Exxon Mobil [12], General Motors [16], Boeing [7] и Lockheed Martin [24] с 2012 года (без учета последних избирательных циклов 2020 и 2022 года) потратили на поддержку различных кандидатов от \$4,3 до \$15,6 млн. Один из недавних примеров влияния политического финансирования на принятие требуемых отраслью законов – принятие закона о поддержке IT-технологий в системах улавливания и хранения углерода USE IT Act, которая дает нефтегазовым компаниям льготы за применение таких систем. Среди его авторов был республиканец Джеймс Инхоф [23], за свою карьеру получивший от отрасли \$1,9 млн. [40].

2. Организация массовых мероприятий: акций протеста, сбора петиций, почтовых рассылок и др.

Актор-субъект – руководство и спонсоры НКО. **Целевой актор** – лица, принимающие решения, политические союзники и оппоненты. **Другие акторы-участники** – рядовые активисты НКО, медиа, участники акций, электорат, политики. **Цель** – продвижение определенных решений и идей под видом позиции общественности.

Массовые мероприятия создают впечатление широкой общественной поддержки, выражаемой НКО и стоящими за ними элитными акторами позиции и одновременно популяризуют данную позицию еще больше. Это вынуждает членов элиты прислушиваться к требованиям НКО в стремлении конвертировать общественное одобрение в электоральную поддержку. Таким образом, активность НКО одновременно позволяет их спонсорам популяризовать политические позиции своей партии для наращивания ее электорального потенциала (либо создавать видимость массовой поддержки этих позиций для оправдания той или иной политики). Крупные социальные акции также могут влиять на решения инвесторов по поводу инвестиций в определенные активы, что воздействует на их стоимость и позволяет инициаторам акций нарастить свой капитал.

В США значительное влияние имеют многочисленные экологические организации, такие как Гринпис, 350.org, Sierra Foundation, EarthJustice и другие. Их активисты были замечены в организации и участии в акциях против крупных трубопроводов Dakota Access [2], Keystone XL [21] и Line 3 [50], бурения на Аляске, добычи сланцевого газа и др. При этом мно-

гие их конечные спонсоры (Майкл Блумберг [6], Джордж Сорос [28], Том Стейер [26]) являются инвесторами в возобновляемые источники энергии (ВИЭ) [17; 25], чьи котировки растут вместе с угрозами для нефтегазовых проектов [29]. Демократическая партия, с которой тесно связаны фонды-спонсоры этих НКО [11], также последовательно выступает за развитие ВИЭ и сокращение нефтегазового сектора. Заступив на президентский пост, Джо Байден реализовал многие требования перечисленных организаций, включая закрытие Keystone XL [45] и заморозку выдачи новых лицензий на добычу в Арктике [5]. Американский институт нефти (API), отраслевая бизнес-ассоциация, была замечена в организации формально независимых протестов против ограничений ископаемой энергетики. Ассоциация призвала своих сотрудников посещать митинги в 20 штатах, оплачивая транспорт и другие расходы. API и ее компании-участницы также спонсируют ряд некоммерческих и иных групп, критикующих энергетическую политику демократов, проводящих акции протеста против нее и отрицающих глобальное потепление. К примеру, от имени группы «Граждане против ядерной помощи» API рассылал законодателям письма с просьбой воспрепятствовать субсидированию ядерных реакторов в Пенсильвании. Лоббируя создание новой инфраструктуры на ископаемом топливе, API объединился с профсоюзами строителей и организацией фермеров [30]. А в борьбе против импорта канадской гидроэнергии институт сотрудничал даже с либеральной и проклиматической группой Sierra Club [31].

3. Выражение собственной позиции и позиции стоящих за ними избирателей через медиа, публичные письма к политикам, встречи с политиками и исследования.

Актор-субъект – руководство и спонсоры НКО. **Целевой актор** – лица, принимающие решения, политические союзники и оппоненты. **Другие акторы-участники** – рядовые активисты НКО, медиа, участники акций, электорат, политики. **Цель** – продвижение определенных решений и идей под видом позиции общественности.

Когда некоммерческая организация становится достаточно известной, она превращается в своеобразного лидера и выразителя мнений. Коллективные заявления таких организаций воспринимаются как предвестник аналогичных по содержанию социальных требований, особенно в случае их тиражирования в крупнейших СМИ. В другом случае организации, особенно построенные по принципу объединения конкретных социальных групп, таких как профсоюзы, женщины, ветераны, могут доносить уже сложившиеся позиции этих групп, тем самым акцентируя на них внимание политиков, рассчитывающих на голоса этих слоев населения в ходе ближайших выборов.

Сразу после победы Джо Байдена на выборах многочисленные продемократические НКО переключились с борьбы против Трампа на попытки влияния на решения нового президента. Критике крупного природозащит-

ного движения Sunrise Movement подверглось объявление о планах Байдена назначить конгрессмена Седрика Ричмонда старшим советником президента и директором Управления по связям с общественностью, т. к. Ричмонд с 2007 года получил от нефтяных и газовых компаний \$340 тыс. политического финансирования [41]. Гринпис и 75 других групп по климату и экологической справедливости выпустили заявление, призывающее Байдена не назначать министром энергетики умеренного Эрнеста Мониза, занимавшего этот пост при Обаме, вместо этого сделав выбор в пользу сторонника более решительных мер в поддержку возобновляемых источников энергии [27]. 160 климатических организаций также требовали снять Хайди Хейткамп с рассмотрения на посту секретаря Министерства сельского хозяйства за «связи с индустрией ископаемого топлива» [36]. Тогда же Гринпис предложил Байдену и Конгрессу целую программу реформ, включающую, например, восстановление запрета на экспорт сырой нефти и запрет на экспорт угля и сжиженного ископаемого газа, полный запрет гидроразрыва пласта, реализацию Нового Зеленого курса и многое другое [18].

4. Делегирование лояльных кандидатов в органы власти.

Актор-субъект – руководство и спонсоры НКО. **Целевой актор** – политик, выражающий общие с НКО или выгодные для их спонсоров позиции. **Другие акторы-участники** – лица, принимающие решения о назначениях, электорат, медиа, политические союзники и оппоненты целевого актора. **Цель** – создание контактов в политической элите для продвижения собственных интересов.

Принцип «вращающихся дверей» – один из столпов американского лоббизма. НКО в силу их растущего влияния стали в США привлекательным местом трудоустройства для желающих сделать политическую карьеру. В рядах организации они зачастую проходят своеобразную индоктринацию, все в большей степени разделяя ее идейные позиции. В последующей политической карьере эти претенденты на место в элите получают в лице своей бывшей организации источник общественной и финансовой поддержки (см. предыдущие пункты), организационной и волонтерской помощи, опытных кадров и т.д. Ту же поддержку организация может оказать и не связанным с ней кандидатам, разделяющим те же позиции и интересы. Среди примеров такого перехода – Майкл Риган, Администратор Агентства по охране окружающей среды (ранее работал в природозащитной организации Environmental Defence Fund) [13] и Элейн Чао, Министр транспорта в кабинете Трампа (ранее работала в Bloomberg Philanthropies) [26].

5. Прием на работу бывших представителей государственной власти.

Актор-субъект – руководство и спонсоры НКО. **Целевой актор** – лица, принимающие решения, электорат. **Другие акторы-участники** – назначаемый политик, медиа. **Цель** – использование связей и публичного ресурса назначаемого политика для выражения своих интересов.

Высокопоставленные чиновники, уходя из офиса, теряют политическое влияние, но значительно наращивают доход, поскольку спрос на их связи появляется в коммерческих компаниях. Подобный принцип верен и для НКО: политики на работе в таких организациях одновременно привлекают повышенное внимание к идеям организации и приобретают возможность оставаться в медиаполе за счет комментариев по тематике этих организаций. Впоследствии при возвращении политика в состав действующей элиты обе стороны используют наработанные связи уже для новых целей: НКО эффективнее продвигает свои идеи уровне политических решений, а политик – на уровне общественности.

Можно вспомнить следующие примеры использования этого инструмента: переход Майка Пенса в консервативную организацию Young America's Foundation после ухода с поста вице-президента [37]; переход Патрика Гаспара в Open Society Foundation после работы директором по политическим вопросам и послом в ЮАР в администрации Обамы [19]; переход Джинны МакКарти в Natural Resources Defense Council после работы администратором Агентства по охране окружающей среды в администрации Обамы [54].

6. Судебные иски.

Актор-субъект – руководство и спонсоры НКО; **Целевой актор** – ответчик по иску – как правило, компания или ведомство, реализующее определенный проект, другие сторонники проекта и лица, принимающие решения. **Другие акторы-участники** – судебные органы, адвокаты, активисты НКО, медиа, политики. **Цель** – подрыв реализации проекта или репутации компании/ведомства и сторонников проекта в политическом классе; получение компрометирующих данных.

Сам факт выдвижения обвинений против проекта, а тем более признание их судом позволяют дискредитировать одновременно данную компанию (например, с целью подорвать спонсирование ей политических оппонентов или сыграть на понижении ее акций) и представителей власти, поддержавших реализацию проекта. Данный инструмент также позволяет в процессе расследования раскрыть данные об объекте иска, к которым общественность и НКО не смогли бы получить доступ иным образом. Публикация этих данных, нередко порочащих репутацию объекта иска, может быть даже более важной целью для НКО, нежели сам предмет иска. За последние годы в данную логику укладывались, например, иски экологических групп против трубопроводов Keystone XL, Dakota Access, Enbridge Line 3 и Enbridge Line 5, обвиняющих проекты во вреде природе и местным племенам.

7. Критика политика или зоны его ответственности по социально-значимым вопросам от лица неявно связанных с актором некоммерческих организаций.

Актор-субъект – руководство и спонсоры НКО. **Целевой актор** – политический оппонент или союзник. **Другие акторы-участники** – электорат,

начальство целевого актора, медиа, политические союзники и противники целевого актора. **Цель** – подрыв репутации целевого актора для снижения его электоральных и бюрократических позиций либо рост влияния на его решения.

Взаимная критика политиков – привычное и естественное явление. Однако немногих избирателей переубедят слова заинтересованного лица. Граждане готовы прислушиваться к мнению компетентных нейтральных сторон с хорошей репутацией. Зная это, заинтересованные лица часто предпочитают снабжать ресурсами НКО, выражающие нужные этим лицам идеи. Для «запутывания следов» политически мотивированные спонсоры иногда используют косвенное финансирование, инвестируя в организации, которые уже затем распределяют гранты среди конечных активистов. В условиях отсутствия предвыборной борьбы между республиканцами и демократами организации нередко критикуют и представителей идеологически близких к ним партий, заявляя о недостаточности принимаемых ими мер или выступая против любых предполагаемых отклонений от курса. Такие действия позволяют им не столько добиваться пересмотра решений или стремления кандидата восстановить баланс, в будущем осуществив уступку этим НКО по другому вопросу, сколько не позволять кандидату считать, что он обладает поддержкой этих групп «по умолчанию» и не должен в будущем стремиться согласовывать свои действия в том числе и с их требованиями.

Акции экологических организаций против трубопроводов Keystone XL и Dakota Access, движения Black Lives Matter по поводу убийств афроамериканцев при задержании, движения Planned Parenthood против ограничения аборт, будучи посвящены конкретным социальным проблемам, прямо или косвенно затрагивали экс-президента Дональда Трампа. При этом организаторы получали финансирование от спонсоров Демократической партии США [38; 20]. Либеральные НКО активно выступали против возможных назначений Байдена в администрацию, включения ядерной энергетики в инфраструктурный план [10], защиты в суде канадского нефтепровода Line 5 [39] и т. д.

8. Внесение раскола в более лояльную партию для усиления собственного влияния внутри нее.

Актор-субъект – руководство и спонсоры НКО. **Целевой актор** – идеологически близкая партия. **Другие акторы-участники** – электорат, активисты, медиа, другие партии. **Цель** – рост влияния НКО и ее спонсоров на решения партии.

Двухпартийная система США практически не оставляет возможностей для небольших движений получить представительство в органах власти. Во многих штатах и вовсе действует де-факто однопартийная модель, когда основная интрига местных выборов решается на этапе праймериз. В этих условиях делегировать своих представителей или реализовать свои

идеи на политическом уровне НКО имеют только шансы только через одну из двух ведущих партий. Некоторые движения становятся настолько влиятельны, что их поддержка вносит решающий вклад в результаты праймериз, а ее потеря рискует привести к расколу электората и победе кандидата от альтернативной партии.

В случае Демократической партии следует выделить тактику таких движений как «Демократические социалисты Америки», Black Lives Matter и целого ряда экологических организаций. Такие организации обычно действуют независимо от партии, создавая резонанс вокруг своих идей и постоянно работая над наращиванием числа активистов и сторонников. Параллельно они поощряют вступление своих членов в партию. В определенный момент эти новые члены партии выдвигаются на праймериз против представителей умеренного истеблишмента, либо движение объявляет условием своей поддержки согласие кандидатов с идеями организации. Впоследствии либо представитель движения побеждает, становится частью элиты и осуществляет давление уже через органы власти (Александрия Оказио-Кортес [51]), либо победивший центрист вынужден включать в свою программу идеологические позиции, а в команду – близких к организации политиков, поскольку бойкот выборов разочарованными сторонниками организации неизбежно привел бы к победе конкурента (включение той же Оказио-Кортес в предвыборный штаб Байдена). В Республиканской партии подобным образом в последние годы нарастило влияние «Движение Чаепития», представителями которого были, в частности, экс-губернатор Аляски Сара Пейлин, экс-министр здравоохранения Том Прайс, бывший вице-президент Майк Пенс, бывший госсекретарь и директор ЦРУ Майк Помпео и др. Эксперты считают, что это движение сыграло решающую роль в победе Трампа [46]. Само движение существует как в виде неформального консервативного крыла республиканской партии, так и ряда поддерживающих и координирующих его НКО, связанных с братьями Кохами: Tea Party Patriots, Americans for Prosperity, FreedomWorks, DontGo и Tea Party Nation [39].

9. Использование существующих расколов внутри партии-конкурента для ее ослабления.

Актор-субъект – оппонент партии. **Целевой актор** – политическая партия, чья деятельность противоречит интересам актора-субъекта. **Другие акторы-участники** – связанные с партией НКО, электорат, активисты, медиа, эксперты, другие партии. **Цель** – подрыв электоральных позиций и единства партии.

Как говорилось выше, любой раскол, особенно в условиях мажоритарной избирательной системы, выгоден не только побеждающей в нем стороне, но и партии-конкуренту. Преувеличение роли радикалов в партии позволяет переманить ее умеренный электорат на свою сторону, а акцентирование нарушения кандидатами партии радикальных обещаний может

демотивировать приходиться на участки для голосования как раз сторонников организаций, выдвинувших эти требования. Так, демократы заявляли о наличии связи между Трампом и праворадикальной группой Proud Boys [14]. Республиканцы публично обвиняли Black Lives Matter и АнтиФа, входящих в базу сторонников демократов, в терроризме [47], фашизме и коммунизме [48]. Точно так же Трамп критиковал демократов за якобы подстроенный истребительный поход партии проигранных в праймериз представителя демократических социалистов Берни Сандерса [52] и одновременно утверждал, что Джо Байден полностью находится под влиянием крайне левых организаций [53].

Приведенные инструменты имеют потенциал использования в других государствах, включая Россию, в том числе со стороны геополитических противников, криминалитета и нечистоплотного бизнеса. Для защиты от такого воздействия и ответного развития российской «мягкой силы» с участием НКО научному и экспертному сообществу рекомендуется продолжить изучение данной тематики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Басов О.Н. Инструментальный подход к анализу политических процессов в контексте развития методов политической науки // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2020. № 1.

2. A new controversy rises as oil begins to flow through Dakota Access pipeline // Forbes // <https://www.forbes.com/sites/davidblackmon/2017/03/20/a-new-controversy-rises-as-oil-begins-to-flow-through-dakota-access-pipeline/>.

3. American Federation of Teachers PAC Contributions to Federal Candidates // Open Secrets // <https://www.opensecrets.org/political-action-committees-pacs/american-federation-of-teachers/C00028860/candidate-recipients/2020>.

4. American Federation of Teachers PAC to PAC/Party // OpenSecrets // <https://www.opensecrets.org/political-action-committees-pacs/american-federation-of-teachers/C00028860/pac-to-pac/2020>.

5. Biden Suspends Drilling Leases in Arctic National Wildlife Refuge // New York Times // <https://www.nytimes.com/2021/06/01/climate/biden-drilling-arctic-national-wildlife-refuge.html>.

6. Bloomberg Family Foundation // Influence Watch // <https://www.influencewatch.org/non-profit/bloomberg-family-foundation-bloomberg-philanthropies/>.

7. Boeing // OpenSecrets // <https://www.opensecrets.org/orgs/boeing-co/summary?id=d000000100>.

8. Can the democrats catch up in the super-PAC game // New York Times // <https://www.nytimes.com/2012/07/08/magazine/can-the-democrats-catch-up-in-the-super-pac-game.html>.

9. Chevron // OpenSecrets // <https://www.opensecrets.org/orgs/chevron/summary?id=D000000015>.

10. Confusion Over Line 5 Shutdown Highlights Biden's Tightrope Walk on Climate and Environmental Justice // Inside Climate News // <https://insideclimatenews.org/news/12112021/line-5-biden-environmental-justice/>.

11. Democrats big donors reach out to marchers town hall activists // Bloomberg // <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-03-22/democrats-big-donors-reach-out-to-marchers-town-hall-activists>.

12. Exxon Mobil // OpenSecrets // <https://www.opensecrets.org/orgs/exxon-mobil/summary?id=D000000129>.

13. Elaine Chao Leaves Bloomberg Philanthropies Amid Clean Energy Push // WPFL // <https://wfpl.org/elaine-chao-leaves-bloomberg-philanthropies-amid-clean-energy-push/>.

14. F.B.I. Finds Contact Between Proud Boys Member and Trump Associate Before Riot // New York Times // <https://www.nytimes.com/2021/03/05/us/politics/trump-proud-boys-capitol-riot.html>.

15. Ford Motor Co // OpenSecrets // <https://www.opensecrets.org/orgs/ford-motor-co/summary?id=D000000182>.

16. General Motors // OpenSecrets // <https://www.opensecrets.org/orgs/general-motors/summary?id=D000000155>.

17. George Soros to invest 1 billion in green energy // Bloomberg // <https://www.bloomberg.com/news/articles/2009-10-11/george-soros-to-invest-1-billion-in-green-energy/>.

18. Greenpeace USA introduces policy agenda for Biden and Congress on Covid-19 environment and economic recovery // Greenpeace // <https://www.greenpeace.org/usa/news/greenpeace-usa-introduces-policy-agenda-for-biden-and-congress-on-covid-19-environment-and-economic-recovery/>.

19. Gina McCarthy // NDCR // <https://www.nrdc.org/experts/gina-mccarthy>.

20. How George Soros Became One Of America's Biggest Philanthropists And A Right-Wing Target // Forbes // <https://www.forbes.com/sites/laurengensler/2018/10/23/how-george-soros-became-one-of-americas-biggest-philanthropists-and-a-right-wing-target/?sh=1194b35639ba>.

21. Here's how we defeated Keystone XL pipeline // Sierra Club // <https://www.sierraclub.org/sierra/here-s-how-we-defeated-keystone-xl-pipeline>.

22. How Super-PAC bashing Ted Cruz can hide who's funding it // Texas Tribune // <https://www.texastribune.org/2018/11/02/how-super-pac-bashing-ted-cruz-can-hide-whos-funding-it/>.

23. Inhofe praises Committee passage of DERA and Use It acts // Senator Inhofe // <https://www.inhofe.senate.gov/newsroom/press-releases/inhofe-praises-committee-passage-of-dera-and-use-it-acts>.

24. Lockheed Martin // OpenSecrets // <https://www.opensecrets.org/orgs/lockheed-martin/summary?id=D000000104>.

25. Michael Bloomberg Promises \$500 Million to Help End Coal // New York Times // <https://www.nytimes.com/2019/06/06/climate/bloomberg-climate-pledge-coal.html>.

26. Mike Pence joins Young America's Foundation // Axios // <https://www.axios.com/mike-pence-young-americas-foundation-5372e4e0-74ad-4a52-bc6a-b3af3ba66250.html>.

27. No to Moniz // Oil Change USA // <http://oilchangeusa.org/no-to-moniz/>.

28. Open Society Foundation // Influence Watch // <https://www.influencewatch.org/non-profit/open-society-foundations/>.

29. Ossola E., Ramelli S., Rancan M. Stock price effects of climate activism: Evidence from the first Global Climate Strike // Journal of Corporate Finance. 2018. № 69.

30. Oil firms warned over US lobbying // The Guardian // <https://www.theguardian.com/business/2009/aug/19/oil-firms-warned-over-us-lobbying>.

31. Oil industry fighting climate policy states // The Atlantic // <https://www.theatlantic.com/science/archive/2020/02/oil-industry-fighting-climate-policy-states/606640/>.

32. PAC Profile: Priorities USA Action // OpenSecrets // <https://www.opensecrets.org/political-action-committees-pacs/priorities-usa-action/C00495861/summary/2020/C00028860/pac-to-pac/2020>.

33. Priorities USA Action PAC Donors // OpenSecrets // https://www.opensecrets.org/political-action-committees-pacs/priorities-usa-action/C00495861/donors/2020?start=75&page_length=25.

34. Priorities USA Action // FactCheck.org // <http://www.factcheck.org/2016/01/priorities-usa-action/>.

35. Priorities USA Action PAC Expenditures // OpenSecrets // <https://www.opensecrets.org/political-action-committees-pacs/priorities-usa-action/C00495861/expenditures/2020>.

36. Progressive groups urge Biden against picking Heidi Heitkamp for USDA chief // Modern Farmer // <http://modernfarmer.com/2020/11/progressive-groups-urge-biden-against-picking-heidi-heitkamp-for-usda-chief/>.

37. Patrick Gaspard to step down as head of Open Society Foundations // Open Society Foundations // <https://www.opensocietyfoundations.org/newsroom/patrick-gaspard-to-step-down-as-head-of-open-society-foundations>.

38. REVEALED: George Soros has plowed \$3M of 'dark money' into BLM activists pushing to defund the police // Daily Mail // <https://www.dailymail.co.uk/news/article-10292665/George-Soros-funneled-3M-dark-money-hub-activists-working-defund-police-grants-show.html>.

39. Rising star Alexandria Ocasio-Cortez wins primary in district she is not running in // ABC News // <https://abcnews.go.com/Politics/alexandria-ocasio-cortez-wins-primary-district-running/story?id=56499055>.

40. Sen. James M Inhofe – Campaign Finance Summary // OpenSecrets // <https://www.opensecrets.org/members-of-congress/james-m-inhofe/summary?cid=N00005582>.

41. Sunrise Movement Climate Activists Call On Biden To ‘Keep His Promises’ // Wbur // <https://www.wbur.org/hereandnow/2020/11/20/sunrise-movement-biden-climate>.

42. The new U.S. office politics: funding your boss’s political causes // Reuters // <https://www.reuters.com/article/us-usa-election-workers-insight-idUSKBN0NW0AC20150511>.

43. Top PACs // Open Secrets // <https://www.opensecrets.org/political-action-committees-pacs/top-pacs/2020?filter=P&pac=A&party=D&type=C>.

44. Tom Steyer // Influence Watch // <https://www.influencewatch.org/person/tom-steyer/>.

45. TC Energy terminates Keystone XL pipeline project // CNBC // <https://www.cnn.com/2021/06/09/tc-energy-terminates-keystone-xl-pipeline-project.html>.

46. Trump’s Staunch GOP Supporters Have Roots in the Tea Party // Pew Research // <https://www.pewresearch.org/politics/2019/05/16/trumps-staunch-gop-supporters-have-roots-in-the-tea-party>.

47. Trump is calling protesters who disagree with him terrorists. That puts him in the company of the world’s autocrats // CNN // <https://www.cnn.com/2020/07/25/politics/us-protests-trump-terrorists-intl/index.html>.

48. Trump is calling protesters who disagree with him terrorists. That puts him in the company of the world’s autocrats // The Independent // <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/trump-bill-barr-black-lives-matter-fox-news-bolshevik-fascist-a9664216.html>.

49. What is a PAC // OpenSecrets // <https://www.opensecrets.org/political-action-committees-pacs/what-is-a-pac>.

50. What you need to know about Michael Regan and the EPA // EarthJustice // <https://earthjustice.org/brief/2020/what-you-need-to-know-about-michael-regan-and-the-epa>.

51. What exactly is the Tea Party? // BBC // <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-11317202>.

52. Why is Donald Trump always defending Bernie Sanders? // CNN // <https://www.cnn.com/2020/02/14/politics/trump-bernie-sanders-2020/index.html>.

53. Why Trump’s Efforts to Paint Biden as a Socialist Are Not Working // New York Times // <https://www.nytimes.com/2020/10/14/business/socialist-biden-trump.html>.

54. 240 organizations sign letter opposing subsidies for nuclear power in infrastructure bills // Nuclear Information and Resource Service // <https://www.nirs.org/240-organizations-sign-letter-opposing-subsidies-for-nuclear-power-in-infrastructure-bills/>.

O.N. BASOV
Postgraduate student of the
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russia

INSTRUMENTS OF ELITE STRUGGLE FOR POLITICAL POWER AND INFLUENCE WITH THE PARTICIPATION OF NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS (IN CASE OF THE MODERN UNITED STATES)

Non-profit organizations (NPOs) over the past decades have become the same equal participant in the elite struggle as political parties and commercial companies. Elite actors actively use the activities of such organizations in order to influence the political course of the state. Due to the importance of civil society and public opinion in the electoral process, NGOs play especially important role in the modern United States of America. An understanding of the instruments used in this struggle allows to effectively counteract similar attempts to influence Russia's policy in the interests of external actors. The purpose of this study is to identify and analyze the instruments of the elite struggle for political power and influence with the participation of non-profit organizations using the example of the modern United States. The object of the study is the United States in the period from 2016 to 2021, with an emphasis on the pre-election cycles of 2016 and 2020. The subject of the study is the instruments of the elite struggle for political power and influence with the participation of non-profit organizations in the modern United States. As a result of the study, the author analyzes in detail the structure and examples of the following instruments of the elite struggle for political power and influence with the participation of NGOs: Collection of funds to finance election campaigns; Organization of mass events; Expressing position through the media, public letters to politicians, meetings with politicians and research; Delegation of loyal candidates to the government; Recruitment of former government officials; Lawsuits; Criticism of a politician or his area of responsibility on socially significant issues; Making a split in a more loyal party to strengthen their own influence within it; Using existing splits within a rival party to weaken it.

Key words: elite theory, intra-elite struggle, United States of America, instrumental approach, non-profit organizations, NGOs.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ И ТРАНСФЕРТЫ МИГРАНТОВ

В данной статье исследуются некоторые социально-экономические параметры внешней трудовой миграции в современной России и их сложное взаимодействие с политической жизнью РФ.

Множественность факторов влияния и разнообразие последствий превращают миграционные процессы, в том числе и трудовую миграцию, в многоаспектную проблему. В статье представлены некоторые риски, которые создает трудовая миграция в РФ, провоцируя социально-политическую нестабильность и другие негативные последствия.

Ключевые слова: *миграционная политика, международная трудовая миграция населения, политологический аспект, трансферт, управление социально-политическое развитие, трудовые мигранты.*

Введение. Существующие различные подходы к содержательному анализу миграций, их типологизации, классификации последствий позволяют утверждать, что миграционный процесс рассматривается современными исследователями как сложный общественный разнонаправленный процесс, общественное явление, которое связывает разноуровневые социальные изменения (П. Штомпка). Одновременно формируются и различные оценки ее социально-политических последствий, в том числе в контексте трудовой миграции.

Целью данной работы – исследовать в контексте политологического знания взаимосвязь миграционных и политических процессов в нашем государстве; определить основные современные тенденции внешней трудовой миграции.

Миграцию исследуют ученые из различных областей науки, так как она является неотъемлемой частью современного мира и затрагивает практически все сферы жизнедеятельности современного общества. Термин «миграция происходит от латинского слова migration – переход, переезд, переселение», в английском языке он связан с глаголом путешествовать [3. С. 646].

В этой связи необходимо подчеркнуть значение классических трудов У. Томаса и Ф. Знанецкого и социологов Чикагской школы в изучении миграционных процессов, в которых содержится один из первых анализов осмысления феномена пространственных перемещений, также анализируются социальные изменения в обществе. Р. Парк, Р. Маккензи, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс, Р. Мертон существенно расширили и обосновали исследовательские подходы.

В изучении современных миграций необходимо выделить два основных направления: экономическое и политическое, причем в целях комплексной оценки необходим анализ данных по направлениям как в странах – приема, так и в странах – исхода мигрантов. Что весьма важно для прогноза, и как показывает опыт стран, трудовые миграции влияют на социально-экономическое и политическое развитие страны как в краткосрочном, так и долгосрочном периодах.

Трудовая миграция в России. Россия сохраняет свою миграционную социально-экономическую привлекательность – это сравнительно высокие заработки, безвизовый режим въезда в РФ для отдельных постсоветских государств, историческая общность развития, «миграционная амнистия».

Совокупность положительных и негативных последствий трудовой миграции в современных политических условиях заслуживает предметного изучения.

Важным направлением в данном контексте является и исследование факторов влияния: это причины, формирующие мотивации к миграциям и стимулирующие новые потоки мигрантов, а также комплекс адаптационных проблем в принимающей стране, социально-политические последствия.

С середины 2000-х Россия сохраняет за собой статус одного из важных источников трансфертов мигрантов.

Существует немало экономических теоретических моделей для оценки последствий иммиграции, но специалисты признают ее крайне сложную эмпирическую реализацию. Подобные попытки предпринимались (Дж. Алтонжи, 1989; М. Гроссман/Г. Борхас, 1987). Так, например, Дж. Алтонжи и Д. Кард исследовали влияние иммиграции в США на низкоквалифицированных работников, так как согласно теоретическим подходам, низкоквалифицированные рабочие являются наиболее уязвимой частью рынка рабочей силы в развитых странах. Выявив долю иммигрантов в 120 важнейших городах США и исследовав уровень безработицы, заработной платы в 1970-1980 годах, экономисты пришли к заключению, что конкуренция между мигрантами и местными работниками все же существует, но ее влияние не столь существенно. Однако отмеченный в 4 квартале 2021 года рост заработной платы трудовых мигрантов в РФ, а по оценкам экспертов, в некоторых сферах зарплаты мигрантов сравнялись с зарплатой резидентов, ставит приведенный выше тезис под сомнение.

Казалось бы, макроэкономические последствия трудовой миграции являются зоной интересов экономистов. Известно, что отток избытка трудовых ресурсов, в соответствии с неоклассическими моделями, выравнивает доходы факторов производства в различных странах. Исторический пример Швеции, Германии, Великобритании, Италии, Южной Кореи, Тайваня показывает, как они превратились из стран эмиграции в страны-реципиенты. Однако подобная зависимость между уровнем экономического развития и миграцией достаточно спорна и справедливо подвергается критике. Вполне возможно, что миграция в целом оказывает стимулирующий эффект, однако, не является решающим фактором экономического роста.

Расчеты экономистов показывают, что эффективность экспорта трудовых ресурсов в 5 раз превышает эффективность экспорта товаров [2]. В некоторых арабских странах, например, доходы от трудовой миграции составляют 20-30% общей суммы валютных поступлений по национальному платежному балансу. Многие страны – экспортеры трудовых ресурсов вошли в группу среднеразвитых стран именно благодаря трудящимся-мигрантам (Египет, Турция, Пакистан и др.).

В качестве нового мощного фактора в развитии экономик стран рассматриваются трансферты международных мигрантов. Следует сразу же отметить, что для получения информации и оценки объемов денежных переводов мигрантов обычно используют несколько источников, что позволяет оперировать более корректной статистикой. Мы используем данные МВФ, ВБ, ЦБ РФ, международных систем учета, Росстата.

Значимость денежных переводов трудящихся мигрантов для развивающихся стран особенно очевидна при сравнении с размерами официальной помощи развитию. Так, например, в 1989 году, официальная помощь развитию развивающимся странам составила 48,2 млрд. долл., что лишь на треть превышает объемы трансфертов мигрантов, поступивших в эти страны. Наиболее весомым аргументом в пользу эмиграции работников являются денежные переводы мигрантов, которые зачастую составляют существенную часть государственного бюджета страны. Они могут осуществляться не только в денежной, но и в товарной форме. Статистические данные красноречиво доказывают рост объема денежных переводов. Так, например, если в 1989 году общая сумма трансфертов составила 54,4 млрд. долл. США, то в 1999 году – уже 105,23 млрд. долларов, при этом около 60% общемировых трансфертов направляются в развивающиеся страны. В 2018 году международные денежные переводы мигрантов достигли 689,4 млрд долл. США, причем более $\frac{3}{4}$ этой суммы приходится на развивающиеся страны. Также в 2018 году сумма денежных переводов превысила официальную помощь развитию и прямые иностранные инвестиции, хотя существенная часть денежных переводов не учитывается в статистике потоков. Таким образом, как показывает статистика, личные международные

переводы являются серьезным финансовым источником для экономики развивающихся стран и выживания семей мигрантов. Роль денежных средств важна не только для экономической, но и для социальной сферы. Денежные потоки способствуют сокращению бедности и неравенства [4. С. 275-297], улучшают доступ населения к системам здравоохранения и образования [5].

Основными получателями переводов из России остаются страны СНГ. Так, по оценкам Всемирного банка, в 2014 году туда были направлены 19,3 млрд. дол.

Эксперты отмечают, что наиболее зависимыми от денежных переводов трудовых мигрантов являются Киргизия, Таджикистан, с ними в одном ряду Тонга и Гаити (для сравнения). Всемирный банк приводит следующую статистику, определив отношение «мигрантских» поступлений к ВВП страны в 2018 году: Тонга – 35,2%, Киргизия – 33,6%, Таджикистан – 31,0%, Республика Гаити – 30,7% и Непал – 28,0%.

Очевидно, что Россия остается ключевой страной-донором трансфертов для Киргизии и Таджикистана. Кстати, в 2017 году из РФ были отправлены более 75% всех переводов мигрантов именно в эти страны. Наибольшая сумма переводов до 2021 года фиксировалась во втором квартале 2015 года – \$2,31 млрд.

Данные Центробанка свидетельствуют о росте объема переводов в 3 квартале 2021 года в сравнении со вторым кварталом с 22% до 35%, лидируют те же страны – Узбекистан, Таджикистан и Киргизия. Рост трансграничных переводов особо отмечается в июле-сентябре: через платежные системы в страны СНГ из России переведены до \$2,29 млрд. В Узбекистан из России перевели \$1,01 млрд., что выше на 34,9% в сравнении со вторым кварталом; соответственно в Таджикистан – \$0,53 млрд., повышение на 25,5%; в Киргизию – \$0,43 млрд. на 21,7%.

Не подвергая детальному анализу причины подобного роста, обратим лишь внимание, что данная тенденция наблюдается в продолжающийся постпандемийный период. Остается актуальным вопрос, является ли прослеживаемая тенденция доказательством экономического роста РФ или хотя бы подтверждает процесс активизации российской экономики? Анализ данных макроэкономических показателей позволяет оценить те значительные риски, которым подвергаются экономики, основу развития которых составляют внешние источники финансирования, в том числе денежные переводы мигрантов.

Массовая трудовая миграция является значительным источником пополнения казны государства-поставщика трудовых ресурсов, однако степень влияния трансфертов на экономику варьируется в зависимости от целей их использования. Исследования показывают, что трансферты мигрантов используются в основном на потребительские товары, возврат долгов, образование детей, медицинское обслуживание, покупку земли и жилых домов.

Очень незначительная часть трансфертов вкладывается в развитие производства или инвестируется.

Тем не менее, денежные переводы повышают покупательную способность населения, и могут стимулировать местное производство, увеличивая ВВП за счет эффекта мультипликатора.

В целом, трудовые мигранты являются представителями титульных национальностей своих стран, доля русских среди мигрантов менее 10% [1. С. 263]. Большинство мигрантов стремятся к проживанию в городах, поскольку сами являются выходцами из городского населения.

Существенным фактором влияния остается достаточно низкий образовательный уровень прибывших трудовых мигрантов. Так, например, у прибывших в 2017 г. (121 187 чел.) уровень распределяется по листкам прибытия пограничных пунктов следующим образом: высшее профессиональное образование – 14 931 чел., из них 53 доктора и 87 кандидатов наук; неполное высшее профессиональное – 1 940 чел.; среднее профессиональное – 31 219 чел.; начальное профессиональное – 2 809 чел., среднее общее – 39 989 чел.; основное общее – 4 541, начальное общее и не имеющие образования – 1 585 чел.; а 24 173 человек не указали свой уровень образования.

Данная статистика подтверждает, что более чем у половины мигрантов нет профессиональной квалификации, и они могут получить лишь низкоквалифицированную работу. В этой связи прослеживаемая с 2017 г., тенденция увеличения в удельном весе молодых мигрантов до 30 лет (около 40%) над зрелым возрастом, формирует в российском обществе разнонаправленную социально-политическую напряженность. Данный аспект должен стать предметом системного изучения, так как названный фактор в известной мере может привести к дальнейшему усилению межнациональной конфликтности, а также следует учесть возросшую в их среде преступность и численность нелегалов на территории РФ.

В 2018 году в России отмечается самый низкий показатель миграционного прироста за все постсоветские годы, по разным оценкам он составляет около 125000 человек. Снижение коэффициента объясняется не только снижением числа прибывших в РФ мигрантов, но также увеличением количества выбытий с территории нашего государства. Однако наблюдается сокращение миграционного прироста практически из всех традиционных стран-доноров, за исключением Азербайджана, Армении и Туркменистана, где показатель несущественно увеличился. Значительное снижение показателя наблюдается с Украиной (14,8 тыс.) и Узбекистаном (6,8 тыс.), которые ранее выступали крупнейшими миграционными донорами для России.

Оценить масштабы присутствия мигрантов и в том числе нелегальных работников на территории России на сегодняшний момент практически невозможно. Приблизительные цифры таковы от 700 тысяч (информация МФД) до нескольких миллионов по различным оценкам соответствующих

органов. Ситуация складывается таким образом, что многие из нелегалов въехали на территорию страны и находятся здесь легально, но их трудовая занятость – нелегальна, а также часто не соответствует заявленным при въезде сферам.

Изменившиеся приоритеты мигрантов подтверждены выбором другой работы, количеством приобретаемого ими жилья, наличием высокого процента обучающихся в школах детей-мигрантов и т.д.

Доказано, что массовая внешняя миграция в России позволяет: избежать депопуляции населения; стабилизировать демографическое падение; является главным источником пополнения трудовых ресурсов; предотвращает спад в экономике в силу недостатка внутренних трудовых ресурсов; является важным стратегическим фактором развития человеческого потенциала для страны.

Совокупность положительных и негативных последствий миграции для РФ в современных политических условиях заслуживает предметного изучения и требует системного подхода, что позволит разрабатывать продуманную миграционную стратегию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Демографический ежегодник России. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017.
2. Независимая газета. 27 февраль 1992.
3. Социологическая энциклопедия: В 2-х т. / Национальный общественно-научный фонд. М.: Мысль, 2003. Т. 1.
4. *Grigoryev L. & Pavlyushina V.* Global Recession and Income Inequality: Factors of Disruption for Elites in the Twenty-First Century. In *Global Governance in Transformation*. Springer, Cham. 2020.
5. Leveraging economic migration for development // <https://www.knomad.org/publication/leveraging-economic-migration-development-briefing-world-bank-board>.

HAZELI REZA

*Department of Political Science
of the East of the Institute of Asia and Africa,
Moscow State University Lomonosov,
Moscow, Russia*

INTERNATIONAL LABOR MIGRATION AND TRANSFERS OF MIGRANTS

This article examines some socio-economic parameters of external labor migration in modern Russia and their complex interaction with the political life of the Russian Federation.

The multiplicity of factors of influence and the variety of consequences turn migration processes, including labor migration, into a multifaceted problem. The article presents some of the risks that labor migration to the Russian Federation creates, provoking socio-political instability and other negative consequences.

Key words: *migration policy, international labor migration of the population, political aspect, transfer, management of socio-political development, labor migrants.*

DOI 10.35775/PSI.2022.77.1.032

УДК 32.327

БАРАКАТ КАЙС АБДУЛЛА МАХМУД

аспирант Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена,

Россия, г. Санкт-Петербург

СЕЙФИ МУСТАФА САЛЕЕМ МУСТАФА

магистрант Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва

АБАХРА МУШИР ИБРАГИМ ХАСАН

аспирант Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва

ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

В статье рассматривается позиция России по отношению к палестино-израильскому конфликту, а также деятельность российских политиков и дипломатов в данной сфере. Показан процесс формирования отношения России к сторонам противостояния, а также меры, принимаемые российскими властями в качестве посредников по урегулированию конфликта. Целью статьи является выяснение роли палестино-израильского конфликта в российской внешней политике на современном этапе. К задачам исследования относятся изучение эволюции российской политике по отношению к указанному конфликту с советских времен, формирование отношений России с Израилем и палестинцами, выяснение способов участия Российской Федерации в урегулировании конфликта. Результатом проведенного исследования стал вывод о том, что в настоящее время Россия остается одним из ключевых посредников по регулированию палестино-израильского конфликта, но в силу ряда сложностей осознается малая вероятность разрешения проблемы на современном этапе, в связи с чем российская позиция заключается в основном к стремлению убедить стороны отказаться от эскалации насилия.

Ключевые слова: *Россия, Палестина, Израиль, конфликт, внешняя политика, международные отношения.*

Палестино-израильский конфликт является одним из наиболее длительных и серьезных противостояний на международной арене на протяжении уже более полувека. Несмотря на относительно небольшую территорию своего распространения, данный конфликт неизменно находится в цен-

тре внимания ведущих государств мира и оказывает значительное влияние на систему международных отношений. Российская Федерация, будучи правопреемницей СССР, была и остается одной из наиболее значимых участников процесса урегулирования палестино-израильского противостояния. В данной статье рассматривается современная позиция России относительно данного конфликта.

Нам кажется целесообразным начать рассмотрение темы статьи с определения основной позиции и симпатий российского руководства и дипломатического ведомства на современном этапе. Как известно, СССР традиционно выступал в защиту интересов палестинского народа. И это, естественно, не могло не сказаться на советско-израильских отношениях, которые на протяжении долгих лет сохраняли ту или иную степень напряженности [8]. После 1991 г. положение в этом вопросе сильно изменилось. Российская Федерация, хотя официально и осталась правопреемницей СССР на международной арене, утратила многие свои прежние позиции на Ближнем Востоке. Кроме того, начался активный процесс нормализации российско-израильских отношений, увенчавшийся полным восстановлением дипломатических отношений между двумя странами в октябре 1991 года, что вполне ожидаемо вызвало большое недовольство со стороны ряда арабских государств, и в первую очередь палестинских лидеров [2].

Таким образом, произошла переориентация основных направлений российской внешней политики на Ближнем Востоке. Российская Федерация уже не была столь сильно заинтересована в поддержке палестинцев, и, соответственно, ослаблении позиций Израиля в регионе. В этом уже не было необходимости, поскольку прекратилось глобальное противостояние двух сверхдержав периода «холодной войны». В связи с этим ситуация в этом регионе вышла на второстепенные позиции, поскольку не затрагивала основные внешнеполитические задачи РФ того периода. Кроме того, российские правящие круги в то время верили в возможность налаживания конструктивных, взаимовыгодных и равноправных отношений с западными странами, союзником которых являлся Израиль.

Однако уже в течение 1990-х гг. произошли резкие перемены в системе отношений России с США и союзными им государствами. Целый ряд проблем и противоречий заставил российское руководство серьезно разочароваться в позиции своих западных партнеров. Произошло осознание того, что позиция постоянных уступок ради довольно призрачной дружбы и сотрудничества не приносит ожидаемых результатов. Одним из аспектов нового российского внешнеполитического курса, начавшегося в 2000-х гг., стали попытки восстановления прежнего влияния на Ближнем Востоке. Начался активный процесс налаживания торговых и политических отношений с арабскими странами.

При этом следует отметить, что указанное налаживание отношений происходило в условиях попыток сохранить нормальные отношения с Израи-

лем. О прежней однозначной поддержке арабов и палестинцев советских времен уже не было речи. Необходимость для России выстраивать нормальные отношения с Израилем имеет под собой серьезные основания. В частности, израильские власти, в отличие от их западных коллег, поддержали борьбу российских федеральных властей с сепаратизмом и терроризмом в Чечне. Обе страны имеют много общих исторических и культурных черт: значительную часть населения Израиля составляют русскоязычные выходцы из бывших советских республик, Россия и Израиль сохраняют твердую и четкую позицию по проблеме пересмотра результатов Второй мировой войны и т.д. Немаловажным фактором является также и развивающееся экономическое сотрудничество [6. С. 109-110].

На фоне попыток развития отношений с Израилем российская сторона отнюдь не выражает какой-либо враждебности по отношению к палестинцам и их лидерам. Это объективно не выгодно Москве в свете ее стремления расширять сотрудничество с арабскими странами и повышать степень своего влияния на Ближнем Востоке. В мае 1994 г. была образована Палестинская национальная администрация (ПНА), и в определенной степени можно сказать, что российско-палестинские отношения вышли на межгосударственный уровень, поскольку в том же году Ясир Арафат нанес визит в Москву, где было подписано соглашение о российско-палестинском научном и культурном сотрудничестве.

В 1995 г. было учреждено представительство РФ при ПНА в Газе (в 2004 г. переведено в Рамаллу). Складывались также и отношения между законодательными органами (Палестинским законодательным советом и Государственной Думой РФ). Начиная с 2000-х гг. сотрудничество получило новый импульс и стало более активным. В частности, по данным МИД РФ, Россия выделила около 40 млн. долл. на нужды бюджета ПНА на нужды образования и здравоохранения. Палестинские студенты обучаются в российских вузах за счет федерального бюджета [1. С. 76].

Соответственно, в настоящее время Россия не проявляет явной симпатии к одной стороне конфликта и антипатии к другой. Российские власти и дипломаты стремятся сохранять спокойные и равные отношения как с палестинцами, так и с израильянами. Российская Федерация в рамках своей стратегии возвращения на Ближний Восток заинтересована в урегулировании палестино-израильского конфликта и проявляет заинтересованность в том, чтобы принять участие в данном процессе в качестве посредника, что она и сделала в 2002 г., присоединившись к так называемому «ближневосточному квартету» в составе США, РФ, ЕС и ООН [3].

В апреле 2003 г. эта группа посредников выработала «дорожную карту» в качестве основного плана урегулирования. Основными пунктами данного документа были условия отказа от насилия, продолжение переговорного процесса и окончательное определение статуса Палестины. Однако Израиль

прекратил переговоры и начал в одностороннем порядке политику размежевания со строительством стен и укреплений на границах проживания израильтян и палестинцев. Данный шаг вызвал осуждение со стороны России.

Развитие событий подобным образом вызвало довольно сильный скептицизм по поводу возможностей решения палестино-израильского конфликта в ближайшем будущем мирным путем. Сама идея урегулирования путем создания Палестинского государства остается в силе только на формальном уровне. Вполне понятно, что Израиль не желает идти на уступки по этому поводу. К тому же ситуация обострилась в связи с расколом палестинской администрации (Газа во главе с ХАМАС и Левый берег Иордана во главе с ФАТХ). Поэтому усилия посредников, в том числе и России, ограничивались в основном призывами к обеим сторонам избегать применения насилия, в первую очередь по отношению к мирному населению [4. С. 62-63].

В определенной степени положение изменилось с 2015 г., когда российские власти выполнили просьбу сирийского президента Башара Асада оказать помощь в борьбе с вооруженными исламистскими группировками. Эти события вызвали серьезную обеспокоенность Израиля, поскольку помощь официальным сирийским властям оказал также Иран, с которым Израиль находится в состоянии жесткой конфронтации. Это серьезно осложнило российско-израильские отношения. Тем не менее, российская и израильская стороны прилагали и прилагают все усилия, чтобы предотвратить случаи какого-либо столкновения российских и израильских военных [7]. Соответственно, с этого периода сирийский кризис вышел на первый план в регионе, в том числе и для российской стороны.

Внимание России и мировой общественности к указанному противостоянию было вновь привлечено 10 мая 2021 г., когда вновь обострился конфликт на границе с сектором Газа и начался взаимный обстрел территорий с использованием ракет. 17 мая 2021 г. министр иностранных дел РФ Сергей Лавров заявил о том, что российская сторона осуждает удары по гражданским объектам с обеих сторон и призывает к их немедленному прекращению. Кроме того, российский министр предложил провести переговоры по мирному урегулированию на территории Российской Федерации. При этом, видимо, будучи хорошо знакомым со степенью сложности ситуации, С. Лавров добавил, что все зависит «от договороспособности сторон и их доброй воли» [5]. Острую фазу конфликта удалось прекратить при помощи мирового сообщества, в том числе и с участием российских дипломатов. Тем не менее, всем сторонам по-прежнему ясно, что данное противостояние будет длиться еще долгое время и серьезных предпосылок для его прекращения на данный момент нет.

Таким образом, можно сделать вывод, что палестино-израильский конфликт занимает значительное место в российской внешней политике. Достаточно отметить тот факт, что РФ наряду с США входит в число так на-

зываемого «квартета по ближневосточному урегулированию». Но в то же время, по нашему мнению, российская сторона, как и все остальные стороны, связанные с попытками решения данной проблемы, осознает слабую степень вероятности прекращения указанного конфликта в текущей ситуации, в связи с чем он не занимает ведущих позиций в деятельности российских органов власти, связанных с осуществлением внешней политики. В то же время ключевая роль российских дипломатов в попытках урегулирования данного конфликта подтверждает тот факт, что Российская Федерация стремится вернуть себе статус великой державы, способной оказывать значительное влияние на международную политику.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аливанви М.А.* Отношения между Палестинской национальной автономией и Российской Федерацией: этап президентства В.В. Путина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Политические науки и право. 2015. № 2.
2. *Демченко А.В.* Роль России в урегулировании палестино-израильского конфликта // <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=99358>.
3. *Крылов А.В.* Ближневосточный «квартет» в палестино-израильском урегулировании // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/blizhnevostochnyy-kvartet-v-palestino-izraiskom-uregulirovanii/>.
4. *Корочкина В.А.* Палестинская проблема и ее место во внешнеполитической повестке дня России // Политическая экспертиза: политэкс. 2021. ТОМ 17. № 1.
5. Лавров назвал недопустимыми удары по гражданским объектам в Израиле и Палестине // <https://www.kommersant.ru/doc/4816038>.
6. *Орлов В.В.* Основные факторы сотрудничества России и Израиля на современном этапе // Архонт. 2020. № 1.
7. Путин назвал успешной координацию российских и израильских военных в Сирии // <https://lenta.ru/news/2015/11/30/coordination/>.
8. *Чекал А.А.* Корни арабо-израильского конфликта. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2016. № 28 (132) // <https://moluch.ru/archive/132/36857/>.

BARAKAT QAIS ABDULLAH MAHMOUD

*Postgraduate student of the Russian State
Pedagogical University A.I. Herzen,
St. Petersburg, Russia*

SEIFI MUSTAFA SALEEM MUSTAFA

*Graduate student of the Russian University
friendship of peoples, Moscow, Russia*

ABAHRA MUSHIR IBRAHIM HASSAN

*Postgraduate student of the Russian University
friendship of peoples, Moscow, Russia*

THE ISRAELI-PALESTINIAN CONFLICT IN THE CONTEXT OF MODERN RUSSIAN FOREIGN POLICY

The paper examines the Russian position according to the Israeli-Palestinian conflict, as well as the activities of Russian politicians and diplomats in this field. The process of forming Russia's attitude to the parties to the confrontation, as well as the measures taken by the Russian authorities as mediators to resolve the conflict are studied. The purpose of the article is to clarify the role of the Israeli-Palestinian conflict in Russian foreign policy nowadays. The objectives of the study include studying the evolution of Russian policy towards this conflict since Soviet times, the formation of Russia's relations with Israel and the Palestinians, and finding out how the Russian Federation can participate in resolving the conflict. The result of the study is the conclusion that at present Russia remains one of the key mediators in the settlement of the Palestinian-Israeli conflict, but due to a number of difficulties, there is a low probability of resolving the problem at the present stage. So the Russian position is mainly to strive persuade the parties to refrain from escalating violence.

Key words: *Russia, Palestine, Israel, conflict, foreign policy, international relations.*

DOI 10.35775/PSI.2022.77.1.033

УДК 32.019.51

Д.Д. ТАРАСОЧКИНА

*студент по направлению подготовки Политология
Восточного института – Школы региональных и международных
исследований Дальневосточного федерального уни-
верситета (ДВФУ), Россия, г. Владивосток
orcid.org/0000-0003-4003-5032*

Д.С. СТЕПАНЬКОВА

*студент по направлению подготовки Политология
Восточного института – Школы региональных и международных
исследований Дальневосточного федерального университета (ДВФУ),
Россия, г. Владивосток
orcid.org/0000-0001-6231-0643*

Е.С. ЗРЯЕВА

*студент по направлению подготовки Политология
Восточного института – Школы региональных и международных
исследований Дальневосточного федерального уни-
верситета (ДВФУ), Россия, г. Владивосток
orcid.org/0000-0002-1342-0587*

ДИСКУРС-АНАЛИЗ В ИССЛЕДОВАНИИ СМИ НА ПРИМЕРЕ ПРЕССЫ В СТРАНАХ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Мир политического во многом дискурсивен, сконструирован из смысловых установок и понятийных механизмов. Исследования дискурса позволяют углубить понимание процессов в политических и социальных системах, исследовать их на более глубоком уровне значения и содержания ее образов. Субъективные представления граждан о том или ином событии конструируются по средствам СМИ, поэтому, на наш взгляд, дискурс-анализ масс-медиа позволяет точно понять внутренний посыл, заложенный в новостных сообщениях. Данная работа представляет собой вариант применения дискурс-анализа в исследовании СМИ. Для примера были выбраны страны Северо-Восточной Азии, их передовые новостные агентства и интернет-издания. Целью работы является применение стратегий дискурс-анализа в исследовании новостей о вакцинации от COVID-19 в России. Задачи данной работы следующие: теоретически раскрыть сущность дискурс-анализа; рассмотреть его ключевые стратегии; проанализировать выбранные новости, основываясь на материалах исследования. Основными методами работы являются анализ, синтез и индукция. В результате мы детально

рассмотрели новости о вакцинации в России, используя материалы новостных источников Японии, Южной Кореи и Китая, применим стратегии дискурс-анализа.

Ключевые слова: *средства массовой информации, дискурс-анализ, дискурсивно-исторический подход, дискурсивные стратегии, общественное сознание, зарубежные СМИ, Япония, Корея, Китай, COVID-19.*

Средства массовой информации играют важную роль в формировании общественного сознания, затрагивая практически все сферы общества: образование, политика, здравоохранение, религия, экономика. Это происходит благодаря тому, что СМИ являются эффективным, доступным и стабильным источником получения необходимой информации о происходящих вокруг событиях национального и мирового масштаба. Роль СМИ в политике особенная – они отражают социально-политическую повестку, формируют определенные представления о различных политических акторах, ретранслируют информацию о функционировании, развитии и реформировании общества и многое другое. Значение СМИ четко прослеживается во взаимодействии гражданского общества и государства, где первое формирует запрос, основываясь на актуальных представлениях, а второе выстраивает подходящую информационную политику. Немаловажным является СМИ, как инструмент формирования межгосударственного имиджа. В нашей работе мы сосредоточимся на изучении лингвистических способов формирования образа России в зарубежных СМИ на примере новостных газет. В качестве источников для анализа иностранных СМИ возьмем следующие газеты, в материалах которых были упоминания о России за 2021 год: ведущая экономическая газета Японии «Нихон кэйдзай синбун», крупнейшие информационные агентства Республики Корея «Ренхап» и Китая «Синьхуа».

Наша исследовательская работа основывается на исследовании критического дискурс-анализа СМИ. Под «критическим дискурс-анализом» мы будем понимать следующее: «это область, которая занимается изучением и анализом письменных и устных текстов с целью выявления дискурсивных источников власти, доминирования, неравенства и предвзятости» [4]. Стоит уточнить, что критическая составляющая такого анализа основана на его ориентации на более глубокое изучение социальных, идеологических надстроек, общем скептицизме, его интерпретативной и объяснительной сущности [6]. Цель любого подобного анализа – критически исследовать и систематично изучить структуру, функции и обработку текста и речи, в данном случае, СМИ, с помощью которых власть воздействует на общественное сознание [7]. Для исследования достаточно взять несколько характеристик, относящихся к дискурсу СМИ в контексте выбранных нами изданий:

– **институциональность**, то есть, наличие традиционной устоявшейся структуры печатного издания, специфика формата и жанров СМИ, которые позволяют работать журналисту по определенному алгоритму для создания, обработки и репрезентации информации;

– **наличие идеологической позиции**, что означает отражение средствами массовой информации взглядов, ценностей и установок правящего класса и трансляция их на общество. Но, важно сказать и о внутренней идеологической направленности печатного издания, которая оказывает влияние на отбор событий и фактов для освещения информации и контролирует все содержание газеты: заголовки, тематику, манеру изложения, лингвистические приемы и другое [5];

– **публичность**, которая рассчитана на широкий круг потребителей. Как правило, показывает количество читателей, процентное соотношение групп и классов конкретного общества.

Исследуя социально-политический и исторический контекст развития расистского дискурса в Австрии, Водак и Рейзегел развили новое направление критического дискурса, называемого дискурсивно-историческим подходом. Анализируя проблемы расовой дискриминации, исследователи выделили три основные категории для изучения дискурсивного анализа: стратегии, топосы и лингвистические приемы [2]. В данном случае материал был изучен и рассмотрен с точки зрения применения дискурсивных стратегий. В рамках этих стратегий проводился анализ лингвистических средств их реализации. Это позволило выявить образ России в зарубежных СМИ с помощью использования данных стратегий.

Для оценки образа России в газетах и, дублирующих их интернет-изданиях, мы взяли дискурсивные стратегии, которые были предложены зарубежными исследователями. По мнению авторов, стратегии представляют собой «план практик, принятых для достижения определенной социальной, политической, психологической или лингвистической цели» [2]. Иными словами, они являются заранее подготовленными приемами, которые учитывают жанровые и лингвистические особенности и используются политическим актором для реализации поставленных им политических, социальных и иных целей.

Дискурсивные стратегии, выделенные Водаком и Рейзегелом [3]:

– Referential/nomination (референциальная/номинализационная стратегия): категоризация групповой принадлежности, конструирование «референтной» группы, включают в себя метафоры и метонимии;

– Predication (предикационная стратегия): маркировка, «ярлыки» социальных субъектов, носящие позитивный или негативный характер, включают в себя стереотипные, оценочные приписывания конкретному социуму;

– Argumentation (аргументационная стратегия): оправдания и обоснования политического того или иного действия посредством позитивной/не-

гативной аргументации, включают в себя топосы, которые определяют, что является целью аргументации;

– *Perspectivation, framing or discourse representation* (перспективизация, фреймирование или репрезентация дискурса): характеристика социального объекта с позиции спикера, приписывание положительных либо отрицательных характеристик объекту репрезентации, включают в себя описание, репортаж, повествование, цитирование событий и высказываний;

– *Intensification, mitigation* (интенсификация, смягчение/увеличение последствий): усиление или снижение интенсивности побудительного заряда, указание со стороны спикера на то, как-то или иное высказывание следует воспринимать.

Анализ дискурсивных стратегий позволяет нам ответить на многие важные вопросы: например, хотел ли участник дискуссии просто изложить факты и события посредством описания, или же убедить, воздействовать на сознание и поступки общества. В зависимости от поставленных целей и намерений, используемых коммуникантом, зависит его выбор дискурсивной стратегии.

Так как дискурсивных стратегий большое множество, для анализа печатных изданий обратимся только к некоторым из них, а именно, разберем первые три стратегии, отобразив их использование на определенных примерах. Последние две стратегии были исключены из практического сопоставления в связи с их явным проявлением, что не соответствует нейтральному характеру официальных новостных изданий, которые взяты в качестве примера. Материалом для дальнейшего исследования послужили данные из японских, корейских и китайских газет и, дублирующих их, интернет-изданий. Примером для иллюстрирования работы стратегий была выбрана актуальная на 2021 год новость, связанная с распространением COVID-19 [1; 8; 9].

В основе реализации референциальной стратегии, используемой СМИ Японии, Южной Кореи и Китая для категоризации россиян, лежат следующие категории: граждане-вакцинированные и не поддержавшие вакцинацию. Акцент сделан на группе не доверяющих прививке, т.к. присутствуют упоминания о росте заболеваемости, вызванным недоверием людей к безопасности отечественных вакцин и, соответственно, отказ россиян от вакцинирования Спутником-V. Третья референтная группа – Правительство Российской Федерации, упомянутое в японской и корейской газетах. В японских и корейских интернет-изданиях описаны применение данной группой мер инфекционного контроля, которые слабоэффективны, снижают бдительность населения и не способствуют мотивации. В новости китайского агентства «Синьхуа» Правительство же никаким образом не фигурирует [8; 9]. Деление на группы, согласно данной стратегии, позволяет увидеть акторов действия, на которых направлено внимание издателей.

Предикационная стратегия, описанная во всех трех используемых нами источниках, носит скорее негативный характер, нежели позитивный, ведь

в данных новостях говорится о низком уровне вакцинации среди населения России и неадекватных мерах инфекционного контроля со стороны власти, которые и привели к увеличению числа инфицированных. Информационное агентство Республики Корея «Ренхап» и «Японская экономическая газета» выделили отсутствие надлежащих правил карантина, таких как социальное дистанцирование и ношение маски как фактор, способствующий распространению инфекции, поскольку утомление от карантина увеличивается из-за затянувшейся пандемии [1; 8]. Сложность анализа через данную стратегию состоит в том, что в новостях, как правило, нет ярких и однозначных ярлыков, но контекстуальный смысл позволяет обобщить представление о россиянах, как о гражданах в целом, не поддержавших вакцинацию и о неэффективном правительстве. Это и формирует негативный фон содержания новости.

Аргументационная стратегия также указана в газетных изданиях в негативном ключе. «Японская экономическая газета» уточнила, что в октябре 2021 года в России совокупное количество людей, инфицированных COVID-19, превысило 8 миллионов человек. Число погибших превысило 220 тысяч человек, что сделало его одним из худших показателей в Европе. Издательство аргументировало рост заболеваемости цитатой Министра здравоохранения Российской Федерации Мурашко, который отметил, что «по данным Правительства России, рост числа инфицированных был вызван поведением людей и низким уровнем вакцинации». Китайская интернет-компания уточнила, что, несмотря на усилия российских властей ускорить вакцинацию с помощью лотерей, бонусов и других стимулов, широко распространенные подозрения в обществе в отношении вакцинации и противоречивые сигналы официальных лиц препятствовали попыткам Правительства России оказать влияние на граждан страны. Данная стратегия дискурс-анализа наиболее подробно продемонстрировала себя в процессе изучения выбросных примеров, она показательно отметила негативные стороны происходящих в России событий. Аргументация присутствует во всех трех источниках, ее формат различен – статистика, цитирование экспертов, интерпретация общественного мнения.

В ходе данной работы были применены стратегии критического дискурс-анализа на примере СМИ азиатских стран. Анализ новостных сводок стран Японии, Китая и Южной Кореи в отношении борьбы российских властей с распространением коронавирусной инфекции в октябре 2021 года позволяет сделать вывод, что зарубежные СМИ сформировали нейтрально-отрицательный образ России в контексте вакцинации и борьбы с эпидемией, указав на низкий рост вакцинированных и рост заболеваемости в связи с недоверием населения к вакцинации от COVID-19. Стоит отметить, что источники носят описательный характер, подтверждавший информационную функцию СМИ, а не идеологическую. Для печатных и интернет-из-

даний стран Китая, Японии и Южной Кореи важно передать основную суть публикуемых ими новостей, не исказив смысл фактов и событий о стране, о которой они пишут. Это во многом объяснимо официальным статусом, многолетней репутацией и общей журналистской этикой. Особое внимание было уделено использованию дискурсивных стратегий для изучения взаимодействия языка и общества и, проанализировав данные стратегии, мы можем сделать вывод о том, что страны Японии, Кореи и Китая используют одинаковые механизмы массмедиа – отражение действительности и ее конструирование – а также похожие лингвистические средства для репрезентации ситуации в России в период пандемии за октябрь 2021 года.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. New Corona Infection in Russia Worst Ever, Vaccination Slow // Nihon Keizai Shimbun//<https://www.nikkei.com/article/DGXZQOGR198730Z11C21A0000000/>.
2. *Reisigl M., Wodak R.* Discourse and Discrimination: Rhetoric of Racism and Anti-Semitism. London: Routledge, 2001.
3. *Reisigl M., Wodak R.* The Discourse-Historical Approach (DHA) // Critical discourse analysis: Concepts, history, theory. 2011.
4. *T.A. van Dijk.* Discourse, power and access. In R.C. Caldas-Coulthard and M. Coulthard (eds), Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis. London: Routledge and Kegan Paul, 1996.
5. *T.A. van Dijk.* Ideology and discourse analysis // Journal of Political Ideologies. 2006. № 11.
6. *Teun A. van Dijk.* Elite Discourse and Racism. London: Sage Publications, 1993. Vol. 6.
7. *Teun A. van Dijk.* The interdisciplinary study of news as discourse // News as discourse. 1991. № 5.
8. The 4th wave of the Russian corona virus spreading terribly close to 30,000 confirmed cases per day // Yonhap news agency // <https://www.yna.co.kr/view/AKR20211009056900080?section=search>.
9. The cumulative number of confirmed cases of new crown in Russia exceeds 8 million // Xinhua News Agency // <http://www.news.cn/world/20211015/C996C1BE080000165D0126010C37850/c.html>.

D.D. TARASOCHKINA

*Student in Political Science Institute
of Oriental Studies – School of Regional and International
Studies, Far Eastern Federal University (FEFU),
Vladivostok, Russia*

E.S. ZRYAEVA

*Student in Political Science Institute
of Oriental Studies – School of Regional and International
Studies, Far Eastern Federal University (FEFU),
Vladivostok, Russia*

D.S. STEPANKOVA

*Student in Political Science Institute
of Oriental Studies – School of Regional and International
Studies, Far Eastern Federal University (FEFU),
Vladivostok, Russia*

DISCOURSE ANALYSIS IN MEDIA RESEARCH ON THE EXAMPLE OF THE PRESS IN NORTHEAST ASIA

The world of the political is largely discursive, constructed of meaning and conceptual mechanisms. Studies of discourse allows us to deepen our understanding of the processes in political and social systems, to investigate them at a deeper level of meaning and content of its images. Subjective perceptions of citizens about this or that event is constructed by means of mass media, therefore, in our opinion, the discourse analysis of mass media allows to understand precisely the inner message laid down in the news messages. This paper is a variant of the application of discourse analysis in media research. The countries of Northeast Asia and their cutting-edge news outlets and online publications were chosen as case studies. The aim of the paper is to apply discourse analysis strategies in the study of news about COVID-19 vaccination in Russia. The objectives of this work are as follows: to theoretically reveal the essence of discourse analysis; to consider its key strategies; to analyze selected news items based on the research materials. The main methods of work are analysis, synthesis and induction. As a result, we have examined in detail the news about vaccination in Russia, using the materials of news sources from Japan, South Korea and China, we will apply the strategies of discourse analysis.

Key words: *mass media, discourse analysis, discourse-historical approach, discursive strategies, public consciousness, foreign media, Japan, Korea, China, COVID-19.*

DOI 10.35775/PSI.2022.77.1.034

УДК 32.327

Ю.В. БАРАНОВА

*студент Дальневосточного федерального
университета, Россия, г. Владивосток*

А.А. ЛЕОНОВА

*студент Дальневосточного федерального
университета, Россия, г. Владивосток*

ФАМ ТХИ МИНЬ ХУЕН

*студент Дальневосточного федерального
университета, Россия, г. Владивосток*

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ЗАГРЯЗНЕНИЯ МОРСКОЙ СРЕДЫ В СЕВЕРНОЙ ПАЦИФИКЕ

С каждым годом экологии Мирового океана наносится колоссальный ущерб, однако, общая тенденция к ухудшению экологической обстановки начинается не одновременно во всем морском пространстве, но в каждой отдельно взятой акватории в зависимости от того, какую деятельность там осуществляет прибрежное государство. В связи с этим, видится актуальным сравнить опыт стран Северной Пацифики в данном вопросе и проанализировать с точки зрения правового регулирования их деятельность в обеспечении защиты морской среды.

Ключевые слова: *Северная Пацифика, экологические правонарушения, загрязнение морской среды, правовое регулирование.*

Правонарушения в области загрязнения любой водной среды носят характер повышенной общественной опасности и зачастую приводят к катастрофическим последствиям, таким как загрязнение радиоактивными, химическими веществами, нефтью огромных морских пространств, причинение особо тяжкого вреда здоровью людей, животному и растительному миру и так далее. По состоянию на 2021 год Мировой океан насчитывает десятки экологических катастроф, принесших губительные для водной экосистемы последствия. Для предотвращения подобных последствий в будущем, необходимо выявить основные причины, по которым происходили наиболее разрушительные экологические катастрофы:

Выше были рассмотрены экологические катастрофы, произошедшие только в странах Северной Пацифики, но, стоит отметить, что причины ка-

Примеры экологических катастроф в странах Северной Пацифики

№ п/п	Пример	Последствия	Причины
1	Авария танкера компании Exxon «Эксон Валдиз», Аляска, США, 1989 г.	Выброс нефти из танкера «Эксон Валдиз». В результате катастрофы около 10,8 миллионов галлонов нефти (около 260 тыс. баррелей или 40,9 миллионов литров) вылилось в море, образовав нефтяное пятно в 28 тысяч квадратных километров. Всего танкер перевозил 54,1 миллиона галлонов нефти. Было загрязнено нефтью около двух тысяч километров береговой линии.	Exxon Shipping Company не смогла соответствующим образом обеспечить работу радара системы предупреждения столкновений (RAYCAS) компании Raytheon, а также не смогла осуществить надзор за капитаном судна, экипаж танкера плохо отдохнул и его было недостаточно.
2	Взрыв нефтяной платформы Deepwater Horizon, Мексиканский залив, США, 2010 г.	На глубине 1500 м в Мексиканский залив за 152 дня вылилось около 5 млн баррелей нефти, нефтяное пятно достигло площади 75 тыс. кв. км, что составляет около 5% площади Мексиканского залива.	Повреждения труб скважин.
3	Взрыв цистерны, Находка, Приморский край, 2020 г.	В окружающую среду попало около 2500 т мазута.	Износ оборудования.
4	Массовая гибель морских животных на Камчатке, Россия, 2020 г.	Экологическая катастрофа, произошедшая в сентябре-октябре 2020 года вследствие загрязнения воды изначально неустановленными ядовитыми веществами.	Причина до сих пор точно не известна. По официальной версии российских властей причиной массовой гибели животных у побережья Камчатки стала жгутиковая водоросль карения, выделяющая феноловые органические вещества. Есть расследования и о протечках на Козельском полигоне [10].

тастроф в других государствах примерно такие же, что указаны выше. Почти все они происходили из-за эксплуатационных недостатков, технических ошибок, бездействия представителей государственной власти. Конечно, есть примеры аварийных ситуаций, произошедших в результате непреодолимой силы, однако таких – меньшинство. Также, анализируя количество и причины иных катастроф, произошедших в США и РФ, можно сделать вывод, что экологические катастрофы в водном пространстве по причине технических нарушений чаще всего происходят в России; в США катастрофы чаще происходили в случае наступления обстоятельств непреодолимой силы, но также примечательно, что, после самого масштабного разлива нефти в 2010 г., в морских акваториях США техногенных катастроф вовсе не происходило. Однако уже произошедшие экологические катастрофы по причине нарушения правил технической безопасности и бездействия властей указывают на неэффективность мер по охране морских пространств в США и РФ, а также на слабое международно-правовое регулирование защиты Мирового океана.

Если в России загрязнение морского пространства по большей части связано с нарушением технических и санитарно-эпидемиологических норм, износом оборудования и бездействием или некомпетентностью властей, обязанностью которых является обеспечение безопасности осуществления деятельности потенциально опасными производствами, то в Китае ситуация немного иная. Китайская политика, направленная на быстрое экономическое развитие, нанесла огромный и непоправимый ущерб для экологии страны. Загрязнению подверглись и акватории морей, в которые попадают нефть, тяжелые металлы и другие вредные вещества. Китай долго не признавал существование в стране такой масштабной экологической катастрофы, однако, под давлением общественности, международных организаций и неминуемых разрушительных последствий, власти начали осуществлять политику по охране и защите морской и окружающей среды. Задача по построению «экологической цивилизации» была впервые озвучена 8 ноября 2012 года на 18-м съезде КПК [2]. Подразумевалось, что строительство экологической цивилизации должно занять в целях развития Китая видное место наравне с экономическим, политическим, культурным и социальным развитием. Несмотря на неизменный высокий уровень эксплуатации природных ресурсов и загрязнение окружающей среды, заявленная цель начинает постепенно реализовываться: осуществляется разработка и внедрение стандартов качества воды, внедряются ресурсо- и энергосберегающие технологии, увеличивается количество особо охраняемых природных территорий (для сравнения: в США – более 100 тыс. ООТП, в РФ – около 13 тыс. [7], в КНР – около 12 тыс. [6]). Однако, несмотря на определенные успехи, экологическая ситуация в Китае остается на уровне одной из самых худших в мире, по большей части из-за того, что экономическое развитие для

страны остается де-факто более важным приоритетом, в связи с чем производства, допускающие загрязнение морской среды, зачастую остаются безнаказанными.

Масштабной экологической проблемой в акваториях Северной Пацифики остается незаконное, несообщаемое и нерегулируемое (далее – ННН) рыболовство, которое приводит к потере огромных денежных средств среди добросовестных рыболовецких компаний, угрожает рыбным запасам и морским экосистемам, а также ставит под угрозу средства к существованию и продовольственную безопасность законных рыбаков и населения государств [3. С. 66]. Незаконное рыболовство характеризуется не только добычей рыбы в запрещенных местах внутри страны, но и добычей рыбы так называемыми «темными флотилиями», т.е. судами, которые публично не сообщают о своем местонахождении, что является признаком ННН-промысла [4]. Проблемы с темным флотом и ННН-промыслом особо распространены в водах между КНДР, Республикой Кореи, Японией и Россией, где геополитическая напряженность и территориальные споры создают своеобразный вакуум общих данных и невозможность их проверки и контроля. Здесь стоит отметить работу ученых под руководством Джайюна Парка из организации «Global Fishing Watch», которые провели мониторинг незаконного рыболовства в водах России и КНДР и выявили, что в 2017-2018 годах около 1000 китайских судов незаконно ловили рыбу у берегов КНДР, а не менее 3000 северокорейских лодок – в территориальных водах России. По данным указанного исследования, годовой нелегальный промысел китайских рыбаков по объему сопоставим с законной добычей Японии и Республики Кореи вместе взятых [11. Р. 5].

С предыдущими проблемами тесно пересекается еще одна – проблема международно-правовой ответственности, которая не имеет однозначного решения ни в доктрине, ни в практике международного сообщества. Основанием применения международной ответственности служат экологические правонарушения, которые проявляются в основном либо в невыполнении субъектом международного права окружающей среды взятых на себя международных обязательств, либо в причинении экологического ущерба посредством загрязнения моря нефтью, трансграничного загрязнения окружающей среды соседнего государства и т.д. По мнению многих отечественных и зарубежных ученых, в связи с ухудшением экологической обстановки, мировое сообщество нуждается в единой эффективной системе контроля и международно-правовой ответственности за нанесенный ущерб, которая смогла бы гарантировать осуществление норм по охране Мирового океана.

Определенные меры контроля и юридической ответственности за нарушение норм об охране окружающей среды есть в национальном законодательстве каждой страны. Например, в РФ предусмотрена уголовная ответственность за загрязнение водной и морской среды (ст. 250, 252 УК РФ [9]),

а также административная ответственность за нарушения правил захоронения отходов и других материалов во внутренних морских водах, в территориальном море, на континентальном шельфе и (или) в ее исключительной экономической зоне [5]. Что касается ответственности за незаконную добычу водных биологических ресурсов, то в России за это также предусмотрена уголовная ответственность (статья 256 УК РФ), однако санкции, которые предусмотрены указанными статьями УК РФ, не соответствуют потенциальному ущербу, который может быть причинен загрязнением морской среды или незаконным рыболовством.

В отличие от российского права, субъектом уголовной ответственности в США может быть, как физическое, так и юридическое лицо, а санкции за совершение экологических преступлений намного больше соответствуют возможному причиненному ущербу, нежели в российском законодательстве. Для США характерна достаточно долгая история существования законодательства об ответственности за экологические преступления в области охраны вод, также по ней имеется обширная практика применения, как в отношении обычных граждан, так и с привлечением к ответственности крупнейших компаний (пример – судебное дело по разливу нефти над Exxon Mobil) [1. С. 126].

Актуальной проблемой в США остается пластиковое загрязнение Мирового океана. Американцы производят больше пластиковых отходов в расчете на душу населения, чем любая другая крупная страна мира. При этом США не только возглавляют список стран, создающих наибольшее количество пластиковых отходов, но и занимают третье место в мире по вкладу в загрязнение океана пластмассой после Индонезии и Индии [4. С. 267]. Несмотря на принятые в некоторых штатах ответные меры (например, запрет производства пластиковых пакетов и популяризация раздельного сбора мусора), проблема остается актуальной, т. к. федеративная система США позволяет своим штатам самостоятельно принимать законы в данной области и тем самым не обязывает другие штаты принимать похожие меры по защите морской среды. Однако, положительный опыт реализации вышеуказанных мер в некоторых штатах, а также соразмерная ответственность за совершение экологических преступлений, и детальная регламентация осуществления морской деятельности позволяет назвать морскую политику США в данной области более эффективной, чем в РФ и КНР.

В Китае в последнее время широко используются меры административно-экономического характера, направленные на защиту морской среды. К примеру, Министерством водных ресурсов КНР вводятся лицензии на использование воды, разрабатываются новые правила бурения скважин, жестко регламентируются сбросы загрязняющих веществ в водоемы, разрабатываются меры административного и финансового воздействия на организации и отдельных лиц, загрязняющих водные ресурсы. Значительно

жестче стало контролироваться выполнение Закона КНР о предотвращении загрязнения водной среды [8. С. 196].

Следует признать, что в сфере уголовно-правовой охраны окружающей среды и природных ресурсов Китая достиг определенных успехов. В Уголовном кодексе КНР дважды, в 2002 г. и 2011 г., вносились поправки, в следствие которых было увеличено количество соответствующих составов преступлений и ужесточены санкции. Однако целый ряд положений морского законодательства по-прежнему нуждается в корректировке. Многие проблемы обусловлены тем, что регулирование морской деятельности в Китае в первую очередь ориентируется на охрану права собственности на природные ресурсы, а не на интересы их рационального и комплексного использования [8. С. 197]. Все это приводит к снижению предупредительного эффекта предусмотренных в уголовном законодательстве санкций.

На примере некоторых стран Северной Пацифики, очевидны последствия международных норм, абстрактно устанавливающих обязанность государств своими силами обеспечивать борьбу с загрязнением морской среды. Несомненно, это можно связать с главным признаком любого государства – суверенитет, однако, учитывая сложившуюся обстановку вокруг загрязнения Мирового океана и его последствий, мировому сообществу необходимо пересмотреть подходы к решению данной проблемы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Брославский Л.И.* Уголовная ответственность за экологические преступления в области охраны вод в США // Журнал российского права. 2008. № 3.

2. Доклад Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК (2012) // Официальный сайт Правительства КНР // http://www.gov.cn/ldhd/2012-11/17/content_2268826.htm.

3. *Залинян М.А.* Проблемы эффективности международного экологического сотрудничества (на примере деятельности организаций в сфере охраны окружающей природной среды) / М.А. Залинян, В.Н. Морозова // Аспирантские тетради: сборник научных статей. 2018.

4. *Коряков А.Е.* Экологические проблемы мирового океана / А.Е. Коряков, А.А. Шишкина, П.А. Шишкина // Образование и наука в России и за рубежом. 2019. № 2 (50).

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс». Ст. 8.19 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/e931f4b2243fc321ec83bb4434b94c9251683c46/.

6. Около 18% сухопутной территории Китая – природные заповедники // Официальный сайт РИА Новости // <https://ria.ru/20190424/1553005572.html>.

7. Площадь российских ООПТ достигла 13,5% территории страны // Официальный сайт Всемирного фонда дикой природы (WWF) // <https://wwf.ru/resources/news/bioraznoobrazie/ploshchad-rossiyskikh-oopt-dostigla-13-5-territorii-strany/>.

8. *Синь Ма*. Уголовная ответственность за экологические правонарушения как инструмент предупреждения экологического вреда в Китае // Труды института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 3.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Ст. 250, 252 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/531ab6f537e9d6ea92ab6982c0750f7c41add4fd/.

10. Ядовитый полигон назвали причиной экологической катастрофы на Камчатке // Официальный сайт ИА DEITA.RU // <https://deita.ru/article/490598>.

11. *Jaeyoon P.* Illuminating dark fishing fleets in North Korea / J. Park, J. Lee, K. Seto, T. Hochberg, B.A. Wong, N.A. Miller, K. Takasaki, H. Kubota, Y. Oozeki, S. Doshi, M. Midzik, Q. Hanich, B. Sullivan, P. Woods, D.A. Kroodsma // *Science advances*. 2020. № 6.

Y.V. BARANOVA

*Student Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

A.A. LEONOVA

*Student Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

PHAM THI MINH HUEN

*Student Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

PROBLEMS OF INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF PREVENTION OF MARINE POLLUTION IN THE NORTH PACIFIC

Every year, the ecology of the World's oceans is being enormously damaged, however, the general trend towards environmental degradation does not begin at the same time in the entire marine space, but in each individual water area, depending on what activities the coastal state carries out there. In this regard, it seems relevant to compare the experience of the Northern Pacific countries in this matter and analyze their activities in ensuring the protection of the marine environment from the point of view of legal regulation.

Key words: *North Pacific, environmental offenses, marine pollution, legal regulation.*

АКТУАЛЬНОСТЬ ВВЕДЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОГО КОМПЛАЕНС- КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКИЙ БИЗНЕС

На сегодняшний день в России остро стоит вопрос в решении коррупционной проблемы, в том числе и в частном секторе. Одним из методов решений коррупционной проблемы является комплаенс, предусматривающий следование установленным антикоррупционным законам, нормам и правилам. Автор пришел к выводу, что антикоррупционный комплаенс в Российской Федерации развивается достаточно интенсивно. С помощью анализа, сравнительного и исторического методов, он выявил, что комплаенс-контроль настолько актуален для введения в российский бизнес, что необходимо его распространение в разные формы предпринимательства.

Ключевые слова: комплаенс, антикоррупционное законодательство, коррупция, риск, комплаенс-контроль, Covid-19.

Взятничество, продажность на сегодняшний день является одной из самых основных для решения проблем в Российской Федерации, где коррупция в ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» определяется как: злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицам [18].

Если не бороться с взяточничеством в нашей стране, то оно постепенно будет разрушать правовые основы общества и государственную власть. Коррупция убивает доверие граждан к органам государственной власти,

¹ Научный руководитель: Е.Е. НЕЧАЙ, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток.

подталкивает предпринимателей к ведению бизнеса в теневом секторе и к нежеланию уплачивать налоги [2].

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [3; 5; 6; 7; 13; 16].

Однако проблеме искоренения коррупции нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Для того, чтобы предотвратить эти негативные последствия, политики, исследователи на протяжении многих лет искали способы противодействия коррупции: начиная с обязательства соблюдать этический кодекс, и заканчивая установлением уголовной ответственности физических лиц за совершение преступлений коррупционной направленности [1]. Сегодня мир может похвастаться выработкой нового метода по противодействию коррупции – комплаенс-контроль, получивший активное развитие в последние пять лет.

Что такое «антикоррупционный комплаенс-контроль»? Согласно определению International Compliance Association (Международная Комплаенс Ассоциация) «антикоррупционный комплаенс – это обеспечение соответствия деятельности установленным требованиям и стандартам антикоррупционной этики и законодательства». В бизнес-компаниях антикоррупционный комплаенс является способом контроля выполнения соответствующих законодательных и нормативных требований, которые позволят обеспечить соблюдение системы противодействия коррупции [17].

Популярность внедрения данного метода по борьбе с коррупцией стала разрастаться после Уотергейтского скандала, произошедшего в США, в результате которого в отставку ушел президент Ричард Никсон, подозревавшийся в прослушке в штабе кандидата в президенты от Демократической партии Джорджа Макговерна. По словам американского социолога Александра Джеффри, данный инцидент привел к серьезному кризису, повлекшему за собой преступления коррупционного характера со стороны крупных компаний. В итоге правительство Соединенных Штатов Америки принимает «Закон о коррупции за рубежом», а в последствии закон «Сарбейнза-Оксли», который стал полностью контролировать финансовую отчетность компаний, подписать различного уровня договоров, а также обязал каждую публичную компанию иметь Комитет по аудиту, что и стало теми мерами, составляющими комплаенс-систему [4].

Применять практику США с целью изменения антикоррупционного законодательства стали страны Европы и, в том числе Россия, в которой начиная с 1957 года официально борьба со взяточничеством была приостановлена, так как коррупция считалась редким явлением. Однако появление и развитие рыночной экономики в конце XX века вызвало всплеск коррупции, который вынудил Банк России издать Указание № 603-У «О поряд-

ке осуществления внутреннего контроля за соответствием деятельности на финансовых рынках законодательству о финансовых рынках в кредитных организациях», в котором был обозначен статут системы комплаенс контроля [14]. Со вступившим в силу в 2013 году ФЗ РФ № 273 «О противодействии коррупции» организации обязали принимать меры по предупреждению коррупции. Что же из себя представляет антикоррупционный комплаенс на 2021 год в практике российского бизнеса?

В России на сегодняшний день активно использует комплаенс ПАО «Сбербанк». Являясь крупнейшим транснациональным банком как в России, так и в Центральной и Восточной Европе Сбербанк вынужден использовать полный перечень антикоррупционного комплаенс-контроля, специалистом в области которого является комплаенс-офицер. Помимо менеджера, осуществляющий комплаенс-контроль, в Сбербанке существует «Горячая линия комплаенс», работающая круглые сутки и принимающая сообщения о нарушениях Кодекса этики. Такое многообразие методов по соблюдению комплаенс-контроля вызвано тем, что в 2019 году «Сбер» уже повторно получил сертификаты International Compliance Association по результатам прохождения аудита на соответствие положениям международных стандартов. Для подтверждения этого статуса снова Сбербанку необходимо постоянно совершенствоваться в способах использования антикоррупционного комплаенс, да бы не потерять рейтинг в глазах контрагентов, клиентов и партнеров [12].

Не отстает в использовании антикоррупционного комплаенса и ПАО «Газпром». Но в отличие от крупнейшего российского универсального банка, в Газпроме антикоррупционной этикой руководит не один комплаенс-офицер, а Комиссия по корпоративной этике, которая контролирует соблюдение Кодекса корпоративной этики ПАО «Газпром». Комиссией было также инициировано создание онлайн-курса «Корпоративная этика». По данным на 2020 год данный курс прошли 111819 человек, что говорит о серьезных намерениях компании воспитывать в своих сотрудниках соблюдение этических норм [11].

Да, это уже показывает то, что антикоррупционный комплаенс действительно постепенно устанавливается в российской практике защиты бизнеса от рисков, но применяют его пока только крупнейшие корпорации, которые активно сотрудничают с зарубежными партнерами и ориентированные на долгосрочное сотрудничество. В малый и средний бизнес антикоррупционный комплаенс еще полностью не внедрился. Во многом это связано с тем, что комплаенс-специалисты не идут работать в малый бизнес из-за того, что зарплата не будет оправдывать их ожиданий. По данным сайта «U-job» зарплата комплаенс-менеджера в среднем составляет 115714 рублей, что может быть не очень выгодно для бизнесмена, который владеет малым предприятием [15].

Однако несмотря на то, что мелким предприятиям пока что накладно нанимать специалистов в области комплаенс, необходимость внедрения данного способа защиты бизнеса от антикоррупционных рисков есть, и она обуславливается несколькими причинами. Первая – стабильность компании. Для того, чтобы из маленькой компании превратится в более крупную, работа должна проходить в соответствии с правовыми нормами, так как любой риск может привести к упадку, если их вовремя не предотвратить. Вице-президент торгово-промышленной палаты Российской Федерации Елена Дыбова в рамках спецпроекта «Женщины против коррупции» сравнила коррупцию с барьером, мешающий движению малого и среднего бизнеса вперед в России на сегодняшний день. Поэтому, по ее мнению, необходима совокупность мер по контролю соблюдения антикоррупционной этики предприятия [8].

Вторая причина – многочисленный спектр рисков из-за Covid-19, несущий угрозу частному сектору России, особенно малому бизнесу. По данным из блога Международного Валютного Фонда Covid-19 повысил значимость более жесткого антикоррупционного контроля в связи с многочисленными мерами поддержки малому и среднему бизнесу, которые расширяют возможности для коррупции [9].

И третья причина – коррупция не должна стать нормой во введении бизнеса. Эксперты общероссийского объединения малого и среднего бизнеса «Опора России» выявили, что вовлеченность малого бизнеса в коррупционные отношения является широко распространенной практикой в России. Настолько, что уже становится определенным правилом, без которого нельзя совершать сделки [10]. А ведь очень часто малый бизнес в последствии становится крупным и представляет себя уже не только на территории Российской Федерации, но и на мировой арене. И ведя свою предпринимательскую деятельность «черным» образом, компания подвергает риску не только свой авторитет, но и России.

Исходя из всего выше сказанного, автор может сделать вывод о том, что на сегодняшний день в России антикоррупционной комплаенс действительно начал становится одним целом с крупными российскими компаниями, но необходимо его распространение в предприятия разного звена, в том числе и в малый бизнес. Необходимо рассмотреть и проработать способы его внедрения в разные бизнес-структуры Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Алехин В., Ситько Н.* Способы борьбы с коррупцией // Научный журнал КубГАУ. 2017. № 129 (05).
2. *Астафьев Л.В.* К вопросу о понятии коррупции. Коррупция в России: состояние и проблемы. М.: Московский институт МВД РФ, 1996.

3. Володина Н.А., Ретинская В.Н. Особенности реализации российской государственной антикоррупционной политики в условиях информационного общества и электронного государства // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 11 (75).

4. Джеффри А. Власть, политика и гражданская сфера // Социологические исследования. 2009. № 10.

5. Жолманов А.С., Афонин М.В., Кривова А.Л. Коррупционные риски как категория антикоррупционной политики // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 11 (75).

6. Иватова Л.М. Коррупция как угроза национальной безопасности: меры ее предупреждения на государственной службе Казахстана // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2015. № 4.

7. Нисневич Ю.А. Проблемы концептуализации феномена коррупции. Часть 1 // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2016. № 1.

8. Официальный сайт международного антикоррупционного портала // Елена Дыбова: «Едиственный выход – конкуренция, государство должно быть независимым судьей» – Anticorr.media.

9. Официальный сайт Международного Валютного Фонда // International Monetary Fund (imf.org).

10. Официальный сайт общероссийской общественной организация малого и среднего предпринимательства «Опора России» // Результаты исследования «ОПОРЫ РОССИИ» «Малый бизнес и коррупция: перспективы преодоления» (opora.ru).

11. Официальный сайт ПАО «Газпром» // Система комплаенс – Управление рисками и внутренний контроль – Система управления – Годовой отчет ПАО «Газпром нефть» 2020 (gazprom-neft.ru).

12. Официальный сайт ПАО «Сбербанк» // Комплаенс – СберБанк (sberbank.com).

13. Поросенков Г.А. Кормления как коррупционная практика в историческом развитии России // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2020. Т. 9. № 3 (33).

14. Сайт «КонсультантПлюс». Указание Банка России от 07.07.1999 № 603-У «О порядке осуществления внутреннего контроля за соответствием деятельности на финансовых рынках законодательству о финансовых рынках и кредитных организациях» // Указание Банка России от 07.07.1999 № 603-У «О порядке осуществления внутреннего контроля за соответствием деятельности на финансовых рынках законодательству о финансовых рынках в кредитных организациях» (consultant.ru).

15. Сервис для поиска работы «U-JOB» // Вакансии Compliance в России (u-job.ru).

16. Тхан Ч.Х., Хюэ Л.Т.Л. Решения по повышению эффективности реализации антикоррупционной политики в современном Вьетнаме // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2020. Т. 9. № 2 (32).

17. Федеральный закон от 25 декабря 2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1) ст. 1.

18. International Compliance Association (Международная Комплаенс Ассоциация) // International Compliance Association (ICA) (int-comp.org).

A.S. KRAZHAN¹

Student at the Chair of politology,

Far East Federal University,

Vladivostok, Russia

THE URGENCY OF THE INTRODUCTION OF ANTI-CORRUPTION COMPLIANCE CONTROL IN RUSSIAN BUSINESS

Today in Russia there is an acute issue in solving the corruption problem, including in the private sector. One of the methods for solving corruption problems is compliance, which provides for adherence to established anti-corruption laws, norms and rules. The author came to the conclusion that anti-corruption compliance in the Russian Federation is developing quite intensively. With the help of surveys, analysis and historical method, he revealed that compliance control is so relevant for introduction into Russian business that it needs to be expanded into various forms of entrepreneurship.

Key words: *compliance, anti-corruption legislation, corruption, risk, compliance control, Covid-19.*

¹ Scientific supervisor: E.E. NECHAI, Candidate of Sciences (political sciences), Assistant Professor at the Chair of politology, Far East Federal University, Vladivostok, Russia.

ТЕРРОРИЗМ В САХЕЛЬСКОМ РЕГИОНЕ: ОПЫТ ФРАНЦИИ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

В данной статье рассматривается текущая ситуация в Сахаро-Сахельском регионе с акцентом на противодействии терроризму за последние 7-10 лет. Автор анализирует опыт Франции и ее действия в поддержке «Сахельской пятерки», направленные прежде всего на повышение национальной безопасности стран, укрепление сотрудничества и борьбу с терроризмом. Кроме того, подвергается пересмотру деятельность текущих институтов Сахельской группы пяти, международных инициатив и программ в регионе. В завершении работы подводится итог и оценка эффективности предпринятых мер, а также высказываются предположения о дальнейших шагах для преодоления новых вызовов.

Ключевые слова: терроризм, Сахельская группа пяти, Сахаро-Сахельский регион, Франция.

Введение. Сахаро-Сахельский регион уже длительное время сталкивается с террористическими угрозами и вызывает беспокойство не только у самих африканских стран, но и у более развитых стран мира, например, в бывшей метрополии – Франции. Сахельский регион остается одним из важнейших приоритетов Франции в противодействии терроризму и снижению угроз национальной безопасности страны. Именно поэтому Франция активно участвует в попытках урегулировать конфликт, принимая различные меры и привлекая внимание партнеров к данной проблеме. Но насколько эффективна ее деятельность? Какие результаты уже достигнуты, и какие вызовы следует ожидать в будущем? На эти и другие вопросы будет предпринята попытка ответить в данной работе.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 4. С. 17-24; 5. С. 551-561; 6; 8. С. 1245-1248; 12. С. 239-251; 13. С. 188-195; 25. С. 91-94].

Однако проблему вооруженного конфликта в Мали и терроризма в Сахельском регионе нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих

объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Военные операции Франции «Сервал» и «Бархан». Активное военное присутствие Франции в регионе началось в январе 2013 г. с военного вмешательства в Мали. На тот момент Мали оказалась самым слабым звеном региона ввиду ряда причин: непреодолимые последствия ливийского кризиса, алжирский фактор (неучастие Алжира в обеспечении безопасности Сахельского региона и вытеснение исламистских группировок в районы, приграничные с Ливией, Мали и Нигером), наличие внутреннего раскола и противоречий в Мали. Поводом для вмешательства Франции стало провозглашение «независимого государства Азавад» в северной части Мали Национально-освободительным движением Азавада – МНЛА (фр. *Mouvement national de libération de l'Azawad, MNLA*), срыв внутрималийского диалога в декабре 2012 г., и бездействие африканских структур по восстановлению целостности страны [10. С. 18]. Франция лучше остальных понимала особенности ситуации и дальнейшие возможные последствия политики невмешательства. Решение об операции «Сервал» было принято мгновенно и уже через пять часов после подтверждения президентом Франции последовали первые удары по джихадистам (11 января 2013 г.). (Стоит отметить, что Франция обеспечила себе дипломатическую поддержку на всех уровнях, поскольку действовала по просьбе действующего законного руководства государства Мали) [20]. Благодаря предварительному размещению французских сил специальных операций (ССО) удалось быстро и с минимальными потерями восстановить территориальную целостность страны [14]. Однако после, на первый взгляд, успешного завершения военной операции конфликт трансформировался и постепенно приобрел трансграничный характер, поскольку операция «Сервал» дала лишь тактические результаты в военном отношении. Вооруженные террористические группировки, понесшие серьезные потери, рассредоточились в приграничных регионах соседних стран и, таким образом, конфликт распространился на весь Сахаро-Сахельский регион (ССР).

Ввиду данной ситуации было принято решение начать новую военную операцию «Бархан», пришедшую на смену прежней 1 августа 2014 г. Несмотря на то, что «Бархан» в последствие официально рассматривалась, как военное измерение глобального подхода с акцентом на гражданское-военную составляющую, на начальном этапе эта была прежде всего военная операция [10. С. 19]. Соответственно, в любых операциях подобного типа перво-степенной задачей для военных является определение противника. (В дальнейшем будет более детально разобрано в чем заключалась сложность при определении противника.) В регион было отправлено 3 тыс. французских солдат [21]. Операция «Бархан» проводилась при взаимодействии со странами Сахельской группы пяти (с англ. «G5 Sahel»), в состав которой вхо-

дят следующие страны: Мавритания, Мали, Буркина-Фасо, Нигер и Чад), а также совместно с другими силами, принимающими участие в конфликте: многопрофильная комплексная миссия ООН по стабилизации в Мали (МИ-НУСМА, фр. *Mission multidimensionnelle intégrée des Nations unies pour la stabilisation au Mali*, MINUSMA), тренировочная миссия ЕС в Мали (англ. *European Union Training Mission in Mali*, EUTM Mali) и вооруженные силы стран-партнеров. Кроме того, в рамках операции было также предусмотрено длительное обучение местных армий с целью повышения их эффективности и препятствования воссозданию очагов терроризма в ССР.

С конца 2017-го г. «Бархан» начал делать ставку на проведение широкомасштабных операций сроком до 1,5 месяца для повышения контроля над местными территориями и проведения зачисток (под общим названием Koufra) [28]. По мнению руководства Франции 2018 год выдался плодотворным с точки зрения прямых потерь террористов [18]. Стоит отметить, что активные действия сил «Бархана» и малийской армии в 2018 г. привели к тому, что вытесненные террористические группы за пределы страны серьезно повысили угрозу для близлежащих стран. Это способствовало дальнейшему продвижению сил, в том числе о вынужденном мандате операции на территорию еще одного государства [10. С. 19].

В июне 2021 г. президент Франции Э. Макрон объявил, что Франция будет поэтапно выводить войска из страны, отметив, что часть военных останется в регионе в рамках более крупной международной миссии [23]. А в июле 2021-го заявил, что операцию «Бархан» планируют завершить в первом квартале 2022 г. [22]. Согласно отчету Министерства вооруженных сил Франции по итогу 2020-го г. во время данной операции было задействовано более 5 тыс. солдат, проведено 128 антитеррористических операций. Кроме того, более 18 тыс. солдат «Сахельской пятерки» были обучены французскими военными [26]. Тем не менее, несмотря на такой, казалось бы, значительный объем поддержки, это не привело к существенному улучшению ситуации в регионе.

Сотрудничество стран Сахеля. Сахельская группа пяти – это межправительственный формат сотрудничества, созданный 16 февраля 2014 г. по инициативе Мавритании, которая на тот момент была председателем Африканского союза. Целью данного соглашения было вывести страну из изоляции, ведя совместную борьбу с нестабильностью и увеличивая активность в области развития. Другой важной структурой военного партнерства государств стало утверждение Совместных сил пяти государств Сахеля (фр. *Force conjointe du G5 Sahel*, FC-G5 S) 2 июля 2017 г. в Бамако для разделения усилий по борьбе с угрозами безопасности в регионе [7]. Мандат данного органа предполагал (и продолжает действовать на данный момент) поддержание мира в регионе, а также «принуждение к миру», то есть возможность применения военной силы. Интересной особенностью создания

FC-G5 S является тот факт, что структура создавалась по инициативе африканских стран, а не с подачи Франции [11. С. 127-128]. Предполагалось, что деятельность Совместных сил пяти государств Сахеля пройдет в два этапа. Первый этап будет заключаться в обеспечении безопасности «района трех границ» (страны: Мали, Нигер и Буркина-Фасо) за счет развертывания подразделений, деятельность которых будет осуществляться на постоянной основе. На втором этапе будет предпринята попытка преобразования этих сил в силы вмешательства при борьбе с терроризмом, как и задумывалось изначально. К текущему моменту данный проект не смог в полной мере реализовать заложенный в него потенциал.

Финансирование «Сахельской пятерки». Согласно 16-й статье Устава Сахельской группы пяти, источниками финансирования организации являются взносы стран-участниц, пожертвования, субсидии, чрезвычайные поступления и заимствования [3. С. 197]. Однако из-за ограниченности ресурсов основные надежды G5 Sahel заключались в пожертвованиях со стороны доноров [17]. В 2015 г. ее первоначальный бюджет был установлен в размере \$423 млн, из которых \$230 млн были инвестиции, \$110 млн для покрытия расходов на первые военные операции, а оставшаяся сумма приходилась на выплаты заработной платы военным. В предоставленную сумму вошли взносы каждой из государств-членов в размере \$10 млн, 8 млн евро пожертвовала Франция, остальные средства были переданы ЕС и другими органами, и странами [16]. Уже в следующий год бюджет упал до \$280 млн, в 2017 г. Франция решила обратиться в Совет Безопасности ООН с просьбой о предоставлении международной поддержки для «Сахельской пятерки». (Идея заключалась в передаче ответственности в вопросе финансирования на ООН). И в 2018 г. мировое сообщество дало обещание выделить примерно 415 млн евро. Тем не менее, в последствии G5 Sahel получила менее половины от изначально обещанных средств. (Франция предоставила 8 млн евро в виде военного оборудования). Несмотря на незначительный рост бюджета в 2018-2019 гг. и более высокие обещанные пожертвования со стороны доноров, общее количество денежных средств было значительно ниже бюджета 2015 г. и к 2020 г. стало в 3 раза меньше, достигнув отметку в \$130 млн. В таблице 1 продемонстрирована общая динамика бюджета Сахельской группы пяти.

Данная ситуация объясняется несколькими факторами:

- отсутствие смысла международным акторам финансировать Сахельскую группу пяти ввиду наличия программы МИНУСМА, которая при должном подходе имеет все шансы заменить и/или увеличить безопасность стран;
- понимание ЕС и США, что наличие постоянных угроз в регионе дает повод держать военные базы на территории «зависимых» государств;
- снижение интереса других игроков «вкладываться» во французскую оборонную промышленность («Сахельская пятерка» покупает оружие преимущественно у Парижа).

Бюджет «Сахельской пятерки», млн долл. [3. С. 198]

Год	Взносы стран участниц	Международные взносы	Всего
2015	50	373	423
2016	50	230	280
2017	50	128	178
2018	50	140	190
2019	50	214	264
2020	50	80	130

Оценка эффективности. Ранее было упомянуто, что одна из главных сложностей для военных состоялось в определении противника. Дело в том, что операция, официально направленная против вооруженных террористических группировок (GAT, фр. *Groupes armés terroristes*), в условиях действий на территории Мали в некоторой степени расплывчатое понятие – особенно на фоне множества вооруженных группировок в стране, как подписавших летом 2015 г. Алжирское соглашение о мире и примирении в Мали (GAS, фр. *Groupes Armés Signataires*), так и не подписавших. Кроме того, часть вооруженных группировок исламистского типа не обязательно входят в когорту террористических, однако при этом могут оппозиционно настроены по отношению к официальной власти. Данная ситуация провоцирует множество вопросов: как действовать с различными вооруженными группами, организованными по этно-национальному признаку и с разными целями? Как реагировать на «социально приемлемые» в странах Сахельского региона практики, направленные на выживание широких слоев населения? (Данные практики заключаются в незаконной торговле продуктами питания, медикаментами и т.д.). Усугубляет ситуацию и то, что очень тонкая грань отделяет данные практики от контрабанды наркотиками, оружием и торговлей людьми, а также то, что очень часто данными вещами могут заниматься одни и те же группы [10. С. 19].

Другой системной проблемой военных сил «Бархана» и общей стратегии Франции являлось то, что они, ведя контртеррористические операции, неизбежно принимали участие в межобщинных разногласиях и в итоге теряли непредвзятость по отношению к ситуации. Например, для ликвидации джихадистов в регионе французские войска могли привлекать вооруженные отряды, официально поддерживающие правительство Мали, но подозревающиеся в злоупотреблениях при взаимодействии с местным гражданским

населением [24]. Однако данная ситуация фактически подрывает планы разоружения в Мали, как бы поощряя создание таких отрядов, поскольку текущая малийская армия будет в состоянии лишь точечно воздействовать на противника, что вынуждает присутствие в регионе иностранных войск [10. С. 20].

Еще одним фактором, осложняющим ситуацию, является то, что значение, придаваемое властями Франции [19; 27] убийству лидеров группировок и различным зачисткам территорий, является в некоторой степени неверным. Согласно большинству исследований, данные меры не только не пресекают терроризм, но и могут служить некоторой карьерной лестницей в террористических кругах [10. С. 20]. Более того, в отсутствии главаря преступность становится неорганизованной, разбивается на более мелкие группировки и может наносить даже больший суммарный ущерб, чем было до этого.

Наконец, изучив историю терроризма станет понятно, что еще не было ни одного примера, когда терроризм был побежден исключительно военной силой. Активность Франции же была направлена на военные действия. Вместо анализа причин, таких как коррупция, экономические и социальные проблемы (для политиков) и отсутствие четкого понимания в определении противников (для военных), рассматривалось следствие. Согласно Р. Маршаллу, Франции стоит также работать над политическим измерением проблем безопасности в Сахельском регионе [15]. Необходимо было провести децентрализацию, провести реформу управления, и стимулировать государства региона в решении наиболее социально значимых проблем. Кроме того, следовало (и продолжает следовать) подходить с большей гибкостью к решению вопросов, учитывая национальную специфику. (Ранее был приведен пример, связанный с особенностью контрабанды товаров, которые обеспечивают «выживаемость» широкой массы населения).

Стоит отметить и тот факт, что не оправдало себя, как сотрудничество стран в рамках партнерства Совместных сил пяти государств, так широко-масштабная поддержка стран-доноров и международных институтов. Это обусловлено множеством проблем, начиная от внутренних проблем «Сахельской пятерки» и заканчивая дублированием некоторых функций со стороны разных организаций и институтов. Например, роль МИНУСМА могла в некоторых случаях дублироваться внутренними структурами Сахельской группы пяти. Однако данный анализ выходит за рамки данной работы.

Заключение. Несмотря на, казалось бы, значительный вклад мирового сообщества и, прежде всего, Франции, пока не удастся говорить даже хотя бы о стабилизации конфликта в ближайшей перспективе. На это влияет множество причин. Во-первых, необходимо трансформировать текущие институты в странах Сахельского региона, сделав их более инклюзивными. Победа над коррупцией, nepotизмом, незаинтересованностью или неспособностью властей решать текущие проблемы населения позволит сделать резкий рывок в борьбе с терроризмом. Во-вторых, необходим высокий уровень сотрудниче-

ство, как между G5 Sahel и соседними странами, так и со стороны наиболее развитых стран. Причем стоит не только повысить бюджет и общий уровень интеграции и кооперации между государствами, но и важно сделать более прозрачными существующие структуры для минимизации дублирования функций и повышения общей эффективности. В-третьих, странам «Сахельской пятерки» нужно повышать самостоятельность при решении текущих проблем. До последнего времени антитеррористические операции в Сахеле проводятся по бумагам, разработанным в Нью-Йорке, Брюсселе и Париже, а не по инструкциям, составленным в штабах сахельских армий. Как отметил генерал Б. Клеман-Болле: «Не следует ставить под сомнение наличие у них (сахельцев) воли и компетенции, необходимых для руководства делами в этой зоне. Находящийся сейчас у власти политический класс, известный своей коррумпированностью и отсутствием необходимых способностей, эту картинку скрывает. Но нет никаких сомнений, что только сахельцы в силах решить существующие проблемы». Хотя безусловно такой поворот повлечет за собой глубокие перемены в сфере международного сотрудничества в сфере международной безопасности, став неизбежным для стран Африки [9].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Думбия Амара*. Миротворческие стратегии ЕС в Мали: проблемы и перспективы // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 12 (81).
2. *Камара Сиди*. Государственное устройство и политическая стабильность в Африке // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2018. № 3.
3. *Махмутова М.И.* «Сахельская пятерка»: институты, финансирование, международное сотрудничество // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 2 (65). DOI 10.52311/2079-3359_2021_2_187.
4. *Медведев Н.П., Камара С.* Проблемы этносепаратизма в Африке: национально-освободительное движение Азавада (МНЛА) // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2018. № 1 (23).
5. *Медведев Н.П., Глебов В.А.* К вопросу о способах урегулирования политических конфликтов // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8. № 5 (44).
6. *Медведев Н.П., Майстат М.А., Краснов Л.Н., Гелеранский П.С., Ивайна М., Макухин А.В., Высоцкий А.В., Камара С.Б., Медведев В.Н., Кетцяна Г.В., Перкова Д.В., Чан Х.Т.* Этнополитическая регионалистика: автономия и сепаратизм. Коллективная монография / Москва, 2018. Сер. Труды научной школы профессора Н.П. Медведева. Выпуск 11.
7. Объединенные силы Сахельской группы пяти и Альянс в интересах Сахеля // [Diplomatie.gouv.fr](https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/politique-etrangere/bezopasnost-razoruzhenie-i-neraspostranenie/crises-et-conflits/l-action-de-la-france-au-sahel/article/la-force-conjointe-g5-sahel-et-l-alliance-pour-le-sahel) // <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/politique-etrangere/bezopasnost-razoruzhenie-i-neraspostranenie/crises-et-conflits/l-action-de-la-france-au-sahel/article/la-force-conjointe-g5-sahel-et-l-alliance-pour-le-sahel>.

8. *Пряхин В.Ф., Медведев Н.П., Слизовский Д.Е.* Рецензия на учебное пособие «Современные угрозы государству и обществу: радикализм, терроризм, информационные войны, «цветные революции» / Г.И. Авцинова [и др.]; под общ. ред. О.Е. Гришина и В.Н. Давыдова. М.: РУДН, 2018. 312 с. // Вопросы политологии. 2018. Т. 8. № 12 (40).

9. Сахель: джихадисты вновь наступают. Что делать? // ИМЭМО РАН // <https://www.imemo.ru/news/events/text/sahely-dzhihadisti-vnovy-nastupayut-cto-delaty>.

10. *Сидоров А.С.* Внешние операции Франции в Сахеле: пределы адаптации // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2019. № 53 (69).

11. *Сидоров А.С.* Франция в Сахеле: текущие проблемы и возможное развитие военного конфликта // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 4.

12. *Слизовский Д.Е., Медведев Н.П.* Грани политического сепаратизма. Размышления над прочитанным // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2019. Т. 8. № 3 (29).

13. *Слизовский Д.Е., Медведев Н.П.* Рецензия на статью С.А. Ланцова «Этнический терроризм и этнополитические конфликты XIX-XX вв.: анализ социально-политических факторов» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 1 (58).

14. Arrêté du 5 juin 2013 portant ouverture de l'agrafe «Sahel» sur la médaille d'outre-mer // <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGITEXT000027564659/2021-05-23>.

15. *Brunet R.* Opération Barkhane: «Les problèmes sur place ne sont pas réglés» // France 24 // <https://www.france24.com/fr/20171221-niger-emmanuel-macron-operation-barkhane-g5-sahel-mali-burkina-faso-tchad-mauritanie>.

16. *Camara A.* The G5 Sahel: Security Implementation and Challenges // Open Journal of Political Science. 2020. July, 10.

17. *Cold-Ravnkilde S.M.* International support of the G5 Sahel Joint Force: A Fragile Military Response // Danish Institute for International Studies. 2018. November.

18. Commission de la défense nationale et des forces armées. Compte rendu n° 26. Mercredi 6 février 2019 // [https://www2.assemblee-nationale.fr/15/commissions-permanentes/commission-de-la-defense/\(block\)/ComptesRendusCommission](https://www2.assemblee-nationale.fr/15/commissions-permanentes/commission-de-la-defense/(block)/ComptesRendusCommission).

19. Discours de Florence Parly, le 31 décembre 2017 // https://www.defense.gouv.fr/salle-de-presse/discours/discours-de-florence-parly/message-de-voeux-aux-armees_31-decembre-2017.

20. *Evry A. de.* L'opération Serval à l'épreuve du doute: vrais succès et fausses leçons // Focus stratégique. 2015. No 59 // https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/fs59devry_0.pdf.

21. France sets up anti-Islamist force in Africa's Sahel // BBC // <https://www.bbc.com/news/world-europe-28298230>.

22. Macron announces France's Sahel military force will end in early 2022 // France 24 // <https://www.france24.com/en/france/20210713-macron-announces-france-s-sahel-military-force-will-end-in-early-2022>.

23. Macron announces the end of France's anti-Islamist Operation Barkhane in the Sahel // France 24 // <https://www.france24.com/en/africa/20210610-live-macron-to-announce-a-restructuring-of-french-forces-in-mali>.

24. Macron et l'Afrique (4/5): au Sahel, une politique trop sécuritaire? // Rfi. fr // <https://www.rfi.fr/fr/afrique/20180510-macron-afrique-sahel-barkhane-mali-cma-gatia-MSA>.

25. Medvedev N.P., Slizovsky D.E. Review of the Article by Pyzh V.V. and Frolov A.E. "Political Security of the State and Political Stability of Society as an Object of Political Analysis" // Political Science Issues. 2018. T. 8. № 1 (29).

26. Opération Barkhane // Diplomatie.gouv.fr // <https://www.defense.gouv.fr/operations/afrique/bande-sahelo-saharienne/operation-barkhane/dossier-de-reference/operation-barkhane>.

27. Sahel: satisfaction de paris suite à la neutralisation du numéro deux du GISM // Defense.gouv.fr // <https://afrique.le360.ma/algerie-mali/societe/2019/02/24/25219-sahel-satisfaction-de-paris-suite-la-neutralisation-du-numero-deux-du-gism-25219>.

28. Tuareg accuse France of promoting Libya's latest post-NATO war // State Crime // <http://statecrime.org/tuareg-accuse-france-promoting-libyas-latest-post-nato-war/>.

A.A. DUBININ

*Student, HSE University,
Moscow, Russia*

ORCID: 0000-0002-5121-8961

TERRORISM IN THE SAHEL REGION: FRENCH EXPERIENCE AND NEW CHALLENGES

This article examines the current situation in the Sahara-Sahel region with a focus on countering terrorism over the past 7-10 years. The author analyzes the experience of France and its actions in support of the G5 Sahel, aimed primarily at improving the national security of countries, strengthening cooperation, and combating terrorism. In addition, the activities of the current institutions of G5 Sahel, international initiatives and programs in the region are being reviewed. At the end of the work, a summary and assessment of the effectiveness of the measures taken are summed up, as well as suggestions are made for further steps to overcome new challenges.

Key words: *terrorism, G5 Sahel, Sahara-Sahel region, France.*

НАШИ АВТОРЫ

Абахра Мушир Ибрагим Хасан – аспирант Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (qais_barakat@inbox.ru).

Алехина Алевтина Павловна – бакалавр кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (alekhina.alevtina@vvsu.ru).

Аржанов Игорь Александрович – аспирант кафедры международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (yatsu@flaut.ru).

Баракат Кайс Абдулла Махмуд – аспирант Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Россия, г. Санкт-Петербург (qais_barakat@inbox.ru).

Баранова Юлия Владимировна – студент Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (leonova.aal@students.dvfu.ru).

Басов Олег Николаевич – аспирант Финансового университета при Правительстве РФ, Россия, г. Москва (basovon@yandex.ru).

Бобров Александр Кириллович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры дипломатии МГИМО МИД России, Россия, г. Москва (a.bobrov@inno.mgimo.ru).

Бозоян Тамара Робертовна – аспирант кафедры международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (bozoyantamara@gmail.com).

Васецова Елена Сергеевна – доцент кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (vasetsova-es@yandex.ru).

Вафин Артур Мансурович – кандидат политических наук, доцент кафедры политических и правовых учений Московской высшей школы социальных и экономических наук, Россия, г. Москва (arthur.vafin@mail.ru).

Власенко Ксения Александровна – аспирант кафедры международных отношений Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (ksenia-alexandrovna@mail.ru).

Внук Владимир Константинович – кандидат политических наук, доцент кафедры Фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин Университета «Синергия», Россия, г. Москва (wnuk@mail.ru).

Гао Дай – аспирант Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (89258774102@mail.ru).

Гончарова Инна Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальных технологий Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (voprosplitolog@yandex.ru).

Гришин Всеволод Олегович – студент факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета, Россия, г. Москва (vo.grishin@mgou.ru).

Добромыслов Александр Сергеевич – аспирант факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (alexdobr08@mail.ru).

Дубинин Александр Алексеевич – студент НИУ ВШЭ, Россия, г. Москва (a.dubinin.17@gmail.com).

Зимин Вячеслав Александрович – доктор политических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева (Самарский университет), Россия, г. Самара (voprosplitolog@yandex.ru).

Золотарев Никита Александрович – аспирант кафедры политологии и политического управления Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (zolotarev@malakut.ru).

Зряева Екатерина Сергеевна – студент по направлению подготовки Политология Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (ДВФУ), Россия, г. Владивосток (zriaeva.es@students.dvfu.ru).

Йозеф Храбина – кандидат политических наук, МГИМО МИД РФ, Россия, г. Москва (Hrabina.consulting@gmail.com).

Кичаев Павел Александрович – сотрудник Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации, Россия, г. Орёл (malik57-elena@mail.ru).

Кражан Анастасия Сергеевна – студент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (krazhan.as@students.dvfu.ru).

Леонова Анастасия Алексеевна – студент Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (leonova.aal@students.dvfu.ru).

Макаров Алексей Владимирович – аспирант кафедры государственного управления и национальной безопасности Факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Россия, г. Москва (am555@yandex.ru).

Малахов Антон Александрович – кандидат политических наук, начальник юридического отдела Федерального исследовательского центра картофеля имени А.Г. Лорха, Россия, г. Москва (ya9551@gmail.com).

Малик Елена Николаевна – кандидат политических наук, доцент Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации, Россия, г. Орёл (malik57-elena@mail.ru).

Михайленко Александр Николаевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (anmikh@mail.ru).

Осташова Яна Вячеславовна – аспирант, руководитель педагогических программ Школы бизнеса и международных компетенций Московского государственного института международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО МИД России), Россия, г. Москва (ostashova.y.v@my.mgimo.ru).

Попов Сергей Иванович – кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (RUDN University), Россия, г. Москва (popov-si@rudn.ru).

Санжиева Аяна Дугаровна – аспирант ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Сеифи Мустафа Салеем Мустафа – магистрант Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (qais_barakat@inbox.ru).

Стаценко Оксана Станиславовна – кандидат политических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Севастопольского государственного университета, Россия, г. Севастополь (stacenkooksana@mail.ru).

Степанькова Дарья Сергеевна – студент по направлению подготовки Политология Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (ДВФУ), Россия, г. Владивосток (stepankova.ds@students.dvfu.ru).

Сурма Иван Викторович – кандидат экономических наук, заведующий кафедрой государственного управления во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии МИД РФ, член-корреспондент РАЕН, Россия, г. Москва (isurma@yandex.ru).

Тарасочкина Диана Дехвановна – студент по направлению подготовки Политология Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (ДВФУ), Россия, г. Владивосток (tarasochkina.dd@students.dvfu.ru).

Телегин Дмитрий Сергеевич – аспирант факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (dmitry.dt13@gmail.com).

Титов Валерий Борисович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры государственного управления и национальной безопасности Факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Россия, г. Москва (titotin@yandex.ru).

Тушков Александр Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (aa_tushkov@mail.ru).

У Яньбинь – аспирант кафедры международной безопасности факультета мировой политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (yanbinwu@yandex.ru).

Фам Тхи Минь Хуен – студент Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (leonova.aal@students.dvfu.ru).

Фатхуллина Диляра Вялитовна – аспирант кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (vasetsova-es@yandex.ru).

Федотова Вера Александровна – магистр психологии, старший преподаватель департамента менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия, г. Пермь (vera_goldyreva@mail.ru).

Финкельзон Софья Сергеевна – аспирант кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (sofyafinkelzon@mail.ru).

Хазели Реза – соискатель кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (Rhazeli7@gmail.com).

Храмова Александра Владимировна – соискатель кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (akhramova-20-05@edu.ranepa.ru).

Чемшит Александр Александрович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и международных отношений Севастопольского государственного университета, Россия, г. Севастополь (stacenkooksana@mail.ru).

Чемшит Денис Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Севастопольского государственного университета, Россия, г. Севастополь (stacenkooksana@mail.ru).

Чижевский Ян Андреевич – научный сотрудник общероссийской общественной организации «Российская ассоциация политической науки», Россия, г. Москва (yanchizhevsky@gmail.com).

Чимирис Екатерина Сергеевна – кандидат политических наук, руководитель Центра социально-политических исследований Института развития интеграционных процессов Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития РФ; доцент Департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ, Россия, г. Москва (Chimiris@gmail.com).

Шангараев Руслан Насимович – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного управления во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии МИД России, Россия, г. Москва (Ruslan.shanagaraev@dipacademy.ru).

OUR AUTHORS

ABAHRA MUSHIR IBRAHIM HASSAN – Postgraduate student of the Russian University Friendship of Peoples, Moscow, Russia.

ALEKHINA A.P. – Bachelor of the Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

ARZHANOV I.A. – PhD student, International relations and integration processes department, faculty of political science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

BARAKAT QAIS ABDULLAH MAHMOUD – Postgraduate student of the Russian State Pedagogical University A.I. Herzen, St. Petersburg, Russia.

BARANOVA Y.V. – Student Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

BASOV O.N. – Postgraduate student of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

BOBROV A.K. – MGIMO – University, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia.

BOZOYAN T.R. – PhD Student of the Department of International Relations and Integration Processes, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

CHEMSHIT A.A. – Doctor of Political Science, Professor, Professor of the Department of «Political Science and International Relations», Sevastopol State University, Sevastopol, Russia.

CHEMSHIT D.A. – Candidate of Political Sciences, Docent of Faculty "Theory and History of State and Law", Law institute, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia.

CHIMIRIS E.S. – PhD in political sciences, Head of the Center for Social and Political Studies, Institute for Integration Development Research Russian Foreign Trade Academy Ministry of Economic Development of the Russian Federation; associate professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

CHIZHEVSKIY Y.A. – Researcher at the All-Russian public organization "Russian Association political science", Moscow, Russia.

DOBROMYSLOV A.S. – PHD student of the Faculty of political sciences, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

DUBININ A.A. – Student, HSE University, Moscow, Russia.

FATKHULLINA D.V. – Postgraduate student, Institute of Asian and African Studies Lomonosov Moscow State University, Department of Political Science of the East, Moscow, Russia.

FEDOTOVA V.A. – Master of Psychology Senior Lecturer, Department of Management, National Research University Higher School of Economics, Perm, Russia.

FINKELZON S.S. – Postgraduate student of the Department of Political Science of the East, Institute of Asian and African Countries, Moscow State University, Moscow, Russia.

GAO DAI – Postgraduate student at the Institute of Asian and African Countries of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

GONCHAROVA I.V. – Candidate of pedagogical sciences, associate professor, department of social technologies Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

GRISHIN V.O. – Student of the Faculty of History, Political Science and Law, Moscow region state university, Moscow, Russia.

HAZELI REZA – Department of Political Science of the East of the Institute of Asia and Africa, Moscow State University Lomonosov, Moscow, Russia.

JOZEF HRABINA – PhD candidate, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia.

KHRAMOVA A.V. – Postgraduate student of International security and Russian foreign policy chair at the Department of national security, Institute of law and national security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

KICHAEV P.A. – Employee, the Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation, Orel, Russia.

KRAZHAN A.S. – Student at the Chair of politology, Far East Federal University, Vladivostok, Russia.

LEONOVA A.A. – Student Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

MAKAROV A.V. – Postgraduate student of the Department of Public Administration and National Security, Faculty of National Security, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia.

MALAKHOV A.A. – Federal State Budgetary Scientific Institution "Federal Potato Research Center named after A.G. Lorch", Moscow, Russia.

MALIK E.N. – Candidate of political sciences, associate professor, the Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation, Orel, Russia.

MIKHAYLENKO A.N. – Doctor of Political Sciences, Professor, Chairman, International security and Russian foreign policy chair at the Department of national security, Institute of law and national security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

OSTASHOVA Ya.V. – Postgraduate student, head of pedagogical programs School of Business and International Proficiency, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, (MGIMO University), Moscow, Russia.

PHAM THI MINH HUEN – Student Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

POPOV S.I. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Chair of political analysis and management, RUDN University of Russia, Moscow, Russia.

SANZHIEVA A.D. – Postgraduate student of ISAA Moscow State University M.V. Lomonosov, Moscow, Russia.

SEIFI MUSTAFA SALEEM MUSTAFA – Graduate student of the Russian University Friendship of Peoples, Moscow, Russia.

SHANGARAEV R.N. – Ph.D. (Economic Sciences), Associate Professor of the Department of Public Administration in Foreign Policy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia.

STATSENKO O.S. – Candidate of Political Sciences, Docent, Sevastopol State University, Law institute, Head of Faculty "Theory and History of State and Law", Sevastopol, Russia.

STEPANKOVA D.S. – Student in Political Science Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (FEFU), Vladivostok, Russia.

SURMA I.V. – Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of Public Administration in Foreign Policy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Ph.D. Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Moscow, Russia.

TARASOCHKINA D.D. – Student in Political Science Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (FEFU), Vladivostok, Russia.

TELEGIN D.S. – Postgraduate student of the Department of Globalistics at the Faculty of Global Studies of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

TITOV V.B. – Doctor of pedagogical sciences, professor, professor of the Department of Public Administration and National Security, Faculty of National Security, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia.

TUSHKOV A.A. – Professor, Department of International Relations and Law, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

VAFIN A.M. – Master of Arts in Counselling, PhD in Political Science, associate professor of the Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia.

VASETSOVA E.S. – PhD in Political sciences, an assistant professor of Institute of Asian and African Studies Lomonosov Moscow State University, Department of Political Science of the East, Moscow, Russia.

VLASENKO K.A. – Post-graduate student at the Chair of international relations, North-West Institute of management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

VNUK V.K. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Fundamental Legal and Social-Humanitarian Disciplines of Synergy University, Moscow, Russia.

WU YANBIN – Postgraduate student, Faculty of World Politics, International Security Department Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

ZIMIN V.A. – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of State and Municipal Administration Samara University, Samara, Russia.

ZOLOTAREV N.A. – Postgraduate student of the Department of Political Science and Political Management Institute of Social Sciences of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia.

ZRYAEVA E.S. – Student in Political Science Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (FEFU), Vladivostok, Russia.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Тема статьи должна соответствовать профилю журнала. Представленный авторский текст может быть подготовлен как единолично, так и в соавторстве. Материал должен быть актуальным и иметь научную и практическую значимость.

2. Объем статьи для аспирантов и соискателей – до 13 страниц машинописного текста, для кандидатов и докторов наук – до 15 страниц машинописного текста. Шрифт текста – Times New Roman, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5, все источники следует снабжать библиографическими ссылками.

3. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», – на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников – [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).

4. К материалу прилагается авторский перевод заглавия статьи, аннотация на русском и английском языках, список ключевых слов на русском и английском языках, пристатейный библиографический список (в алфавитном порядке). А также фамилия, имя и отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы – все на русском и английском языках. Обязательно указываются контактный телефон и адрес электронной почты.

5. Требования к аннотации. Аннотация должна раскрывать проблематику научной статьи, ее цель, а также полученные результаты. Рекомендуемая структура аннотации: введение, цели и задачи, методы, результаты, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в аннотации. Исторические справки, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. Рекомендуемый объем аннотации – 200-250 слов.

6. Пристатейный список литературы должен быть нумерованным – каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. В списке литературы приводятся только материалы, на которые ссылается автор. Все источники в списке литературы следует оформить в соответствии ГОСТ Р 7.0.5-2008.

7. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном виде (по электронной почте).

8. Все статьи подлежат обязательному двойному «слепому» рецензированию. Рецензии на статьи по наиболее актуальным и дискуссионным

проблемам по решению редакции могут публиковаться в этом же номере журнала.

9. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Наши сайты: **www.voprospolitolog.ru**

E-mail: **voprospolitolog@yandex.ru**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

ПЛАТОНОВ Владимир Михайлович – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, Председатель Московской городской думы (1994-2014 гг.) (Россия, г. Москва)

ЧЛЕНЫ СОВЕТА:

АВАЗОВ Камиль Халлиевич – доктор философии (PhD) по политическим наукам, преподаватель регионального центра переподготовки и повышения квалификации работников народного образования Сурхандарьинской области (Узбекистан, г. Ташкент)

АСТВАЦАТУРОВА Майя Арташесовна – д.п.н., профессор, директор Центра этнополитических исследований, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права Пятигорского государственного университета, координатор Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов в СКФО (Россия, г. Пятигорск)

БЛОХИН Владимир Владимирович – д.и.н., профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (Россия, г. Москва)

БОЖАНОВ Владимир Александрович – д.и.н., профессор, зав. кафедрой мировой и отечественной культуры Белорусского Национального Технического университета (Белоруссия, г. Минск)

ВАНКОВСКА Биляна – профессор политологии и международных отношений факультета философии Университета Святых Кирилла и Мефодия (Македония, г. Скопье)

ВЕДРИН Оливье – профессор, главный редактор русской версии французского журнала «Национальная оборона» (Revue Défense Nationale), спикер европейской комиссии, редактор франко-германского журнала по вопросам внешней политики «European Union Foreign Affairs Journal» и ректор «Континентального университета в Киеве» (Франция, г. Париж)

ВЕЛИКАЯ Наталия Михайловна – д.п.н., заместитель директора Института социально-политических исследований РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН), декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

ГОНЧАРОВ Пётр Константинович – д.с.н., профессор Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ) (Россия, г. Москва)

ГРАЧЁВ Михаил Николаевич – д.п.н., профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

ДОНАЙ Лукаш – д.п.н., профессор факультета политологии и журналистики департамента международных отношений Университета им. Адама Мицкевича в Познани (Польша, г. Познань)

ДЭМБЭРЭЛ К. – доктор (PhD), старший научный сотрудник Института международных отношений АН Монголии (Монголия, г. Улан-Батор)

ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич – д.п.н., заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД РФ (Россия, г. Москва)

КАРАДЖЕ Татьяна Васильевна – д.ф.н., заведующая кафедрой политологии Московского педагогического государственного университета (Россия, г. Москва)

КАССАЕ НЫГУСИЕ В. МИКАЭЛЬ – д.и.н., профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (Россия, г. Москва)

КОВАЛЕНКО Валерий Иванович – д.ф.н., зав. кафедрой российской политики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – д.с.н., зав. кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

КРИВОКАПИЧ Борис – д.ю.н., профессор факультета бизнеса и права Унион – Никола Тесла университета (Сербия, г. Белград)

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович – д.п.н., главный редактор журнала (Россия, г. Москва)

МИХАЙЛОВ Вячеслав Александрович – д.и.н., зав. кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного Хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

НАЗАРОВ Александр Данилович – д.и.н., профессор, зам. руководителя кафедры по научной работе Московского авиационного института (Россия, г. Москва)

НАЗАРОВА Елена Александровна – д.с.н., профессор МГИМО МИД России (Россия, г. Москва)

НАСИМОВА Гульнара Орленбаевна – д.п.н., профессор, зав. кафедрой политологии факультета философии и политологии Казахского Национального университета им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)

НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич – д.п.н., профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)

ОРЛОВ Игорь Борисович – д.и.н., профессор, заведующий Научно-учебной лабораторией исследований в области бизнес-коммуникаций, заместитель руководителя Департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)

ПАХРУТДИНОВ Шукритдин Ильясович – д.п.н., профессор, заведующий кафедрой основы духовности Института переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов системы народного образования имени А. Авлони (Узбекистан, г. Ташкент)

ПЛЯЙС Яков Андреевич – д.и.н., д.п.н., профессор Финансового университета при Правительстве РФ (Россия, г. Москва)

ПРЯХИН Владимир Федорович – д.п.н., профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

ПУСЬКО Виталий Станиславович – д.ф.н., профессор кафедры гуманитарных дисциплин ВА РВСН им. Петра Великого (Россия, г. Москва)

РУБАН Лариса Семёновна – д.с.н., профессор, отдел исследования проблем международного сотрудничества Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (Россия, г. Москва)

СЛИЗОВСКИЙ Дмитрий Егорович – д.и.н., профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (Россия, г. Москва)

СЫЗДЫКОВА Жибек Сапарбековна – д.и.н., профессор, зав. кафедрой стран Центральной Азии и Кавказа ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)

ХОПЁРСКАЯ Лариса Львовна – д.п.н., профессор кафедры международных отношений Киргизско-Российского славянского университета, (Киргизия, г. Бишкек)

ШАРКОВ Феликс Изосимович – д.с.н., зав. кафедрой общественных связей и медиаполитики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

ЯН ФУЛИНЬ – проректор Хэйлунцзянского института иностранных языков (КНР, г. Харбин)

Academic journal
“Political Science Issues”
Volume 12. Issue 1 (77), 2022

Established by LLC “Publishing House “Science Today”

The journal is included in the database of the Russian
Science Citation Index.

Academic papers published in the journal undergo
obligatory editorial checking.

Executive Secretary *Shkurina S.S.*

Computer-aided makeup by *Antsiferova A.S.*

Translated by *Chernyshova E.V.*

The opinion expressed by the authors may not coincide
with the position of the editorial board.

No article may be reprinted without a reference to this journal.

Address of the editorial office:

10, Zagoryevskaya street, building 4, office 4, Moscow, Russia, 115598

Tel: (910) 463-53-42

www.voprospolitolog.ru

E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Signed for printing on 27.01.2022

Format 60x84/16. Offset paper.

Offset print. Number of printed sheets

Circulation 500 copies. Order ____.

Printed at the LLC “Bely Veter”

Str. Shchipok, 28, Moscow, Russia, 115054

Tel.: (495) 651-84-56

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА СЕГОДНЯ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

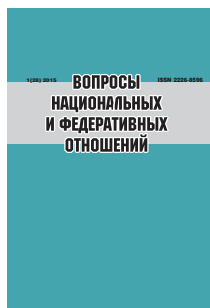

Научный журнал «РЕГИОНАЛЬНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»

На страницах журнала анализируются вопросы эффективности регионального и муниципального управления, политико-правового статуса органов власти субъектов Федерации и местного самоуправления, современные модели взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти, проблема наделения государственными полномочиями органов местного самоуправления, демократичность региональных и местных выборов и их влияние на повышение легитимности институтов регионального и муниципального управления. Исследуется зарубежный опыт регионального развития. Особенностью журнала является анализ различных аспектов регионального и муниципального управления на основе парадигм юридической, экономической и политической науки. В журнале делается попытка научного обобщения и распространения передового опыта работы различных субъектов Российской Федерации.

Журнал включен в базу РИНЦ.

Интернет-ресурс: www.regionupravlenie.ru

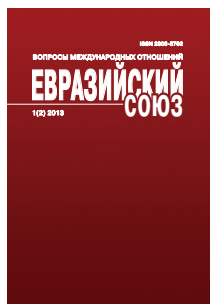
Научный журнал «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Журнал издается совместно с кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Данный журнал является периодическим научным печатным изданием, раскрывающим проблемы новой научной специальности 23.00.05 – политическая регионалистика, этнополитика.

Журнал включен в Перечень ВАК РФ

Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 1,006

Интернет-ресурс: www.etnopolitolog.ru

Научный журнал «ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

На страницах журнала анализируются проблемы перспектив евразийского интеграционного проекта, стабильности политических режимов на постсоветском пространстве, а также экономические и социальные вопросы взаимодействия в рамках Таможенного Союза.

Журнал включен в Перечень ВАК РФ

Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,802

Интернет-ресурс: www.evrazsouz.ru

Уважаемые коллеги, приглашаем Вас к сотрудничеству!

Журналы выходят ежеквартально. Включены в базу РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Оформить подписку на журналы можно в редакции.

По вопросам сотрудничества обращаться по адресу:

voprospolitolog@yandex.ru

ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на научный журнал

«Вопросы политологии».

Стоимость подписки можно узнать в каталоге Агентства «Роспечать»
в любом отделении связи.

Индекс издания – 70035.

		ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»									
		АБОНЕМЕНТ на журнал	70035								
Вопросы политологии											
Количество комплектов											
на 2022 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)											
Кому _____											
		ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА									
ПВ	место	литер	на журнал	70035							
Вопросы политологии											
Стоимость	Каталожная			Количество комплектов							
	услуги почты										
	полная										
на 2022 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)											
Кому _____											